

ЮСЬВА – лебединая река

СБОРНИК ТРУДОВ И МАТЕРИАЛОВ
ПО ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
ЖИТЕЛЕЙ ЮСЬВИНСКОГО РАЙОНА

Баяндина Е.Н., Белавин А.М.,
Васильева Е.А., Падерина Н.В.,
Подюков И.А., Хоробрых С.В.

ЮСЬВА – лебединая река

Сборник трудов и материалов
по традиционной культуре жителей Юсьвинского района

Усолье
2015

ББК 63.5 (235.55 – 4 Пер)

Ю 88

ЮСЬВА — лебединая река / Сборник трудов и материалов по традиционной обрядности Юсьвинского района. — Усолье, 2015. 450 с., илл.

ISBN 978-5-905653-09-4

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

Подюков И.А., доктор филологических наук, профессор ПГГПУ,

Белавин А.М., доктор исторических наук, профессор ПГГПУ,

Хоробрых С.В., директор Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых»,

Падерина Н.В., научный сотрудник Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых»,

Баяндина Е.Н., научный сотрудник Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых»,

Васильева Е.А., научный сотрудник Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых».

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Подюков И.А.

НАУЧНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ

Лобанова А.С.

Издание разработано коллективом ученых Перми — лингвистов, историков, этнографов, музейных работников Усоля и посвящено описанию особенностей языка, фольклора, народной духовной традиции на территории Юсьвинского района. Оно основано на полевых разысканиях авторов, произведенных в нач. XXI в., и отражает теснейшее культурно-языковое взаимодействие двух основных народов, проживающих в крае, — русского и коми-пермяцкого. Предназначено для специалистов по традиционным культурам, лингвистов, фольклористов, краеведов.

Подготовка издания осуществлена в рамках грантов РГНФ № 14-14-59005 «Коммуникативные коды в коми-пермяцкой культуре (речь, фольклор, обрядность, символосфера)», 029а-Ф «Этнические культуры Прикамья: генезис и современное состояние» Программы стратегического развития Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

ISBN 978-5-905653-09-4

СОДЕРЖАНИЕ

I. О ЮСЬВИНСКОЙ ЗЕМЛЕ.....	4
1. Из истории района	5
2. Особенности юсьвинской ономастики	21
II. СЕМЕЙНО-БЫТОВАЯ ОБРЯДНОСТЬ КРАЯ.....	43
1. Родильная обрядность и культура детства	43
2. Рекрутская обрядность, проводы в армию	59
3. Юсьвинская свадьба.....	65
4. Похоронно-поминальная традиция района	134
5. Духовные стихи.....	180
III. КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ЮСЬВЫ.....	189
1. Зимние праздники и обряды	194
2. Весенние праздники.....	221
3. Летние праздники.....	243
4. Осенние праздники.....	247
IV. МАГИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ	255
1. Народная медицина	255
2. Животноводческая магия.....	268
3. Строительная магия.....	273
4. Вредоносная магия	284
V. ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ ЮСЬВЫ	289
1. Прозаический фольклор.....	295
2. Заговоры	327
3. Песенный фольклор Юсьвы.....	341
4. Частушки	369
ПРИЛОЖЕНИЯ	421
Словарь местных слов и выражений	421
Список основных информантов	428

О ЮСЬВИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

(по данным истории, археологии и ономастики)

Юсьвинский район расположен в восточной части бассейна р. Иньва (правого притока Камы, протекающему также по Кудымкарскому району). Хорошо известен тем, что именно на его территории находятся памятники древних культур — харинской, ломоватовской, родановской. Эти места по праву называют одной из основных зон формирования коми-пермяцкой народности. Название юсьвинской деревни Роданово, как известно, даже легло в основание термина «родановская археологическая культура» (так называется культура Верхнекамья эпохи средневековья IX-XV веков)¹.

Площадь района составляет 3100 кв. км. Район граничит с Карагайским, Кудымкарским, Усольским, Добрянским, Ильинским районами Пермского края. Образовался район 25 февраля 1925 года на базе Архангельской, Юсьвинской, Купросской, Тиминской волостей Усольского уезда Пермской губернии. В 1926 году Юсьвинский район состоял из 11 сельсоветов, в которых насчитывалось 307 населенных пунктов, 4723 хозяйства и 25436 жителей. В октябре 1938 года район вошел в состав Пермской области. В ноябре 1959 года к нему были присоединены рабочие поселки Майкор и Пожва бывшего Чермозского района. Сегодня Юсьвинский район состоит из 2 поселковых (Майкорское, Пожвинское) и 3 сельских (Архангельское, Купросское, Юсьвинское) поселений, включающих в себя 151 населенный пункт. По данным переписи 2002 года, в Юсьвинском районе проживает 23,7 тысяч человек. Из них большая часть, 54,3% — коми-пермяки, 43,2% — русские. Коми-пермяки проживают в основном в центральной и западной части района, русские же преимущественно в восточной части района (в посёлках Майкор, Пожва, селе Кама и окрестностях) и районном центре.

¹ Название деревни может быть связано со славянским именем *Родан* — вероятно, название образовано от слова *Род*, используемого в прошлом как название главы нескольких породившихся крупных семей (суффикс *-ан* здесь тот же, что и в других редких славянских именах типа *Бажан*, *Ведан*). Большая интрига заключается в том, что слово известно и другим языкам и культурам: мужское имя *Родан* есть у славян (чехов и болгар), фамилия *Родан* известна румынам, немцам, евреям, голландцам. Слово *Родан* известно также как топоним — как римское название *р. Роны* во Франции (ученые обращают внимание на близость этого слова к гидронимам Европы и Кавказа типа *Эридан*, *Рудон*, *Ардон* и усматривают в нем компонент *дан/дон* 'река', предполагая в том числе и скифо-сарматское *дан* 'вода').

Как административная единица, образовался район в советское время — в феврале 1925 года, на базе Архангельской, Юсьвинской, Купросской, Тиминской волостей Усольского уезда Пермской губернии. Много позже (в ноябре 1959 года) к району были присоединены рабочие поселки Майкор и Пожва бывшего Чермозского района в связи с его упразднением (после образования Камского водохранилища).

С течением времени в Юсьве сложился удивительно пестрый, разнообразный культурно-языковой ландшафт. Несколько групп, заметно отличающихся по языку, представляет собой основное население — коми-пермяки. В основном здесь представлен южный говор коми-пермяцкого языка, разновидностями которого считаются нижнеиньвенский диалект (территория сел Аксеново, Купрос, Тимино), оньковский диалект (в восточной части района, с центром в селе Большие Они; специфический диалект, имеющий некоторые черты сходства с коми-язьвинским наречием, распространённым на северо-востоке Пермского края, в Красновишерском районе.). Юго-запад района (Антипино, Бажино, Харино, Мелюхино, Юсьва, Архангельское) считается зоной кудымкарско-иньвенского диалекта (как известно, именно этот диалект стал основой коми-пермяцкого литературного языка). По ряду языковых признаков на территории района учеными выделяются особые местные говоры — напр., крохалевский говор южного наречия коми-пермяцкого языка, мелюхинский говор, тиминский говор². Значительную часть населения составляют русские; немало в районе и украинцев, белорусов, немцев, крымских татар, высланных сюда в годы сталинских репрессий XX века.

² Р.М. Баталова. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука. С.224 — 229.

1. Из истории района

Археологические сведения о Юсьве

Юсьвинская земля богата историческим и культурным наследием. На ее территории находятся памятники археологии Харинской, Ломоватовской, Родановской культур. Ее по праву называют одним из мест формирования коми-пермяцкой народности.

Освоение человеком территорий, ныне входящих в Юсьвенский район Пермского края, началось в постледниковье, в период так называемого верхнего палеолита (верхний палеолит датируется от 40 до 10 тыс. лет до н.э.). В это время по планете расселяется человек современного вида³, что отразилось в прогрессе материальной и духовной культуры. Типы орудий становятся более разнообразными, появляются новые формы орудий. Для изготовления орудий начинает активно использоваться кость. Человек заселяет регионы, где его прежде не было, при этом делает огромное количество изобретений, необходимых для адаптации в суровом и меняющемся климате. В это время происходит становление и расцвет духовной культуры. Ярче всего она выразилась в пещерной живописи и в изготовлении предметов мелкой художественной пластики.

Как считают современные ученые, освоение новых территорий осуществлялось из разных центров обитания древнейших людей в разное время и имело разные масштабы. Огромную роль в этом сыграли географический и природный факторы, которые диктовали направления миграций стад крупных животных и двигавшихся вслед за ними групп людей. Изменения климата с резкими переходами от относительно теплых межледниковий к более холодным периодам то облегчало жизнь и передвижения людей, то, напротив, затрудняло им основание новых пространств.

Как бы то ни было, в период 30-25 тыс. лет назад на древние берега Камы приходят группы людей, переселявшихся из районов Русской равнины по Дону, Волге и Каме. Они имели особые традиции изготовления каменных орудий труда. Основным занятием появившихся в Прикамье людей была охота на крупных животных — мамонтов и диких лошадей.

К настоящему времени на территории района выявлено более 10 стоянок и местонахождений орудий труда этой эпохи. Раскопки проводились лишь на двух памятниках — Гарчи I и Гарчи V (Э.Ю. Макаров, П.Ю. Павлов). Основным сырьем для изготовления орудий был черный кремнистый сланец. Из него изготавливались скребки и скребла для обработки шкур и костей и типичные костенковско-стрелецкие наконечники треугольной формы. В фаунистических остатках преобладают кости мамонта. На стоянке Гарчи I

³ Человек современного физического вида *Homo sapiens* возник, по современным данным, в период от 130 до 50 тыс. лет назад где-то в Южной и Восточной Африке и отсюда разными путями заселил всю ойкумену. В Европу и на запад Азии человек современного вида проник не ранее 35-40 тыс. лет назад и около 10 тыс. лет сосуществовал здесь с поздними неандертальцами.

при раскопках выявлены скопления находок овальной формы длиной 12 м, шириной около 6 м, которые имели четкие границы, подчеркнутые крупными камнями. Внутри них выделялись наземные очаги или кострища. Расстояния между скоплениями порядка 100 м. По всей видимости, они представляют собой остатки наземных жилых сооружений.

Население, освоившее Каму в эпоху палеолита, частично покидает Прикамье в конце этой эпохи. Этот процесс был связан с изменениями климата, которые стали активно происходить в финальную пору палеолита: закончилось оледенение, климат стал более теплым, появились густые леса, в северные районы мигрируют стада животных — главный объект охоты палеолитических людей.

К переходному от палеолита к среднему каменному веку (мезолит) времени относится группа стоянок в районе д. Усть-Пожва. К еще более позднему периоду относятся стоянки у д. Секова и стоянка неподалеку от бывшей д. Горбуново в 9 км от Майкора.

В хронологическом отношении памятники мезолита обычно датируются XII-VI тыс. до н.э. В этот период происходит становление современного климата, флоры и фауны. Исчезает мамонтовая фауна ледникового периода, в хвойных и смешанных лесах Прикамья начинают в большом количестве водиться зайцы, кабаны, олени, лоси, медведи и другие животные биологической современности.

Огромную роль начинают играть личные качества каждого человека. Успех коллектива теперь зависит не от согласованных общих действий, а от индивидуальной сноровки каждого его члена. Коллективная охота уступает место индивидуальной или охоте небольшими группами с использованием прирученных собак. Возникает новый способ охоты — охота по охотничьей тропе «путику». Такой тип охоты по сию пору используется охотниками коми и манси. Важным подспорьем было собирательство. В пищу шли грибы, ягоды, лесные орехи. Большую часть года население вело бродячий образ жизни, объединяясь лишь на короткие промежутки времени в базовых лагерях (стоянках), примером которых может стать стоянка Огурдино у пос. Орел Усольского района. Территория Юсьвинского района в это время представляла собой охотничьи угодья, здесь известны только кратковременные охотничьи стоянки-лагеря.

В эпоху мезолита жители Прикамья, как и иных областей Евразии, активно используют такие важные изобретения, сделанные еще в период позднего палеолита, как лук, стрелы, составные орудия, большое внимание уделялось изготовлению различных ловушек и силков.

Последующие исторические периоды — неолит, эпоха бронзы и раннего железного века — не оставили археологических следов на территории района. Отсутствие археологических памятников этих эпох не означает, однако, что на данной территории люди не проживали, возможно, что какие-либо поселения были затоплена водами Камского водохранилища. Часть территории района и по сию пору не обследована археологами, и никто не может сказать, какие тайны скрывают эти необследованные земли.

В эпоху средневековья (VI-XIV вв.) территория Юсьвенского района оказывается плотно заселенной. К этому времени относится более 40 укрепленных поселений-городищ, неукрепленных средневековых деревень-селищ, а также языческих кладбищ-могильников.

Начало периода средневековья в Предуралье связано с появлением здесь мигрантов из-за Урала, вытолкнутых в последней трети IV века нашествием гуннов. В IV-V веках в Пермское (Среднее) Предуралье переселяются смешанные сармато-угорские и угорские коллективы, используя для своих передвижений лесостепные участки. Поселившись в Пермском Предуралье, степные пришельцы за полтора-два столетия совершили переход от полукочевого образа жизни к оседлому, освоили полезные ископаемые, перешли к земледелию, смешанному с придомным скотоводством. В Прикамье переселенцы угры быстро и естественно стали культурной доминантой. В археологии Пермского Предуралья это время именуется харинским этапом, хотя это название и не отражает всю сложность и смешанность переселяющихся в Предуралье этнических полукочевых групп. Оно было введено в связи с раскопками крупного могильника данного времени у д.Харино Гайнского района Коми-Пермяцкого округа. Конец этого этапа периода средневековья в Пермском Предуралье обычно связывают с формированием ломоватовской и неволинской археологических культур, возникших в результате взаимоассимиляции потомков мигрантов и коренных обитателей Прикамья в VI-VII вв.

На территории Юсьвинского района известны памятники харинского времени. Это Важгортский II могильник (Чинагорт) и Важгортское II селище, расположенные на левом берегу р. Велва в окрестностях д. Чинагорт. В 2004 и 2005 годах могильник изучали археологи Удмуртского университета (В. Бернц). Раскопками удалось выявить остатки погребений, совершенных под невысокими курганными насыпями, что характерно для переселенцев-харинцев. До харинского времени и после него курганные могильники в Пермском крае не встречаются. Всего на Важгортском II могильнике V-VII вв. изучены остатки трех курганов. Собранные во время раскопок предметы также характерны для культуры харинцев — это кожаные пояса, украшенные бронзовыми накладками в так называемом «геральдическом» стиле (т.е. накладки, напоминающие по форме геральдические гербовые щитки), бронзовые ножны от кинжала, фрагменты глиняной посуды, украшенной шнуровым орнаментом (наносился на поверхность сырой глины при помощи перевитого шнура). Такая же керамика, с характерным выступом при переходе от горлышка к тулову, найдена на Важгортском II селище.

К VII-VIII векам количество населения и, как результат, количество известных нам археологических памятников в Юсьвинском районе значительно увеличивается. Это связано с широким расселением носителей ломоватовской археологической культуры VII-XI вв. Свое название культура получила по речке Ломоватовке, в бассейне которой еще в XIX веке было найдено множество типичных для неё вещей и памятников. Ломоватовские памятники зачастую образуют локальные родовые группы, которые включают 1-2 городища, 2-4 селища, 1-3 могильника. В этническом отношении носители ломоватовской культуры были смешанным финно-угорским населением. В их составе присутствуют как этнические финны, так и этнические угры, но в этнокультурном плане определяющими были угорские традиции. Именно угры и составляли большинство населения Пермского Предуралья в VI-XI вв., недаром весь облик ломоватовской культуры близок таким угорским культурам Предуралья, как кушнаренковская и караякуповская в Башкирии и неволинская в бассейне Сылвы.

В Юсьвинском районе в разные годы изучено несколько ломоватовских могильников: Важгортский I на р. Велва

(В.Ф.Генинг, И.В.Бочаров), Загарский на р.Иван-шор (Ф.А.Теплоухов), Доеговский (М.В.Талицкий), Степаново плотбище (Питер) неподалеку от пос. Пожва на берегу Камского водохранилища (А.В.Данич).

В целом могильники использовались по несколько столетий. Многие могильники, возникнув в VII-VIII вв., существовали вплоть до XI-XII вв. Как правило, такие могильники занимают обширную площадь и содержат по несколько сотен погребений. Захоронения располагались рядами, погребенный укладывался ногами к реке. Неглубокие могильные ямы имеют прямоугольную или овальную форму, в них иногда прослеживаются долбленные колоды, гробовища из досок, дощатые погребальные настилы, опирающиеся на специальные ступеньки-заплечики, вырезанные из грунта. В этом случае захоронения могут быть охарактеризованы как почти наземные, так как погребенный находился над могильной ямой и проваливался в нее только по мере сгнивания помоста. Такой обряд наиболее характерен для VII-XI вв.

В могилы, кроме вещей, находящихся на парадных одеждах погребенного, укладывали личные вещи, как правило, связанные с его социально-производственными функциями при жизни, а также сосуды с заупокойной пищей. В мужских погребениях зачастую находят предметы вооружения и боевого снаряжения: боевые топоры, наконечники стрел, копий и дротиков, реже сабли и палаши. Найдены детали сложных луков, накладки и крюки от колчанов, а также детали узды коня, стремяна, фрагменты седельных накладок. Весьма частыми находками, преимущественно в мужских погребениях, являются находки черепов и конечностей коня.

В ряде случаев прослеживаются погребальные лицевые покрытия из ткани с нашитыми на них наглазниками и наротниками из бронзы, серебра, реже золота. В нескольких случаях на лицевых отделах черепов найдены погребальные цельнометаллические маски из листового серебра, иногда имеющие портретный характер. Погребальные лицевые покрытия найдены на Загарском, Важгортском, Степаново плотбище могильниках. В целом подобные элементы в Волго-Камье и в Зауралье считаются характерными для угорской погребальной обрядности. Отметим, что, по данным венгерских археологов, захоронения с костями лошади, лицевыми покрытиями и оружием являлись привилегией высших слоев

ранневенгерского общества в Панонии в IX-X вв., остальные черты погребальной обрядности, упомянутые выше, в той или иной мере характерны, по мнению Ч.Балинта, для ранних венгров (конец IX-X вв.).

Могильники Юсьвенского района, к сожалению, изучены еще недостаточно, это печально на фоне тех процессов, которые ведут к их неминуемой гибели. Помимо распахки и разрушения водами водохранилища, в XXI веке им угрожают археологические грабители-браконьеры, разрушающие это достояние народа, расхищающие древности, которые содержатся в погребениях. Примером такой печальной участи является могильник Степаново плотбище (Питер), находящийся в окрестностях п. Пожва. Этот памятник, открытый М.В. Талицким в 1936 году, оказался сначала затопленным водохранилищем, а затем ограбленным местными жителями и московскими археологическими браконьерами. Усилиями отряда Камской археолого-этнографической экспедиции ПГПУ под руководством А.В. Данича в 1997-2001 годах были проведены раскопки в не полностью смытой водами части могильника, и организован сбор уцелевшего подъемного материала в размытой части, удалось изучить три десятка погребений. Достаточно внушительная коллекция находок с этого могильника хранится частично в Коми-Пермяцком краеведческом музее им. Субботина-Пермяка в г. Кудымкаре, частично в Пермском краевом музее в г. Перми. В составе коллекции великолепные образцы бронзовых шумящих коньковых и арочных подвесок, браслеты, накладки на поясные ремни разных типов, стеклянные, каменные, бронзовые и серебряные бусины, железные топоры, ножи, фрагменты сабель, удила. Еще более внушительная коллекция была собрана на разрушенной части могильника жителями Пожвы; к сожалению, она была продана иногородним коллекционерам и навеки потеряна и для науки, и для музеев Пермского края.

В окрестностях п. Пожва (возможно, на указанном могильнике или на Родановом городище) местными жителями обнаружено две подковообразные пластины с изображением пушных животных, окруженных рубчатым бордюром. Схожая пластина, датированная IX-X вв., найдена на поселении Угдым II в современной республике Коми. Эти пластины связаны с охотничье-промысловой деятельностью. Возмож-

но, они выполняли функцию промыслового календаря, основанного на годовых биологических ритмах промысловых животных, а может быть, являются сезонными календарями, связанными с охотой на соболя или куницу.

Ломоватовские неукрепленные селища располагаются по берегам рек в сухой высокой пойме или на краю коренных береговых террас. Селища чаще всего находились недалеко от городищ, но в глухих районах они образовали группы, не защищенные городищами. Мощностъ культурного слоя (слоя, содержащего следы или остатки деятельности человека) на селищах составляет в среднем 0,2-0,4 м, но некоторые селища имели слой и до 0,6-1,0 м. Укрепленные поселения — городища сооружались, как правило, на мысах. Оборонительные сооружения обычно просты: вал и ров перед ним с напольной стороны, реже сооружались валы и, видимо, частоколы по краям мысовой площадки городища. По гребням валов шли частоколы из брёвен (Роданово, Карасово городища) и такой же частокол — по краям площадок. Площадки подсыпались глиной и щебенкой, иногда искусственно срезались, образуя уступы (Гырчиковское-Юсьвенское, Купросское городища). В результате земляная часть валов вместе с частоколами образовали стену высотой до 5 м.

Интерес представляет Купросское городище, расположенное на берегу р. Купроски на окраине села Купрос. Это было крупное укрепленное поселение площадью до 1,5 га с заселенной площадкой подпрямоугольной формы и укрепленной валом, рвом и частоколом. Памятник известен еще с XVIII века, впервые был осмотрен известным русским путешественником капитаном Н.П. Рычковым, подъемный материал с городища в XIX столетии регулярно пополнял знаменитую археологическую коллекцию А.Е. и Ф.А. Теплоуховых, хранившуюся в с. Ильинском. Однако в 1980-х годах городище было сильно разрушено дорожниками, устроившими на его месте карьер для добычи глины. Остатки городища неоднократно изучались А.М. Белавиным и А.Н. Сарапуловым. Материалы городища характеризуют культуру ломоватовцев X-XII вв.. Среди находок много предметов из железа: различные дужки от котелков, части дверных и сундучных пробоев и накладок, наконечники стрел с узелком в месте перехода в черешка в перо, что характерно для X-XIII вв.; фрагменты и целые ножи с «коле-

ном» в месте перехода спинки в черешок, что также характерно для указанного времени. В керамической коллекции наряду с местной финно-угорской посудой представлены сосуды болгарского происхождения. Интересна находка массивного железного ральника — наконечника пахотного орудия типа «рало» — яркое свидетельство пашенного земледелия. Орудием рыбной ловли был крупный железный рыболовный крюк на железной же цепочке — часть самолова на очень крупную рыбу. Многочисленны накладки на ремень, различные бронзовые пряжки, височные кольца, браслеты. Редкой находкой, сделанной в 2009 году, является арабский дирхем — монета, привезенная болгарскими купцами. Очень интересным предметом, найденным при раскопках 1996 года, является выпуклая круглая привеска, вырезанная из тонкого листа серебра. Диаметр её 5 см, привеска имеет отверстие для крепления шнура. На лицевой стороне привески имеется процарапанное изображение всадника на лошади. Голова всадника оформлена в виде ромба, на котором полоской подчеркнут головной убор в виде остроконечного шлема. В целом композиция рисунка напоминает хорошо известные привески с изображением сокольничьего, являвшиеся верительными знаками, которые болгары выдавали представителям местной знати, отвечавшим за организацию болгарской торговли.

На городище изучено несколько сооружений, из них особый интерес представляет небольшая постройка с очагом и хозяйственной ямой. Именно над остатками этого комплекса прослежена углистая прослойка — остатки сторевшего перекрытия или рухнувшей стенки и слой с высоким содержанием навоза — видимо, пол сооружения. Исследована жертвенная яма с очагом, выкладкой из лосиных черепов, с находками жертвенной чашечки, наконечников стрел, ножей и амулетов из просверленных зубов. Купросское городище было, очевидно, крупным родовым или даже племенным центром нижнего течения Иньвы.

Раскопками исследованы еще ряд городищ: Карасово городище на р. Велва неподалеку от бывш. д. Карасовой (памятник, к сожалению, также частично уничтожен карьером), Гырчиковское (Юсьвинское) городище на правом берегу р. Юсьва напротив д. Гырчиково, Роданово городище неподалеку от места впадения реки Городищенки в реку Каму на территории д. Городище.

Самым знаменитым памятником Юсьвенского района является Роданово городище, известное с XIX века и изученное в 1925-1937 годах Н.А. Прокошевым и М.В. Талицким. Остатки этого городища все еще хорошо заметны на окраине д. Городище — бугристая, вся в следах старых археологических раскопов (тогда их не принято было рекультивировать) полуовальная площадка площадью 1200-1500 кв. м окружена прекрасно сохранившимся валом высотой в 3 метра. С севера и юга склоны круто опускаются в овраги. Восточный склон резко обрывается к реке и постоянно осыпается, высота городища над Камой около 40 м.

Раскопами на Родановом городище выявлено несколько жилищ, причем М.В. Талицкий проследил хронологическую эволюцию этих сооружений. Ломоватовские жилища были либо легкие наземные однокамерные постройки столбовой конструкции, либо бревенчатые срубные наземные сооружения. Такие наземные дома, прямоугольные в плане, имеют в основании деревянный сруб, глинобитный пол, столбы для опоры кровли, чаще всего сделанной из жердей, покрытых корой или берестой, остатки которой обнаруживаются в раскопках. Выступающие над поперечными боковые стены сруба образовывали крытый тамбур (сени) перед входом. Отапливались и освещались жилища с помощью очагов, расположенных на глиняных или галечниково-глиняных площадках, в VIII-X вв. появляются очаги-каменки. В XI-XIII вв. при строительстве жилищ, как это выявил М.В. Талицкий, стали применять большое количество гвоздей. Стены построек этого времени имели в основании более высокий и прочный сруб.

М.В. Талицкий сравнивает жилища с двускатной кровлей, реконструированные им по материалам Роданова городища, с одним из типов жилищ манси, с которым его ознакомил В.Н. Чернецов (по мнению В.Н. Чернецова, это один из древних типов жилищ). Конструктивно оно полностью совпадает с ломоватовским и родановским жилищами вышеописанного типа. Крыша опирается на внутренние столбы-опоры. Очень низкий сруб имеет 4-5 венцов. Внутреннее помещение распланировано аналогично прикамскому дому: вдоль стен устроены дощатые нары шириной около 1,5 м. В середине между нарами помещен открытый глинобитный очаг четырехугольной формы, обшитый досками. Для выхода дыма

в крыше имеется щель, идущая вдоль всего гребня крыши, так что вся постройка представляет как бы два крутых на- веса, сопоставленных открытыми сторонами друг с другом. Внутренние столбы используются для развески хозяйственного и домашнего инвентаря. В такой постройке жила семья из нескольких брачных пар; несмотря на то, что общая площадь жилища не превышала 20 кв. м, количество жителей в ней могло доходить до 10-15 человек.

На территории района имеются находки серебряной посуды восточного происхождения. Эти предметы тюркетики (искусства рельефной обработки изделий из металла, чаще путём чеканки или тиснения) найдены в окрестностях Майкорского (Туманского) городища. Здесь в 90-х годах XIX в. найдены серебряная сасанидская кружечка, переданная затем в распоряжение Императорской археологической комиссии, и широкий кувшинообразный сосуд с орнаментальными поясами из спиралей, птиц и рыб, поступивший в археологический отдел Пермского музея УОЛЕ. Дальнейшая судьба этого сосуда неизвестна. Здесь же были найдены два золотых височных кольца с уточками и привесками в виде желудеобразных бусин или яиц. Такие височные кольца были атрибутом костюма знатных болгарок и изготавливались в царских мастерских Волжской Булгарии. Предметом торговли они, видимо, не были, и их нахождение на Туманском городище говорит о пребывании здесь болгарки знатного (княжеского или царского) рода. Ломоватовцы имели прочные торговые и политические связи с булгарами — видимо, под именем «страны и народа Вису» и «страны Чулыманской» пермские земли были известны через болгар в арабской географической литературе. Расцвет взаимодействия Прикамья и Булгарии приходится на X-XII вв. В это время на территории Прикамья во многих поселениях существуют болгарские торговые и ремесленные колонии.

В XII-XIV вв. количество населения на территории района вновь сократилось. Из городищ в это время функционирует Роданово и Майкорское (Туманское), существуют Мартыновское, Кузьминское селища в устье р. Пой, Мартыновский и Гуринский (на р. Пой) могильники. Таким образом, заселенным оказываются нижнее течение р. Иньва и правый берег Камы выше её устья. Новая картина расселения явилась результатом сложных процессов миграции финно-угорского населения. Часть

ломоватовского населения, относящаяся к уграм, к XII веку покидает Предуралье, частично уйдя в пределы Волжской Булгарии (там зафиксирован массовый приток предуральских угров в X-XI вв.), другая часть мигрирует на берега Чусовой и в Зауралье, войдя в состав предков манси и хантов. В Прикамье начинается переселение финнов с Вологодчины и других территорий русского севера, откуда их выдавливает начавшаяся древнерусская колонизация и христианизация. Эти переселенцы приносят с собой традиции северного лесного земледелия (в древнерусском сложившемся варианте), новые традиции домостроения (зафиксированные, в частности, в верхнем слое Роданова городища), традиционные связи с западно-финскими и древнерусскими землями Севера. Материальная культура XII-XIV веков существенно отличается от предшествующей ломоватовской: распространяются горшковидные и кружкообразные сосуды с уплощенным дном, в домах устраиваются печи-каменки, меняется стиль и типы украшений костюма (начинают преобладать украшения, сделанные по новгородской технологии из свинцово-оловянистого сплава, распространяются типы украшений и деталей костюма интернационального финно-славянского типа, имеющие широкое хождение в финно-угорской среде русского Севера), исчезает Пермский звериный стиль и вообще звериный стиль в украшениях. Такая материальная культура и новый тип хозяйства (пашенное земледелие) характерны для так называемой родановской культуры, которую следует датировать XII-XIV вв. и соотносить с предками коми-пермяцкого народа.

В XIV-XV веках начинается русская колонизация Прикамья. Нижнее течение Иньвы было достаточно отдалено от основных ранних центров русской колонизации, которые находились в основном на севере современного Пермского края (Чердынь, Соликамск, Орел-городок, Анфаловский городок). Поэтому Иньвенское поречье постепенно превращается в коми-пермяцкий край. Пожалуй, наиболее старинными коми-пермяцкими населенными пунктами здесь были Купрос и Майкор.

В первой летописи Перми Великой 1579 года упоминается деревенька Купрос, в переписи писца Кайсарова 1623-1624 годов в деревне Купрос уже 15 дворов. Впоследствии деревня стала погостом, а после строительства храма — селом. Купрос в начале XIX века — центр крупной коми-пермяцкой волости.

Майкор в переписи 1579 года упомянут как селение «Туманское городище», в переписи Кайсарова как деревенька с 2 дворами. Здесь проходила граница между землями Строгановых и землями государевых крестьян. После передачи Иньвенского края Строгановым в 1702 году Майкор быстро превращается в село. В 1810 году в селе построен Всеволожскими Никитинский железоделательный завод. Этот завод и основанный в 1759 году Строгановыми в устье р. Пожва Пожевской чугунно-передельный и железоделательный завод стали центрами промышленного освоения края и центрами территорий, плотно заселенных русскими — использование инородцев в заводских работах запрещалось. Остальная часть бассейна Иньвы стала основной этнической территорией коми-пермяцкого народа.

Тот факт, что район граничит с несколькими русскими районами Пермского края (Карагайским, Усольским, Ильинским), безусловно, сказался на активности контактов здешних коми-пермяков с русскими и соответственно на особенностях традиционной культуры. На востоке района русское население преобладает и представлено коренными жителями Майкора, Пожвы и окрестных с ними селений, а также жителями поселка Кама (в основном в нем живут лесозаготовители). Кроме того, отмечены небольшие «островки» русского населения в оньковской, купросской и юсьвинской зонах — сюда русские переселялись еще Строгановыми для работ на солеваренных промыслах и заводах⁴.

⁴ Р.М. Баталова.
Там же. С.19.

Поселки Пожва и Майкор — русские горнозаводские поселения XVIII века, основную часть населения здесь составляли мастеровые, переведённые заводовладельцами из других строгановских владений и заводов (мастеровые приезжали не только с других уральских горных заводов, но, по некоторым данным, и из центральной России, а также с других заводов Прикамья). Старожилы еще вспоминают рассказы о том, что их родителей когда-то «закупили» в Пожву на завод из Сивы, Карагая, Александровска. Привлекалось на заводские работы, конечно, и соседнее коми-пермяцкое население; переселялись Строгановыми из своих имений в эти места также зыряне, татары, мордва.

История Юсьвы во многом связана с тем, что многие земли по реке Кама были жалованы Иваном IV Строгановым, которые обещали здесь строить крепости и охранять восточные

границы государства. С начала XVIII века здешние жители стали крепостными Строгановых. Места владений Строгановых, в которые входили современные территории Кудымкарского и Юсьвинского районов по Иньве, до сих пор старожилы называют «иньвенские дачи». Входило в «дачи» и одно из самых крупных сел района — село Архангельское: оно, как утверждает народная молва, было выделено в качестве приданого Н.П. Строгановой, старшей дочери П.А. Строганова: «А тут дальше уже деревни, которые в лесах, Доег, Тимино — они уже были как государственные. Малые частники — друг друга так и обзывали. Доег называли архангельских «графича», а те их опять называли «малачустами» — как бы малые частные» (зап. от Климовой К.И., 1925 г.р., д. Капилино). По предположению Т.Г. Полевой, местное прозвище малочастные может быть связано с преданием о том, что граф Строганов поделил земли между двумя сыновьями; поскольку старшего он любил сильнее, то оставил ему большой надел, а младшему досталось земли меньше, поэтому его назвали малочастным (зап. в д. Пиканова)⁵.

В 1756 году Строгановыми в низовьях р. Пожвы вблизи Камы были построены Пожевский чугуноплавильный и железодельный завод, и вскоре здесь возникает город-завод (ныне посёлок Пожва). Завод после смерти Н. Строганова перешел к помещику В.А. Всеволожскому (затем, уже в 1900 году — к известному российскому предпринимателю князю С.Е. Львову, стал родовым поместьем его семьи). В 1811 году у села Майкор основан железодельный и сталелитейный завод — его построил сенатор и заводчик В. Всеволожский (назвав сам посёлок в честь старшего сына Никиты Никитинским). Сам же Майкор известен много раньше, с 1579 года. Сначала это была деревня Туманская, зафиксированная в переписях с XVI в. Топонимы с аналогичным названием достаточно распространены в России (д. Туманы в Богородском районе на Вятке, д. Туманское в Кадуйском районе Вологодчины, д. Туманка в Нижегородской области, река Туманская на Чукотке). Скорее всего, эти названия мотивированы не обозначением метеорологического атмосферного явления. Они либо связаны с тюркским названием золотой монеты *туман*, либо являются искажением тюркского слова *тюмень*, которое использовалось как административный термин, соответствующий обозначению

⁵ Любопытно появление варианта этого прозвища доегцев *малачусты*. Это венгерское название свинины (ещё одно значение венгерского *малачуст* — поросёнок) могло закрепиться как обидное прозвище в здешней среде в связи с тем, что на территории района в этой стороне (ориентировочно недалеко от Тимино и Тукачево) после первой мировой войны находился лагерь пленных австро-венгров.

аула, деревни (о смешении в русском языке этих слов говорит, например, обозначение в старинных документах Тюменского княжества на Северном Кавказе как Туманского). Тюменей, как известно, достаточно много в России — на всех территориях, где когда-то проходили монголо-татарские войска, т.е. в Средней Азии, на Кавказе, в устье Волги. Также известны они в Сибири (Читинская область), в Воронежской области, на Урале, в том числе и в Юсьвинском районе. Заметим также, что слово *тюмень* в тюркских языках имеет ещё одно значение: у тюменских татар оно означает «низина», «низкое место». Известна также ещё одна форма старого названия Майкора — д. Турманская (однокоренные топонимы Турманское, Турманская известны на Вологодчине, в Сибири). Скорее всего, она является более поздним искажением формы Турманская и вряд ли связана с названием достаточно поздно выведенной породы голубей *турман*. Происхождение названия неясно. Вероятны тюркские основания топонима: в башкирском языке *турман* «лекарство для лошадей» (слово восходит к иранскому *darman* с тем же значением, изначально о ядовитом травянистом, дурмящем растении). Возможны и финно-угорские основания старого названия Майкора: ср. *турман* «тёмный» в мансийском названии горы Турман-Нёл «Тёмный Камень».

Свидетельством перечисленных исторических событий является происхождение названия юсьвинской деревни в окрестностях Пожвы *Елизавето-Пожва*. Считается, что первую часть своего наименования деревня получила в честь дочери Александра Николаевича Строганова *Елизаветы* (впоследствии она стала женой заводчика Николая Никитича Демидова; интересна бытующая версия, что в честь своей жены А.Н. Строганов назвал также и *Елизавето-Нердвинский завод* в с. Нердва Карагайского района). В народной памяти название связывается, впрочем, с другой Елизаветой: «У хозяина завода была дочь Лизавета. Лизавета — это у князя Львова дочь, ну, как для дочери этот завод был. Вот так и называется — Лизавета. Он хороший князь, рассказывали родители-те наши, они работали у князя. Зря его вот большевики убрали. Он за рабочих боролся, рабочим давал зарабатывать хорошо. Платил хорошим рабочим, золотом платил. Я даже находила бумажки князя Львова, то ли сто-, то ли двестирублёвые. Маленькая бумажка — вот

какая бумага, они какие-то красные были. Как бумажку развёртываешь, они ломаются, эта бумага. А у князя Львова тут нарисовано — царица сидит в босоножках. И он, ведь изукрашен, ну, при форме. Я смотрю на ноги — дак пальцы-те шевелятся вроде. Дочь потом взяла эту деньгу в школу, в музей. Да кудато их, эти деньги, забрали. Они как ценные, знаешь это, такие деньги ценные...» (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва).

Сложившаяся заводская культура существенно воздействовала на многие стороны жизни русского населения Юсьвы. В отличие от крестьян, рабочие завода меньше занимались земледельческими работами, на их усадьбах меньше было и хозяйственных построек. Нередко они строили для себя двухэтажные и полтораэтажные жилища, а в крестьянский в своей основе интерьер жилища проникали городские элементы (кровати, буфеты-горки, венские стулья и т.д.). В традиционной мужской и женской одежде здесь появляются элементы городского костюма, у женщин из семей мастеровых в конце XIX века вышли из употребления сарафаны — их заменил комплекс «юбка с кофтой» или платья различных фасонов. Одновременно в духовной культуре заводских сохранялись черты, сближающие их с крестьянами. Здесь разнообразно представлен традиционный фольклор, в том числе и с городскими его жанрами.

Коренные обитатели этих мест, иньвенские коми-пермяки, с начала XVIII столетия были крепостными Строгановых, а после отмены крепостничества остались в полной зависимости от землевладельцев: им было запрещено пользоваться здешними лесами и землей. Некоторые исследователи жизни и быта пермяков даже полагают, что это обстоятельство сыграло важную роль в формировании особого национального характера иньвенских коми-пермяков, повлияло на их этническую психологию⁶. В ряде мест юсьвинские коми-пермяки и сейчас отличают себя от коми-пермяков других территорий: «Мы вроде и не такие натуральные коми-пермяки. Вот в Кудымкаре — вот там настоящие пермяки» (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга).

В XX веке, в советское время (30-е–50-е годы), в малозаселённых, но богатых лесными ресурсами районах Коми округа, в том числе и в Юсьвинском, образуются спецпоселения с дешёвой рабочей силой, в крае появляются

⁶ Юрий Шабавев. Этническое самосознание народов коми: основа интеграции или база дезинтеграции? — Сыктывкар, 2001. С. 203.

переселенцы — особенно из Белоруссии и Украины. Жители Юсьвы вспоминают, как в здешние места гнали ссыльных: *«Это в тридцать пятом или в тридцать четвертом, наверно, было — гнали ссыльных. Они шли по дороге, их привезли на теплоходе из Перми. Дак ить ребята маленькие, у их только котомочки, тоже маленькие. Така жара была, помню, у колодца воду пили. В нашу сторону пойдут — мы боимся, ревом. Да один на окошко полез, открывать вроде стал — я испугалась, заревела. Ушли от нас. А ведь тоже ведь исть хочут. Белорусы было много, поляки, украинцы. У нас, говорят, исть нече, нам надо хлеба, хлеба. Была охрана пешком тоже, с оружием. Несколько дён так шли. Потом я Перем ехал с одним из Гайн. Он рассказывал: «Выше Гайна нам место дали. Пришли, — говорит, — среди лесу. В палатках, говорит, жили, да построили на зиму какие-то землянки. Это теперь, говорит, у нас все уже есть, и коровы у нас есть. Болели, говорит, многие умерли»* (п. Пожва). Потомки переселенцев живут и в Юсьвинском районе.

Языковая неоднородность района, история освоения края, его культурная специфика наглядно отражены в юсьвинской ономастике — топонимике и антропонимике. В местных географических названиях запечатлены свидетельства древних событий, сведения о межкультурном взаимодействии живущих на юсьвинской земле народов.

2. Особенности юсьвинской ономастики

Топонимика Юсьвы

Местные названия Юсьвы — интереснейший материал для прояснения истории и особенностей культуры коми-пермяков. Местная топонимика складывалась в основном на финно-угорской основе, но и она нередко отражает контакты коми-пермяков со славянскими и тюркскими народами.

Гидронимика

Названия рек, особенно крупных, имеют в основном финно-угорский характер — единичны здесь гидронимы типа *Березовка*, *Городищенка*, *Поломка* (от *полон* ‘место, расчищенное от леса,’ либо ‘поломанный бурей участок леса’). Обычно в названиях рек используется формант «*ва*», реже

«шор» (напр., *Кичашор* ‘собачий ручей’ от *кыча* ‘собака’). Такие названия мелких гидрообъектов обычно подчеркивают их особенности: *Галяшор* ‘каменистый ручей’ (от *галя* ‘галька, камень’: «*Галяшор* — она галистая, галек много» (зап. от Боталовой К.П., 1924 г.р., д. Мосино,).

Название реки *Иньва* объясняют обычно через коми *инь* ‘женщина’, ‘баба’, и *ва* ‘вода’, т.е. как «бабья вода» (реже — через соотнесение с коми *ен* ‘бог, небо’, т.е. «божественная вода»; ср. удмуртское *ин* ‘небо’). Отметим в связи с этим записанную фольклористом В.Климовым легенду: «Там, где начинается река *Иньва*, когда-то жили люди чудского племени. Племя жило дружно. В праздники устраивали игры и состязания. Это место выше нынешнего села *Верх-Иньва* в *Кудымкарском* районе. Однажды в праздник весны племя веселилось, вдруг на него напали какие-то дикие уроды. На них была одежда из звериных шкур. Женщины, старики и дети спрятались в лесу, а мужчины схватились с пришедшими. Началась битва. От ударов падали захватчики, падали воины племени. Крики и стоны оглашали землю, которая за короткое время была усеяна трупами. Бились долго, и люди племени победили, но эта победа стоила им дорого: погибли почти все мужчины. Такой жестокой битвы эти края еще не знали. На месте битвы поднялся великий плач матерей, жён, сестёр и детей убитых. И было пролито столько слёз, что из них образовался ручей. Прошел не один день, но ручей не высыхал, а стал еще больше. Это весна прибавила влаги. Из ручейка образовалась речка, которую люди племени называли *Иньва* «женская вода» или «женские слёзы». «*Иньва* — ‘бабья вода’, *Иньва* — бабьи слезы в переводе на русский язык. Видимо, бабы много горя видели, что слёзы-то столько лили. Женщины, тяжело, видимо, им было» (зап. в с. Антипино)⁷. По сходной легенде, записанной В.Климовым в 1970 году, у истока *Иньвы* когда-то произошла битва между увтыром, одним из родов коми, и вражескими пришельцами: «Защитники отстаивали свою землю, но почти все погибли. Оставшиеся в живых целую неделю хоронили убитых, а после, как требовал обычай, устроили обряд первых поминок — День больших причитаний по умершим. Когда на большой могиле, в которой покоились тела умерших, разложили поминальную еду и все уселись вокруг могилы, начался громкий плач, безутешные вопли. Горе людей было велико, и пролилось так много слез,

⁷ Немаловажно ещё одно обстоятельство. Бытующее в народной среде уподобление этой реки женщине основывается еще и на том, что река действительно красива, имеет живописные берега. Здесь может иметь место отражение древней акватической метафоры: реки во многих мифологиях олицетворяют женское начало, считаются манифестацией божественной женской силы. Отсюда распространенный прием изображения рек в образе именно женщины.

что из них образовались лужи. Рыдания людей услышал бог Ен и разделил их горе: послал дождь – слезы небес. Вода вышла из луж, потекла ручейком вниз. Из тех женских слез да дождевой воды образовалась речка, которую называли Иньва» (зап. от Ярковой Прасковьи Ивановны, 60 лет, дер. Заречный Пешнигор, Кудымкарский район).

Названия притоков реки Иньвы также хранят особенности восприятия коми-пермяками этих природных объектов: *Велва* — ‘лошадиная река’ (по коми *вёл* ‘лошадь’; по предположению А.С. Гантман, название отразило культ лошади у предков коми-пермяков⁸. Заметим, что «лошадиные» реки известны многим народам, в этих названиях, как, например, в башкирском *Атя*, содержится указание на то, что долина реки изобилует пастбищами; известны попытки по этой же причине связать с греческим *гипанис* ‘лошадиный’ название реки Кубань).

Название *Юсьва* считается «лебединым» именем и, скорее всего, содержит указание на место расселения одного из древних родов (археологи и этнографы отмечают большое количество изображений лебедя на юсьвинских охотничьих тамгах, древних пронизках и подвесках — свидетельства того, что в здешних краях эта птица когда-то была тотемической). Лебедь у многих народов мира ассоциировался с солнцем, с верхним миром. Показателем того, что священная птица древних славян и индоевропейцев является культовой и у финно-угров, является тот факт, что в центре удмуртского герба изображена женщина-лебедь, а в удмуртских мифах и легендах лебедь всегда выступает как чудесный помощник. По мнению коми фольклориста П.Г. Доронина, два брата Омёл и Ен, которые создают землю и небо и весь остальной мир, имели в мифах облик гагары и лебедя. Следовательно, образ прекрасной белоснежной птицы, ставшей символом красоты, дружбы, верности, освящает и юсьвинские земли. Встречаются в Коми-пермяцком округе и другие гидронимы, названия которых, возможно, происходят от названий древних родов, как, например, *Сюзьва* — река, протекающая по территории, принадлежавшей роду *Сюзь* (‘филин’), *Куча* от имени рода *Кутти* ‘орел’ (в Юсьвинском районе существовал и населенный пункт *Кутти*).

Многие коми-пермяцкие названия рек образованы на основе образного восприятия окружающей природы.

⁸ Гантман А.С. Краткий топонимический словарь. – Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Ред. кол. серии: А.С. Лобанова (отв. ред.), А.М. Белагин и др. Выпуск 4. – Пермь, 2006. С. 144.

⁹ Гантман А.С. Краткий топонимический словарь. Пермь, 2006. С. 166.

Таким является русифицированный гидроним *Купроска* (возможно, от коми-пермяцкого *купыра* ‘сгорбившийся, горбатый’⁹: река извивается, поэтому её русло напоминает множество горбов). На образном сравнении основаны, вероятно, и названия рек *Верхний Чёрмоз* и *Нижний Чёрмоз*. Использованный в их структуре формант *моз* указывает, что эти реки похожи на что-либо (от коми-пермяцкого *моз* ‘похожий на что-либо’). В этом случае возможно сближение с похожестью либо на *чёрс* ‘веретено’ либо на *чер* ‘топор’.

¹⁰ Гантман А.С. Краткий топонимический словарь. Пермь, 2006. С. 158.

Загадочно название реки *Истер*, которое А.С. Гантман связывает с тюркским антропонимом *Истер*¹⁰; вероятно, название образовано от коми-пермяцкого *из* ‘камень’, *тор* ‘кусок’, т.е. ‘каменистая река’. В то же время слово чрезвычайно близко к названиям целого ряда славянских и балканских рек *Истра*, *Istra*, *Isra*. Считается, что основа *-стр-*, от которой образованы такие названия, связаны с русскими диалектными словами типа *иструга* ‘старица, омут, рукав реки’, ‘низкое, низменное место, покрытое лесом и водой’; ‘промоина’ (ср. латышское *struga* ‘болото; струя воды’ и русское струя). В этом плане может быть справедливо сближение название юсьвинской реки с древним названием реки Дунай *Истрп*¹¹.

¹¹ Любопытно и то, что имя *Истер* встречается у кельтов, в Британии, в Америке; известно тюркское женское имя *Истер*. Этим словом называли также языческий праздник, посвященный богине Любви, Плодородия и Весны *Иштар/Истер*. Слово было известно многим народам Ближнего Востока (как *Истер*, *Иштар*, *Аштарта*).

Неоднозначно происхождение названия левого притока реки Иньвы — *Доег*. Первая часть гидронима возникла из слова *дой*, значение которого затемнено. Как отмечает А.С. Гантман, в северном наречии и в коми-язьвинском языке известно слово *дой* — ‘нарыв большого размера’. Исходя из этого, можно предположить, что название реки *Доег* имеет, скорее всего, переносное значение, связанное с названием чего-либо выпуклого. Вероятнее всего, свое название река получила по местности, по которой она протекала (д. *Дойкар* — буквально ‘городище на возвышенности округлой формы’). Название реки *Доег*, вероятно, могло возникнуть и под влиянием хантыйского языка, где *ега* — это ‘река’, или марийского языка, в котором есть слово *йогы* ‘течение, поток, река’. В этом случае вторая часть в названии *Доег -ег* — это просто формант со значением ‘река’. Известно, что в говорах в некоторых названиях компонент *-ва* не используется (опускается — так, иньвенские пермяки говорят *Сер*, *Йёг* вместо *Серва*, *Ёгва*). Наконец,

Дой могло быть, и антропонимом — именем древнего жителя Дой или даже христианским именем Дэй или Дойка (что менее вероятно для гидронима): по А.С. Кривошековой-Гантман, название затемнено, и по форме напоминает древнепермские имена на *-ег, -ог* типа Басег, Пянтег¹².

Гидроним *Ёгва*, как считает А.С. Кривошекова-Гантман, загадочен и мог произойти либо от хантыйского *ега* 'река', либо от марийского *йогы* 'течение, поток, река', или от коми *йог* 'нарос, волдырь, бугор'. По народной этимологии, название *Ёгва* переводится как «сорная вода» («Видимо, назвали так, потому что весной сюда течёт всякий мусор»).

Гидроним *Лёнва* мог быть связан не только с названием рыбы, обитающей в данной реке (от коми *лён* 'таймень'), но и со словом, характеризующим течение реки: в коми говорах известно слово *лонь* 'тихий, спокойный'. В народе название по созвучию связывают с русским словом *лён* (коми *лён* 'лён'), так как раньше в реке вымачивали лён. «*Лёнва — речка, протекает вблизи поля, где сеяли лён. Этот лён обрабатывали в этой речке. Название так и осталось, хотя лён уже не сеют*» (зап. от Е.М. Сырчиковой, д. Лёнва). Название реки *Пожва* объясняют как «решетная вода» (в своем течении она преодолевает несколько каменных перекатов, и вода на них игрует, точно просеивается).

Часто в названиях рек содержатся указания на природные особенности водоемов, на своеобразие почвы, растительности, места расположения. Название реки *Волпа* местные жители связывают с ольхой: «*Я знаю, почему называется Волпа. Вдоль реки растет много ольхи, а у нас на коми называется это дерево вольха, и вот получилось название Волпа. Я когда училась, помню, эта речка была широкая. Сейчас совсем обмелела*» (д. Калинино). Возможно, здесь и использование во второй части гидронима слова *па* — вероятно, видоизмененного *пу* 'дерево'. По особенностям ландшафта создано название небольшого притока Юсьвы *Космос(ка)* — от *Кёс мыс* 'сухой мыс, гора'.

Не до конца остается ясной этимология гидронима *Кува*: топонимы на *кув-* (и близкое *кул-*) типа *Кува, Кула, Кувинка, Кувайка, Кувака, Кул* встречаются у самых разных народов. Возможно, это название в прошлом звучало как *Кудва* (памятники письменности 1678 года фиксируют именно такой вариант) и позднее претерпело изменения. А.С. Кривоше-

¹² Гантман А.С. Краткий топонимический словарь. Пермь, 2006. С. 154.

¹³ Гантман А.С. Краткий топонимический словарь. Пермь, 2006. С. 165.

кова-Гантман считает, что слово *Кува* могло прийти в коми-пермяцкий язык под влиянием культуры удмуртского народа, у которого были известны культовые места для молений *куала*¹³. Название *Кудва* могло быть связано и с коми-пермяцким *куд* — ‘лукошко’, *ва* — ‘вода, река’, и даже с именем героя коми-пермяцкого эпоса *Кудым-Ошем*.

Затемнено значение названий двух малых рек, впадающих в реку Иньву с разных сторон: *Левый Ык* и *Правый Ык*. Как раньше полагали, *Ык (Ик)* — это башкирская переработка пермского слова *юг* ‘река’: якобы гидроним *Ик* принесли в Верхнее Прикамье башкиры, вернувшие пермякам их географический термин, но только в тюркизированной форме. Однако более поздние исследования показали, что географически этот топоним имел более широкое распространение и пришёл к коми-пермякам с юга. В татарском и узбекском диалектах *ик*, *ык* переводится как ‘течение’. Вообще же тюркское влияние в гидронимике Юсьвинского района не так велико. Помимо отмеченного *Ык (Ик)*, на территории района известна небольшая река *Исыл* (ср. башкирское название горы *Исыл* от *иссыл* ‘постоянный ветер’ из-за всегда дующего ветра на этой вершине, от башкирского *исеу* ‘дуть’ и *ел* — ‘ветер’). Вероятно, тюркский характер носит название речки *Кырдымки*, оно может быть связано с тюркским обозначением чего-либо жестокого, губительного (слово *кырдым* в татарском фольклоре часто используется как приложение к слову *шайтан*). Впрочем, местное население видит в названии *Кырдым* коми-пермяцкие основы. «*Вот тут вот возвышенность. Это называется Кырдым. Кырдым — кыр — это обрыв. Дым — около обрыва или на обрыве. В общем деревня на обрыве. Это первое было поселение*» (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво). В этом случае название реки можно связать с происхождением от названия места — ‘у горы’ (от коми-пермяцкого *кыр* ‘возвышенность, гора’, *дым* — это видоизмененное *дын* ‘рядом, у’).

Таким образом, гидронимика Юсьвинского района наглядно свидетельствует об укорененности коми-пермяков на данной территории. В ней также прочно зафиксированы многовековые культурные связи коми-пермяков с другими народами. Немало в ней и загадок, еще ждущих своего исследователя.

Названия населенных пунктов Юсьвинского района

Названия населенных пунктов Юсьвы (ойконимы) чрезвычайно пестры по составу. Основной способ их создания — название по первопоселенцу. В народе до сих пор держится старое название села Архангельское *Карпов* (известно с 1623-1624 гг., когда, по данным переписи М. Кайсарова, здесь проживал некто Карпик Тулупов). В народе помнят, что основателями селения были братья Тулуповы: Карп и Захар. Они облюбовали это место, когда плыли на плотках по реке Иньве: *«Плыли два брата, Карп и Захар Тулуповы, искали себе новое место. Карп Тулупов считается основатель, а откуда он сюда приплыл, никто не знает. Говорили, что это братья Карповы, они строили село, это купцы были, а потом церковь поставили. Тут эти горы раньше были покрыты лесом. Карпу понравилось место, и он решил здесь остаться. И родники тут были. Он решил поселиться здесь и обосновал Карпову деревню, Карповский почин, или Карповский посад»* (зап. в с. Архангельское).

Современное название села связано с основанной здесь в конце XVIII века Михаило-Архангельской часовни. Такое название населенного пункта по церкви и престольному празднику прихода было продуктивным в XVII-XIX вв. по всей России: считалось, что это способствовало укреплению православной веры у населения (ср. названия сел в соседнем районе, в бассейне реки Обвы: село *Богоявленское, Воскресенское, Козьмодемьянское, Рождественское*). Прежнее название Карпово в народе сохранялось достаточно долго. *«Карпово называли, потому что первыми поселенцами были два брата — Захарий и Карп. Ну и Захар-то обратно уехал по реке на плоту, а Карп остался здесь. И это селенье называлось Карпово, вот так и были Карпов посад»*). Вообще использование двойных номинаций достаточно распространено в юсьвинской ойконимике. *Мелюхино* до сих пор иногда называют *Кузнецово*, деревня *Николаево* имеет более старое название *Микул*: *«А почему Микул — потому что там, видимо, основатель-то был Николай, а Николаев называли Микул. И мы даже выросли и не знали, что мы Николаево — Микул. И называли нас микулинчи. Основное селенье наше было все коми-пермяки»; «Сначала раньше не Новосёлово было, Амос называли. Новоселово назвали после революции»* (зап. от Боталова П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово).

Тот факт, что коми-пермяки селились чаще всего около рек и на возвышенностях, отражают многие коми-пермяцкие названия населенных мест. Древние топонимы *Майкор*, *Дойкар* с формантом *-кар (-кор)* ‘городище, укрепленное место проживания’ напрямую указывают, что эти поселения находились на возвышенности. У подобных древних названий не всегда понятны первые компоненты. Название «*Майкор*» объясняют либо как «жилище бобров» — от *мõй* ‘бобр’, либо как «городок племени, рода Бобра». По ряду версий, в это название входит древнее имя *Май* или *Майко*: «*На майкорское городище однажды напал атаман со своими разбойниками и сжег его. А в Майкоре был свой атаман (его, видно, звали Май или Майко). Его именем было названо городище — Майкор. В том городище, говорят, жил другой атаман — Кудымко. Позже Кудымко отделился от Мая, построил новое городище, которое называлось его именем, а позже стали называть его Кудымкар*»¹⁴.

В названии *Дойкар* значение компонента *дой* также затемнено. В коми-пермяцком диалекте *дой* — ‘фурункул большого размера’, поэтому возможно, что *Дойкар* — это городище, размещенное на большой возвышенности круглой формы. Хотя не исключено и антропонимическое происхождение — от имени *Дой*, т.е. *Дойкар* — это «городище Доя». Старинные городища, называемые словом с компонентом *кар-*, овеяны множеством легенд о древних жителях. «*У нас местечко такое есть, называется Чумкар... Вот говорили, что в Чумкаре леший ходит. Кто его увидит, то плохо ему станет. Его просто здесь называли — лешак. Чумкар: кар — это город, там чумы живут*» (д. Рудаково)¹⁵.

К древним пермским названиям относятся и топонимы с формантом *горт* ‘дом, деревня, родина’, первая часть которых обычно обозначала человека, к которому относится поселение. Таково название деревни *Чинагорт*, первая часть этого топонима, как гласит легенда, образована от антропонима, имени первооснователя: «*У Карпа один сын был Чина, а другой Тель. Чина, значит, пошел вниз по Иньве, а Тель поднялся вверх. Соответственно там у нас деревня Чинагорт, значит, «дом у Чины»* (зап. от Кривошёковой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское). По другой легенде, название следует переводить «дымная деревня»: в давние времена с низовьев Иньвы плыла на плотях в эти места некая вдова с сыновья-

¹⁴ Заветный клад: избранная коми-пермяцкая народная проза и поэзия (перевод с коми-перм. и составитель В.В. Климов). Кудымкар, 2007. С. 109.

¹⁵ Название *чума*, ‘переносного жилища северных народов конической формы’ могло быть перенесено на божество-покровителя и затем на демонологический персонаж вообще. В сказаниях о Пера-богатыре именно в «треугольном» доме живет леший. С большой долей вероятности может быть усмотрено использование слова *чум* в русских диалектных названиях черта *чемур чемор, чермер*.

ми. В устье реки Велвы люди увидели дым и поплыли к тому месту. Здесь они оказались у деревни с курными избами, которую и назвали *Тыынагорт*. Интересно, что старинное название Чинагорта *Вашгорт* (букв. 'старая родина, старая деревня') местные жители соотносят с современным, а само место её расположения воспринимается достаточно мистически: «*Два разбойника жили и всё награбленное везли сюда, в эту деревню. Может быть, здесь ещё была не деревня, может быть, были только могильники. Видимо, здесь это всё закапывали. Говорят, здесь у нас есть подземный ход. Откуда и куда — я не знаю, но говорили, за дорогой есть дом, и когда стали строить конюшню, то брёвна прямо проваливались в какую-то яму. Ну а потом назвали деревню Вашгорт, то есть старый дом. А потом Чина. Я так понимаю — начинание, новый дом*» (зап. от Баяндиной Г.В., 1963 г.р., д. Чинагорт).

Название *Секово* также связывается в народной памяти с первооснователем: «*Были братья Сек, Чина и вроде бы еще один — имя его я не помню. Они вот пришли обосновывать эту местность. Наша деревня Секово, перевод — «Сек живёт*». Потому что «*ов*» в нашей местности диалектное слово, оно от литературного «*ол*» — живёт значит. Скорее, название связано со старым отпрозвищным именем *Сек, Ссека*. От него образована фамилия *Секов*, известная и в Северном Прикамье; связана она, возможно, с глаголом *секти* «сечь» рубить, резать. Возможно, что в этом названии отражен тот факт, что место для поселения создавалось с помощью подсекания и сожжения деревьев.

В топонимах отражены и особенности ландшафта, флоры и фауны края: «*Пиканово произошло от пикана. Там речка, ручеек там по деревне протекает, много растёт пикан. Пикан добавляют в крошку как зелень*» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). Возможно, впрочем, использование и в этом случае прозвища *Пикан* — так в Прикамье нередко называют маленького, невысокого человека. Название *Крохалево* местные жители связывают с названием большой светло-серой дикой утки крохаль: «*Ещё у нас болото, птица крохаль там селилась, скорее всего, фамилия оттуда пошла*».

Многие коми-пермяцкие ойконимы возникли от прозвищ первожителей, которые в прошлом заменяли фамилии: д. *Зиткай* (от прозвища *Дзиткай* — ср. коми-зырянское 'большая синица'), д. *Куч* (от *кути* 'орел'), д. *Кватъчуни*

(от прозвища *Кватъчун* ‘шестипалый’). В других случаях проблематично установить, образован топоним от прозвища или имени. Например, топоним *Мосино* может быть образован как от коми-пермяцкого прозвища *Мбс* ‘корова’, так и от имени *Мосий* из календарного полного *Моисей* («*Мося приехал на тот берег, и деревня щас Мосино. Со стороны Кудымкара пришёл. А в той стороне Пальником назвали, тут лес был, лес-то всё сожгли, и пальник стал. А щас уж Мосин тоже*» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино).

Разнообразны названия деревень, образованные от личного имени первопоселенца или его прозвища. «*Петрунино — Петро тут был, вот Петрунино и назвали*». В основе названия деревни *Габово* может лежать неполное имя *Габ* (от календарного полного *Гавриил*) или прозвище *Габ*, значение и происхождение которого неясно — оно употреблялось на севере европейской части России, например, известна д. *Габово* в Куломском районе Республики Коми. Название деревни *Ганева* может быть связано с прозвищем *Гань*, от коми глагола *ганьны* — ‘наклониться, накрениться’ (его могли дать кривобокому человеку), хотя возможно, что название деревни произошло от неполного имени *Ганя* (*Гань*) — из календарного полного *Галактион*. Отпрозвищный характер имеет название д. *Дудыкова* (от *дуді* ‘голубь’, переносное ‘голубчик’). Деревня *Шедово*, раньше была известна как *Шадова*, названа по фамилии, образованной из коми-пермяцкого дохристианского имени *Шадог*. Происхождение основы имени неясно, но она проявляется и в имени с русским суффиксом *-к(о)* *Шадко*; возможно, основа имени *Шадог* связана со старым коми словом *шадэ* — ‘хворостина, шест, тонкая жердь’. Сугубо коми-пермяцкими являются названия *Забганово* — от коми-пермяцкого *забган* ‘вздорный человек; тот, кто дерётся, толкается’, *Пистогово* (из *пистог* ‘сеница’: так могли называть тощего, худого человека), *Яборово* (ср. *ябыр* ‘скворец’), *Ошиб* — «поле человека по прозвищу Медведь».

В топонимической системе Юсьвинского района встречается несколько названий на *-иха*: *Елыманиха*, *Лемпиха*. Суффикс *-их(а)* в названии у русских указывает на родственность лица к тому, кто обозначен в основе слова. Возможно, что и данные топонимы образованы на основе связи с людьми: *Лемпиха* с человеком по прозвищу *льѳмпу* — ‘черемуха’, *Елыманиха* с человеком, прозвище которого основано на

старом диалектном *елыман* 'дурак, дурень, болван' (известны русские тотпрозвищные фамилии *Елыманов Елеманов, Ельманов*). Возможно также, что здесь использовано тюркское слово: в восточных языках *елманом* называли уширение лезвия рубящего оружия для увеличения силы удара. В Прикамье топонимы на *-иха* отмечены в памятниках XVI-XVIII вв. Во время активного освоения здешних земель этот формант широко использовался для наименований угодий и пожен, так как его применение позволяло компактно отражать и географию места, и значение принадлежности участков земли кому-либо. Постепенно топонимы с этим суффиксом утратили своё «принадлежностное» значение.

Около половины названий населенных пунктов в районе имеют сугубо русское происхождение и обычно тоже указывают на первожителя: *Аксеново* — от имени *Аксён* (*Авксентий*); д. *Андроново* — от имени *Андрон* (*Андроник*); д. *Вакино* — от формы имени *Вака* к полным именам *Василий, Вахх, Валериан* и др.; д. *Ганёво* — от формы *Ганя* к полным именам *Агап, Гавриил, Галактион* и др. Название *Они* связано или с уменьшительной формой *Онь* от коми-пермяцкой формы имени *Оника* из *Аника* (в здешних местах встречаются фамилии *Аникин* и *Оньков*), или сохранило память о старом коми-пермяцком имени *Оня* (от общепермского *онь* «дикое растение»). В ряде случаев русское исходное имя в названии подвергается сильной трансформации: *Полюты* (от старого русского имени *Полюд* — из *полюдный* 'общительный', возможно, также под давлением коми *ты* 'озеро'). Поскольку в конце XIX – начале XX века расселение было связано с единоличным владением землей, названия многих населенных пунктов, как и в целом на севере Пермского края, представляют собой фамилии в форме родительного падежа принадлежности, обозначают «основного» жителя или первопоселенца: д. *Тараканова* («*Говорят, дальше маленько этой деревни дед Тараканов жил*»); д. *Крохалева* («*Максим Крохалев первую избушку здесь поставил, это рассказывали*») (зап. от Крохалёвой В.С., 1956 г.р., с. Крохалёво).

Названия содержат также указания на обитание в этих местах других народов. О том, что здесь некогда жили удмурты, говорит название деревни *Вотяково*. Слово *вотьяк* (*воть, оть*) — это старое название удмурта. Как отмечает А.С. Кривошекова-Гантман, по всему бассейну Иньвы, от верховьев

до устья, встречаются удмуртские вкрапления в топонимическую систему коми-пермяков. Так, например, в 1579 году на *Куве* был починок *Чазево* (*Мянкор*), в котором жил *Володка Иванов сын Отинов* (фамилия *Отинов* от устаревшего этнонима *оть* всё ещё встречается в бассейне Кувы). Современная деревня Юсьвинского района *Мочга* также имеет в названии удмуртские корни: топонимы на *-га* считаются достаточно древними, их относят к общепермскому фонду. Они образуются от семейно-родовых названий (*Мочга* — из *Можга* — ‘название старинного удмуртского рода’, ср. также совпадающие топонимы в Верхнем Прикамье и в Удмуртии *Пудга*, *Пурга*). Топонимика Юсьвинского района показывает, что некогда на этой земле проживали и марийцы. Деревня *Большие Они* в прошлом называлась *Ошмарь*, от *ошмарий* — ‘белые марийцы’, так себя называл этот народ. В Юсьвинском районе и сейчас встречается фамилия *Ошмарин*.

Тюркские основы в топонимах бассейна Иньвы говорят нам о том, что некогда соседями коми-пермяков были и тюркские народы. Топоним *Ыково* образован от названия уже упоминаемой реки *Ык*: «*Деревня Бажино сначала называлась Ыково, потому что речка Ык*». Название деревни *Урманово* восходит к татарскому слову *урман* ‘дремучий лес’ (иногда жители коми-пермяцких деревень ошибочно связывают этот топоним с коми-пермяцким *ур* ‘белка’: «*Урманово у тракта коренного. Когда начали деревню строить, так вот по русска-то белка, а по коми — ур. Урманово и назвали*» (зап. от Калиной Г.Н., 1936 г.р., д. Урманово). Встречается в районе топоним *Тюмень* — в тюркских языках оно использовалось как административный термин, соответствующий обозначению деревни (аула). Тюркским именем опосредовано название деревни *Чубарово* — от фамилии из тюркского имени *Чубар* или от прозвища *Чубарый* (*чубарый* — ‘пестрый, пятнистый, с примесью рыжей шерсти к серой, черной или белой’; такое прозвище мог получить человек с сединой в рыжих волосах). В основе названия деревни *Шараново* лежит некалендарное имя *Шаран* из слов тюркского происхождения: *шаран* ‘вино, питье’ или *шараф* ‘слава, достоинство’. Название деревни *Шулаки* многие жители связывают с фамилией *Шулахов*. Не исключено впрочем, что это слово связано с тюркским словом *сулак* в значении ‘болотистый’ (этот географический термин встречается и на юге Прикамья, широко применяет-

ся как топоним и гидроним на Кавказе и в Сибири). От тюркских основ образованы названия д. *Алямово* (возможно, от *алам* ‘мир’), д. *Асаново* (от имени *Асан* — ср. арабск. *Hasan* ‘красивый’), *Баранчиново* (из тюркского имени *Баранча*), *Тарабаево* — от тюркского антропонима *Тарабай* (от татарского *тара* ‘невысокий’, *бай* ‘богатый’). Название д. *Тылаево*, вероятно, родственно названию *Тулай* (известны р. *Тылай* на Северном Урале, с. *Тылай* в Республике Коми, п. *Тылай* в Кировской области), как и фамилия *Тулаев* (известна у казанских татар). Возможна связь этих названий с древнетюркско-татарским обрядовым именем *Тулай* (переносно — «полная луна», ср. тат. *tulu* ‘полный’). Название деревни *Капилино* может быть связано с женским татарским именем *Капилья*, хотя народная молва соотносит его с русским именем *Капитолина*: «*Деревня Капилино — это от имени Капитолина. Когда-то ещё при императрице Екатерине второй здесь были владения Строгановых. Здесь, видимо, пустые земли были, и отправляла эту Капитолину Бурлакову. Отсюда и говорят, что фамилия Бурлаковы. Бурлаковы только здесь, в Капилино живут. Сама Капитолина тоже здесь не жила, а где-то по Волге жила. Бурлаки, её слуги, собирали дань со здешних людей и на больших лодках отправляли по Иньве, потом по Каме, а с Камы уже там же баржи ходили*» (зап. от Бурлаковой В.Г., 1933 г.р., д. Капилино).

Расположение поселений около водоемов обусловило то, что многие коми-пермяцкие названия населённых пунктов были даны по названию рек, на берегах которых они располагались. Ойконимы, совпадающие с названиями водоемов, — *Доег* («*Доег, тут речка течёт, называется тоже Доег. И поэтому, наверно, и назвали. Доег — это где-то на холму*»), село *Юсьва*, расположенное на реке Юсьва, посёлок *Пожва*, деревни *Пожовка*, *Верхняя* и *Нижняя Волпа* на реке Волпа, деревня *Гальяшер* на реке Гальяшер. Указание на название водоема содержится в названии д. *Сивашер* (*си* — ‘волос’, *ва* — ‘вода’, *шөр* — ‘середина’ или *шор* — ‘ручей’), д. *Почашер* (из *потшашор* — ‘загороженный ручей’, *потш* — ‘жердь’, *потша* — ‘запертый на жердь’, *шор* — ‘ручей’). В другие названия деревень входит формант, напрямую указывающий на расположение селений около водоёмов. Деревня *Истер-Дор* — это селение у реки Истер (*дор* переводится как предлог ‘у, около’). При этом указание на расположение может быть

оформлено русским словом, как, например, в названиях населённых пунктах д. *Верх-Ядьва*, д. *Край-Иньва*, д. *Верх-Мега* (от коми *мег* — ‘излучина реки’).

Сложность освоения края, активное взаимодействие русских и пермяков своеобразно отражает в частности предание о происхождении деревень Савино и Мосино: «Жили два брата *Сава* да *Мося*, а год-то уж и не известен. Вот они организовали каждый свой починок. Земля, вишь, понравилась. Один выше реки *Юсьва*, второй ниже. Чтобы не мешать друг другу, так стали строиться. И потом стали две деревни, *Савино* да *Мосино*. А язык-то сначала вроде русский был, братья были русскими — дед-то у тех братьев, у *Савы* и *Моси*, был один из стрельцов *Петра I*, они были сосланы сюда. И пошла фамилия *Боталовы*, что в *Савино*, что в *Мосино*. Хотя кругом разговаривали на коми-пермяцком, здесь говорили на русском. А в жены-то брали коми-пермячек, дак и заставляли говорить по-русски, чтоб русский-то язык не забывали. Идет *Настя* от коров, а зять-то подзывает ее и хресть вожжой: «Это чтоб русский язык не забывался». Все снохи и переучивались» (зап. от *Боталовой М.П.*, с. *Юсьва*).

Микропонимика

Наглядно свидетельствует о совместном историческом проживании на одной территории разных народов юсьвинская микропонимика (названия полей, лесов, гор, оврагов, дорог). В составе микропонимов встречаются географические термины как коми-пермяцкого (*вёрок* ‘небольшой лес’, *керёс* ‘гора’, *нюр* ‘болото’, *рас* ‘роща’, *ты* ‘озеро’), так и русского происхождения (*мыс*, *пальник*, *ключ*, *лог*). Достаточно распространенным явлением в названии полей, лесов, гор и других географических объектов стало соединение русских и коми-пермяцких элементов. В названии хвойного леса *Тяпкан туй* (с. *Доег*) слово *тяпкан* связано с диалектным (напр., волог.) *тяпка* — ‘засечка, зарубка, метка’ (ср. *рязанск. тяпник* ‘хворост, кустарник, мелкий лесок’) и коми *туй* ‘дорога’. Вероятно, подобное название лес получил по вырубленной дороге в лесу или около этого леса. В состав коми-пермяцкого микропонима охотно включается русский географический термин: «Поля, урочища — у них свои названия. Например, *Патёджрива*. А это *патёдж* — там жилище было, *Пачёйчем* звали мужика. Раньше у него жилища там были,

эти поля они обрабатывали. А грива — это как мысок» (зап. от Боталова П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово). Первая часть микротопонима связана с коми-пермяцким именем, вторая же явно имеет славянское происхождение — употребляется здесь в значении 'вытянутый участок поля, вдающийся в лес'. Возник этот термин на основе сходства поля с гривой лошади, а само слово восходит к праславянскому *griva — так называли вытянутые, продолговатые участки земли, леса, возвышенности между оврагами, ручьями и ложбинами.

Микротопонимы, указывающие на владельца, хозяина, включают имена, фамилии и прозвища жителей (*Ваня, Васька, Ганя*), содержат географическую координату (название урочища *Ивашково* связано с тем, что оно возникло на месте бывшей д. *Ивашково*, название леса *Тарабай-лес* — с тем, что он находится около деревни *Тарабай*), указывают на обстоятельства освоения места (поле *Нарезка* названием отражает способ хозяйствования в прошлом, название образовано от термина *нарезать землю* 'выделять пай для индивидуального пользования': «*Нарезка — раньше же как бы нарезывали, пахали дак*» — с. Доег).

Поля, горы, леса, постройки в основном названы по именам, фамилиям живших здесь хозяев: «*В Тимоново русскоязычное население проживало, и доезжали они не до переборовской мельницы. А переборовскую мельницу называли ежовской, Ежов потому что ее строил*» (с. Архангельское). Скорее всего, в названии горы *Ганькерос* (*керос* — 'гора, возвышенность'), с которой, как считается, начинается село Архангельское, также содержится имя *Гань* (из календарного полного *Галактион* или из прозвища *Гань*, связанного с коми-пермяцким глаголом *ганьны* — 'наклониться, накреститься'). Название *Ганькерос* могло возникнуть и из описательной конструкции — 'наклоненная гора'. Топоним может представлять трансформированное русское слово. В названии урочища *Дова* на месте бывшей д. *Вдовино* отразилось коми-пермяцкое произношение русской фамилии *Вдовин*, в названии *Резинкамыс* (или *Резвьянкамыс*) содержится трансформированный русский глагол *резвиться*: на этой возвышенности, по словам старожил, в праздники собиралась веселиться молодежь (местное объяснение названия в духе народной этимологии — *Резиновая гора*, то есть «растягиваемая» от большого количества людей). Жители нескольких

деревень собирались также на больших *шутемах* — лугах в таких местах, как *Гажа Мыс* («Весёлая гора»). Особенно большие гуляния устраивались здесь на Троицу и Заговенье.

Микротопонимы с русскими включениями могут быть оформлены по русской грамматической модели (*Афонинский Лог* называется так, потому что располагается за деревней *Афонино*, *Макаровский Лог* — «лог, где находятся покосы Макаровых», *Осипов Лог* — «лог, принадлежащий Осипу», *Павловский Лог* — «лог, принадлежащий Павлову», *Учительский Лог* — лог, где располагаются участки, которые выделены специально для учителей: русское по структуре название). Часто микротопонимы сохраняют и коми-пермяцкую структуру: «*Анна Покос* — раньше этот участок принадлежал Анне, после революции земли объединили». Хотя микротопоним состоит из русского антропонима и русского географического термина, грамматическая структура названия — коми-пермяцкая. Таково же название *Васька Мыс* — «Васькин угор»: «Раньше на этом угоре был Васькин покос. Васька мыс очень большой, бригаду косарей придется большую набрать». Иногда имя представлено в форме родительного падежа: *Ванирас* — «роща Вани» (от коми-перм. рас «роща»), хотя в большинстве случаев топоним оформлен по коми-пермяцкой грамматической модели, ср. также *Пистик-мыс* («Там очень много пистиков бывает» — Доег), *Волпамыс* — «возвышенность у реки Волпа», *Галямис* — «гора, возвышенность с гравием, галькой», *Горбамыс* — «горбатая гора» (так называют гору за крутые склоны: *горба* и *мыс* — заимствованные коми-пермяками русские слова *горбатый*, *мыс*), *Дюттянмыс* — «гора с качелями» (на этом возвышенном месте в деревне Калинино на Пасху устанавливали качели), *Малинник Угол* — вырубки, заросшие малиной, по форме напоминают угол, *Мельница Вёрок* — «лесок, где мельница», *Исаков Ваня Лог* — «лог Исакова Вани» (раньше рядом с этим логом был огород и дом Исакова Ивана), *Пихтовка Лог* — название по ойкониму Пихтовка, *Сютнюр* — «болото рода Сютювых» (от коми-перм. нюр «болото»). Название луга *Тюня-Сеня Видз* представляет собой сочетание коми-пермяцкого географического термина *видз* «луг» и прозвища *Тюня* (форма имени *Фёдор*; слово, как и в русских говорах, имеет также символическое расширение и характеризует человека никчемного, такого, у которого все валится из рук).

В составе микротопонимов отмечается большое количество русской заимствованной географической и вообще природной лексики: *Ключалог* — овраг в лесу, по которому протекает родник, *Кöинпальник* — «пальник Волка» (местные жители рассказывают, что на этом месте был густой лес, оттуда часто доносился вой волков), *Сенькина Поляна* (ягодное место, в прошлом покос, хозяином которого был некто Сенька). Название берега реки Кырдымка *Сола Берег* мотивировано тем, что здесь когда-то нашли много соли, возвышенности *Туримыс* («журавлиная горка») — тем, что, как рассказывают местные жители, на этом месте часто слышно курлыканье журавлей. В названии *Наумшутём* («заброшенное поле Наума») содержится русский диалектный географический термин шутём «заброшенное поле», в названии *Общöй Йöр* («поле, огороженное общей изгородью») заимствование *общöй* «общий», в названии *Осокаты* («озеро, поросшее осокой») коми-перм. *осока* 'место, поросшее осокой' от русского *осока* и коми *ты* 'озеро'. Название *Посадкерöс* (букв. «посадская гора») — гора на главной дороге при въезде в село Архангельское) содержит коми-пермяцкий географический термин *керöс* «гора» и русское наименование вида поселения *посад*.

Иногда мотивировки названий носят более сложный, опосредованный дополнительными признаками характер. Название горы *Гажа мыс* (в переводе «веселая гора»; находится возле д. Забган, где протекает р. Велва) связывают с устойчивыми поверьями о способности горы отводить тучи: «*Эта гора очень знаменита в нашей местности. Бабушки говорили, что она обладает особой силой: когда вдруг начнется большая гроза, страшная, несутся очень громадные тучи, тогда эта гора разъединяет те тучи, и они кажутся не так страшными, делятся на мелкие частицы. Здесь всегда светит солнце, люди сюда приезжают отдышаться, поплавать в речке, смотреть с горы на нашу красивую местность*». Подобные названия достаточно широко применяются и в русской топонимической традиции — *Гора Весёлая*, например, расположена в одном из живописных уголков Алтая, с её вершины открывается великолепная панорама долины реки Катунь, горный массив Веселые горы есть в Свердловской области (ср. также пермское диалектное обозначение живописной местности *весёлое место*).

Вырубки *Сибирёк* получили своё название по диалектному значению слова *сибирь* — так в говорах называют удалённое место, соотнося его с Сибирью, с территорией России к востоку от Волги: «*В Сибирёк когда-то ушел молодой парень да потерялся*».

Собственно коми-пермяцкая микротопонимика также крайне разнообразна, содержит множество мотивировок. В большой группе микротопонимов первая часть указывает на особенность географического объекта (его форму, ландшафт, растительность): «*Идёшь в лес по дороге, дорога называется Баддятуй — ивовая дорога. Дальше Вёськытатуй называется, это прямая дорога*» (зап. от Боталова П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово,); *Баддятуй* от коми-пермяцкого *бадь* ‘ива’ и *туй* ‘дорога’, *Вёськытатуй* — из коми-пермяцкого *вёськыта туй*, где *вёськыт* — ‘прямой’, *туй* — ‘дорога’. В основу названий географических объектов также могли быть положены цветковые признаки: «*Там есть Светьян Мыс, когда падают, блестит всё*» (зап. от Семушевой Г.К., 1963 г.р., с. Доег,); «*Есть Вижнюр — жёлтое болото. Там ягод очень много*» (с. Архангельское); «*Есть поле Чочком Сёй*» (от коми-перм. *чочком* «белый», *сёй* «глина»). Покос *Сентульвёйём* получил свое название по событию, которое когда-то произошло здесь: старожилы д. Секово рассказывают, что во время сенокоса в реке около покоса утонула женщина по имени *Сентуль* (первая часть названия, возможно, отражает коми-пермяцкое произношение имени *Ксения*, слово *вёйём* переводится «утопление, утонувший»). Микротопонимы фиксируют приметные свойства объекта — его форму, размер: поле *Чукуля Пожум* — поле, посреди которого стоит кривая сосна (от коми-перм. *чукуля* «кривой», *пожум* «сосна»); покос *Ыджыт Видз* — покос «большой луг» (от коми-пермяцкого географического термина *видз* «луг»); *Ыджыт Куш Лог* — «большой лог без леса» (из коми-перм. *ыджыт* «большой», *куш* «голый»); *Яг Вёрок* — «сосновый лесок» (название образовано от коми-пермяцких слов *яг* «хвойный лес», *вёрок* «лесок»). Встречаются в микротопонимике названия, указывающие на месторасположение объекта: «*Туйшёр поле-то назвали, оно, значит, между двумя дорогами это поле*» (с. Доег) — из коми *туй* ‘дорога’, *шёр* ‘середина’; лес *Окташёр* (с. Доег) — из коми *октас* ‘подсека, очищенное от деревьев место в лесу’, *шёр* ‘середина’.

Весьма употребительными на территории Юсьвинского района являются географические термины, построенные на использовании коми-термина *чёлпан* («*Потом там Чёлпан Мыс — как каравай хлеба*» — с. Доег). Словом *чёлпан* в языке коми называют круглый хлеб и округлую гору, образовано оно из слов *чёл* 'лопатка для теста' и *пан* 'конец', первоначальное значение *чёлпан* 'конец лопатки для теста' было переосмыслено в 'хлеб (тесто) в количестве одной лопатки'. С этими же значениями слово *чёлпан* было заимствовано и русскими («*Стоит она на Челпан горе, и с горы-то с этой все видать как на ладони*» — г. Кудымкар). Покос *Ошвийём* (из *ош* «медведь», *вийём* «убийство») получил свое название по событию, которое здесь произошло: старожилы рассказывают, что на этом месте был найден убитый медведь. Покос *Ошгён* называется так, потому что, по словам местных жителей, раньше на это место из леса часто выходил медведь (*гён* — «небольшая впадина»).

Антропонимика

Частотными юсьвинскими фамилиями являются фамилии русского происхождения: *Аксенов* (от мужского имени *Аксён* из *Авксентий*), *Баяндин* (в основе лежит название музыкального инструмента со сложной системой ладов, в свою очередь, названного по имени сказочного древнерусского поэта *Баяна*). Фамилия *Мелюхин* связана со старым русским именем *Мелех* — формы имени *Мелентий* (от греческого *мелете* 'забота'). Фамилия *Боталов* образована либо от звукоизобразительного *ботало* 'колоколец-погремушка на шею пасущейся лошади или коровы', либо от тюркского имени *Батал*, что в переводе означает 'медлительный', 'неповоротливый'. Явно отпрозвищными являются фамилии типа *Тараканово* (и соответственно топоним *Тараканово*): «*Жил, говорят, мужичок тут, похожий на таракана: маленький, щупленький. И в честь него, видать, назвали эту деревню так — Тараканово*» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 гр., д. Тараканово).

Многие здешние фамилии имеют сугубо коми-пермяцкое происхождение: *Ошканов* из *ошкан* 'хвалебный', *Тудвасев* от коми *Тудвась* (прозвище бормочущего). Фамилия *Тукачев* может быть возведена либо к диалектному русскому *тукач* (так называли в прошлом обитый, околоченный сноп — ту-

качом соответственно могли называть того, кто молотит), либо к финно-угорским *tuk, tukk, tukku* (ср. вепсское *tukk* ‘связка, охапка соломы или льна’). Возможна также его связь с тюркским антропонимом *Тукач* (считается волжско-болгарским именем). Фамилия *Шаламов* (как и топоним *Шаламово*) связана, вероятно, с тюркским именем *Шалим* (от *шалым* ‘горсть’ — давалось младенцам, чтоб подчеркнуть их миниатюрность; по другой версии, название строилось на ассоциации с ‘работоспособный, сильный, крепкий человек, мастер на все руки’).

Прозвища

В Юсьвинском районе как среди русских, так и среди коми-пермяков весьма развито использование в повседневном общении прозвищ. «*Вот скажите по имени — не знают, а прозвище когда скажешь, сразу человека узнают*» (с. Доег). Распространены здесь коллективные прозвища, которые могли быть просто названием жителей определенной деревни (*микулинчи* жители д. Николаево, в прошлом Микул, *пилинчи* жители бывшей деревни Пилин, отмеченные выше *графича* жители с. Архангельского, *малачусты* жители Доега). Неодобрительные оценки жителей тех или иных поселений обычно строятся на выделении той или иной внешней их особенности: «*Юсьвинских называют чуча-кулич. Чуча — это скверное слово, а кулич — значит, лыко-то снимают, это так же снимают. А наших называют Карпочи-гарбонёк. Это красные поясы. Они жёлтое любят, жёлтые носят, жёлтые юбки*» (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурмэс). Прозвище *Карпочи-гарбонёк* происходит, вероятно, из коми *гöрд вонь* ‘красные повязки’. Подобное прозвище жители *Мурмэса* могли получить по традиционному для них ношению коми-пермяцких лаптей с красными повязками. Сложнее дело обстоит с прозвищем жителей с.Юсьва *Чуча-кулич*. Можно лишь предполагать, что это сложное оценочное образование возникло из коми слова *чуча* ‘собака’ и русского *кулич* ‘праздничный пасхальный хлеб’, т.е. иронически характеризует религиозность жителей села (информант, правда, связывает слово с коми-пермяцким глаголом *кульны* ‘драть, снимать’).

В районе до сих пор сохраняются родовые прозвища, которые отличаются от обычных прозвищ тем, что передаются из поколения в поколение и часто имеют неясную мотивировку:

«У меня дядя был, участник парада Победы. Помню, он сидит, радио слушает, слушает. Его почему-то звали Ош-Яков. Почему Ош? Это ведь медведь. А он на медведя вовсе не походит» (с. Архангельское). Возникли и закрепились многие родовые прозвища по имени предка: *«У нас по родству называют. По прадедам да што да. Например, нас называют Яков род»* (с. Доег). *«Мишичи называют — Мишич был, старик, видно, дед ли чё ли»* (д. Мурмэс). *«По деду нас называли. Деда звали Лука, а у него внучек, так его звали Лука Степан»* (д. Верх-Мега). В некоторых случаях могло стать родовым также современное прозвище: *«У нас папа был в районе-то первый человек. Служил в Отечественной войне, в финской войне. Первый пришёл из армии моряк. Нас и называли всё — Моряк-Валя, Моряк-Зоя, а внучок — Моряк-Серьга»* (д. Фадеево). Иногда свое прозвище человек получал по имени матери. *«Мужик есть Дунич — это от матери Дуня»* (с. Доег). Расселение по хуторам в прошлом также отразилось на создании семейных прозвищ: *«Хутор назывался Кудик, мы жили. Я Зоя, так всегда звали Кудик Зоя. Я у Кудик Степана внучка»* (с. Антипино). Этим словом называют и небольшой лес около Доега (предположительно, само слово связано либо от коми-пермяцкого куд 'лукошко, короб', либо русского куд со значением 'злой дух, нечистая сила' — с использованием уменьшительного русского суффикса -ик).

Основой для прозвища могла стать внешность человека, его привычки, характер, образ жизни и место обитания. В селе Доег одного из жителей называли *Серга-Гу*: *«Он как в землянке живёт»* (по коми гу 'яма'). К имени человека могло просто прибавиться определение, характеризующее его внешний облик: *«Кузь — длинный, вот и Кузь-Гриша, Кузь-Коля — просто ростом длинный, высокий»* (с. Доег). В других случаях прозвище возникало на основе сравнения с животными (*«Кёчок-Ваня — это значит заяц, он маленький был»* (из коми-пермяцкого кёч — 'заяц'); с демонологическими персонажами: *«Тут мужчина живёт — Чаколян, потому что он тёмный»* (возможно, из коми-пермяцкого калян — 'демонологический персонаж, чёрт'). Очень часто оцениваемым становится характер, личные качества человека: *«У каждого есть прозвища. Там у нас есть мужчина, его зовут Руч, лиса, он хитрый»* (с. Доег); *«Вот, например, Фамусов есть, он такой нудный по характеру. Например, Шпион, Шпик — на-*

верно, хитрый что. У нас тут старик есть Иван Егорович, он сам себя Бесом назвал. Он вспыльчивый. Руч-Валя в Онохово — это лиса, по характеру, наверно, походит» (с. Доег). Достаточно распространенным является образование прозвища по роду занятий: *«Пороз-Илья. Пороз — это, значит, бык, потому что он работал семенатором. Значит, по работе»* (с. Доег).

Иногда мотивированность прозвища установить достаточно сложно: *«Называют меня Бёдись-Валя»* (д. Мурмэс). Прозвище может быть связано с коми-пермяцким словом *бедь* 'палка' (могло быть дано худому высокому человеку). Встречаются прозвища, образованные от местной формы имени человека: *«Синька меня зовут, которые Сюша»* (д. Мурмэс). *Синька, Сюша* — произнесенное на коми-пермяцкий манер имя *Ксюша*.

Таким образом, топонимика и антропонимика Юсьвинского района отражает культурно-языковой ландшафт, историю заселения территории, проживания на ней разных народов. В своей совокупности местные названия объектов природы, селений, фамилии местных жителей, развитая прозвищная традиция создают языковой портрет края, выявляя присущие этой территории особенности. Как антропонимика, так и топонимика края отличается наличием своих, в прошлом географически ограниченных фамилий и названий; в ней немало свидетельств культурно-языкового взаимодействия коми-пермяков с другими народами Прикамья.

СЕМЕЙНО-БЫТОВАЯ ОБРЯДНОСТЬ

В разделе по воспоминаниям старожилов края реконструируются традиционные ритуалы, связанные с семейным укладом. Особый местный колорит многим из них придает своеобразное переосмысление русских обрядовых форм коми-пермяками

1. Родильная обрядность и культура детства

Ниже воссоздаются отдельные эпизоды родильной обрядности, приводятся рассказы о приметах и поверьях, связанных с родами. Родильная обрядность в её практическом и символическом аспектах направлена на обеспечение благополучного появления новорожденного на этот свет и присоединение его к социуму. Как и в других комплексах народной культуры, в родильной обрядности юсьвинцев сохранилось много архаики. Архаичные взгляды на потустороннюю природу ребенка очевидны, например, в традиционном объяснении детям появления новорожденных. Коми-пермяки в прошлом рождение детей объясняли маленьким тем, что «Ребёнок появляется из дерева» (наряду с распространенными выражениями что детей находят в огороде, в капусте, в грядке с огурцами, вылавливают из воды). Выражение мотивировано мифологическими представлениями о том, что дерево маркирует центр мира, где сконцентрированы потенции, начала жизни. Сюжет выражения *появился из дерева* существенно отличается от близких славянских интерпретаций рождения, представленных в выражениях типа южно-русских *с груши упал, на вербе словили*, пермского *с ёлки сняли*, поскольку в нём «обозначено» пребывание ещё не рожденного **в дереве**, а не **на нём** (в славянской традиции, прежде всего в фольклоре, обычно фиксируется превращение в дерево человека после смерти).

Стараясь избегать прямого названия беременной, обращались к эвфемизмам. «Беременную женщину называли «сія събкыт», она, мол, тяжёлая. Родки-то все молодые были, однородки, первородки, а в тридцать лет уже старая» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). «Когда женщина беременная, груди чернеют. Черные становятся. Соски становятся черные. Другие женщины говорят: «Опять чернеют, значит, беременная. Это примета такая» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

Ряд действий связан с прогнозируемым полом ребенка. «Девка турун, траву пьёт для того, чтоб родился парень, забыла какую» (зап. от Сериной Л.И., 1975 г.р., с. Архангельское). «Если мальчика хочешь, на мальчиков надо смотреть больше. А если девочку, на девочек больше посматривать» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Чтобы мальчик родился, после того, как девочка родилась, надо послед перевернуть или вывернуть» (зап. от Ивченковой З.И., 1934 г.р., п. Майкор). «Есть у кого только девочки рожаятся, а у некоторых только парни, тут надо пелёнки переменять. Или при себе думать, чтобы родился такой-то. Когда родился мальчик, соседки придут и говорят: «А у тебя тут косичка. У парня. На затылке у шеи. Значит, вторая будет девочка» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). Рождение мальчика в семье встречалось с большей радостью, чем рождение девочки. На девочку смотрели как на временную гостью, которая выйдет замуж и уйдет из родного дома; кроме того, ей надо было давать ещё и приданое. Мальчик же оставался в семье и в будущем становился опорой стариков-родителей.

За время беременности старались определить пол будущего ребёнка. «Если живот круглой формы — будет девочка, а если вытяженный или как, то мальчик будет». По глазам определяли: глаза мутные, будет девочка, а если светлые — мальчик. «А потом еще, если на лице изменяется женщина, некрасивая как становится, то девочка будет, а если нет, мальчик» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). «Если мальчика носит девушка, она такая красивая на вид, такая привлекательная. А если девочку носит — она уже меняется — вся красота уходит к девочке» (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино). «Лицо у женщины красное, значит, девочка будет. Если

светлое лицо, вроде мальчик будет» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). «Если парня носишь, то худеешь, если девочку, то лицо красное, краснеешь. И по еде определяли. Если у беременной охота на водку, значит, мальчик будет. Бывают такие прихоти. А если девочка, то сладость или что надо» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Прихоти, вот я знаю, если сыном ходишь, тянет, чтобы было горькое, соленое. А девочки, что-то сладкое, вкусное. Обязательно надо исполнять прихоти» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). «Если ребёнка носишь, если девочка, тогда очень сильно тошнит, а мальчика легче носить. С мальчиком можно хоть чё есть» (с. Архангельское). «Мальчик больше шевелится, болтается. А вот девчонка если, дак раз в неделю шевелится» (зап. от Вилесовой Е.Г., 1938 г.р., д. Макарово).

Будущая мать и ребёнок считались особенно подверженными сглазу, порче, поэтому строго соблюдались меры, призванные защитить их от вредоносных сил. Своеобразны в этом плане многие обрядовые запреты. Так, считалось, что дом перед родами нельзя было убирать (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево). Смысл запрета — тот же, что в близких правилах не убирать в доме после захода солнца («выметешь» из дома достаток и здоровье), когда кто-то из семьи находится в дороге («замоешь дорогу»); коми-пермяки, как и русские, считают, что при уборке с остатками домашнего хлама могут быть удалены всякие воспоминания о человеке, затронута его жизненная сила. Устойчива вера в предначертания судьбы родившегося. «Когда родишься, Господь-батюшка напишет, сколько лет прожить надо тебе — столько и проживёшь. И ангелы Господни тогда пишут, сколько годов прожить, где какой смертью помереть: то ли на воде, то ли в петле, то ли хорошей смертью». Верили, что вместе с рождением младенца появляется и его ангел-хранитель. «Как родился младенец, у его на одном плече сидит ангел, такой же маленький, а на другом плече сидит черт, тоже маленький. Один защищает, другой искушает» (п. Пожва).

«Беременных берегчи надо было. Люди ведь всякие есть. Могут даже беременной порчу пропустить. И это ребёнку берётся. Ниточку надо, булавочку надо, там лавровый лист надо положить, чеснок в карман или в сумку, чтобы не сглазили, ничего не сделали. И со словами: «Ангел-хранитель, спаситель, спаси и сохрани раба Божия (имярек) от всяких врагов,

всяких колдунов, от всяких сплетней, от всяких болезней» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

Чтобы сберечь плод, беременным предписывали соблюдать ряд предосторожностей: не нервничать, спокойно жить, не ругаться. *«Через оглобли перешагивать вообще никому беременным не надо. И через хворостину, такая веточка валяется — не перешагивай. Нельзя перешагивать через вилы, грабли»* (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). *«Беременной нельзя через кошку переступить — будут роды тяжелые»* (зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р., д. Сивашер). Запреты на перешагивание могут иметь и более расширенный смысл: *«Коромысло вот, воду таскают — это не надо переступить девке — муж горбатый попадёт. И беременной особенно»* (с. Антипино). Встречаются и более экзотичные: *«Беременной на сено нельзя мочиться. В дровнике, где дрова рубят, там щепётки (=щепки), да чё, туда тоже нельзя. На солому, на траву нельзя сухую»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

Ряд примет связан с пуповиной. *«Вот родится сын, объяванный в пуповину, дак, говорят, мол, в тюрьму сядет. На шею крутится пуповина, раза два, три — столько, сколько в тюрьме будет сидеть. В тюрьму попадает такой»* (зап. от Пушкиной К.Н., 1931 г.р., д. Калинино). *«Если от пуповины отрезался сам, дак долго не проживёт свой век»* (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново).

Будущая мать не должна посещать определённые места, связанные с негативными эмоциями. *«Женщине беременной нельзя на кладбище ходить, говорят, ребёнок может умереть, родится как. Вообще беременной провожать покойника не надо. Говорят, это укорачивает жизнь матери и жизнь ребенка. А если этот покойник чем-то болен был, может эта болезнь перейти ребенку. Если прощалась с покойником, ребёнок родится, и запах у него будет какой-то неприятный идти изо рта»* (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино).

Устойчив запрет на посещение беременной леса. *«С животами которые, те в лес не ходили — таких медведи гоняли»* (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). *«Нельзя по малину ходить, если беременная. Медведь, говорят, ребёнка может вытащить из живота, играет с ним. У коров тоже вытаскивали телят, были случаи»* (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино). *«А почему выходит на беременную медведь — я не знаю. Играть он любит. На камень поставит и играет»* (зап.

от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). «У нас у мамы бабушка, она беременная в лес ушла. Малины, говорит, много-много нашла. И тут, медведь-то, говорит, вышел, да давай качаться. Она испугалась, и точно также стала качаться» (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново). «У меня мама рассказывала, куда-то они пошли с ночёвкой за малиной. И целую ночь, говорит, медведь-то голосом сороки кричал. И эти женщины сказали: «Это из-за тебя, потому что ты такая, беременная». Беременную медведь не любит, ребёнка вытаскивает» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). Обычное объяснение особой «нелюбви» медведя к беременным — то, что она может родить будущего охотника.

Скорбыши — так называли последнего ребёнка (с. Архангельское). Самый последний маленький ребёнок — каган по коми: «Все последние, так все каганы» (с. Архангельское). «Курмыш, камыш — последний ребенок. Если буквально перевести на русский язык — это уже все остатки собранные. Меня вот так и называла мама, потому что я последняя в семье и поздний ребенок» (зап. от Сериной Л.И., 1975 г.р., с. Архангельское). *Первенец* — первый ребёнок, последний — *юрвердисьпи* (приблизительный смысл названия — «тот, кто будет кормить меня в старости»): «Он будет жить с родителями, ухаживать за ними, он будет самый дорогой» (зап. от Власовой Р.Г., 1937 г.р., с. Архангельское).

Ребёнок, родившийся до брака, в большинстве случаев не препятствовал девушке выйти замуж; этот ребёнок пользовался в семье такими же правами, что и дети, родившиеся после брака, но носил фамилию матери и зачастую отчество, образованное от её имени.

Первые месяцы жизни ребёнок проводил в люльке. К 8-9 месяцам, когда ребенок начинал ползать, а затем ходить, для него приготавливали специальный деревянный стульчик с круглым вырезом в середине, который помогал ему стоять и передвигаться. Коми-пермяки рано начинали приучать детей к труду. Девочки с 7-8 лет помогали по дому: нянчили младших, чинили одежду, плели сети и пряли. Мальчиков приучали обращаться с лошадьё, перевозить копны сена, возить хлеб с поля, боронить. Подростка 8-15 лет коми-пермяки так и называли «борноволок» (это название погонщика, правящего лошадьё при бороньбе, известно во многих русских говорах Севера и Сибири).

Роды. Бабы муки

Женщины коми-пермячки в старое время были до последних дней беременности заняты на работах, рожали дома (чаще всего, в банях или в хлеву) с помощью повивальной бабки («гӧг-баба» — пуповая бабка, или «бабитчись-баба» — повивальная бабка). Обязательно почти сразу после рождения ребёнка мыли в бане, где повитуха совершала над роженицей и ребёнком разные обрядовые действия, чтобы предостеречь их от сглаза и болезней. *«Раньше специально бабушки были, которые принимали роды. У нас в деревне была Наталья-баб»* (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). *«У нас бабка одна в деревне роды принимала, бабилась всё ходила по деревне»* (зап. от Боталовой Л.С., 1936 г.р., д. Мурмэс). *«Рожали в банях, бабушки помогали, повитухи. Молитвы читали, чтобы легче родить было. Дочь с повитухой в бане, а мать молитвы читает»* (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег).

Рожали в бане, которую предварительно протапливали. Нередко принимала роды свекровка: *«Бабушки принимали. У всех, у кого свекровки были, дак они и принимали в бане роды»* (с. Архангельское). *«В бане раньше рожали. В деревне раньше рожали часто, дак повитуха бегала из бани в баню, а вот две роженицы в бане не должно быть»* (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво).

При сложных родах старались рожать стоя. *«Всяко рожали. Я Ивана стоя родила»* (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево). *«Одного стоя родила дома. Целый день я на работе, на полях. Потом вечером пришла, ну, у меня схватки пошли. Раньше полати были, я за полати взялась, тук только. Я говорю: «Имайте, имаите, ребёнка-то имаите». А они за меня держатся, а ребёнок-то падает. Стоя легче рожать»* (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). *«Я в девять часов родила. Там грядка была. На грядку повесилась, как брызнула. И зонка-то по полу только шу-у»* (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). *«Неправильные роды нынче, женщине делают операцию, через живот ребёнка достают. А раньше куда-то подвешат родильницу, и тут весится. Полати раньше были, на полати повесят и тут она весится. На веревку или на что-нибудь за руки, за подмышки повесят»* (зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р., д. Сивашер).

«Чтобы облегчить роды, косу расплетают» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево). *«Если плод неправильно ле-*

жит, бабушка руками поправляет» (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево). *«Бабка давила полотенцем роженцу-то»* (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево). *«Ниткой вязали пуповину, льняная, белая нитка»* (зап. от Савельевой Р.В., 1947 г.р., д. Мосино). *«Раньше пуповину зубами перекусывали эти бабушки. Ниткой обязательно перевязывали»* (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). *«Свекровка-то опять пуп зарезала. Ножницами резала»* (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково).

«Бабья мука, когда баба мучается. Тут слова есть. Вот как пошла рожать из дома, говори про себя: «Господь, помоги рабе Божии рожать легко». Муж может говорить эти слова. И чтобы помолился хорошенько. Ну, если муж-то дома, а ты в больнице, у нас сейчас телефоны, надо чтобы позвонил, чтобы трубу дома открыл или форточку. Там нашептает, чтоб она легко родила: «Господь, помоги мне раба Божия рожать легко. Как кошка рожает легко, так же бы рожала такая-то» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

«Поверье ещё такое было — ребёнка обязательно надо было завернуть в рубаху у мужа, старую. Сына заворачивали туда. Отец заворачивал в собственную рубаху» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). *«Ребёнка родила, сразу его на печку положили, с дедом. Новорожденного ребёнка обязательно поднимали на печку»* (зап. от Баяндиной Е.А., 1930 г.р., д. Бажино).

«Послед в тряпочку обвернут да в подпол за завалину, туда. Лопатой ямочку сделаешь да туда как похоронишь. Туда кладёшь глину, чтоб не видно было. Так и оставишь» (с. Архангельское). *«Послед прятали в землю. Где родила, там и оставила. Я в конюшне родила. Прямо там и закопала»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). *«Послед бабушка в погреб положила. Закопала»* (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор). *«Послед хоронили в землю. В навоз тоже хоронили»* (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., д. Калинино).

«Пуповину в книге надо хранить, чтобы грамотная была» (зап. от Вилесовой Е.Г., 1938 г.р., д. Макарово). *«Я пуповину в книгу положила, так вот дочь у меня с высшим образованием»* (с. Антипино). *«Коточик, которым лапти плели, пупок-то у мальчика привязывали к этому коточику, а если девка родится, то пупок-то привязывали к прялке, чтобы она*

была пряхой» (д. Макарово). «Пуник вот отсохнет когда, его в прялку положат. Это чтобы пряла девочка. А если мальчик — на лапти положат» (д. Калинино).

«Ребёнка нельзя на люди выносить сорок дней. Его даже не показывали никому» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). «Через день надо баню топить маленькому ребёнку» (зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурмэс). «Если моешь маленького ребёнка, воду не выливай, в ней надо пелёнки замочить и выстирать» (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурмэс).

Посещение родившей носило ритуальный характер. Приходили через несколько дней к родившей со своим угощением — брагой и рыбным пирогом. «Привезли меня с больницы, в баню повели, потом второй раз там ребёнка мыли, третий раз — третья баня, потом сделали полный стол, чтобы ребёнку было хорошо и чтоб был богатый. Там и вино и всякая стряпня. И ребёнка передают через стол кому-то. Передаёт через стол мама. А передаёт кому желает: сестре, брату. Говоришь, чтобы он был богатый, здоровый. И ещё, кому дают, тому подарок делают, из материала покрывало или ситец подарят. И всех угощаешь, чтобы всегда ребёнок был сыт. Это делают на третью баню. Собираются все родственники, за стол сядут. Раньше ведь вино было, пиво, рыбный пирог делаешь, стряпаешь, конфеты, в общем, полный стол. Рыбу с головами запекали. Рыба, говорят, голова человека. Голову нужно съесть хозяину. Когда рыбный пирог делаешь, хозяин должен голову съесть обязательно» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Два раза делают кашу. Всё стряпают, людей собирают. Кашу-то не делали, пироги стряпали. Пьют, песни поют, плясуют, веселятся. Гости приходили с шаньгами и своей брагой» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево).

«Через недели две-три ребёнка поднимали за ноги. Если он руки раскинул, значит, будет жить. Если руки держит на груди, значит, умрёт» (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево). «Как я рожала первого ребенка, ко мне бабушка пришла. Посмотрела на ребенка: «Какой ребенок?» Раз поднимет, два поднимет, три поднимет. Если ребенок ножки не прямо держит, а подгибает, значит, ребенок будет жить. За подмышки поднимает. Ножки висят — всё, болеет» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино).

Имянаречение. Крестины

На 8-й, 12-й или 20-й день ребёнка крестили в церкви (имя ребёнку выбирал священник, обычно в память того святого, которого праздновали в этот день или в ближайшие дни). Крестной матерью и крестным отцом приглашали родственников или хорошо знакомых людей. После крестин родители ребёнка, если они были более или менее состоятельные, устраивали обед с вином и брагой. Гости, как правило, приносили с собой пироги, вино и подарки. К крестной матери («вежань») и крестному отцу («вежай») родители ребёнка относились с большим уважением.

Большинство имен давали по религиозным праздникам, какие поближе, когда крестили. *«Как раз поп-то и давал имена к ближним праздникам. Отец у меня Михаил, потому Михайлов день. Он ближе к этому празднику родился»* (зап. от Кривощёковой З.М., 1930 г.р., д. Кубенёво). *«Вот есть Ильин день, Иван день, Афанасий день, Екатерина, вот такие имена и давали детям»* (с. Архангельское).

«Когда крестят, могли другое имя дать. Например, я Жанна, дак меня в церкви не приняли, назвали Анной. А это знаете для чего, что вот когда ребёнка крестят и дают ему другое имя, как бы оберегают его от колдунов всяких, и судьбу хотят именем обмануть, когда у него два имени. И поэтому говорят, что детей надо крестить раньше, чтоб у него ангел свой был, чтобы оберегал он его. Когда у него два имени, как бы у него своего тела больше в себе» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег).

«С вечера, накануне, если завтра крестить, седня в церкву с утра сходишь, закажешь, что вот нужно крестить. Там все уже приготовят, и воду, и все. А потом приезжаешь в воскресенье, в воскресенье большинство крестятся, служба кончится, и после службы крестят. Там есть ванна специальная, там святую воду держат, все тепленькое, всегда вода в церкви теплая. Если ребенок совсем маленький, его окунают раза три. Девочка, дак у неё крестная должна быть, у мальчика крестный. Взрослого помажут, побрызжут святой водой. Там какое-то есть церковное масло, помажут им лоб, уши. Надо босиком стоять. Ноги, руки мажут. Батюшка молитвы читает» (зап. от Еникеевой Н.И., 1961 г.р., п. Пожва).

«Там ванночка есть в церкви-то. В ванночку воду нальют. Поп ходит кругом, наговаривает: «Расти бодрей. Будь

добрым, будь крещеным, будь послушным». И ладом махнет, три раза, кругом ходит, опять три раза махнет воду, опять три раза ходит. Ходит по солнцу и наговаривает. Крестики ставит. Вот люди стоят, и он каждому крестик ставит на грудь и наговаривает. И ребенку. Ребенку на голову ставит, на грудь ставит, на ножки ставит. На руки не ставит, не видела» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). «Волосы маленечко обрезали. Помаленечку в трех местах обрезали. На лбу ставят крестик и сразу на шею наденут крестик, значит, крещеный уже. Три причастия получится» (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга). «Вот в церкви меня головой сунули в этот купель. Потом елейное масло, кресты поставили везде, и потом одели в рубашку. Мне специально сшили холщовую рубашку из холста для крестин, вот в неё и одели» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег).

Детские болезни, сглаз

В случае тяжёлого заболевания ребёнка был широко распространён следующий обычай: родители заболевшего ребёнка выходили на улицу и «продавали» его первому встречному, получая в виде платы мелкую монету. «Купивший» ребёнка вносил его затем в избу и передавал родителям как нового, чужого. О подобном обычае в прошлом упоминает И.Н. Смирнов¹⁶.

«Чтоб не сглазили, пятнышко на лбу сажей мазали. Сглаз брызгали. Если брызгать водой, слова надо говорить: «Здравствуй, вода, Татьяна-земля, ключ-Ивана, дайте воды от всякой беды» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринёво). «Сглаз можно определить, я вот лоб лижу ребенку влево, вправо, влево, очень солёный бывает. Если уросили его, у него лоб будет солёный» (зап. от Исакова Г.Я., 1925 г.р., д. Асаново).

«Если сглазят, говорят: «Надо брызгать». Берешь ковшик, в него из печки три уголька горячие положишь. Потом у нас бабушка ещё ручки у дверей обмывала. И этим брызгала через матницу-то. С ребенком-то здесь стоит, а которая брызгает, там стоит. Потом ещё так обмоют ребенка и эту воду выливают на улицу» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). «Углями сделаем, обрызгаем. У нас печка топится, там горячие угли. Три штучки положишь в воду и этим обрызгаешь. Можно девять углей, шесть сделать и капать эту воду на ребёнка, чтоб сняло. Если вода кипяченая,

¹⁶ См.: Смирнов И. Н. Пермьяки. Историко-этнографический очерк. М., 2012.

можно и в рот» (зап. от Беляева И.П., 1932 г.р., Беляевой Р.М., 1932 г.р., д. Мочга). *«А если ребенок сглазится, дак ещё воду берут, помывают у стола три угла, потом три уголька горящих пускают из печки, и этим плескают. Говорят, что тоже проходит сглаз. Воду из трёх колодцев, из трёх ключей надо взять. В одну кружку. Без солнца. Брызжут, когда солнце не восходит ещё»* (с. Антипино). *«Ребенка надо лечить, надо три двери умыть. Скобы. Водой чуть-чуть пропускаешь и этой водой умываешь. Сглаз чтобы пропал»* (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево).

«Если сглазили, брызгают с молитвой. Водой брызгают из рта через заслонку. Я сама ребёнка держу, а бабушка брызгает. Через заслонку наверх» (зап. от Власовой Ю.И., 1930 г.р., д. Тараканово). *«Когда ребёнка сглазили, водой брызгают, просто водой из колодца. Мужик на улицу пойдёт и большие не смотрит, чтобы не сглазить большие»* (зап. от Тюляевой А.И., 1932 г.р., д. Терино).

«Когда ребёнок плачет, значит, его сглазили. Тут брызгают, под Ен-угол брызгают. Тут крестик делают из венчика, карябают. Крестик в любом месте можно ставить. На этот крест бабушка с ребёнком в руках встаёт, крестик между ногами. Она стоит лицом к Ену и брызгает. Воду из колодца, Богу молится. И ребёнок успокаивается» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово).

«Ещё от сглаза с иконой ходят, брызгают. Берут тазик. Иконы полощут и опять их на место ставят. По первости углы-то у стола обмоют, потом иконы, потом брызгают. В рот берут и брызгают» (д. Новсёлово). *«Ребёнка через иконы, через стол брызгали. Берём водичку, обмоем три угла стола, воду в ковшик соберёшь, после этого ребёнка около матницы поставишь и брызгаешь через сито. Ребёнок же боится, а так через сито-то нет. А которая вода остаётся, на улицу всю эту дурь выливаем и говорим: «Пушкой уходит»* (зап. от Семушевой Г.К., 1963 г.р., с. Доег).

«Глазастые люди-то ведь есть. Кто-то смотрит на детей, и они сглаживаются. На тыльную сторону ладони мама берёт святую воду и моет лицо, по лицу водит» (с. Антипино).

Седунов лечить. *«Вот у нас отец-то седун был. Вот брали пихтовые, еловые лапки, клали в бак, ну, деревянные были баки, и туда ноги опускали»* (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р.,

д. Рудаково). «Вот корову поят из корыта-то, вот туда по-ложат ребёнка-то. На пол ребёнка положишь, сверху коры-том закрывают. Топором рубишь, но не сильно» (зап. от Ба-яндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево). «Бывают седуньи-то, долго не ходят. Травой лечили, в поле-то растёт, которая называется лопушник. Или лягушник, лягушник называется, наверно. Около речки растёт, жёлтым ещё цветет. Вот тра-ву собирали, заваривали. Остынет немножко. И ноги этим полоскают» (зап. от Хорошевой М.А., 1930 г.р., д. Сыскино). «Если ребенок не бегаёт долго, вот в баню идёте, берите соль в рот. Вот особенно мама моет или бабушка, берут соль в рот. Вам ребенка принесут, ребенок ещё сухой. Распеленали его, и вот этот крестец намажьте и поднимите немножко. И надо, чтобы в бане ещё никто не мылся» (д. Сивашер).

Кочергу лечить. «Говорят, поросёнка пинаешь бере-менная, от того и кочерга. Щетина как. На коже какие-то шуррез — колючки. Кочерга видно. В бане миссьотім (мыли)» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). «Кочергу за-кваской мазали, потом марлей закутывали» (зап. от Сери-ной Л.И., 1975 г.р., с. Архангельское). «Кочергу белой мукой, дрожжами мажут, потом в пеленку белую закутаем» (зап. от Кривощёковой З.М., 1930 г.р., д. Кубенёво). «Кочерга — это по-научному, как говорят, щетинка. Тесто кислое сделают, заквасочку, и намазывают потом в бане. А потом белым матерьялом покрывают. Выходит черная щетинка из тела. Это сама мать может делать» (зап. от Баяндиной Т.П., 1941 г.р., д. Бажино). «Раньше кочергу выводили, делали что-то из хмеля, по коми «майöv», квас как делали. Этим вместо дрожжей мазали, а потом закрывали белой тряпкой, или во-обще марлей. Это делали в бане» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). «Грудное молочко, им натираешь ребёночка, и щетина выйдет, как зуд-то. Щетина как выйдет твёр-дая. Ребёнок покорчитя, и перестанет чесаться» (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское). «Кочергу золой мажут по телу. А потом моют» (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново).

Рёв лечить. «Бывает, ребёнок ревет. Пока печка топит-ся, в середине надо уголёчки брать. Вот костер есть, угольки в середине. А воду надо чистую, чтоб никто не держал, из колодца. А потом, где кушаешь, стол наперекос — раз, раз, и воду соберешь. Потом ручки дверные, где ходишь, тоже

обмоешь, а потом только этой водичкой брызнешь. Брызгаешь изо рта через сито. Брызнула, а потом через левое плечо говоришь: «Откуда пришла болезнь, туда и иди». Где выходит солнце, туда и надо перекреститься. Остальную воду вынесешь. Вьлешь на улице промеж ног. За ворота выльешь, да и все. Когда на ребенка брызгаешь, слова не надо никакие говорить. Сразу как с улицы заходишь, воду возьмешь в рот и брызгаешь. Как только обрызгаешь, ни с кем разговаривать не надо» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «Рёв-то я всё лечила, воду возьму да обрызгаю, да дверь открую или под матницей» (зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурмэс). «Когда ревет, брали икону Божьей Матери или там Николая Чудотворца, обмывали. Водой этой обмывали ребёнка» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). «Соборную икону обмывали, если ребенок ревет, и углы стола. Потом этой водой ребёнка мыли. Собор только чистой водой мыли. Икона любит чистоту. Нигде воду эту нельзя выливать, только в угол» (зап. от Рожки И.И., 1930 г.р., с. Крохалёво). «От рева я ребёнку три девять делала, сзади наперёд читала: «Девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один». Так читала три раза и брызгала» (зап. от Тюляевой А.И., 1932 г.р., д. Терино).

Оспу лечить. «Пистица — это оспа и есть у нас. Это красные пятна» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «Оспа была, какая-то корюка. Мы с мёдом всё время пивали чай, помогало» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег). «Оспа чего просит, то и давали. А де вино просила, самая маленькая, а вино прошу. «Это, — говорят, — не сама она просит, а болезнь». Оспу ещё в бане мыли, редькой натирали» (зап. от Котельниковой П.Н., 1931 г.р., д. Верх-Мега).

Сучьи титьки лечить. «Бывает, подмышками нарастёт, сучьи титьки. Дак надо мел истолочь, туда солод положить и это на чирий-то положить» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «У нас соседка чирьи подмышками чертила. Котов кастрировала, и у них яичками этими водила» (зап. от Кривошековой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино).

Грыжу лечить. «Грыжи бывают пуповые и в мошонке бывают. Когда пуповая, тут зеркало прикладывают или медный пятак. Положат на пуп, а потом привязывают. Если в мошонке грыжа, тогда чертили знахари. Веники берёзовые бывают, отломил веточку, потом этой веточкой три суч-

ка обводишь на полу и потом грыжу обводишь» (с. Антипино). «Грыжу лечили сухой березовой веточкой из веника, которым парисься. Когти звериные, этим тоже чертили. Маленькие когти. Наверно, у диких зверей. Лечили дома» (д. Новосёлово). «Ещё живого мышонка ловили, голову ему отрезали и кровью грыжу мазали» (с. Антипино). «Когда грыжа, на клубок положат, и лежи минут пятнадцать-двадцать, или веник крути. Веником надо крутить по часовой стрелке. Комлем» (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево). «В бане мама грыжу лечила. Одна в бане. А та, что с ребёнком, по-за бани. Мама платок положит и грызёт больное-то место. Сук-то сначала чертила, а потом грыжу-ту грызла. Мать-то сама и спрашивает: «Чё грызёшь?» — «Грыжу грызу». Так мама лечила» (д. Пет-Бор). «У меня у двойняшек пупик долго не заживал. Дак я пятикопеешную монету туда заклеивала. Изолентой монетку пятикопеешную заклеивала, раньше же они медные были. Это утягивает тоже болезнь» (д. Сивашер).

Эпилепсию лечить. «У Нины Ивановны девочка родилась — эпилептик. На нее надевали собачью кожу, соседи кололи собаку и шкуру одевали на нее: на ноги, на руки натягивали. Когда она маленькая еще была. Надевали собачью шкуру, собаку специально растили дома, чтобы не шлялась нигде, откармливали хорошо, и вот на девочку надели, и потом кормили ее мясом собаки. Шкуру сразу одевали, горячую. Это от эпилепсии. Натягивали и потом собачьим мясом кормили» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино).

Собачью старость лечить. «Слышала есть такая болезнь собачья старость — пон гён — собачья шерсть на переводе. Собака дергается, вроде того, как растет пушок на ногах и на теле» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). «Вот в Мартино девочка родилась, живот большой, ноги, ручки, рот открыт. «Господи, Господи». Вот мать ходила в церковь. Там монашки живут. Ей посоветовали: «Иди домой, вынеси девочку на крыльцо, головой к дверям, накрой ее корытом, на этом корыте веник изруби. Рубили на пороге, который на улицу ведет. Головой на улицу» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). «Вот её рубили под деревянным корытом. Тут ещё слова есть: «Как луна-на кончается, как месяц кончается, так же бы кончились у раба Божия все болезни. Аминь» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

«Рахит надо лечить жёлтым лягушником. Первая трава растёт, где сырые места. Вот её привязывали к ногам. Шерсть овечью даже привязывали, чтобы ноги в тепле были, чтоб они бегали» (зап. от Рожки И.И., 1930 г.р., с. Крохалёво).

Худобищу лечить. «У кого искосит глаз, это говорили худобища. Возьмут чашку, на которой раньше хлеб пекли, мукой посыплют и валяют, потом на скатерть ребёнка-то, а оттуда лопатой и в печку. На деревянную лопату клали — и в печку. А эту скатерть потом под подушку к ребёнку клали» (д. Дмитриево). «Худобища-то опять, вот это у нас тоже было. Дак через хомут три раза проводили, ребёнка-то. Вот только с лошади хомут снимут, потный ещё, вот три раза ребёнка-то через хомут и продевают» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково).

Детские игры

В куклы играть. «Аканёк, акань делали, куклу. Солому возьмешь, наполовину завяжешь, головку сделаешь, сюда руки, ноги повяжешь. На голову ещё можно платочек завязать» (зап. от Кривощёковой З.М., 1930 г.р., д. Кубенёво). «Куклу сами делали. В тряпку насыешь всякое барахло, тоже тряпки, завяжешь, на лучиночку привяжешь, и все —кукла» (зап. от Боталовой Е.К., 1924 г.р., д. Савино).

В лапоть играть. «Зимой поставят бревно, его в лёд вморозят, на него замотают верёвку. И за эту верёвку держится один, вот который штрафник. А те бегают. Мы двенадцать лаптей соберём, к столбу-то кинем. И бегаем вокруг, у него как украсть лапти хотим. А он как не даёт украсть-то. Если прославится, другого тут поставим» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Лапти-те навяжем на нитки. Одного поставим караулить, чтобы лапти не воровали. Он как шарил, звали раньше. Он стоит, а тожно с той и другой стороны другие приближаются, лапти-те хватают. Он, что шарит, только и успевает, лапоть возьмёт, с лаптем же стоит, хлещишься. Вот. А кого задел лаптем, тот, значит, уже шарит. Вот только хватай лапоть-то да беги. Всех же не нахлещишься сразу. Кого задел, тому шарить приходится» (зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва). «Положили лапти в гору. В круг все встали, а один внутри стоит. Этот наговаривает какие-то слова. Потом все лапти-то забирать начинают, кто успеет. Кто схватил, тут опять

встанет, кто не успеет, тот опять в круг встает» (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга). «А зимой играли: была ямка ледяная, туда собирали старые лапти, клали в эту ямку. Потом бегали вокруг этой ямки и ногой старались лапоть толкнуть, из ямки-то пнуть. Возня. Кто сколько сможет, лишь бы успеть» (зап. от Бурлаковой В.Г., 1933 г.р., д. Капилино).

В прятанку играть. «Когда в прятанку играли, дак сначала читали: «Дора-дора Помидора, мы нашли в квартире вора, стали думать и гадать, как же вора наказать. Завязали руки-ноги и пустили по дороге. Вор шёл-шёл-шёл и корзиночку нашёл. В этой маленькой корзинке есть помада и духи, женски кружева, ботинки, что угодно для души. На кого последние слова упадут, тот ищет» (зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурмэс).

В чижика играть. «Дети играли в чижика. Чижика из дерева делали, наподобие как заостренный с одной стороны. Это на палку клали, врытую в землю. Вот по этой палке ударяли, чижик-то летел. И который, значит, голевик, он должен приносить этого чижика. А выбирают голевика, считалка была какая-то. Мы только вдвоём обычно играли. Потом менялись» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). «Палку так набьешь хорошую, а наверх делаешь петушок. Чтобы он держался над этой палкой. Когда ударят на нижнюю палку, он далеко полетит. Петушок делали из дерева. Один-то бьет, другой петушка-то приносит» (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга). «В чижика играли. Круглый из дерева выточенный шарик, только забиваешь палку глубже, чтоб его ставить сверху на палку. По нему ударяешь палкой-то. Он далеко летит. Кто дежурит, так стоит дежурный в стороне» (зап. от Шавшуковой Л.Т., 1939 г.р., п. Майкор).

В Кулемана играть. «Кулеман игра. Леший-то тоже кулеман. Вот яма. Вот тут я, например, стою. Через яму-то бегают, я стою, а тут, кого поймаешь, вот кулю-то поймаешь. Это куль поймает. Куль — тот, кто в яме стоит — кулюшун. Кого поймаешь, к себе заберешь. Пока всех не соберешь — всё играешь» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково).

В Шар-и-палку играть. «Так и называлась игра: шар-и-палка. Деревянный шар. На ровном месте ставили шар, по очереди палкой ударяли по этому шару. Не помню, сколько шагов до шара и первого игрока. Не каждый ударял и не точ-

но туда, куда должен идти этот шар. Палкой надо в шар, и шар улетал, и у кого дальше он полетит и прямее — тот выиграет, а кто неправильно — в сторону отходит. А тот, кто выиграшный — один» (зап. от Бурлаковой В.Г., 1933 г.р., д. Капилино).

В лапшу играть. «В лапшу играли. Из дощечки сделаем, это как лавочки, тут столичик, насобираем где-то эти самые дрова, пилят маленькие в печку, да чё. Дощечку приделают — столик, а тут опять на маленькие поставишь — лавочки. Тут моешь, тут глину принесёшь, и из глины стряпаешь лапшу, шаньги» (зап. от Беяниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

В петушка играть. «В землю забьёшь палку, не прямо, а под углом. Потом палки были сделаны у нас, толстые, а где держишь, ручка сделана, не долгие палки, сантиметров семь-десять. Петушок сделан, вот если сук есть, отсюда или откуда-нибудь отлочишь, выстругаешь его, тут надпилишь, как стрела будет, и на эту палку ставишь. Идёшь от палки пять шагов, шесть, а потом валишь. Палку кидаешь, если собьёшь, значит, выиграл, ещё будешь бить; не выиграл, значит, жди ещё своей очереди. Петушок с палки выскочит, сам пролетит. У кого дальше — это мы не считали. Три раза надо сбить, а потом другой будет бить, третий, и если уж они не собьют никто, этот, который сбил, он придет и уже палкой по этому как даст, побежит тот за петухом, кто дежурил. Сосчитаешься по считалочке — будет играть, а последний, кто остался — дежурить. Дежурный в стороне за петушком бегаёт и надевает до трёх раз» (зап. от Шавшуковой Л.Т., 1939 г.р., п. Майкор).

2. Рекрутская обрядность, проводы в армию

Обряд проводов в армию на Юсьве насыщен целым рядом магически окрашенных действий. В традиции сохранилось известное и русским «моление» новобранца коню, смотрение в печь перед уходом из дома, благословение рекрута караваем-челпаном. Колоритны и специфичны предписания выходить новобранцу из дома не касаясь руками стен, косяков и порога, построение заговорных формул (пожелание «каким ты был, таким чтоб и остался», извлеченное из любовной песни).

«Парней в армию провожали — делали вечерочки. Парень своих друзей приглашает, и родственники тут. Посидят, попоют, попляшут. Утром провожают» (зап. от Рожки И.И., 1930 г.р., с. Крохалёво). «Вот парня-то провожать стали, собирались соседи, друзья и перед тем как отправка, конечно, погуляли, соответственно, а на следующий день, значит, в восемь часов, в военкомат поехали» (зап. от Аньковой В.А., д. Большие Они).

«Парня-то перед выходом челпаном благословишь, перед печкой в кухне, так наклонится, тут и благословишь. Спиной к печке, ко мне головой. Сказать надо «благословляю», чтобы вернулся обратно домой. Он поклонился, я благословила» (зап. от Власовой Ю.И., 1930 г.р., д. Тараканово). «Хлебушком крестишь над головой. Велели хлеб один раз укусить, чтоб не скучал, говорят, он там» (зап. от Рожки И.И., 1930 г.р., с. Крохалёво). «Благословляет хлебом мать, крестит лицо, потом по телу и по спине. Перекрестили, и он ушёл, а хлеб остаётся дома» (зап. от Мальцева Н.С., с. Доег). «Благословляла с хлебом. Он стоял под иконами, перекрестила хлебом, потом каравай съели, когда он уже ушёл. Сначала иконой благословляли, потом хлебом» (зап. от Власовой Л.Т., 1937 г.р., д. Федотово). «Благословляли хлебом. Хлеб возьмишь да крестик возьмишь, икону. Благословляешь около стола. В одной руке хлеб, в правой руке икона. Первым благословляешь иконой: спину, так согнёшься, и спину крестишь. Некоторые голову крестят. Сказать надо: «Счастливо ехать, вернёшься здоровым» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Мать благословляет сына иконой, крестик даёт» (зап. от Вилесовой Е.Г., 1938 г.р., д. Макарово). «Нужно зашить куда-то в одежду крестик» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). «Крестик дала сама и положила куда-то, его надо обратно принести» (зап. от Мальцева Н.С., с. Доег). «Провожают когда, мать обычно перед русской печкой там как напутствует и благословляет. Чтобы вернулся живым и невредимым, чтобы хорошо служил, слушался, потом на крестик молитву читает. Он стоит спиной к печке, мать его благословляет» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). «Перед отправкой нужно дать было обязательно «Воскресную молитву». Бабушка иконой крестила дома. Целовала. Сначала иконой перекрестила, руку пожала и поцеловала. Он — икону и её

тоже целовал. Целуют в щёку один раз. Это было у печки, где икона, красный угол. Он стоял лицом к красному углу» (зап. от Власовой Р.Г., 1937 г.р., с. Архангельское). «В армию благословляли богомолки: «Приезжай обратно домой, каким ты был, таким чтоб и остался» (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор).

«Первый из избы тот, кто благословлял, вышел, а за ним с сумкой парень вышел, потом отец» (зап. от Власовой Р.Г., 1937 г.р., с. Архангельское). «Солдат, который идёт на службу, уходит первый, а котомку несёт крестный. Котомочку колишную сделают, чё-то наложат» (зап. от Шавшуковой Л.Т., 1939 г.р., п. Майкор). «Парень должен выйти вперёд, потом родители» (зап. от Вилесовой Е.Г., 1938 г.р., д. Макарово). «Он вперёд выйдет, потом за ним родители выйдут» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Он первый сначала выходит с рюкзаком, потом за ним выходят все остальные. И чтобы навстречу никто не попал, значит, могут вернуть обратно домой» (зап. от Чакилёвой Т.Н., 1933 г.р., с. Архангельское).

«Когда парень идёт из избы, он первым должен выйти на улицу и когда идет, рукой достать до потолка. Большие сюда не возвращается» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). «Когда в армию парень идёт — двери открыты, чтобы он ничего не задел. На порог не встал» (с. Архангельское). «Когда выходит, не должен коснуться ни сверху, ни по бокам ничего» (зап. от Мальцева Н.С., с. Доег). «Ничего не случилось чтобы, так надо, чтобы навстречу никто не попал. Как выходить, чтоб не попался никто близко» (д. Дмитриево).

«Ворочали обратно ещё. Вынесут котомку сперва, он выйдет, маленько на улице побудет и обратно в дом зайдет. Должен попить квасу. Мать подавала. Родители подадут, да и все» (зап. от Демановой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). «Назад вертают, он вперёд идёт с отцом. Возвращается потом. В печь глядит, когда вертается» (д. Новосёлово). «У нас тут один ушёл, так сказали: «С котомкой завернись, да в окошко постучи три раза» (зап. от Шавшуковой Л.Т., 1939 г.р., п. Майкор).

«В армию провожают до крестовой дороги» (с. Архангельское). «Из дому выйдешь, на перекрёстке станешь, и народ стоит, провожает. Бабушка с хлебом, с солью благословляла. Сначала спереди крестит: «Бог вам, чтобы сохранил», — по-

том спину крестит» (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор).

«Которого провожают — новобран, к лошади выйdet. На лошадь, в ноги кланяется. На колени встанет и кланяется, как будто богу молится. Молитву, крестик, иконочку — всё с собой. Всё, потом сядут, крёстный до военкомата проводит» (д. Дмитриево). Достаточно экзотичный ритуал восходит, несомненно, а архаическому представлению о коне как проводнике в иной мир, указывает на близость проводов в армию к похоронному обряду.

Специфически рекрутского фольклора (причитаний по уходящему) в крае не сохранилось. Обычно на проводах поют поздние песни: «Как родная меня мать провожала», «Последний нынешний денёчек»; популярны также особые рекрутские частушки.

Последний нынешний денёчек

Последний нынешний денёчек гуляет вся моя семья.
А завтра рано чуть светочек заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои сестры, заплачет мать и мой отец.
Еще заплачет дорогая, с которой три года гулял.
Коляска к дому подкатилась, коляска о землю стучит.
В коляске старшие кричали: «Готовьте сына своего».
Крестьянский сын давно готовый, семья вся замертво лежит.
Лежат и братья мои, сестры, лежат и мать, и мой отец,
Ещё лежит и дорогая, с которой три года гулял.
(Зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).
Исполнительница отметила: «Спели, всё. Все легли спать».

У моря на рейде эсминец стоял

На море на рейде эсминец стоял,
Матросы с родными прощались.
А море таило покой красоты,
Где-то вдали исчезало.
А там, у садочка, где пел соловей,
Он пел свою песню играя,
С девчонкой прощался моряк молодой,
Надолго её покидая.
Он обнял девчонку, подругу свою,
Она, как дитя, зарыдала,
Два сердца слились, как будто в одно,

И сразу дышать легче стало.
На палубе боцман стоял и смотрел,
Как будто над ними смеялся,
Раздалась команда: «Поднять якоря!»
Свист боцмана резкий раздался.
Он снял бескозырку, махнул ей рукой:
— Прощай, дорогая Маруся!
Вот скоро вернём Севастополь родной,
К тебе, дорогая, вернуся!
(Зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

**В тиши ночной, в тиши глубокой,
стояла тройка у крыльца**

В тиши ночной, в тиши глубокой, стояла тройка у крыльца,
С приличной барышней брюнеткой прощался мальчик навсегда.
Она к нему на грудь упала, твердила, то что не забудь.
И слёзы градом проливала к нему на сердце и на грудь
Дарю тебе я, мил, колечко я из своих волос сплела,
И для твоих, для нежных ручек, я русу косу расплела.
Не мог кольцом налюбоваться, не мог от сердца оторвать,
И надо было распрощаться, и надо было уезжать.
Садился миленькой в карету, сказал: «Любимая, прощай».
«Прощайте, глазки голубые, прощай, мой милой, навсегда»
(Зап. от Невониной К.И., 1923 г.р., д. Мочга).

Рекрутские частушки

Конь мой вороной, не качай головой,
На тебе будет качаться допризывник молодой.

* * *

Милый в армию уехал, я сказала: «Точка.
Я ни с кем гулять не буду эти два годочка».

* * *

Повезли меня солдаты, как невесту из ворот,
Я запел такую песенку, заплакал весь народ.

* * *

Милый в армию поедет, рви платок напололам,
Это первая примета, ты скучать не будешь там.

* * *

Милый в армию поехал, я кричала: «Воротись!»
И-за лесу раздавалось: «Если любишь, то дождись».

* * *

Провожала в армию своего дорогого,
Не на восемьдесят лет, а на четыре года.

* * *

Милый в армию уехал, я не провожала.
Семь часов на коечке без памяти лежала.

* * *

Милый в армию уехал, строго-настрого сказал:
«Вернись домой, будешь моя; убьёт меня, живи одна».

* * *

Близко к дому подъезжаю, дом невесело стоит:
Собрана моя котомочка, на лавочке лежит.

* * *

Запрягай-ка, тятенька, тройку, во серёточку серка,
Провожай, родима мамонька, в солдатики меня.

* * *

Заиграла хромочка, запела я девчоночка.
Я недавно провожала в армию милёночка.

* * *

Я зелёные вагончики всегда буду ругать,
Увезли моего милого, три года не видать.

* * *

Милый в армию уехал и мне строго наказал,
Чтобы с улицы до домика никто не провожал.

* * *

Милый в армию уехал, я сказала точно:
«Ни с кем не буду я гулять эти три годочка».

* * *

Милый в армию уехал, мой платочек у него.
Ну и пусть он утирается, любила я его.

* * *

Милый в армию уехал, и счастливый ему путь.
За любовь дарю платочек, за измену пулю в грудь.

* * *

Милый пишет и пеняет на бумагу белую,
Мои письма не доходят, что же я поделаю?

* * *

Сели да поехали вагоны за вагонами,
Ой, как хорошие военные с погонами.

* * *

Скоро с ёлочки иголки на землю упадут.
Скоро нашим-то милёночкам винтовочки дадут.

Коля, Коля, выйди в поле, посмотри, какая рожь.
Если красная солома, Коля, в армию пойдёшь.

* * *

Я зелёные вагончики всегда буду ругать:
Увезли моего милого, два года не видать.

* * *

Заиграла хромочка, запела я девчоночка,
Я недавно проводила в армию милёночка.

3. Юсьвинская свадьба

Описание традиционной свадьбы на территории Юсьвы в нач. XIX – XX вв. давалось многими исследователями: обряды сватовства и ход самой свадьбы, разнообразные профилактические акты свадебной обрядности¹⁷. Так, Г.А.Старцев отмечал, что девушка перед отправлением в дом жениха надевает лыко под платье, кладет под пазуху комок из кудели, шерсти (овечьей и коровьей), кусочки хлеба и деньги в обувь; берет в карман мыло, пряники, специально испеченный маленький рыбный пирог (д. Федотово Архангельской волости), втыкает несколько иголок (без ушек) в подол и лямки нижнего и верхнего платья. Почти все эти амулеты должны оградить девушку от порчи в дороге со стороны духов, колдунов.

Информация о свадьбе нач. XX в. на территории Юсьвы достаточно полно отражена в работе В.Н. Белицер «Очерки по этнографии народов коми (XIX – начало XX в.)»¹⁸. В.Н. Белицер указывала, что в Юсьвинском районе в свадебных обрядах и вообще в культуре коми-пермяцкого населения сохранилось меньше старинных черт. Исследовательница, фиксируя особенности свадебной традиции у коми-пермяков в с. Юсьва и д. Федотово, отмечала, что браки у коми-пермяков чаще заключались с согласия жениха и невесты. Говоря об этапах обряда, она указывала, что первым звеном в цикле свадебных обрядов у коми-пермяков было сватовство или смотрины — «корасьны». Через несколько дней, а иногда на следующий день, родственники жениха собирались у родителей невесты на рукобитье «кикутём» («держатъ руку»), «пропивать» невесту. При этом сваха пела особую песню, в которой указывала на важность рукобитья: «У

¹⁷ См.: *Рогов Н.А.* Материалы для описания быта пермяков. С-Пб., 1891; *Старцев Г.А.* Из мира колдовства коми-пермяков. 1927.

¹⁸ *Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов коми (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1958.

нас дело-то сделано, По рукам-то у нас ударено, По рукам-то у нас ударено, Быть сговору девишнику, Быть сговору девишнику — Быть девичьему вечеру». Далее устраивались девишники, на которых вплоть до свадьбы гостили подруги невесты, занимаясь приготовлением приданого. За два дня до свадьбы устраивалось обручение. К невесте приезжал жених с крестной матерью — «вежань», с тысяцким (главным распорядителем свадьбы) и родителями. Они привозили традиционное угощение — брагу и рыбный пирог, а также подарки невесте (чулки, ботинки и полушалок), невеста дарила жениху рубаху, штаны и кушак.

Свадьба коми-пермяков Юсьвинского района включала следующие этапы: *корасьём* 'сватовство', *невеста юан* 'пропивание невесты', *кикутан* или *рукобиттё*, *девишник*, собственно свадьбу, когда жених вывозил невесту из родительского дома, венчание, *столы* и *кудныйдос* (букв. 'дно лукошка' — образное представление финала свадебного пира). Название *кудныйдос* встречается только в западной части Юсьвинского района и в близлежащих к ним деревнях Кудымкарского района, им обозначают второй день свадьбы и праздничное блюдо — остатки еды с первого дня или свежий рыбный пирог, которые приносят закрытыми полотенцем в лукошке или решете для вновь прибывших посмотреть на свадебный ритуал гостей.

Накануне свадьбы девушка-пермячка, как и русская девушка, прощалась со своим девичеством, причитала, перед баней крестная мать под пение девушек расплетала ей волосы. На следующий день за невестой приезжал свадебный поезд, впереди него ехали верхом два дружки. Замыкал свадебный поезд «киловоз» — тот, кто вёз приданое (обычно это был дальний родственник).

Невесту выкупали, гости входили в дом, молодых благословляли. В коми-пермяцкой свадьбе особого угощения у невесты не устраивали. После родительского благословения жених и невеста на несколько минут усаживались за стол и сидели молча, а затем вставали и отправлялись в церковь. Перед отправлением свадебного поезда в церковь родня жениха выкупала приданое и постель невесты. Во время венчания постель караулил «свакобж» («свахин хвост») — мальчик, чаще всего младший брат невесты. Когда невеста и жених заходили в церковь, сваха бросала под ноги им поясок или

кусочек холста. Существовала примета: кто первый наступит на пояс, тому и быть главным в семье. В доме жениха невесту вводили в кут, где заплетали невесте две косы и укладывала их вокруг головы, затем надевали повойник, или моршень, а поверх кокошник или самшуру. В это время девушки, как и у русских, пели специальную песню: *«Из-за кута, из-за занавеси выходи-ка, братец миленький, выводи-ка сестру за руку, передай гостям на руки. Одному-то гостю навеки, да навеки-то на долгие, на житье-то на хорошее»*. Во время пира гости пели специальные свадебные величальные песни, в которых описывалась красота и хорошие качества молодых, высказывались пожелания им счастливой и богатой жизни, затем молодых укладывали спать. Брачную постель устраивали в старину в подклети, а позднее в отдельной избе.

Второй день свадьбы, справлявшийся в доме жениха, назывался у коми-пермяков так же, как и у русских, «большой стол» или «большое столование». Молодые ходили умываться на улицу или на речку, с ними шел дружка, неся над головой дугу с колокольчиками. В районе В.Н. Белицер отметила особый ритуал — молодой еще утром отправлялся за родителями жены и приглашал их в свой дом. Во время «большого стола» происходило взаимное одаривание. В этот день пировали уже не девушки, а замужние женщины. Третий день свадьбы называли «пирожный стол». Справляли его только зажиточные крестьяне. С утра молодые шли на реку за водой с дарами. Молодой нёс ведро, а молодая нитки, деньги и краюшку хлеба. Бросая дары в речку или родник и зачерпывая воду, молодая произносила: *«Не сердись, речка, я хочу здесь жить»*. Принеся воду домой, молодая принималась мести пол, щепать лучину, показывая этим свое умение и прилежание. К числу последних обрядов в свадебном цикле относились «хлебины», которые устраивались чаще всего на рождестве или масленице. В этот день молодые впервые посещали после свадьбы родителей невесты.

В общих чертах обозначенная схема обряда восстанавливается по записям нач. XX в. Ниже представлено подробное описание свадебной традиции в воспоминаниях старожилов района как русских, так и коми-пермяков. По описаниям видно, что свадебный обряд в значительной степени был заимствован у русского населения. Формирование русского населения здесь, как отмечалось, было связано со строитель-

ством Пожвинского (Пожевского) и Никитинского заводов силами мастеровых, переселенных сюда с других территорий, с формированием соляных и металлургических промыслов.

Трансформация обрядов и обрядовая вариативность во многом связаны с культурным и языковым билингвизмом населения района. По нашим наблюдениям, на территории Юсьвинского района существует как минимум три зоны самостоятельного функционирования свадебного обряда, что наглядно выражается в распространении ряда свадебных терминов.

Термин «сватовство», обозначающий получение предварительного согласия на брак от родителей невесты, отмечается на всей территории Юсьвинского района («*Во время сватовства чёлпан выносили и подарок. Жених дарил материал на платье: три метра*» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). Термин «сговор» — день окончательного договора о свадьбе, отмечен прежде всего в горнозаводской части района (п. Пожва, п. Майкор, с. Купрос) и на территории Архангельского и Антипинского сельсоветов («*После сговора еще раз через неделю приехали пропивать*», зап. от Боталовой Р.Н., 1926 г.р., д. Истер-Дор). Но на территории Антипинского сельсовета, а также в с. Доег и д. Пиканово, кроме него, зафиксирован еще один термин, несущий в себе значение обручения, — «корасиста» («*Бабушка меня сватать приходила. Сватала: «Иди, давай, иди». По-пермяцки сватали, это корасьны называлось*» (с. Антипино). Параллельное существование двух терминов объясняется тем, что с. Антипино находится на своеобразной пограничной территории между частью района, населенной преимущественно русскими, и коми-пермяцкой частью, где русское население расселено неравномерно и находится под влиянием коми-пермяков Кудымкарского района. В связи с этим в данной части района образуется зона межкультурного взаимодействия русского и коми-пермяцкого населения.

Эту особую ситуацию иллюстрирует еще ряд примеров. Так, второй день свадьбы у коми-пермяков имеет свое собственное название — «кудпуде» и также, как у русских, является днем, в который невеста показывает свое мастерство хозяйки, проходит через ряд испытаний. («*А потом утромто кудпудёс. Это свадьба-то сегодня, а на завтрашний день кудпудёс. И все вот соседи придут невесту посмотреть. А вот все люди-то пьют, говорят, невесту придем смотреть,*

и пляшут, играют, и бросают мелочь туда, на пол-то. И скажут-то: «Ну-ка которая вот ленивая, которая работающая. Которая сколько соберет. Например, я вот побольше собрала. Мой муж собрал больше» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). Этот термин появляется на территории Антипинского и Доеговского сельсоветов, где проживает и русское, и коми-пермяцкое население. В той же части района, где население состоит из русских переселенцев, например, д. Елизавето-Пожва, в значении второй, нередко заключительный день свадьбы фиксируется термин «пирожный стол» («А после большого стола уже пирожный шел, там уж пироги готовили да чё» (д. Елизавето-Пожва). Здесь же отмечен термин «бранный вечер» («После свадьбы у жениха собиралась только холостая молодёжь. Это называлось бранный вечер» — п. Пожва). Термин «хлибины», закреплённый в русской традиционной свадьбе для обозначения посещения после свадьбы родителей и родственников молодых, присутствует также в горнозаводской части Юсьвинского района («После свадьбы невеста с женихом едет к своим родителям, на хлибины как называется. Через день, через месяц, через три, может, кто как. Всяко. Она с женихом к своим родителям едет. Сначала к родителям невесты едут, потом к родителям жениха» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). «На хлибины подарки несут. Жених с невестой приготавливают подарки крёстне, значит, отцу, матери, если есть сестры — сестрам, братьям» (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). В с. Они и с. Крохалёво этот термин появляется и в деформированной форме «на хлебенень»: «Сначала к родителям невесты едут, потом к родителям жениха. Я с сестрой жила, дак меня сестра первый-от раз звала. Как на хлебенень. А потом, после сестры, крёстная звала, крёстный» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). На территории же с. Доег, с. Антипино и с. Юсьва зафиксирован коми-пермяцкий термин «корасьны», употребляемый в значении гостевания друг у друга родственников жениха и невесты на протяжении целого месяца после свадьбы. («Корасьны — это значит ходить в гости друг к другу после свадьбы» (зап. от Семушевой А. А., 1939 г.р., с. Доег). «После свадьбы мои родственники нас звали. У него отец, мать да мы вот ездили. Коршины звали этот день. А потом его родственники наших приглашали. Наши тоже обратно ходили,

к его родственникам. Месяц ли, два угощались друг у друга» (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва). На данном примере можно также рассмотреть степень развернутости свадебного обряда: в зоне горнозаводского населения он более свернут и заканчивается хлибинами, которые, как правило, длятся несколько дней после основного действия; в той же зоне, где русские расселились неравномерно и смешались с коми-пермяцким населением, сохраняются черты более архаичного свадебного обряда. На корасьны, гощениях после свадьбы действующими лицами выступают не только жених и невеста, а еще и их родственники, и процесс гостевания растягивается на несколько месяцев.

Согласно нашим наблюдениям, на территории Юсьвинского района появляется дополнительный этап свадьбы, который носит название «усвоичина» и приходится на период между девичником и обручением. *«Важным посещением невесты женихом являлся вечер перед обручением. Перед свадьбой приезжал жених. На завтра свадьба уже, вот сегодня придет. Вечером. Условится, на каких лошадях приедут, да что да. Условиться — так вечер и назывался. Тут жених обязательно привозил гармониста, друзей, крестного»* (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино). *«Если бы завтра свадьба, то сегодня приезжал жених, еще раз договориться с невестой: может невеста обротно, может не хочет выйти. По-нашему — это усвоиться, а по-коми так усвоичина. Он приезжает усвоиться: ладно или не ладно со свадьбой-то приехать или не приезжать»* (д. Антипино). Распространен ритуал не повсеместно, а локально — в д. Калинино и с. Антипино. Этот факт объясняется тем, что в более архаичных зонах района с дисперсным расселением русских свадебный обряд более полно сохраняет свою композиционную структуру. Хотя русские привнесли и закрепили свадебный обряд в коми-пермяцкой среде, горнозаводское население не смогло его сохранить в полной мере. В итоге обряд размывается и, как следствие, редуцируется, а более архаичная его форма сохраняется на той территории, где преобладает коми-пермяцкое население. Поэтому и появляется дополнительный сюжет — *усвоичина*, который мы уже не встретим ни в ближних территориях — ни в Усольской, ни в Юрлинской свадьбе, ни в горнозаводских свадьбах Пожвы и Майкора.

Можно выделить несколько этапов формирования культуры населения. Первое влияние на население территории Перми Великой новгородцев и поморцев из центральной части современной России осуществлялось с XII века и вплоть до XVII века. Таким образом проходило смешение культуры местного коми-пермяцкого населения и культуры вновь пришедших русских. Вторая волна (XVII-XVIII вв.) привела к новому наслоению на сложившуюся культуру, что было связано с прибытием на территорию Перми старообрядцев из Нижнего Новгорода и Заволжья, а также с возникновением солеварения в Соликамске, Усолье и строительством казенных и частных медеплавильных и железоделательных заводов на территории Пожвы и Майкора (юг современного Коми-округа). Особенности распространения и наслоения культурных пластов иллюстрирует терминология свадебного обряда.

Термин *балича* является коми-пермяцким аналогом русского *коклюшка*. Оба термина обозначают одно и то же явление, связанное с плетением двух кос на голове невесты в первый свадебный день, когда она уже находится в доме жениха. Обряд нашел распространение на всей территории района и приобрел семантику, связанную с изменением статуса невесты. После того как две косы заплели, их уже нельзя было заплетать иным образом до конца жизни. *«У невесты как была коса, так она и была. А когда уже этот приходят, приезжает свадьба-то, уже видишь прямой ряд, две косы, и уже заплетают: невеста их перекрещивает и ко лбу подносит. Это называли у нас балича. Это значит до смерти она была поверенная мужу. Так до смерти и носила»* (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). Стоит отметить, что у северных коми-пермяков термином *балича* называют и оформление прически умершей женщины (заплетая ей *баличу*, волосы плели, завивая не вверх, а вниз — Кочевский район, д. Сеполь); соответствие названий обусловлено известной аналогией свадебного и похоронного обрядов. Термин *коклюшка* более распространен на территории южной части — в районе Майкора, Пожвы, Евсино (горнозаводская часть). Наряду с термином *коклюшка* в с. Юсьва, с. Архангельское, д. Чинагорт, с. Доег укладку волос называют *балича*. Этимология названия связана со звукоподражанием «бали-бали» — обычно этим возгласом подзывают овец. Слово *бала*

в русских говорах Прикамья и у коми-пермяков обозначает овцу и по происхождению вряд ли является коми-пермяцким, поскольку в коми-пермяцком языке известно своё название овцы — *ыж*. Слово, как и производная от него форма *балича* от русского *балица*, распространено, кроме русских говоров Прикамья, на Вологодчине (как и близкое *бляшка*, оно исходно связано с обозначением бляения). На мотивированность термина соотношением с овцой указывает непосредственно и обрядовое действие, связанное с заплетением косы с помощью нитки из овечьей шерсти. «*Верёвку тоненькую делают из овечьей шерсти и этим заплетают, вот когда замуж выйдешь, вокруг головы заматают. Некоторые до сих пор носят. Платок всегда завязан сзади*» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). Отраженная в термине аналогия невесты и овцы (явно эвфемического происхождения) также хорошо видна в приговорах сватов в начале сватовства типа «*К вам овечка не забегала*». Эта параллель отмечена и в других русских территориях — напр., в новгородских говорах известна номинация *ярку загонять*, то есть приводить невесту в дом мужа. «Женская» семантика овцы проявляется и в эвфемическом обозначении детородного органа *овечка*, которая *внизу пасётся*. Неслучайна и овечья тема в архаическом запрете молодым спать в первую брачную ночь: «*Если в первую ночь вместе будут спать, тогда овечки не будут родиться*» (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор).

Свадебный обряд по воспоминаниям юсьвинцев

«*Вот сына родители где-то определяют, узнают невесту, посылают сватов. Отец с матерью идут к родителям невесты, сватают*» (зап. от Котельникова В.П., 1927 г.р., п. Пожва). При этом некоторые девушки не были знакомы с будущим мужем. «*Вайётлисё тожё жёниксё. Одзык эд тёттём жёниккесё большё... Мыкёдыс совсем оз тёттё жёниксё, мунёны. Отлаасясё, вёлись знакомичёны*» (зап. от Овчинниковой Е.А. 1910 г.р., с. Архангельское). «*Раньше как корову за быка отдадут, от роду жениха не видала, отдадут, и всё*» (д. Городище).

«*Сватать старуха шла, мать его, отец, а сам-то жених не приходил первый раз*» (с. Антипино). «*Перва бабушка, мать пришла. А потом уже все пришли*» (зап. от Климовой М.Н., 1922 г.р., д. Капилино). «*Бабушка меня сватать*

приходила. Сватала: «Иди, давай, иди». По-пермяцки сватали, это корасиста называлось» (с. Антипино). «Мать пришла накануне, что-то поговорили с моими родителями, что не прогонят, если назавтра они придут» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). «Придут, у мужа придет мать, отец, и третий кто-то. Сваха приходила. Вежань, вежай, это сватовщик-то. Крестные» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). «Свататься жених приходил с мамой, дядей» (зап. от Чакилёвой Т.Н., 1933 г.р., с. Архангельское). «Свататься мать приходила. Сам не приходил. Четыре раза свататься приходили» (зап. от Баяндиной Е.А., 1930 г.р., д. Бажино). «Сватался чуть ли не две недели. Каждый вечер приходил. Один приходил свататься» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово).

«Сваты должны приходиться не меньше чем три раза» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Сразу не договариваются. Дня два, три приходят. Сватаются. Если не согласна девка-то, откажут и всё: «У нас замуж давать нечем». Тогда больше не ходят» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). «Сватами берут кто говорить может, у кого язык подвешен. На севере называли их дружка, а тут вежай да вежань. Крёстный да крёстная, они и сватают. А иногда и просто берут с собой человека, который болтать может» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег).

«Невеста сразу ведь тоже не согласится. Бабушка говорила: «Надо приличие какое-то иметь. Первый раз-то отказать». Говорят: «Сразу-то не надо и кружку брать, и говорить надо, мол, пить не хочется». Вот у нас сватали Тамару, она отказалась. И в тот же день они пошли в другой дом, другую сватать. Ему ради приличия отказали, а он взял да и пошёл к другой» (зап. от Васькиной А.Н., 1929 г.р., д. Мосино).

«Некоторые обманом свадьбу делали: если какой-то там убогой женится, незрячий, так свататься-то сам не придет, другой за него приходит. А свадьба будет, так невеста куда денется. Хочешь, не хочешь, а всё, просватана» (зап. от Боталовой В.П., 1936 г.р., с. Антипино). «Который жених плохой, ездит, ездит, так лошадь даже станет, много невест переберёт и жену не найдёт. Много раз сватаются, да и много женихов, то один сватается, то другой, а выберет, да и «задняя нога» попадёт. За бедного выйдет» (зап. от Зыряновой М.И., 1926 г.р., с. Крохалёво). «Старая дева идёт

за вдовца. Если даже она родила, она все равно старая дева, без мужика если. Ей ещё наказание дадут какое-нибудь. Раньше от родителей строго за это было. У меня сестра родила в девках, нестарая ещё, молоденькая. Дак она у нас в холодной избе с месяц жила, отец её домой не пускал и есть ей не давал. С ребёнком в избе-то и сидела. Мама с месяц её кормила. Как парня родила, жених приехали к ней: «Не ругайтесь. Мы её увезём» (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

«Сваты пришли, стучают в дом, в калитку, не как в дом заходить, а громко так, и пяткой о порог пять раз стукнут, значит, это идёт жених» (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). «Вот как в дом зайти, пяткой пять раз о порог должны стукнуть, все понимают, что это идёт жених свататься. Пятками о порог стучат: «Суженый да ряженный, мы пришли по работницу, отдайте, матушка, да отдайте, батюшка, нам работницу» (зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва). «Ваш товар, наш купец. Наш парень молодец. Мы приехали дружить, может, вместе будем жить». И вот, значит, все, вот мы это высказали им. Они говорят: «Ой, сваты, сваты!» (зап. от Венслав Н.Н., д. Белово). «У нас жених, у вас невеста. Пожениться хотят» (д. Гавино). «Через порог сваты переступили, тут опять говорят: «Стук — стук, чур не вогасьны, воктам корасьны» (зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой А.В., п. Майкор; выражение содержит просьбу не сердиться: чур не обижаться). «Тут ещё сваты скатерть стелют под порог, чтоб не марать. На скатерти стоят. «Ступай, не марай». Любую скатерть стелили. Поговорят, поговорят. «Давайте познакомимся» (зап. от Беляева И.П., 1932 г.р., и Беляевой Р.М., 1932 г.р., д. Мочга). «Сваты до матицы стоят. Их пригласят за матицу-то пройти, если невеста согласна будет» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). «Сватовицики не садятся, пока не разрешат родители. Зайдут, под матицу встанут» (зап. от Спириной И.Г., 1941 г.р., д. Мочга).

«Кои сваты стараются сразу за матницу пройти» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). «Заходят и за матницу садятся. Такой, видимо, обычай. Если они за эту сторону садятся, невеста откажется. А если туда, за матицу, то замужем будет. Это, видимо, так принято ли что. Не приглашают их, а они сами нахально садятся туда, за матницу» (д. Завижай). «Сваты за матницу проходят, по одной поло-

вице идут. Первым по половице идет жених, потом отец его. Не за стол садятся. Когда-то были такие длинные-длинные лавочки, вот надь-то туда» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). «Пришли, за матницу прошли и сели на лавке, потом мать скатёрку постелила, тут за стол уже сели» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). «Приходят, на лавке сидят, согласится невеста, так за стол» (зап. от Васькиной А.Н., 1929 г.р., д. Мосино). Накрывание стола скатертью, приглашение за стол символически означало предварительное согласие на брак.

«Раньше на сватовстве жених заходит и сразу к лавке, садится, и чтоб между ногами была одна половица. Чтоб девушка не ушла в эти щели, чтоб сюда попала, чтоб она была у жениха в руках. Вот садится жених и говорит: «Воктiм ми корасьны, чур не вoгасьны. Водой не брызгаться и сажей не мазаться»). Пришли, значит, свататься, чур, не сердиться. Жених сразу садится. А если замешкает, нюни распустит, никакое сватовство не выйдет. Он не говорит, за него сватовщици все делают. Он сидит заговорённый. Вот все высказали» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «Сваточки тут примечают ещё: «Если, — говорят, — пришли, а невеста спит, значит, наша будет. А если просто на печке лежит, значит, всё равно наша будет, но ленивая» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

«Вот, значит, сватовщици в дом зашли, я банку с пивом достаю, наливаю в стакан и подаю. Сватовщица говорит: «Мы не выпивать пришли, а дело решать». Потом я стулья ставлю: «Садитесь?» — «Мы не сидеть пришли, а дело решать. Здесь, — говорят, — невеста есть, а у нас жених. Надо их подпарить». Я говорю: «У нас невеста ещё молодая. Она ещё девочка, 17 лет». — «А мы не бракуем». — «Она маленькая». — «А нам не воза возить». Тут стол стоял, взади диван. Они жениха на диван, невеста спряталась за шифоньер. Они невесту выдернули, посадили рядом. Она испугалась, растерялась. Родители-то, оба: «Мы против». А мать-то его: «Мы не бракуем, нам воза не возить, лишь бы в избе была. Дело за невестой» (зап. от Хереловой А.М., 1922 г.р., п. Пожва). «Я сидела — сидела, удрать хотела. Два брата с обеих сторон за руки взяли, меж собой посадили. На стол че-то поставили. Я сидела — сидела, думала — думала: «Пузу найдёшь, любить не будут» — взяла и выпила» (с. Архангель-

ское). *«Степанида всё уговорила. Меня гладит по спине и говорит: «Иди замуж, чё будешь делать. Потом тебя никто не возьмёт, может, как мама у тебя нашла детей — также найдёшь, и тебя больше никто не возьмёт. Нашёлся муж тебе. Давай, иди»* (с. Архангельское). *«Она меня трогала рукой, косу шупала»* (с. Антипино). *«Меня старуха по плечу похлопала, и все, я отдалась. Колдовалась она»* (с. Антипино).

В Юсьвинском районе отмечены и более архаичные формы поведения невесты в сватовство. Во время переговоров сватовщиков девушка должна была находиться в погребе, бане или подполе. *«Мы пришли свататься, невеста будет прятаться?»* (зап. от Крохалевой Е.В., д. Казённая). *«Я вот помню как во сне, свататься идут, невеста пряталась в погреб. Надо было»* (зап. от Боталовой З.В., Боталова В.Г., 1936 г.р., д. Иринёво). *«Вот придут оне, невесту в баню спрятают, да чё да, чтобы не видали»* (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор). *«Приезжали, а я спряталась в подполье. Сидела часа два: «Не хочу я идти замуж». Всё равно меня позвали»* (зап. от Крохалевой Е.В., д. Казённая).

«Как родители невесты скажут: «Согласна!» — невеста выходит, на стол скатёрку стелет, мол, и она согласие дает» (зап. от Хорошевой, 1931 г.р., д. Сыскино). *«Согласна, так скатерть постелет, чё-то кушать принесёт, а жених уже вино ставит — пропивать»* (зап. от Зыряновой М.И., 1926 г.р., с. Крохалёво). *«Если родители невесты разрешают, скатерть стелют, заносят каравай на стол, рыбный пирог. Каравай жених с собой приносит. Или старший брат его, отец ли»* (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). *«Вино с собой приносили, рыбный пирог»* (зап. от Баяндиной Е.А., 1930 г.р., д. Бажино). *«Сваты что принесли, все на стол положили, и пироги там, и шаньги, и пиво»* (д. Завижай). *«Пирог рыбный с собой принесли и сами нарезали. Верхнюю корочку с пирога сняли и рыбу-то вилочкой кушали»* (зап. от Баяндиной В.Ф., 1927 г.р., д. Дмитриево). *«Тут вином ещё угощают: его мать мою угощает, отец — отца, чтобы отдали девку-то замуж»* (зап. от Беляева И.П., 1932 г.р., и Беляевой Р.М., 1932 г.р., д. Мочга).

«Во время сватовства чёлтан выносили и подарок. Жених дарил материал на платье: три метра» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). *«На сватовство мужик дарил платок или там матерью какую, невеста отдаривала.*

Чаще всего жениху рушник дарили» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). *«Сваты приходят, приносят подарки, а я косынку дарила»* (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор). *«А чтобы согласие, что выйду я замуж, ему надо платок ли что дать. Да, значит, я согласна за него выйти»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

Пропитьё, помолвка

«После сговора еще раз через неделю приехали — уже пропивать» (зап. от Боталовой Р.Н., 1926 г.р., д. Истер-Дор). *«Пропитьё было, через неделю»* (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). *«Два раза приходили свататься, а третий раз, через неделю уже, пропивать пришли. Два раза сначала бабки приезжали, а потом бабка с женихом»* (с. Антипино). *«Пропивать приходят жених, его мать, отец, может, ещё кто-нибудь»* (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). *«Женных приезжает с мамой, с соседями, с крёстным»* (д. Гавино).

«Пропивать — это помолвка. Пришли они утром, не так рано. Я пригласила подружку свою, потом были у меня дядя с тетей» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). *«С родителями пришли пропивать, ещё с гармонщиком приехали, вечером»* (зап. от Боталовой Л.С., 1936 г.р., д. Мурмэс). *«Когда пропивать пришли, женихова родня принесли рыбный пирог, кое-что, там вино, брагу»* (с. Антипино). *«У мужа мать приехали с рыбным пирогом, с вином»* (д. Новосёлово). *«Черинянь везли, что ли, рыбный пирог»* (зап. от Петровой А.В., 1940 г.р., д. Ганёво). *«Соберутся, поговорят, могут песни спеть какие, а потом невеста носит на стол еду, или мать носит, помогает»* (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенево). *«Когда пить-то придут, невеста скатерку на стол должна постелить, льняную, клетчатую»* (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). *«И стол невеста сама готовит, ставит капусту, квас деревенский, брагу принесёт»* (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., д. Доег). *«Когда пропивать придут, на стол надо самой готовить, не матери готовить, невеста ставит, всё делает»* (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенево).

«Соберутся все, заставляют в Ен-угол, боженьки-то где у нас стоят, бутылочку поставить, потом четыре бутылочки по концам стола поставить, на углы. Четыре бутылки на столе, а еду в середине. Сначала что от жениха принесли

поставят, а потом невеста ставит. А когда садятся, посадят сначала жениха, невесту, потом бутылки ставят туда, в середку» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «Стол приготовили, поставили вино. Мама одну бутылку, а они другую» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). «Они принесут вино, говорят — не пара, так ещё невеста как парит, пару делает. Вино-то ведь может принесут бутылочек пять, тогда ещё невеста одну поставит, так и будет пара» (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино). «По рукам бьют друг друга, если согласны» (зап. от Котельникова В.П., 1927 г.р., п. Пожва). «Пропили, договорились, когда свадьбу сделать» (зап. от Хорошевой, 1931 г.р., д. Сыскино). «Пропили — это значит, если родители невесты выпьют вино у жениха, то это окончательное согласие на брак» (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво).

«Всё приготовили, меня одели, как невольницу, за стол посадили» (зап. от Боталовой Л.С., 1936 г.р., д. Мурмэс). «Садятся за стол, невеста с родителями, сестры может, есть, братья. Невесту, жениха рядышком посадят» (д. Гавино). «Жених с невестой рядом сидят, тут и носовой платок плакать невесте уже специально приготовлен» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «В пропитьё подарок несут, дарят. Мне несли платок, с ног до головы, маленькой подарок, и ситец» (д. Новосёлово). «Когда пропивали, они подарок принесли, восемь метров материала: на платье да на рубаху. А я на стол положила скатерть, да полотенце взамен» (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское). «Муж мне до свадьбы подарил материал на платье» (зап. от Савельевой А.С., 1928 г.р., д. Пронино). «Я ему давала перчатки самодельные» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенево).

Тут пить начнут, да еще песню поют:

Взойду ли я на горы на три крутые,

Вижу ли я — мой батюшка пьёт,

Да родименький пьёт.

— Батюшка, пей, да меня не пропей,

Пей-ко, пропей ты рубаху с себя,

Ты её пропьешь, её выкупишь, её выручишь.

Ты меня пропьёшь, да не выкупишь, да не выручишь.

(Зап. от Беляниной Л.Г., 1941 г.р., п. Пожва).

Фиксируется более развернутый вариант этой «пропойной» песни:

На море галица купалася,
В тереме девица снаряжалася,
В высоком красна снаряжалася.
Села на лавку расплакалася,
Да расплакалась, да растужилася:
— Батюшка, пей, да меня не пропей,
Пей, пропивай свой высок терем.
Терем пропьёшь — его выручишь, его выкупишь,
Меня пропьёшь — меня не выручишь,
меня не выкупишь
Не за сто рублей, не за тысячу.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. в п. Майкор).

«У меня вот дочь выходила замуж, я сказала: «Нинка, первую стопку за столом не пей. Нельзя. Это слёзы». Она и не пила, и сейчас они хорошо живут» (зап. от Аксёновой С.А., 1930 г.р., с. Крохалёво).

«После пропитья ещё срок дадут. Жених приезжает к невесте в гости — не один, сестру, брата или друга брал, чтоб пара была» (д. Казённая).

Девешник, невесту давать

На девешниках готовили приданое невесте, подарки. *«Вот пухи ладили. Когда невеста скажет, придут подруги. Сядут, кто шьёт, кто что, в общем, готовят приданое. И сама невеста тут готовит, и жених туто вместе»* (зап. от Неволиной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). *«Приданое две недели или неделю шьём. Кто собирается, которых просишь, дак и дома делают. Они говорят: «Невесту-ка даём»* (зап. от Селиной М.А., 1933 г.р., д. Николаево). *«Раньше две недели или полторы недели или неделю давали готовиться. Полотенца вышивали, жениху и свату рубашки вышивали»* (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). *«Свекровке готовили юбку, кофточку, фартук, платок, свекру рубашку делали. А мужу-то приготовили чё — вот, например, чёрный сатин, шьют рубашку. И вот воротник — тут полочку вышивали»* (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). *«Я Егору-то сшила пять рубах, помню, розовую, голубую, тёмно-синюю»* (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). *«В приданое девки опояски делают, кушаки»* (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). *«Девки приходили, полотенца, скатёрки шили, кто заплётку вязал. Заплётка — поясок такой, в три-*

четыре круглые шнурочка» (зап. от Тюляевой А.И., 1932 г.р., д. Терино). «От просватанья до самой свадьбы собирались девчонки — мешки шили, наволочки подушечные, полотенца готовили, вышивали, кружево вязали. Это как для себя невеста готовит. Ещё надо было что-то на подарок свекру, свекровке приготовить» (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва). «Приданое шьют руками. Перину-то шить-то. Подарок рубашки надо. Полотенца вышиваешь. Я девушкой вышивала, шестнадцать полотенец я вешала. На стол повесишь и подаришь подарок-то» (зап. от Кривошековой С.Н., 1927 г.р., д. Чинагорт). «Девки на девшинике мочало теребят, на постелю-ту, невесте-то» (д. Городище).

«Шили половики, мешки, раньше мешки надо было под зерно, чтобы у невесты мешки были обязательно. Хлеб ведь сами пекли, значит, скатерть под хлеб надо было готовить, шторы, подшторники» (зап. от Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское). «Рубахи шили, подштанники. Помню, перчатки вязали, мужик-то музыкант потому что был, на гармошке играл, ему перчатки» (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское). «Ещё носовые платки готовили, вокруг крючком выделывали» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Мама раньше дубасы мне шила, она мастерица была. Дубас это как сарафан, подол широкий, если кружишься. Кромовые ботинки наденешь — очень длинные, сантиметров двадцать» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). «В приданое ещё постель готовили» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово).

«Приданое сперва не показывала невеста. Всё складывали в сундук» (д. Федотово). «Большой ящик у меня был. Ящик был такой, с ручками, чтобы нести. Там все льняное, а оно тяжелое» (д. Завижай).

Косу отбирать

Последний девшиник посвящался расплетанию косы невесты. «На девшинике невесте волосы чешут сначала, девка какая-нибудь незамужняя. Потом косу плетут. Потом теребят её, косу-ту» (зап. от Поповой Р.А., 1926 г.р., д. Белово). «У невесты в косе лент-то много. Они в косе не заплетены, а так, в плетешки продернуты, в каждый плетешок своя лента. Ленточки по две, по три вплетены, они так свисают, до жопы болтаются. А потом, когда за стол надо идти, расплетать,

те две косы переплетают в одну. На девичнике-то ещё одна коса должна быть» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Б.Они).

«Косу расплетала кока — вежань» (зап. от Петровой А.В., 1940 г.р., д. Ганёво). *«Косу-то отбирают подружки. Девка не дает, кусается, а хоть чё делай, все равно отберут»* (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). *«Ей расплетают косу подружки за столом. Каждая по ленточке из косы выдёргивает. Всю косу расплетают, ленточки на стол складывают. Подружки расплетают, песни наговаривают, кто как. Невеста сидит, плачет»* (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). *«Поют песни, собираются соседи, поют, а невеста плачет. Девушки поют, а в большинстве на свадьбах поют пожилые»* (зап. от Еникеевой Н.И., 1961 г.р., п. Пожва).

Вот косу расплетают и поют:

Я ступлю же да молодёшенька да на свои же да резвы ноженьки,
Да на чулочки бумажные, да на ботиночки сафьянные.

Я кого да ищущу-смекаю, я кого ищущу-примечаю —
Своего батюшку родимого

Не могу найти-увидети, жесткого голосу услышати
Сквозь тоску да сквозь кручинушку,
Сквозь слезы да горючие.

Я едва его увидела, жесткого голосу услышала —
Что стоит родимый батюшка среди полу он дубового,
Среди новые горницы.

Он и век да не по-старому, не по-старому, не по-прежнему,
Повися да буйну голову, потупя он очи ясные
Во полы он во дубовые, что во мать-сыру землю.

Он не знать меня жалеючи, он не знать избываючи.
Я сама да знаю ведаю, молодёшенька да догадаюся,
Что жалеет родимый батюшка, что меня же молодёшеньку,
Душу красную девицу.

Перед тобой, родимый батюшка, не берёзкой я шатаюся,
Не травую расстилаюся, не водою разливаюся.

Я шатаюся буйной головушкой,
расстилаюся тоской-кручинушкой,
Разливаюся горючими слезами.

Я прошу, родимый батюшка, ни злата, ни серебра,
Ни скатного жемчуга.

Я прошу, родимый батюшка, благословеньице великое.

Благослови-ко, родимый батюшко, расплести мою дивью
красоту,

Развязать да алы ленточки
Со кумами да со подругами, со сестрицами-голубушками.
Ты еще же меня да благослови от желан-ретива сердца.
Мне твое-то благословеньице из синя да моря вынесет,
Из тёмна да леса выведет.
Отступитесь, люди добрые, все соседи приближённые,
От стола, стола дубового.
Уж вы дайте пути дороженьки,

пешеходные мелки тропиночки

Моим кумушкам-подруженькам,

всем сестрицам-голубушкам.

— Подойдите, мои подруженьки, ко столу да ко дубовому,
Ко столешеньке кедровой,
Ко мне же да молодёшеньке, ко моей буйной головушке.
Потрудитесь, мои подруженьки,

расплести мою дивью красоту

Развязать да алы ленточки, алы ленточки атласные.
Во моей-то да дивьей красоте вплетено было да два ножичка,
Два же ножичка острые, две-те сабельки булатные.
Не обрежьте, мои подруженьки, что свои да ручки белые,
Не замарайте, мои подруженьки, что свои да платья цветные
О моё платье кручинное, кручинное-печальное.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

Как косу расплели, опять запели:

Посмотри-ко, родима матушка, расплелась моя дивья красота,
Расплелась и не заплетётся
Не с-по будням да не с-по праздничкам,
Не по светлым воскресеньицам.
Заплетут косы двойчатые, обернут мою дивью красоту
Поверх буйные головушки, поверх самого верховника.
Призакроют дивью красоту схимой бабьей вековечною.
Не будет схи́ма красити, от часу да будет старити,
От минуточки печалити.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

*Стали ленточки подругам подносить да на стол класть,
тут заводят ещё одну:*

Я возьму свою дивью красоту на ручки да на белые,
На перстни да на злачёные.
Поднесу свою дивью красоту поверх буйные головушки,

«Невесте надо было обязательно плакать. Девушка наматывала на руку косу и дергала. Чтобы замужем не реветь, надо перед свадьбой пореветь» (п. Пожва).

«Утром-то в день свадьбы баню топили. Косу расплетали. Парень от жениха, он и расчёсывал её. Только мужчина — он укладывает и чишет» (зап. от Котельниковой П.Н., 1931 г.р., д. Верх-Мега). *«Вот расплели, и чтобы волосы-то у невесты не болтались, их перехватывают. У затылка, одной ленточкой. Ленточка-то красная, зеленая, черная ли, хоть какая могла быть»* (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Большие Они). *«Ленты выплетут, на стол положат. А как расплели, одну ленту у затылка вывяжут, чтобы волосы не болтались, вот так до обручения невеста и ходит»* (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они). *«Так с распущенными волосами и оставалась. Так и в дом жениха приезжала»* (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). *«И так она по деревне ходит до самой свадьбы, волосы распущены. Но много-то невеста до свадьбы по деревне-то не ходит. Не положено было»* (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они).

Ньюка-баня, невестина баня

«Перед свадьбой невесте обязательно надо было мыться вместе с девками» (д. Завижай). *«Это называлось ньвка-баня — ну, как, девкина баня, она не должна быть жаркой»* (зап. от Сериноной Л.И., 1975 г.р., с. Архангельское). *Баню отец или мать топили* (д. Завижай). *Топят баню и кочерыжкой-то угольки не бьют, чтобы жених не бил* (д. Гавино). *«Бывает так, что идешь баню закрывать, а там уголек один не растопился полностью, его не надо бить. Бить угли — мужу жену будет бить»* (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., д. Калинино). *Невесте в баню выстилали дорожку из березовых веток, от веника* (с. Юсьва).

«На вечерней свадьбе, вечером в баню невесту повели, подружки-те. Одна впереди идёт, за ней невеста» (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они). *«Тут идут строем, невеста впереди, а эта, которая будет ухаживать, та рядом идет, остальные девчонки сзади. Идут, песни поют»* (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). *Вот в баню пошли, запели:*

Добро жаловать, моя сестрица, в банюшку, в парушку,
Помыться-попариться, побелиться-порумяниться.

У нас банюшка-то новая, на добром-то коне вожена,
На прекрасном месте ставленная.
У нас в банюшке три окошечка, три окошечка колодные.
В первом-то окошечке лежит мыло камфорное,
На другом-то окошечке лежит губа грецкая,
На третьем окошечке лежит зеркальце немецкое.
Щелока-то у нас не едучие — не смоешь дивью красоту.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

Когда невесту довели до бани, девушки снова поют песню:
Наглядись, моя дивья красота, на батюшков высок терем,
На матушковы новые сени, на брателково крылечко.
Наглядись, моя дивья красота, на улицы широкие,
На дороженьки раскатные.
Наглядись, моя дивья красота, на батюшка светел месяц,
На частые звездочки, на луга зелёные, на поля широкие.
Наглядись, моя дивья красота, на банюшку на новую.
Есть во банюшке, есть ли сестрица родимая?
На заморозь-ко, родимая сестрица, меня жеда молодёшеньку,
Душу красную девицу, при последнем поре-времечке.
Прищипало ножки резвые ко чулочкам бумажным,
Ко башмачкам сафьяновым.
Прищипало лицо белое ко слезам да ко горячим,
Прищипало ручки белые ко перстням да ко злаченым.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

*«Невесту, значит, моет её подруга, которая свидетель
Потом невесту из бани выводит подруга»* (зап. от Кривощечко-
вой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво).

Из бани пошли, запели:

Бог судья, Бог судья, обманула меня сестрица.
У нас банюшка не новая, на худом коне вожена,
Не на прекрасном месте ставлена.
У нас в банюшке одно окошечко, окошечко да не колодное.
Я смыла свою дивью красоту.
Щелока у тебя едучие.
Раскатись ты, наша банюшка, что на все четыре стороны.
Где банюшка стояла, тут и вырасти шипичушка,
Шипичушка колючая.
Где каменка стояла, тут вырасти крапивушка,
Крапивушка жалючая.

Наглядись ли, дивья красота, на поля-то на широкие,
На луга зелёные.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

Когда после бани зайдут в сени, тоже поют:

Уж вы сени вы, сенечки,
Никогда по вам ничего не теривала,
Нонече тепериче потеряла три потерюшки.
Первую потерюшку родимого батюшку,
Вторую потерюшку родимую матушку,
Третью потерюшку свою дивью красоту.
Есть ли во тереме, есть ли матушка родимая?
Не заморозь-ка, родимая матушка,
Что меня же молодёшеньку
Прищипало резвы ноженки

*«Стоят, на пороге, поют, тут мать отворяет двери и по-
даёт кружку браги»* (зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдо-
вой Анной Васильевной, п. Майкор).

*При прощании с красотой исполнялась песня «Наглядись,
моя дивья красота»:*

Наглядись, моя дивья красота, на батюшков высок-терем,
На братьевы крылечики.
Наглядись, моя дивья красота, на улицы на широкие,
На дороженьки раскатные.
Наглядись, моя дивья красота, на батюшку свет месяца,
На частые звёздочки, на луга на зелёные,
На поля на широкие...

*Пели при прощании с красотой, когда с невестой подруги
шли в баню* (д. Елизавето-Пожва).

Усвойчина молодых. Пельмени

*«Жених как просватал, так от невесты не отходил, каж-
дый вечер был с ней вместе. В это время он мог приходиться к
невесте с друзьями, не один. Нельзя ему одному. И невесте тоже
на улицу нельзя было одной выходить»* (зап. от Кривошековой
М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). *«Жениха и невесту вместе тоже
никуда не пускали. Девчат, которые готовили приданое, проси-
ли покараулить. Невесте можно было ходить только с вместе
девчатами»* (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково).

Важным был вечер перед обручением, когда перед свадь-
бой к невесте приезжал жених. *«На завтра свадьба уже, вот*

сегодня приедет. Вечером. Условится, на каких лошадях приедут, да что да. Условиться — так вечер и назывался. Тут жених обязательно привозил гармониста, друзей, крестного» (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино). Если бы завтра свадьба, то сегодня приезжал жених, еще раз договориться с невестой: может, невеста не хочет выходить. По-нашему — это усвоиться, а по-коми так усвойчина. Он приезжает усвоиться: ладно или не ладно, со свадьбой-то приехать или не приезжать (с. Антипино). Перед свадьбой приезжал жених, тут делали стол. Вечерня как была. Ужин перед свадьбой (д. Завижай). «У ворот жениха с друзьями встречали песней «Не было ветру, вдруг наваяло»:

Ой, не было ветру, вдруг наваяло,
Не было гостей, вдруг наехали.
Полна ограда да карет золотых.
Их, полные стойла да коней вороных.
Их, полное зало гостей дорогих.
Их, раздавили чару золотую да серебряную.
Их, выпустили соловья в сад.
Молода, зелена растужилась, расплакалась.
Кто построит мне зало новое да гостиное,
Кто сольёт, кто сольёт чару золотую да серебряную.
Кто соберёт златкотерженькю.
Свадебжане знают да ответ держат:
«Я тебе построю зало новое да гостиное.
Я соберу златкотерженькю,
Я отолью чару золотую да серебряную,
Я у тя буду соловьем во саду, молодым, зеленым,
Я тя буду по утру рано будить,
Вечером веселить».

(Зап. от Еникеевой Н.И., 1949 г.р., д. Елизавето-Пожва).

«Как все гости усядутся, невеста из кухни выходит с расплетенными волосами» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). Начиналось застолье. Обязательным блюдом вечернего застолья были пельмени. Приготовление пельменей сопровождалось песней:

Сверху судёнышко бежало.
Я на судёнке сидела,
Сама гребцам говорила
— Вы, гребцы, не гребитесь,

Мне молодой сноровите
К бережку пригребитесь
Вон моя мамонька плачет
К бережку припадает
О дочери причитает
— Ой, дитяко, ты родимое,
Я тебя спородила
Смертный час принимала
Дочерью называла.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

Как только готовые пельмени начинали есть, женщины
запевали ещё одну песню:

Ягодка к яголке катится,
Золото к золоту сыплется,
Злат персть с рученьки спадывает,
Жених ко невесте припадывает.
Иван Ксению выпрашивает:
— Скажи-ка мне, Ксеничка, кто тебе мил?
— Мил мне милёшенек батюшка
Свет (имя и отчество),
— Это, душечка, неправда твоя,
Это, душечка, не истинная
Своё сердце тешишь, моё ты гневишь.
Ягодка к яголке катится,
Золото к золоту сыплется
Злат персть с рученьки спадывает
Жених ко невесте припадывает
Иван Ксению выпрашивает:
— Скажи-ка мне, Ксеничка, кто тебе мил?
— Мил мне милёшенек, удал молодец.
— Это, душечка, правда твоя,
Это ведь истинная.
Своё сердце тешишь, моё веселишь.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

В начинку пельменей клали денежку, уголек, соломку.
По пельменной начинке холостые определяли свое будущее.
*«Смешные начинки делали, когда усвоиться приходили. Пель-
мени с денежкой попадут, значит, богатые будут. Уголек
попадет — мужик кузнецом будет. Где-то нитка попадет —*

крепко мужик будет бить, а соломка, её вместо плетки клали, соломку-то. Бумажка попадёт — мужик писателем будет» (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва). «Если печина в пельмене попадёт, значит, кузнец будет, деньги — богатый, мука — тоже богатый» (зап. от Хорошевой, 1931 г.р., д. Сыскино). «Если мне попалось мясо, хорошо буду жить. Мука попадёт, тоже хорошо буду жить. Кирпич — плохо жить буду, уголь попадёт — всё время буду чёрный хлеб есть» (зап. от Власовой, 1933 г.р., д. Бажино). «С монеткой попадётся пельмень, значит, богатые будут, с солью — горькая жизнь» (зап. от Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское). «Монетка — жених будет богатый, а тряпка — одежда хорошая будет» (зап. от Богалова П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово). «Как уголёк попадёт, муж тракторист будет» (зап. от Тюляевой А.И., 1932 г.р., д. Терино). «Если уголь попадет, плохо жить будут, чёрное показывает, соль, дак хорошо будут жить, богато, хлеб достанется, тоже богато жить будут» (зап. от Кудымовой М.В., 1932 г.р., с. Мелюхино). «Потом были пустые пельмени. Пустой — пусто все будет бедно. Перец, по-моему, ещё был, надь-то горько будет в жизни» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово).

Во время застолья молодые одаривали друг друга. «Он гребёнку ли, что ли мне приносил. Я перчатки подарила жениху да рубашку. Закон такой был» (зап. от Петровой А.В., 1940 г.р., д. Ганёво).

После вечерни жених уезжал домой. Жениха провожали с песней:

Уж вы, кумушки-подруженьки,
Вы вставайте-ко ранешенько,
Умывайтесь белёшенько,
Вы чешите буйные головы,
Вы плетите трубочаты косы,
Вы вяжите алы ленточки,
Алы ленточки, атласные.
Вы пойдем-ко, подруженьки,
Что на ту ли гору крутую.
Раскатаем гору крутую,
Чтобы не взойти было, не взъехати
Удалому добру молодцу.
Николай-от Иванович ответ держал:
— Я карету на себе взнесу,

Я коней-то в поводах сведу,
Я тебя ли в санки посажу,
Душу красную девицу.
Во Божью церковь увезу,
Чтоб закон Божий принятии
Со чужим чужанином,
Со своим обрученным.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

*«Потом всю ночь пели да ложились спать. Я койку из дома
унесла. Постельное-то»* (зап. от Петровой А.В., 1940 г.р.,
д. Ганёво).

Обручение, проезд за невестой

*«Обручение — это когда гуляли у невесты. А когда у жени-
ха — это уже свадьба»* (зап. от Виноградовой И.В., 1932 г.р.,
п. Пожва). *«Раньше-то обручение делали, потом свадьбу.
А в наше-то время уже одну свадьбу только делали, там
уже жених с невестой вместе засаживались за стол»* (зап.
от Еникеевой Н.И., 1961 г.р., п. Пожва). *«Сначала вручение у
невесты бывает, вот так называется — вручение, а потом
свадьба. Сначала вот мы у невесты гуляем, а потом уже гу-
ляем у жениха»* (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва).

*«На обручение родители невесты приходят, крестные,
друзья. Гуляла только родня невесты, от жениха приходило
обязательно непарное количество человек, там семь человек,
пятнадцать, сколько от него придёт, на свадьбу от неве-
сты столько же должно придти»* (зап. от Виноградовой В.В.,
1937 г.р., п. Пожва). *«Мать, отец у жениха не приезжают,
дома сидят, готовятся»* (зап. от Мальцевой, 1926 г.р., д. За-
полье). *«Жених приезжает со свадьбой: крестная, дружки,
а мать, отец не приезжают у жениха, они дома сидят»* (д. Ев-
сино). *«С женихом все свадьбошана, все парни с ним. Тех, кто
приезжал, называли свадьбошана. Людей много смотреть
приходило. Невесту смотреть»* (зап. от Кривощёковой Е.А.,
1940 г.р., д. Калинино).

*«Лошадей в кошевках было непарное количество: три,
пять»* (зап. от Виноградовой И.В., 1932 г.р., п. Пожва). *«Это
раньше было девять телег и в каждой телеге по три лошади
запряжено. Все одинаковые серые лошади были. Специаль-
но парных лошадей подбирали, в масть»* (зап. от Демене-

вой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). *«Лошадей смиренных, послушных подбирали. Запряги жеребенка, молодого — он несёт и убьёт и невесту, и жениха. Бубенцы вешают шафера, украшают лошадь — ленты вешают. Если, например, сани, карета, ковры вешают, с коврами едут»* (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). *«В кошёвках ковры обязательно, не на голо садились»* (зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва). *«Для жениха подстилку из войлока делают, на лошадях потник»* (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., д. Калинино). *«Надо было привязывать колокольчики три ли, четыре, токо идут да пляшут, колокольчи-те. Ленточки тоже привязывали, раньше были поясы, кушаки зелёные, жёлтые, красные, всякие»* (зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доег). *«Лошадей украшали ленточками, цветами бумажными, колокольчиками и бубенчиками»* (зап. от Виноградовой И.В., 1932 г.р., п. Пожва).

«Вот жених подъезжает на лошадях или на машине. Первая машина идёт с шаферами. Вторая — с женихом» (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). *«Около ворот свадебжан встречают отец и мать невесты. В руках водка, рюмки, не пустыми руками»* (зап. от Котельниковой П.Н., 1931 г.р., д. Верх-Мега). *«У них браги бидон, тогда бидонов-то не было ещё, туески такие из бересты»* (зап. от Калиной Л.М., 1934 г.р., д. Казённая). *«Тут же певчие стоят, песни поют, на крылечко выйдут»* (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва).

«Когда приходят за невестой, поют: «Не было ветра, да вдруг наваяло».

Не было ветру, вдруг наваяло,
Не было гостей, вдруг наехали,
Полна ограда коней вороных,
Полный каретник карет золотых,
Полные сени кучеров молодых,
Полное зало гостей дорогих,
Расступили чару золотую,
Рассыпали скатен жемчуг,
Выпустили сокола из сада,
Стужилася красная девица:
— Кто мне состроит сени новые,
Новые сени с перекладами?
Кто мне сольёт чару золотую

Золоту чару со дулистами?
Кто мне соберёт мой скатен жемчуг?
Кто у меня будет соловьём во саду,
Кто у меня будет молодым зеленым?
Свет же Иван да Иванович.
Он проговорил:
— Свет же, Ксения Ивановна,
Я тебе сострою сени новые,
Я тебе солью чару золоту,
Золоту чару со дулистами.
Я соберу твой скатен жемчуг,
Я у тебя буду соловьём во саду,
Молодым, зеленым.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

Вариант этой песни записан в поселке Пожва от Неволинной В.П., 1928 г.р.:

Ой, не было ветра, не было ветра,
Вдруг наваяло, вдруг наваяло.
Ой, не было гостей, не было гостей,
Да вдруг наехали, вдруг наехали.
Ой, полна ограда, полна ограда
Карет золотых, да карет золотых.
Ой, полны конюшни, полны конюшни
Коней вороных, да коней вороных.
Ой, полные сени, полные сени
Кучеров молодых, кучеров молодых.
Ой, полное зало, полное зало
Да гостей дорогих, да гостей дорогих.
Ой, возломили, ой, возломили
Да зало новое, да гостёвое.

«Приезжает свадьба, девчата тут еще парней в конюшню запирают. Это шутка такая была, выкупить невесту. Хочешь выйти — выкуп дай. Вот подъехали, лошадей в ограду завели, парни-то возле конюшни пойдут, тут их девчата и схватят, и в конюшню запрут. Один раз меня схватили, я с гармошкой. Я за одну девчушку ухватился и говорю: «Запирайте сейчас». Они вот и вынуждены были меня выпустить. Сначала я вышел, за мной девчушка. Ещё у парней крали то шапку, то рукавицу. Скрадут, быстро там цветочек пришьют, из тряпок на шапку и этому же парню продают:

«На тебе шапка, покупай со цветами» (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино). *«Ребята со стороны парня называли шаферами, вот им жетоны такие привязывались с ленточками. Не просто, они эти жетоны выкупать должны были»* (зап. от Виноградовой И.В., 1932 г.р., п. Пожва). *«Невесту спрячут, тут дружки полезут выкупать. Они ведь лезут, и двери могли сломать»* (зап. от Мальцевой, 1926 г.р., д. Заполье).

«Жениха не пускают в дом, у него просят чего-то. Говорят: «Невесту продаем очень дорого, за сто рублей». Они дают, видимо, какие-то деньги. Бабушка за печь пошла и говорит: «Я вам не дам, вы сначала пойте, танцуйте, пляшите, а потом я вам невесту отдам. Вот сколько это постельное белье стоит, столько и моя внучка стоит». Там какие-то тазики стояли с водой, и жених должен был в этот тазик встать. Вот он носки и туфли снял и в тазик встал. А так, он должен был в воду прямо в обуви встать» (зап. от Сериной Л.И., 1975 г.р., с. Архангельское). *«Жених зайдёт, невеста тут ещё прячется в другую комнату. Девчонки просят на конфеты, печенье, обычно деньги давали младшему брату или сестре, они выкупали. Обычно младшая сестра или брат продавали невесту»* (зап. от Виноградовой В.В., 1937 г.р., п. Пожва). *«Невесту спрячут, жениха за косу просят платить»* (зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

Невесту прятали в комнату, за шторами, и шторы зашьют. А жених должен был нитки разрезать и каждый раз нежные слова приговаривать: «Любимая моя, дорогая...» (п. Пожва).

«Невеста сидит дома на таких вот высоких матрасах. Матрас там, подушки, одеяло — в общем, все постельное белье. Невеста должна была его с собой везти в дом жениха» (зап. от Сериной Л.И., 1975 г.р., с. Архангельское). *«Сидит с распущенными волосами, платком закрыта»* (зап. от Виноградовой В.В., 1937 г.р., п. Пожва).

Вот в куть за невестой пойдут, одевать, песенницы тут поют:

Ты взойди, взойди, маменька,
Во мою белу горницу, во мою белу горницу.
Посмотри, родима маменька,
Посмотри, родима маменька,
Хорошо ли я снаряжена, хорошо ли я снаряжена.

Мне самой поглянулося, мне самой поглянулося,
Я бы век не рассталася, я бы век не рассталася
Я не с батюшкой, не с матушкой,
Я не с батюшкой, не с матушкой,
Со своей дивьей красотой.

(Зап. от Беяниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

Если невеста честная была, тут еще красную ленту из косы вешали невесте на волосы, с ней она и в церкву ехала (д. Евсино). *Красная ленточка обязательно была. Эти ленты приносил её муж с матерью, когда ещё приходили свататься* (д. Федотово). *«Тут ещё сделают из проволоки венок, цветы, да чё да. Из воска цветы были, а на обруч ещё ленточки привяжут всякие»* (зап. от Зыряновой М.И., 1926 г.р., с. Крохалёво). *На голову одевали венок из желтых листов, цветов наплетали* (д. Федотово).

«Все гости за стол зайдут. Все встанут, пока невесту не выведут» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). *«Вот гости-то заходят, садятся за стол, жениховые, значит, садятся за стол, тогда начинают вносить им по рюмочке, они выпивают — это женихову родню угощают»* (зап. от Неволиной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). *«Вот посто-яли, крестная из-за занавесы начинает выводить невесту. Выводила старшая сестра к жениху за тисьян (носовой платок)»* (зап. от Кудымовой М.В., 1932 г.р., с. Мелюхино). *«Брат есть, дак брат выводит невесту, брата нет, дак отец выводит. А если нет, то сестра. За платочек выводят, из кухни»* (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). *«Брат выводил за платочек белого цвета»* (зап. от Виле-совой М.В., 1930 г.р., д. Баранчиново). *«Невесту отец или крестная выводили, за платочек, в обрученье — крестная, в свадьбу выводит невесту отец»* (зап. от Беяниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

Когда отец выводил ко столу, пели:

Выкаталася жемчужина из кути, из-за занавеси

Тонкой белой полотняной,

Выводил родимый батюшка.

Среди полу становилися, они Богу помолилися.

Одному-то на особицу, свет Ивану на особицу,

Что Ивановичу на особицу.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной Васильевной, п. Майкор).

Вариант этой песни:

Выкаталася жемчужинка
Да с-по блюдечку серебряному,
Да по-другому да позолоченному.
Да выкаталася жемчужинка,
Да выходила да красна девица,
Да не сама же собой выходила,
Да выводил же родимый батюшка.
Да среди полу же становилися,
Да всему миру же поклонилася.
Да одному же да на особицу,
Да свет Ивану же на особицу,
Да свет Ивановичу да на особицу.

(Зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

Невесту брат выводит за платочек круг стола по солнышку к жениху. Тут все за столом стоят ещё, пока невесту не выведут (д. Евсино). «Вот жених за столом стоит, ждёт, когда ему невесту выведут. Её подвели за платочек, за платочек и жениху передают. Жених за столом стоит, невесту перед ним проведут и рядом поставят» (зап. от Мальцевой, 1926 г.р., д. Заполье). «Выводят девушку за полотенце. Подводят к жениху и полотенце жениху передают, другой конец-то. Ничего не говорят» (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино). «Жених тут за столом стоит, ждёт невесту. Ведут по солнышку мимо жениха. Она жениху ещё тут на ноги норовит встать. Шутят ведь, встанет, дак хозяйкой в доме будет» (зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва). «Кто главным в семье будет, узнают: на ноги наступают друг другу под столом» (зап. от Боталовой З.В., Боталова В.Г., 1936 г.р., д. Иринёво).

«Вот вывели, значит, садят её рядом с женихом за стол, возле жениха садится тысяцкий, возле невесты — крёстная» (зап. от Неволиной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). «Молодых посадят за стол на подушки» (зап. от Трубиновой З.А., 1931 г.р., Казанцевой Ф.Ф., 1931 г.р., с. Мелюхино). Сели за стол, невеста платочек на колени кладёт, жених тут достаёт все, угощает её, из одной стопки пьют (д. Евсино). «Тут начинается угощенье, молодым кричат: «Горько!»» (зап. от Неволиной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). «Ещё смотрели, если муж сидит прямо, а жена за мужа спряталась, хозяином будет муж. Не-

которые женщины специально себя вперед выставляли, тогда говорили, что главой будет она» (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., д. Калинино).

«На обрученье пельмяни ели, пиво делали, рябиновую настойку» (зап. от Мальцевой, 1926 г.р., д. Заполье). «Тут и петь начинали. Вообще пели с обрученья» (зап. от Назукина Н.П., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). В ряде случаев основные песни пелись только на обрученье: «У жениха уже не поют песни, поют на обрученье, когда по невесту приезжают, а у жениха-то не поют уже» (зап. от Беяниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

Первую песню пели для жениха и невесты:

Ой, в горнице по стульям,
В горнице по стульям бояре сидят,
Да бояре сидят.
Ой, все хороши, все хороши,
Да один лучше всех,
Да один лучше всех,
Он лучше-сполучше,
Он лучше-сполучше,
Свет Иван молодец да Иванович.
Ой, светит у него,
Ой, светит у него
Да злат обручное кольцо,
Да злат обручное кольцо.
Ой, в горнице по стульям,
Ой, в горнице по стульям
Боярони сидят,
Да боярони сидят.
Ой, все хороши,
Ой, все хороши,
Да одна лучше всех,
Да одна лучше всех,
Ой, лучше-сполучше,
Ой, лучше-сполучше.
Свет Ирина душа
Свет Ивановна.
Ой, светит у нее,
Светит у нее
Да злат обручное кольцо.

(Зап. от Беяниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

В обрученье поют про жениха песню «Олень золотые рога»:

Подле реку, на крутом берегу ходит
Олень золотые рога.
Хлещет оленя удалой молодец,
Свет Иван Петрович.
— Не бей, не хлещи, удалой молодец,
Свет Иван Петрович.
Будешь жениться, я на свадьбу приду,
Все твое зало я рогами освещу,
Всех твоих гостей ещё я взвеселю.
Пуще всего я невесту твою,
Чтобы да ей не стуживаться,
Ей не скичиваться.
К родному батюшке, к родной матушке не хотелось.
(Зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

Вариант этой песни жениху:

Не разливайся ты, Дунай-река,
Не потопляй, ты, зелены луга,
В этих лугах тут и ходит олень,
Ходит олень золотые рога
Подъезжал тут удалой молодец,
Стегнул оленя он плёточкой шелковою.
— Не хлещи, удалой молодец,
Будешь жениться, я на свадьбу приду,
Всё твоё зало я рогами освещу.
Все твои столы копытом расшибу,
Всех твоих гостей я развеселю,
Невесту твою я ведь пуще всех,
Чтобы она да не плакала,
К батюшке не просилася,
К матушке не сподумала.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор)

Поют невесте:

Было с-по сеням, с-по сеничкам,
По новым сеням косятчатым.
Тут и ходила, гуляла молода наша боярыня.
Она будила, гаркала своего мужа боярина:
— Встань-ко, мой ласковый, пробудись,
Сердцем приветливый.
Отвязался твой добрый конь от столба дубового,

От колечика серебряного.
Он сповыломал железный тын,
Он сповытоптал зелёный сад,
Высоки гряды морковные, низки гряды огуречные.
(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

*Потом про тысяцкого, про крестных родителей, про ша-
феров, потом про гостей пели. Про тысяцкого, про воеводу
надь-то так:*

Тысяцкой воевода, ой, воевода.
Да как Иван молодец воевода, ой, воевода,
Да свет Иванович, ой, воевода.
Да как и раньше воевал городами, ой, городами,
Да как и ныне-то воюет головами, ой, головами.
Да как первой головой у Николая, ой, у Николая,
Да как второй головой у Галины, ой, свет Ивановны.

(Зап. от Беяниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

*У меня свадебку-то вон сваха смастерила, дак вот про неё
пели в обрученье:*

Переезжая свашенька, сваха гордая, спесивая,
Сваха гордая, спесивая,
Молодая, горделивая, молодая горда ревнивая.
Она не ступя ступила, она не ступя ступила,
Не молвя слово молвила,
Что не с батюшкой, не с матушкой,
Что не с батюшкой, не с матушкой,
А со мной красной девицей, а со мной красной девицей,
Собирайся-ко, умная, собирайся-ко, умная,
Собирайся, разумная, собирайся, разумная,
Что в Божью церковь ехати,

что в Божью церковь ехати,

Чтоб закон Божий принять,

чтоб закон Божий принять

Со чужим со чужениньем, со чужим со чужениньем,

Со своим со обручничком, со своим со обручничком.

(Зап. от Беяниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

Про невестину сваху тоже поют:

Невестина сваха белена,

Ой, да белена,

Она три года рубашку белила,

Ой, да белила,

На мутовочке её да сушила,
Ой, да сушила,
За Аннушкой в свахи снаряжалась,
Ой, да снаряжалась,
Я не знала, не ведала,
Ко мне сваха наехала.
Хороша наша гостьюшка,
Хороша небывалая,
Не ступя, ступень ступила,
Не молвя, слово молвила,
Не со батюшкой, не со матушкой,
Не со мной красной девицей,
Ни с кем не разговаривает.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

*Для дружки, приятеля жениха исполнялась песня «Винная
ягодка»:*

Винная ягодка, виноградная веточка,
Наливной хорош яблочек,
Удалой добрый молодец!
Что ты долго не женишься?
У тебя невеста-то выросла,
Приданое сготовлено,
В сундуках оно принаполнено,
Все коленом надавлено.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

Что во в нынешнем во прошлом во году
Уродился виноград во саду.
Тут ходил добрый молодец,
Он сорвал с розы розовый цветок,
На цветочек он любится,
Красоте своей дивуется.
Чем я молодец разве не хорош,
Был я молодец в Казани и в Москве,
Не нашел я невесту по себе,
Разве я в Казань обращусь,
На Божью я церковь Богу помолюсь,
Всем угодничкам молебен сослужу,
Создай, господи, невесту хорошу,

Душу красну девицу.
Отца, матери хорошего,
Братца, сестрицы богатого роду племени.
(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

Для холостых парней пели «Розан»:

Розан мой, розан, виноград зелёный,
Кто у нас хороший, кто у нас пригожий?
Иванушка хороший, Иванович пригожий.
По горнице ходит, манежно ступает,
Клобук не ломает, чулок не марает.
Розан мой розан, виноград зелёный,
В сени он выходит, сени колыбаёт,
На крыльцо выходит, конь к нему подходит.
На коня садится, конь-от веселится,
Плёточкой машет, конь-от под ним пляшет.
По улице едет, все люди дивятся.
Розан мой, розан, виноград зелёный.
— Чей это хороший, чей это пригожий?
К дому подъезжает, мамочка встречает,
Сыном называет:
— Сын ли мой, сыночек, ясный соколочек
Где был, спобыл?
— Был я у девицы, во светлой светлице,
Играл я в скрипицу, забавлял девицу,
Свет Ксению свет Ивановну.
(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

Розан, мой розан,
Виноград зелёный,
Кто у нас хороший?
Кто у нас пригожий?
Розан, мой розан,
Виноград зелёный,
Иван у нас хороший,
Иванович пригожий.
По горнице ходит,
Манежно ступает.
Розан, мой розан,
Виноград зелёный,
В сени он выходит,

Сени колыхают.
Розан, мой розан,
Виноград зелёный,
На крыльцо выходит,
Конь к нему подходит.
Розан, мой розан,
Виноград зелёный,
На коня садится,
Конь-от веселится.
Розан, мой розан,
Виноград зелёный,
По улице едет,
Все люди дивуют.
Розан, мой розан,
Виноград зелёный,
Едет мимо сада,
Едет мимо речки,
Розан, мой розан,
Виноград зелёный,
К дому подъезжает,
Мать его встречает:
— Где ты был, сыночек?
Розан, мой розан,
Виноград зелёный,
— Был я во светлице
У красной у девицы.

(Зап. от Беяниной Л. г., 1941 г.р., п. Пожва).

Про гостей чаще исполнялась следующая величальная:

Два камня, два камешка,
Две алмазные вставочки.
Полежите малёшенько,
Докуль я молодёхонька.
У меня мужа дома нет,
Во пиру он пируючи,
Во беседушке сидючи.
Он пьёт, напивается,
Всё речами прохлаждается,
Всё женой похваляется:
— У меня жена умная,
Она умная, разумная,
Что душа хороша женщина,

Она мимо пройдёт — утешит меня,
Слово молвит — обрадует.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

Про гостей также исполнялась песня о белом соколе:

Долго, долго бела снега нет,
Долго, долго белый сокол не летит,
Летит-сполетит сокол из-за гор,
Едет-споедет наш барин на двор.
Спрашивает он лакеев своих:
— Где жена моя барыня?
Если она в Божью церковь ушла,
Пусть же она помоляется.
Если она во беседе сидит,
Пусть же она побеседует.
Если она в своей спальне спит,
Пусть же она высыпается.
Сам я пойду потихохоньку,
Сам разбужу полегохоньку,
Сам разбужу, я ей сон расскажу,
Будто у нас на широком дворе
Ходит павин со повинушею,
Этот павин — это я, господин,
Эта пава — это ты, госпожа,
Свет же Ирина Ивановна.

(Зап. от Беяниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

Еще одно величание гостям-супругам:

Заюшка беленький,
Горностаюшко серенький,
На гору идти не можется,
Под горою спать не ложится.
Он бы спит да все на рученьке,
Спит да все на правой
У своей да жены барыни,
Свет Ирины Ивановны.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

Раздухарятся, дак и плясовые тут могли петь:

Ты стой, ты стой, колодец полон с водой,
До колика, до молика.
Принакрылся колодец тонким ледком ,

До колика, до молика,
Послал свекор-батюшка в полночь за водой ,
До колика, до молика,
Я молода непослушна была ,
До колика, до молика,
Скажу ведра велики, гора высока,
До колика, до молика,
Гора высока, ночь не месячна,
До колика, до молика,
Подхожу к терему, сама послушаюся,
До колика, до молика,
Отец сына бранит, сноху бить велит
До колика, до молика
— Уж ты бей, сын, жену, споучи молоду,
До колика, до молика,
Чтобы молода жена да не с погуливала ,
До колика, до молика,
Чтоб под старость-то жена господином-то назвала,
До колика, до молика,
Уж ты, сын, ты, мой господин твой,
До колика, до молика.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

Бочка с мёдом катается,
Ой, зять у ворот увивается:
— Ой, тёща моя, да отпирай ворота.
— Зять ли, мой зять, зять, не заперты,
Подворотни да все, да не вставлены,
Топни ногой — отворятся ворота,
Сужена твоя за занавесой сидит,
Ряжена твоя на столе взнесена,
Листья, калина да ала, хороша.
Мать и сыну показывала да наговаривала:
— Поедешь, дитя, во чужие люди жить,
Подадут тебе одну рюмочку винца,
Вылей ты её, ты коню в копыто,
Чтоб этот конь да поступистее шёл.
Бочка с мёдом катается,
Ой, зять у ворот увивается.
— Ой, тёща моя, да отпирай ворота
— Зять ли, мой зять, зять незапертые,

Подворотни да все да не вставлены,
Топни ногой — отворятся ворота,
Сужена твоя за занавесой сидит,
Ряжена твоя на столе взнесена.
Листья, калина да ала хороша,
Мать и сыну показывала да наговаривала:
— Поедешь, дитя, во чужие люди жить,
Подадут тебе одну рюмочку винца,
Вылей ты её, ты коню в гриву,
Чтобы этот конь похрабристие был.
Бочка с мёдом катается,
Ой, зять у ворот увивается:
— Ой, тёща моя, да отпирай ворота.
— Зять ли, мой зять, зять незапертые,
Подворотни да все, да не вставлены,
Топни ногой — отворятся ворота,
Сужена твоя за занавесой сидит,
Ряжена твоя на столе взнесена,
Листья, калина да ала, хороша.
Мать и сыну показывала да наговаривала:
— Поедешь, дитя, во чужие люди жить,
Подадут тебе одну рюмочку винца.
Вылей ты, дитя, на шелковую плеть,
Чтоб эта плеть да пощалкивала,
Чтоб Аннушка да побаивалась.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

На обрученье подарки дарили (д. Евсино). «Родственникам все подарить надо: свекру — рубашку. Свекровке дарят юбку, платок, передник. Мужикам кушаки дарили» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево).

Женщины, которы пели, тоже подарочки просили песней:

Сколько мы песен не певали,
От Василия даров не видали.
Ты, Василий, молодец, догадайся,
За шитый кошелёк сохватайся.
— Ты, шитый кошелёк, шевелися,
Серебро на ребро становися,
Ко девицам в куть закатися.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

В обручение потом садятся все, угощаются. Парамы через стол, на той стороне гости сидели, а с этой стороны подходят и пропивают. Вино подаёт жених с невестой. Жених наливает, а парамы подходят, оба молодых держатся за поднос. Сначала подходят родители, затем братьевья, сёстры, гости. Раньше такие подносы были — первый раз кругом идут с вином, только по две рюмочки, это «прóстенька», потом, во второй обход — это «поросёнок», брага и пиво рюмочка. Поставят две рюмки вина, стакан пива, стакан браги, и это будет «поросёнок». «Куручка» — это брага и стопочка вина. Это каждому дают отец с матерью и помощники. Жених, невеста пьют одно, из одной рюмки, из одного стакана. Они пьют сначала «простеньку», «куручку» и «поросёнка» — наливают сначала жениху и невесте, а потом всем остальным» (п. Пожва).

«Пока свадебжане ели, пили, в эту пору вывозить стали пухи, это так называется приданое» (зап. от Беляниной Л.Г., 1941 г.р., п. Пожва). «Приехала лошадь, пришел кучер и говорит: «Собирайте, я приехал за пухами». А там уже свадьба готова» (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). Тут родители на сундук засели. Сундуки-то, наверно, там выкупают, у невесты (д. Гавино). «Брат сел на сундук, берет у жениха выкуп. Брат сидит, когда уже невесту забирают, сундук надо забирать. Деньгами дают, мелочью. Рубль дадут, пять рублей, а кто десять рублей даст. Перед тем как уйти из дома, жених должен выкупить сундук — это самое ценное» (зап. от Боталовой З.В., Боталова В.Г., 1936 г.р., д. Иринёво). «Приданое по частям продавали, девчушки-то. Говорят цену или чё. Обычно вот половики шьют, полотенца. Столько рублей полотенца, столько рублей половики. Ящик со скарбом — цену скажут. Подушки, перину — всё деньги просят. И садятся на ящик. Которые на свадьбу приехали — собирают и выкупают у них» (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино). «Всё выкупили, мы давай все выносить: и перины вынесли, и подушки, сундуки вот такие были, сундук вынесли (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва).

Со двора приданое понесли, опять песню запели:

Жарко камню на горе лежучи.
Ой, тошно сердцу батюшкиному,
Ой, тошно сердцу матушкину:
Милую дочь со двора повезли,

Цветные платья в сундуках повезли.

Жарко камню на горе лежучи.

Ой, тошно сердцу батюшкиному,

Ой, тошно сердцу матушкиному.

(Зап. от Беляниной Л.Г., 1941 г.р., п. Пожва).

«Вслед за сундуком стали со стола выводить невесту и жениха. Тут молодым под ноги войлоковый коврик постеляют. Они так встанут перед Богом, тут их благословляют» (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское). *«Под матицу нас ставили, головами вместе. Мы брались за руки, нам вопросы задавались, мы должны были отвечать. Мама тогда говорила: «Доченька, ты согласна выйти замуж?» Потом жениха спрашивала: «А ты согласен принять мою доченьку к себе в жены?» Такие вот вопросы. Мама достала икону, в углу была икона, она достала и благословила. Три раза. Святые слова говорила. Мы на колени тогда вставать должны были, головы вместе, и она нас закрывала вышитым полотенцем, с кружевами, красивым, и вот так благословляла. Крестом благословляла»* (п. Пожва). *«Жених с невестой встают на колени, и мать берет коврижку, иконку маленьку берет. Коврижкой по голове перекрестит, сначала жениха, потом невесту. Они головы рядом сложат, она их благословит, потом эту коврижку кусать заставляет. Смотрела, кто больше укусит, тот и хозяином в доме будет. Потом иконкой ещё благословит»* (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). *«Нас благословили иконой и хлебом-ерушником. И этот хлебушник-то нас заставили укусить»* (зап. от Мальцева А.Ф., 1923 г.р., с. Они). *«Когда поехали к жениху, нас из-за стола вывели и перед иконой поставили, тут перекрестились. Они так вот нас обоих наклонили, тут ерушники, ну чёлпан, хлебом и иконой благословили»* (зап. от Боталовой Л.С., 1936 г.р., д. Мурмэс). *«Потом иконку и хлеб молодые с собой забирают»* (зап. от Виноградовой В., п. Пожва). *«Эти, которые укусили, этот хлеб-то оставляли у себя. Его высушили, и он долго-долго хранился в ящичке, и иконочка тоже. От бед надъ-то»* (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва).

Как благословили, стали выводить невесту и жениха, тут им опять песни запели. До кошёвки все провожают и поют:

Отдадут меня молодую

На чужу дальнюю сторону.

На чужой-то да сторонушке

Надо жить-то сумеючи,
Говорить разумеючи.

(Зап. от Рожки И.И., 1930 г.р., с. Крохалёво).

Как у ласточки да касаточки
На лету крылья примахалися,
Сизы пёрышки распушались.
Как у душечки, красной девицы
Не в уме было да не в разуме,
В поминанье этого не было,
Во взамуж идти, запросвататься.
Запросватал родимый батюшка,
Завела родню родная матушка
Ради ближнего перепутьица.
Она в торг пойдёт, к дочери зайдёт,
Из торго пойдёт, ночевать зайдёт,
Станет спрашивать:

— Каково житьё в чужих людях,
Во чужих людях, во крепких руках?

— Ох, ты, мамонька, ты родимая,

Ты поди, сходи на сине море,

Ты спроси у сера гуся,

Каково гусю супротив воды,

Супротив воды гусю плавати?

Таково житьё во чужих людях,

Во чужих людях, во крепких руках.

— Ох, ты, дитятко, ты родимое,

Ты носи платье, не снашивай,

Терпи горе, да не сказывай.

— Ах, ты, мамонька, да ты родимая,

Понося платье, оно сложится,

Потерпя горе, да горе скажется.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

Подле реки на крутом берегу

Стоял тут зелёный сад.

В том саду стоит клеточка,

В этой клетке висит веточка,

На этой веточке канареечка.

Собирались к ней мелки пташечки,

Сели на ветку, раскричались:

— Свет ты, наша канареечка,

Знать нам с тобой не лётывати,
Пшенка с горошком не клёвывати.
Подле реки на крутом берегу
Стоит тут нов высок терем,
В том терему красна девица.
Собиралися к ней красны девицы,
Сели на лавку, растужилися да расплакалися:
— Свет ты, наша красна девица,
Знать нам с тобой не сиживати,
Крепку думу не думывати,
Тайный совет не советывати.
Крепкая дума — Иван молодец,
Тайная дума — Иванович.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

Уж вы, кумушки-подруженьки,
Уж вы, ласковы сестриченьки,
Вы вставайте-ко ранёшенько,
Умывайтесь вы белёшенько,
Вы чешите буйные головы,
Да увяжите алы ленточки,
Уж мы поедем да на крутую гору,
Да раскатаем крутогорую.
Как на той-то горе да будет друженька,
Да будет подруженька,
Да будет она моя любимая.
Во саду было во садичке,
Во зелёном виноградничке
Тут ходил, гулял отецкий сын,
Сын отеческой, купеческой.
Он чесал свои кудерцы,
Он чесал свои русые,
Чесал кудри, приговаривал:
— Прилегайте, мои кудерцы,
Прилегайте, мои русые,
Ко моему лицу белому,
Лицу белому, румяному,
Привыкай-ко, красная девица,
Ко моему уму-разуму,
Да ко нраву молодецкому.
— Мне ум от твой не глянется,

Мне-то нрав твой не нравится,
Мне глянется у бабушка,
У своей родимой матушки.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

Через тихую воду, через синее море
Тут лежало дерево кипарисово.
Никто через это дерево не переходит
И никто за собой не переводит.
Свет Василий переходит,
Свет Иванович переводит.
За собой душу девицу переводит,
Свет Анну Ивановну.
Переводит он, сам целует.
Со того целовка сын и будет,
Что попами, дьяконами крестити,
Князьям, боярам принимати,
Князьёвским женам пировати,
Нам девицам песни пети.

(Зап. от Осинниковой М.Г. в 1924 г. Давыдовой Анной
Васильевной, п. Майкор).

*«Молодых вывели, в кошёвку посадили, тут ещё сказали:
«Кто навстречу попадёт, вы поклон давайте, но не разговари-
вайте». Вот как нас посадили, так мы и слова не сказали
друг другу, всё молча ехали»* (зап. от Боталовой Л.С., 1936 г.р.,
д. Мурманск). Раньше колдуны были, разные наговоры да раз-
говоры от них. Раз сделали — лошадь пала, молодые даже из
кошовки выпали. Потом 15 лет прожили и разошлись. Ран-
ше ведь оборотни были, оборотни назывались — оборачива-
ли свадьбу. Волками делали (с. Архангельское). «Я маленький
был дак слышал, что такие колдуны были, что целые свадьбы
в стаи медведей оборачивали. Видимо что-либо не понравит-
ся или че. И вот даже если свадьба, то на передней лошади
едет колдун — обязательно это» (зап. от Кривощёкова В.Ф.,
1934 г.р., д. Калинино).

*«Восемь пар лошадей ездят, больше некоторые. Два, три,
четыре бубенчика. Когда жених едет за невестой-то, а от-
туда будут ехать, дак уже больше. Кто сколько найдут. За-
кроют им дорогу. Дорога-то через лес, дак валят деревья. Ко-
гда напоят вином, отпустят тожно»* (зап. от Баяндиной Г.В.,
1923 г.р., д. Чинагорт).

«Зимой на кошевках, а летом на телеге. В телеге, как в кошёвке, клетушка сделана. Сели, поехали записываться» (зап. от Постанововой З.Г., 1931 г.р., п. Пожва). *«От невесты едут в церковь венчаться уже вечером»* (зап. от Еникеевой Н.И., 1961 г.р., п. Пожва). *Зимой на кошевках свадьбу возили, летом — плетушки. На первой знахари большие ехали, чтобы дорогу не испортили. Бывает, лошади не едут, путаются. Это колдуны балуются (с. Архангельское). «На первой лошади обязательно должен был ехать колдун. Чтобы свадьбу не превратили в волчью стаю, колдуна-то вот и садили на лошадь»* (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). *«Специально ездили старик и старушка, старые. У нас были по 92 года каждому. Их специально возили на передней лошади — чтобы свадьбу не испортил никто»* (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). *«Свадьбу могли дошлые люди испортить. Они могут всякое делать, всякую молитву знают, всякую порчу»* (зап. от Савельевой Р.В., 1947 г.р., д. Мосино). *«Было такое, что колдуны дорогу закрывали, говорили: «Христос закрывает»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). *«Сначала дружки едут. Это как охранники невесты, чтобы невесту не украли»* (зап. от Назукина Н.П., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). *«Вино везут на первой лошади, угощать, чтоб дорогу открывали»* (зап. от Боталовой В.П., 1936 г.р., с. Антипино).

«Следом за дружками едет до церкви невеста с подружками, потом жених с дружками» (зап. от Виноградовой В.В., 1937 г.р., п. Пожва). *«Невесту в церковь везет крестный. Жених едет отдельно»* (зап. от Еникеевой Н.И., 1961 г.р., п. Пожва). *«Тысячко на третьей лошади едет»* (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). *«А потом гости едут. Свадьбовжана»* (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Дюер). *«На последней отец с матерью с ящиком, с постелью. Сидели на ящике»* (зап. от Боталовой Л.С., 1936 г.р., д. Мурманс). *«Сундук братья везут на рózвальне — это большие сани»* (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). *«У меня ящик везли, там полотенца, одежда, половики»* (зап. от Вилесовой М.В., 1930 г.р., д. Баранчиново). *«На последней лошади семья у невесты везет ящики: перину да чё да»* (зап. от Трубиновой З.А., 1931 г.р., с. Мелюхино). *«А там ещё на последней кошёвке маленький кто, может девка, парень, как это раньше говорили: «Хвост у свахи». Сваха-то, а хвост — это платье-то*

кто дёржит у невесты» (зап. от Зыряновой М.И., 1926 г.р., с. Крохалёво).

«В свадебный поезд запрягали три лошади, были свадьбы о пяти лошадях» (зап. от Чакилёвой Т.Н., 1933 г.р., с. Архангельское). «У моей свадьбы семь лошадей было» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Если богатые, то лошадей десять, если беднее, то меньше. В одну кошёвку запряжена одна лошадь» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). «У нас на паре были лошади-то. Четыре пары» (зап. от Вилесовой М.В., 1930 г.р., Казанцевой З.К., 1931 г.р., д. Баранчиново). «Некоторые лошадей восемь запрягают с кокольчиками, ленточками на дуге» (зап. от Боталовой В.П., 1936 г.р., с. Антипино). «Украшали лошадь лентами, кушаками, опоясками. Восемь-десять лошадей запрягали. В каждую кошёвку одну лошадь ставили» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). «Чтоб свадьбу не испортили, молитвы привязывали к дугам» (зап. от Беяева И.П., 1932 г.р., и Беяевой Р.М., 1932 г.р., д. Мочга). «Последняя лошадь, которая из дому невесты шла, была без колокольчиков» (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурмэс).

Во время пути по приметам гадали о будущем молодых. «Вот погода испортилась, значит, в жизни молодым не повезёт» (зап. от Беяева И.П., 1932 г.р., и Беяевой Р.М., 1932 г.р., д. Мочга). «Снег пошел, или там дождь — семья богатая будет. Похороны встретятся — к доброму» (зап. от Виноградовой И.В., 1932 г.р., п. Пожва). «Сломалась обоза, говорили: «Не заладится жизнь» (зап. от Шипицыной А.А., 1932 г.р., д. Мочга). Когда невесту снаряжают к венцу, она хлыщет платком девок, чтобы они тоже быстрее замуж вышли (д. Городище).

«Свадебный поезд не должен был останавливаться. Если уж свадьба идёт, машины, лошади — все должны останавливаться, пропускать свадьбу-то (зап. от Савельевой Р.В., 1947 г.р., д. Мосино). «Было и такое, что дорогу закрывали. Жерди накладывают, мол, выкунай невесту. Тут дружки вино дают» (зап. от Беяниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва). «У нас вот поехали в загс, тут дорогу перекрыли, как невесту выкупать. Это просто выкуп. За этот выкуп обычно расплачивается тысяцкий, у жениха крёстный. Дорогу перекроют и тысяцкому-то: «Давай, расплачивайся». Тысяцкий выходит, расплачивается вином ли, деньгами, угощение какое даёт. Выкупили, ага, могут сказать: «Мало, давай ещё». Тысяцкий

должен в это время щедрым быть. Расплатится, тогда разойдутся. Пропустят свадьбу-то» (зап. от Невוליной В.П., 1928 г.р., п. Пожва).

«К церкви подъедут, невесту выводят и так быстро-быстро по ступенькам подняли, даже лица-то не увидишь. Вот и вытягаешься, смотришь свадьбу-то» (зап. от Невוליной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). «И у тысяцкого тут должны быть набиты полны карманы пряниками, конфетами. Побольше всего шоколада берут — на щедрость. Вот подъезжают к загсу, выходят, тут тысяцкий краями-то всех угощает» (зап. от Невוליной В.П., 1928 г.р., п. Пожва).

Венчание

«В церкви уже жених с невестой стоят, родственники тут, какие приезжают, кто может. Батюшка долго читает всякие молитвы» (зап. от Еникеевой Н.И., 1961 г.р., п. Пожва). «Невеста стоит, на груди розовая лента привязана. Вот, как батюшка станет Евангелие читать, невеста эту ленту в Евангелие и положит. Если девушка честная, розовая лента не упадет. Эта лента так и остается в Евангелие» (зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

«У невесты тут рядом сватья стоит. Тут народ сзади всякий, кому охота смотреть на свадьбу. Поп, значит, почитает, потом берёт, приносит венцы позолоченные. Одевает их на невесту, на жениха. Если они велики, платочки подкидывают под это место, подлаживают, чтобы не спадывало. Молиться так немножко молодым велят» (зап. от Назукиной В.П., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). «Когда венцы одевают на жениха и невесту, смотрят — если под венцом невеста побледнеет, то умрёт раньше жениха, а жених побледнеет — умрёт прежде невесты» (зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва). «Это правда, я вот ходила, гуляла на свадьбе у Гали Ушаковой, и вот эту примету сказала нам сестра Шура: «Девки, смотрите, — говорит, — Коля как под венцом изменился, даже почернел. Он, — говорит, — надь-то вперед умрет». И точно, он вперед умер. Потом еще мы ходили смотреть свадьбу, Шура Можяева венчалась с Сергеем. Под венцом Сергей даже не побледнел, а сразу чёрным сделался. Она прямо розовая така розовая, а он чёрный-пречёрный, и тоже вперед её умер» (зап. от Невוליной В.П., 1928 г.р., п. Пожва).

«Вот обвенчали молодых, жених тут уже выносит невесту и в свои сани садит» (зап. от Виноградовой В.В., 1937 г.р., п. Пожва). *«И садятся они уж на одну телегу. Тут тысяцкий их за платочек ведет. Тысяцкий, значит, с женихом садятся рядом, а невеста садится к ним на колени. Это уж из церкви так едут»* (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). *«В церкву-то по одной дороге ехали, а из церкви-то уже другую дорогу выбирают, когда к жениху поехали»* (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

Приезжие столы

А раньше вот сочень такой большой сделаешь, накатаешь тесто и наложишь. И вот этим мушником-то и зовут на свадьбу, посылают дружку. Некоторые делали два маленькие, пару чтоб позвать (с. Архангельское). *«Пока молодые в церкви, в дом жениха пухи везут: подушки, перины — все постельное. Пуховая сваха везет — она с невестиной стороны»* (зап. от Беляниной Л.Г., 1941 г.р., п. Пожва).

«Когда с пухами приедут, жениховые родители выносят стопку браги, стопку вина» (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). *«Пух привозят. Ящик надо заносить. Этот пух выкупают тоже. Деньги дают. Кто поставит бутылочку на ящик. Кто скорый, кто может, бутылочку схватит да в дом. А кто остается, тот ящик-то с пухами и заносит. Потом они уже все вместе сядут и эту бутылку выпьют»* (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). *«Долго-то не расслаживают, пуховая сваха должна успеть на окна всё повесить. Женихово все убирают, а невестино вешают»* (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). *«Полотенца весили по стенкам. Полотенец двадцать повесишь, с кружевами»* (зап. от Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское). *«Раньше ведь невеста должна была всё свое приданое показать: полотенца, чё у нее там было, своими руками сделанное»* (зап. от Сериной Л.И., 1975 г.р., с. Архангельское). *«Вот полотенца повешали, тут уже в дом жениха приходят деревенские смотреть, что она повесила: сколько и какие узоры, богатая или нет. Если много полотенец, значит, невеста богатая и рукодельная. На полати залезут, смотрят. Их никто не пригласил, их не поят, не кормят ничем, они просто смотрят и всё»* (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). *«Всё вешает невеста: шторы, полотенца. Это она показы-*

вает свадьбовжанам. Все это висит недели две, потом полотенца убирают, шторы, занавески так и остаются висеть» (зап. от Боталов П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово). «У нас вот с неделю висело всё, потом убирали, повседневные вешали» (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское).

«Пуховая сваха здесь же готовила постель молодым. Приготовит и сядет охранять, чтобы никто туда ничего не подложил» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). «Я постель караулила. Отдельно ела, пила, постель караулила. Могут всё подделать. Кто злой на тебя, бывает, иголки втыкают, стекла мелко натолкут и в подушки насыплют. Вот пуховая сваха и караулит» (зап. от Невотиной В.П., 1928 г.р., п. Пожва).

«Молодые подведут к дому, спешатся. Тот, кто вожжи держит, ямицик-то, жениху и невесте под ноги подушечку из ваты положит. На этой подушке молодые в кошевке сидели. Вот им положат эту подушку, они на неё встанут» (зап. от Боталовой Р.Н., 1926 г.р., д. Истер-Дор). «Жених с невестой в дом зайдут, им половик в ноги стлали. У меня было осеннее пальто, подшалок, шаль была. Свекровка сразу эту шаль себе на голову, пальто сняла у меня, сама одела и говорит: «Ой, тёплый, тёплый, хорошо будет» (зап. от Боталовой Л.С., 1936 г.р., д. Мурмэс). Невеста-то заходит, тут свекровь стоит, невеста снимает пальто, а свекровь одевает, мол, тёплая ли, ладится ли нет: «Ну-ка тёплая, нет?» За матницей становились (д. Гавино). «Ещё связывали пояс. Длинное-длинное расшитое полотенце брали, и им молодых обвяжут. Говорят: «Чтоб совместная жизнь была долгая и длинная, как это полотенце». Вот как они заходят в дом к жениху, еще и за стол не сели, их обвяжут. В Жуково я такое видела, это недалеко от нас, от Архангельского, деревня» (зап. от Сериной Л.И., 1975 г.р., с. Архангельское).

Обязательной процедурой встречи молодых являлось благословление их родителями. «Здесь уже молодых благословляли родители парня. Мать вперед благословляет. Солью-хлебом. Отец иконкой. Соль в чашечку положат. Специальные такие были деревянные солонки. Она на хлебе стояла. Соль брали руками, а хлеб кусали. Взял соль, в рот положил, потом хлеб откусил. Все ещё смотрят, кто больше откусит, жених ли, невеста, тот в доме верховодить будет. Потом иконой благословляют. Молодые наклонятся, их по очереди

иконой крестят и говорят: «Вот тебя, дитя, благословляем на всю жизнь иконкой, солью, хлебом, чтоб ты был богатый». Перекрестят, молодые икону поцелуют и поклон отдадут. Спасибо тут не говорят. Иконой крест клали спереди и сзади, хлебом благословляли только спереди» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Жених с невестой встают на колени, мать берет коврижку, икону маленькую берет. Коврижкой по голове вот так перекрестит, сначала жениха, потом невесту, они головы рядом держат. Вот она их благословит. Потом эту коврижку каждому откусить даёт и иконкой благословит. Кто больше откусит, тот и хозяином в доме будет» (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). «Кто больше из молодых хлеба откусит, тот дольше проживёт» (зап. от Селиной М.А., 1933 г.р., д. Николаево).

В ряде селений, таких как Майкор, Архангельское, молодых благословляли только хлебом. «Хлебом благословляли, челтан испекут. Поклонишься, родители кладут, дочери на спину, сыну. Иконы тут нет, только хлеб» (зап. от Власовой Ю.И., 1930 г.р., д. Тараканово). В доме жениха иконки не было благословлять, хлеб-соль только на полотенце вынесут, дадут на пороге откусить (д. Гавино). «Хлеб откусили, кусочки проглотили, сам каравай занесли обратно на стол» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). За хлебом и молодых за стол повели. Крёстный повёл (д. Евсино).

«Молодого садят за стол на подушки. Раньше длинные подушки такие делали» (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское). «Садил и ждали гостей» (зап. от Савельевой Р.В., 1947 г.р., д. Мосино). «А невесту тут в другую комнату увели. Косы закрутили, молодухой оплатали. В дом жениха она ведь приезжает с распущенными волосами» (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское). «Вот ей чекись-то и плели в доме жениха. Косы-те» (зап. от Калиной Л.М., 1934 г.р., д. Казённая). Невесте коклюшку делают на голове-то, косы на затылке укладывают (д. Евсино).

«Обе косы заплетала вежань. Если невеста девушкой была, косы вверх заплетали, а женщиной выходила — вниз плели» (зап. от Власовой Ю.И., 1930 г.р., д. Тараканово). Вежань правую сторону начинала плести (д. Федотово). «У невесты косы крёстная заплетала. Ленточки в косы делает. Красные ленточки только той надевают, которая с мужиком совсем не вязалась. Эти ленточки не дают никому. Кто верёвку

тоненькую делал из овечьей шерсти и этим заплетал» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Косы плели, две балички делали» (зап. от Климовой М.Н., 1922 г.р., д. Капилино). «Две косы заплетут, по темечку прямой ряд пустят. Волосы так перекрестят и ко лбу поднесут. Это называли у нас балича. Это значит — поверенная мужу до смерти. Так до смерти и носила» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «Волосы в две косички делали. Балича называется. Ленты вплетаются в обе косы. Баличу сделала, сверху платок одеваешь» (зап. от Боталовой Р.Н., 1926 г.р., д. ИстерДор). «Баличу, — говорят, — мы тебе пекли. Баличу пекли, баличку. Косу-то пустили» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Две-то косы в день свадьбы делали. Вместо одной косы получается балича. Волосы вокруг головы обовьют, вот и балича. Вот оценивали невесту как раз по этим косам: длинные косы — хорошо, и балича хорошая. Это уже бабье дело» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). «Заплетает косы крёстная мать, заплетает две косы, да так вокруг головы укладывает. Потом завязывали платками. За голову завязывают поменьше платок. Так и носишь два платка» (зап. от Власовой Р. Е., с. Архангельское). «Вокруг головы волосы замотают. Платок сверху, узел сзади завяжут» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Косынку позади завязывали, уши открыты остаются» (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино). «Косынку можно белого цвета, можно хоть какого. Ну, особенно белого» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). «Бывали раньше такие косынки трёхугольные. И черные бывали, и белые» (зап. от Рожки И.И., 1930 г.р., с. Крохалёво). «В деревне Мосино невесте переплетали косы две коки, крестные жениха и невесты. С одной стороны плетёт у мужа кока, с другой стороны — моя. Одна говорит: «У меня за мужа счастье — муж с войны придёт», — а другая: «Пускай детей много будет». У меня семь сыновей, семь дочерей и случилось. Косыночку повязали — ичмонькой сделали» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). «Это девка была, а замуж выйдет, косы переплетут, платочком завяжут — ичмонька (с. Антипино). «Девка, которая не просватана — нывка, непросватанная. Ичмонька — это когда замуж вышла» (зап. от Хорошевой, 1931 г.р., д. Сыскино).

«Невесту к жениху выведут, посадят на подушки, в красный угол, под икону» (зап. от Калиной А.И., 1939 г.р., д. Урма-

ново). «На лавке подушки лежат для молодых, чтобы жили дружно, как в пухе. Чтобы богато. Это пожелание такое. Потом ещё родители мужа жениха да невесту полотенцем ли, платком свяжут, как говорят: «Привязывают, чтоб никогда не расставались» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Рядом с невестой крёстный жениха садился — вежай» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). «Стариков, что везли свадьбу, тоже не забывали, почитали. Их в первую очередь за стол садили» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво).

«Вся деревня, весь колхоз пришли смотреть на молодую. Вот посмотрят, там уже тысячка командует, он главный, приговаривает: «Кого не звали? Кого не звали?» — так ко столу зовет, только тех, кого пригласили. Остальные посмотрят, их пивом, квасом угостят, да по домам. Вот тысячка приговорит и на стол подарок положит» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). За столом-то у нас на свадьбе человек тридцать было. Ещё считали, сколько с невестинной стороны, сколько со стороны жениха. Со стороны жениха должно было быть больше. Такие правила были (д. Завижай).

«Сели, давай стол открывать. В этот день два раза стол открывали: первый и второй раз. Два раза надо было за стол сесть. Когда приедешь к жениху — за стол сядешь, покушаешь, а второй раз в двенадцать часов откроют» (зап. от Боталовой В.П., 1936 г.р., с. Антипино).

«Мужик первым попробует, потом невеста, потом все остальные. В день свадьбы молодым одну стопку, одну ложку, одну вилку кладут. А если две стопки, то эти стопки чем-нибудь связывают. Жениха и невесту из одной посуды исть заставляют» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «В середину стола свадебный пирог ставили. Его все пробовали, и жених с невестой тоже. Вареник ещё делали — молоко коровье в русской печке напарят, потом его перемешают с творогом и поставят в холодное место, потом на стол. Мама на свадьбу варила пиво. Разливала и каждому подавала. Одну кружку подавали всем по очереди. А кружек не было, так в бидонах подавали» (зап. от Калиной А.И., 1939 г.р., д. Урманово). «На столе лапша была сальная, печень, мясо делают, сало» (зап. от Боталовой В.П., 1936 г.р., с. Антипино).

«А второй стол откроют пельменями. Их едят после свадьбы вечером. Тут ещё смешные пельмени делали. В них

клали уголь, да что да. Вот кому пельмень с угольком попадёт, у того мужик чернорабочий будет, колхозник. Соль попадёт — злой, наверно, будет. Монетка — денежный, бумажка — писарь» (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское). Если соль попала — жизнь будет солёная, хлебушко горсток — при хлебе будешь жить, уголь ещё сунут — кручина, наверно (с. Антипино). «Если мука в пельмене, мужик мельник будет, уголь — кузнец, денежка — богатый, бумага — писарь, начальник» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). «Уголь, наверно, тепло в доме будет, соль к богатству» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). Мне самой вон чё подалось, червяка мне положили, вот мы девять месяцев и прожили, и всё, разошлись (д. Федотово).

Раньше на стол готовили двенадцать блюд. Раньше носили не голые тарелки, а вот эту тарелку закроют тарелкой. А дядька тысяцкий открывает. Открывает и первый сам берет. А потом уже свадебжана едят. А последнее блюдо кисель был молочный, картофельный белый кисель. А потом принесут уже вставальное — мушник. И все, свадьба кончается (д. Городище).

«Во время застолья женщины пели песни, величали всех. Можно про гостей, про мужа с женой с любой стороны. И в обрученье пели, и в доме жениха эти же песни петь могли» (зап. от Деменеовой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

«Мне было выгодно ходить, подружек за стол не садят, они там на кухне, а я тут с песьницами стою, пою. Я, во-первых, всю свадьбу вижу, они мне уплотят тут, что соберут, деньги дадут, потом я жетон приколю шаферу, он мне тоже денег даст. Бывают, что по два шафера, а у богатой семьи — по три шафера от жениха. Девки жетон им приколют. И про них тоже песни есть: «Травчик-кудрявчик», «Винная ягода».

Травчик-кудрявчик, мой разудалый добрый молодец,
Разудалый добрый молодец,
Он из тысячи на тысячу ступал, он из тысячи на тысячу ступал,
Миллионами по городу бросал, миллионами по городу бросал.
Он сирот из нужды выкупал, он сирот из нужды выкупал.
Сиротинки, красны девицы души, сиротинки, красны девицы души,

Помолитесь Богу за меня, помолитесь Богу за меня,
За удала добра молодца, за удала добра молодца,
Чтобы Бог меня помиловал, чтобы Бог меня помиловал,

Государь чин пожаловал, государь чин пожаловал,
Христолице (?) со девицею, христолице (?) со девицею,
Со душою, красной девицей, со душою, красной девицей.
(Зап. от Беяниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

Вот про жениха пели:

Как во нынешнем, во прошлом году
Уродился славный розан во саду.
Да добрый молодец по садику гулял,
Да он срывает с розы розовый букет,
Да сам на цветичком любитесь,
Да красотой своей любитесь.
Этот цветик нежен и хорош,
Да добрый молодец не женат, холост.
«Был я, был я и в Казани, и в Москве,
Не нашёл я там невесту по себе,
Воротился я в Пожву назад,
Пойду в Божью церковь богу помолюсь,
На все стороны четыре поклонюсь:
— Пришли, Господи, невесту мне!
Да роду-племени богатого,
Да отца-матери хорошего,
Да и при том же рукодельницу!

(Зап. от Беяниной Л.Г., 1941 г.р., п. Пожва).

Про всех пели. Вот про тысяцкого пели что:

Тысяцкий-воевода, ой, воевода,
Он и раньше воевал городами, ой, городами.
Да и нынче воюет головами, ой, головами.
Как и в первой головой у Ивана, ой, у Ивана,
А второй головой у Марии, ой, у Марии.

(Зап. от Беяниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

Женихова сваха переезжей свахой называется, ей поют:

Переезжая свашенька, сваха горда спесивая,
Молодая горделивая.
Она не ступя ступила,
Не молвя, слово молвила,
Что не с батюшкой, не с матушкой,
А со мной красной девицей:
— Собирайся-ко умная,
Собирайся разумная.
Что в Божью церковь ехати,
Что закон Божий принятияи,

Со чужим со чужениным
Что во-по совет ехати,
И что закон гражданский принятияи.

(Зап. от Беяниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

Свахе спели, а потом со стороны невесты свахе поют:

— Свашенька горда спесива,
Уж ты где, сваха, ехала?
— Уж я ехала, ехала
Я лугами зелеными.
— Уж ты чем луга дарила?
— Уж я дарила, дарила
Я цветами лазоревыми
— Уж ты где, сваха, ехала?
— Уж я ехала ехала,
Да я лесами зелеными.
— Уж ты чем леса дарила?
— Уж я дарила, дарила,
Да лисицами, куницами.
— Ты кого, сваха, видела?
— Красну девицу во высоком терему.
Уж я привезти не привезла,
Русу косыньку расплела
И невестой назвала.

(Зап. от Беяниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

Будущей тётце пели:

Тётца зятя да угощает:
«Да уж ты ешь-ко, мой зятюшка, досыта,
Да ехе-хе, да ешь-ко, зятюшка, досыта.
Да ты уж, зятюшка, да пей допьяна,
Да ты домой пойдёшь, да не махайся,
Да ехе-хе, да не шатайся,
Да в чёрной грязи не валяйся,
Да над моей дитей не издевайся,
Да ехе-хе, не издевайся.
Да что моё дитя да не учёно,
Да ехе-хе, что не учёно,
Да не учёно, не торено.
Да научить её я не успела,
Наторить её да не случилось,
Да, ехе-хе, да не случилось.

(Зап. в п. Майкор).

Про свекровь пели:

Через матушку реку Неву
Да насланы мосты калиновые,
Да перекладинки рябиновые,
Да тут идёт свекровка-матушка,
Да с собой милу сноху она ведёт,
Да переводчику наказывает:
«Уж ты гляди в Неву-реку,
Как посмотришь, так и упадёшь».
«Уж я упаду, упаду,
За тебя, свекровь, не удержусь.
Уж удержусь, удержусь
За удала добра молодца,
Свет Ивана Ивановича.

(Зап. от Беяниной Л.Г., 1941 г.р., п. Пожва).

*Про мужей с женой поют, про семейную какую-нибудь
пару:*

По меду-мёду по сырчатому.
Сырчатому, с-по крупирчатому
Плавала чаронька золотая.
Кто за эту чароньку примется?
Примется, принимается
Свет Незнай свет Незнаевич.
Подносил чароньку душе своей:
— Душечка, пей, душа, радость, испей.
— Нет, не пью, душа, нет, не хочу.
— Я тебе, душечка, сон расскажу,
Сон расскажу, по мыслям разложу:
«Будто на широком дворе
Выросла травонька шёлковая,
Расцвели цветички аленькие,
Аленьки цветички — дети у нас,
Голубы цветички — слуги при нас,
Слуги при нас — слуги верные,
Дети при нас — дети милые.

(Зап. от Беяниной Л.Г., 1941 г.р., п. Пожва).

По берегу на крутом берегу
Через тиху через воду
Тут лежало дерево святое,
Свято дерево — кипарис,
Что никто тут и не ходит,

Только ходит один, переходит,
За собой он жену переводит,
Переведёт её, поцелует,
Поцелует, у них сын-от будет,
Чтоб попам-дьяконам крестити,
Чтоб поповским жёнам принимати,
Чтоб князьям-боярам пировати,
А нам, девушкам, песни пети,
Мы ведь девушки как картинки,
Нам на ленточки на ботинки.

Это ведь девушки спрашивают у гостей денежки, угощения. Это тоже семейной парочке пельсь. (Зап. от Беляниной Л.Г., 1941 г.р., п. Пожва).

Про шаферов:

По улкам, по улочкам,
По частым переулочкам,
Тутто ездил-споездил
Удалой добрый молодец.
Увидали его девицы
Из высокого терема,
Из окошечка косещетого,
Увидали, обрадовались,
Поломали иголки,
Потеряли булабочки.
— Нам не жалко иголочек,
Нам не жалко булабочек,
Только жаль добра молодца,
Свет Ивана Ивановича.

(Зап. от Беляниной Л.Г., 1941 г.р., п. Пожва).

После величания начиналась процедура дарения. Молодые, стоя за столом, вынимали из сундука подарки и приглашали родственников принять их. Начинали с родителей жениха, потом дарили родителей невесты, крестных родителей, тысяцкого, сестёр, братьев, шаферов, присутствующих на свадебной церемонии.

«Матери я дарила, начиная снизу доверху, все. Колготки подарила, потом платье, платок подарила, как говорится — всё. А отцу подарила рубашку и не свитер, а как пуловер» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). *«Жених здесь же подносил подарочки тёще, тестю, братьям и сестрам невесты»* (зап. от Виноградовой В.В., 1937 г.р., п. Пожва). *«Во вре-*

мя дарения жениху и невесте полагалось родителей назвать мамой и папой. При всех дарили подарок и говорили: «Прими, мама». Свёкру: «Прими, папа». С этого дня надо свекровку мамой звать. И по имени-отчеству могли назвать, но так у нас было не принято, говорили: «Мама и папа». То есть они становились вторыми родителями для невесты» (зап. от Серриной Л.И., 1975 г.р., с. Архангельское).

Всей семье дарила подарки: то косынку, то платье, то кофточку, чулки. Невеста обязательно дарила мужу пояс (д. Федотово). «Раньше ситцы были, ситцы дарили, кто и платье дарил, платок. Свекрови дарят обычно платье, и майку, и фартук, и платок, и чулки, у кого есть, даже тапочки давали. Свёкру тоже дарили. Они опять навстречу отдаривали» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Носовые платки подарят молодёжи, ну, жених молодёжь приглашает ведь, вот эти подарки как молодым парням делали» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Ситцевые лоскутки подарила деверю. Кому платки, вот такой обычай был. А нам, как молодожёнам, деньгами отдаривали» (зап. от Бурлаковой В.Г., 1933 г.р., д. Капилино). «Гости дарили нам посуду» (зап. от Калиной А.И., 1939 г.р., д. Урманово). Все дарили: и юбки, и материал, только полотенце не дарили. На свадьбу не дарят полотенца, чтоб слёзы не вытирать (с. Архангельское). «На свадьбе полотенца не дарят. В день рождения можно полотенце дарить, а на свадьбе нельзя» (зап. от Савельевой Р.В., 1947 г.р., д. Мосино). «Подарочки дарили за столом да наказывали ещё, как молодым жить: «Друг друга любить, никуда не ходить, чужих не признавать, другую жену не занимать» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они).

«Всё время застолья невесту на улицу одну не пускали, только с крёстной, а жениха с крёстным» (зап. от Боталовой Л.С., 1936 г.р., д. Мурмэс). «А вот когда жених и невеста на улицу пойдут вдвоём, за платочек держатся» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «Во время застолья невесту ведь могли скрасть. Жениха отвлекут, а в это время невесту своруют. Вот дружки-то у жениха и должны были следить за невестой, чтобы её не украли — это ихняя задача. Если украли невесту, то жениховы друзья должны были её искать и выкупать» (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). «Обычно невесту крали и прятали за русской печкой. Выкупал вежай, дружка, они выкупают. У них всегда должно

было быть богатство. Вот их и трясут» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег).

«В день свадьбы жених с невестой вообще не должны были вставать с места. Говорили, что должны всегда были сидеть за столом. А целый вечер не будешь сидеть. Вечер вон как долго длится. Вот и караулили, уйдут куда, их место тут же займут. Обычно девка наряжалась женихом, а парень — женщиной. Вот они, ряженные-то, ходили и место занимали. А ежели сели, за место выкуп требовали (зап. от Серинной Л.И., 1975 г.р., с. Архангельское). «А если место молодых займут, жених с невестой отплачивались. Всяко напридумывают эти свадебичики» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

Брачная ночь

«Перед тем как уводить молодых спать, чай пили с тортом. Торт принесли, чай, кто чай пил, кто не пил. А после чая ещё пели, плясали» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). «Когда невесту поведут на брачную постель, мать невесты идёт с подносом, деньги на постель собирает, гости тут все кладут на этот поднос деньги» (зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва). «За постель вино просят, деньги, с тарелкой ходят» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег).

«Вежань постель сделает» (зап. от Власовой, 1933 г.р., д. Бажино). Постель крёстна приготавливает, мужнина (д. Гавино). «Где свадьба была в доме, там нельзя было делать для молодых постель» (зап. от Крохалевой Е.В., д. Казённая). Первую ночь раньше, говорят, молодым стелили в подполье (с. Антипино). «Некоторые ложили в доме на кухне, а некоторым в погребке стелили. Делали постель — доски просто делали и простышкой накрывали» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). «Раньше простыней не было, половики постеляют, сюда и положат молодых. На одну подушку, под подушку ложат полено» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «В постель дрова ложили, полена, чтобы твёрдо было спать» (зап. от Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское). «В постель что-то твёрдое ложили, чтобы нельзя было спать. В первую ночь они должны были к себе притереться» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). «В постель дрова ложили. Полено — это чтобы дрова в хозяйстве были, корм» (зап. от Селиной М.А., 1933 г.р., д. Николаево). «В постель

колодки подкладывали, чтобы детей больше было» (зап. от Вилесовой Е.Г., 1938 г.р., д. Макарово). «Раньше лапти-то плели, дак каб (колодка-деревицо), лапти-то плетут, дак это деревицо, говорят, кладут в постель, и молоток» (зап. от Трубиновой З.А., 1931 г.р., Казанцевой Ф.Ф., 1931 г.р., с. Мелюхино). Куклу ещё кладут тряпичную, чтобы ребёнок быстрей родился (д. Гавино).

«А кто созлый, дак в постель могли положить медвежий коготь, собачью шерсть и серебришку. Вот молодые и будут жить как собака да кошка» (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). «А крапиву совали, чтобы дрались, палку, чтобы били друг друга. Под перину сунут, и ничёго не знаешь» (зап. от Власовой, 1933 г.р., д. Бажино). «Кто злой на тебя, бывает, иголки втыкают, бывает, стекла ломают и в перину кладут» (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). «Вот в это время очень осторожным надо быть, постель дружки караулят, чтобы никто не касался постели» (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

«Вот попиrowали, молодых на постель повели. Там вино подадут, пиво подадут. Насказульки молодым наскажут, кому чё охота сказать» (зап. от Назукина Н.П., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). «Невеста мыло на грудь положит. В тряпочку завернёт или в носовой платок и положит. Мыло для того, чтобы у жениха с невестой хорошая, гладкая жизнь была» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «Выводить начнут из-за стола, невеста мужику на ноги наступает, под столом-то, чтобы больше жене в жизни досталось» (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурмэс).

На брачную постель молодых ведёт крёстная жениха (д. Гавино). «На брачную постель вёл вежай, крёстный у мужа, а у меня вежань тоже была, крёстная-то» (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурмэс). «Провожала на брачную постель моя крёстная, у мужа — крёстный» (зап. от Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское). «Вежай да вежань повели спать: «Идите, ложитесь спать» (зап. от Тюляевой А.И., 1932 г.р., д. Тетерино). «Когда невесту поведут на брачную постель, мать невесты идет впереди с подносом. Гости все ложат тут деньги. Эти деньги потом отдадут жениху» (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва).

«Вот невеста с женихом в комнатку пришли, на сундук сели, тогда тот, кто караулил, пошли гулять. Молодые в

комнате остались» (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). «Крестная мать проверит тут брачную постель. Посмотрит всю и скажет: «Все, можно ложиться» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). «Вежань ещё сказала: «Вот постеля, чтобы родилась челядь». Показала нам» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово).

«Молодые тут ещё пирог разрезают, угощаются и других угощают. Им денежки тут дают» (зап. от Виноградовой И.В., 1932 г.р., п. Пожва). «Вежай напутствовал, чтобы жили хорошо, не ругались» (зап. от Селиной М.А., 1933 г.р., д. Николаево). На первый день свадьбы (перед брачной ночью) ломают корчагу и говорят: «Сколько кусочков, дай Бог столько же сыночков» (п. Пожва).

«Валенки на подклете жениху тысячкой снимал, а у меня опять крестная снимала одежду-то» (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они). «Невеста жениху носки снимает. А в носках тамо деньги лежат. Зараньше положены деньги. Она снимает, чтобы богатство было: «Вот богато будем жить». Потом уже раздевается мужик сам. Который рубаху помогает снять» (зап. от Назукина В.П., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). «Невеста жениха раздевает, а жених невесту» (зап. от Деманевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). «Ещё смотрели, кто в доме хозяин: если у жениха большой палец меньше на ноге, значит он не хозяин» (зап. от Савельевой Р.В., 1947 г.р., д. Мосино).

«Сначала мужик ляжет, потом невеста» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «На постель молодых бросили, крестная объясняет, как надо с мужиком спать. Рассказывает всё. На ручку положит, закроет их» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). «Молодых закрывают, оставляют до утра» (зап. от Виноградовой И.В., 1932 г.р., п. Пожва). «Уложат спать и караулят. Караулят, чтобы невесту никто не украл. Мало ли, жених уснёт, и невесту украдут» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они).

Эпизодически отмечается древний, известный и другим народам запрет молодым вступать в близость в первую брачную ночь: «В деревне Антипино молодым в первую брачную ночь запрещено было спать вместе. Если в первый день вместе будут спать, тогда овечки не будут родиться» (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор).

Большие столы, кудпудэ.

Второй день свадьбы

«Утром после брачной ночи молодых шла будить свекровка» (зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва). *«Свекровка печку затопит и идёт будить молодушку, застучатся ли чо, занавеску дёрнет»* (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). *«Будить приходила крёстная невесты и крёстная жениха. Придут, молодых водой брызнут»* (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они). *«Тут смотрели ещё, честная, нечестная невеста. Если честная, значит, кровь должна быть. Обоих смотришь. Простыню смотрят. Фуфаечки были, половики, вот чего бросили, то и смотрят. Смотрели крестные родители жениха. Если невеста честная, так и говорили: «Видишь, какая она честная, ночью чё-то получилось»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). *«Невеста должна показать кровь на простыне, мол, честная»* (зап. от Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское).

«Вот молодые встанут пораньше, чтобы не мешали, и за водой к колодцу идут. Невеста должна была принести воду с колодца, чтобы умываться. Матери ещё тут подарок дадут и пойдут» (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское).

«Утром за водой пошли. Тут прорубь была, с Иньвы всё носили, колодца не было. На коромысла намотали полотенца, опояску и пошли» (зап. от Боталовой Л.С., 1936 г.р., д. Мурмэс). *«К реке ли, колодцу подойдёшь, деньгу в воду пустишь, мелочь. Это обязательно невесте надо было сделать, и хлебушко-каравай ещё надо нести в воду. Когда идёшь за водой, деньги с собой возьмёшь, каравай хлеба, и это в воду»* (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурмэс). *«В колодец монетку бросишь, чтобы вода любила. Попросишь, чтобы любила»* (зап. от Селиной М.А., 1933 г.р., д. Николаево).

«Иной раз на речке молодых уже свадебицки караулят. Вся свадьба.купаются, молодых обливают» (зап. от Калиной Л.М., 1934 г.р., д. Казённая). *«Раньше невесту ещё в речку кидали. Нерасторопную поймают и кинут прямо в одежду в воду»* (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). *«Девки, парни обливают молодых холодной водой, из колодца достают и выливают на жениха и невесту»* (зап. от Вилесовой Е.Г., 1938 г.р., д. Макарово). *«Потом ещё невеста воду понесёт на коромыслах. Полными ведрами в дом таскали, так надо было. А ей не дают, гости воду плещут»* (зап. от Сериной Л.И.,

1975 г.р., с. Архангельское). «Воды наберут, невеста несёт, а жених её без конца спрашивает: «Кто у тебя был первый?» Ругали этого мужика, кто был первый» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). «Свадебжане молодых ловят, воду из вёдер выплёскивают. Никогда не принесёшь полные ведра, свадебщицы всё выльют» (зап. от Селиной М.А., 1933 г.р., д. Николаево). «Кой мужик сумеет, дак его не обольют и невесту не тронут. Если бойкий, дак он черпнёт воду да быстрее в дом бежит, без коромысла ведра схватит да прибежит быстрее домой» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). «Чем больше жених принесет воды, тем полнее жизнь будет» (зап. от Давыдова В.Г., 1944 г.р., д. Белоево). «Тут ещё примечали, если невеста воду несёт и вода плещется, мужик будет пьяница» (зап. от Вилесовой Е.Г., 1938 г.р., д. Макарово). «Невеста по воду ходит, с ведрами пойдет на речку. Надо было воду принести домой. Не пускают дома воду-ту. Выливают там на улице, обратно иди. Там денежки бросают, успевай только. Одни помогают, а другие назло делают» (зап. от Баяндиной А.П., с. Архангельское). «За водой идут, маскируются, полотенца, ленточки. Она за водой-то идет, а мужик рядом (зап. от Аксеновой С.А., 1930 г.р., с. Крохалёво).

«С речки пришли, сели стряпать. Ичьмонька на следующий день всю еду должна была уже готовить, корову кормит» (зап. от Сериной Л.И., 1975 г.р., с. Архангельское). «Корову-то доить пойдёт, все смотрят, сколько молока надоила. Смотрят, правильно ли села доить, нет ли» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

«Невеста уже без парадного одеяния, фартучек накинёт, начинает стряпать. Жених с невестой уже за столом не сидят. В это время шутки там всякие, прибаутки» (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). «Вот невеста затопит печку, а кто возьмёт да зальёт, водой плесканёт. Вот невеста и караулит, от печки не отходит» (зап. от Хорошевой, 1931 г.р., д. Сыскино). «Блины начнёт печь, ей опять тоже мешают, клюкой тычут в блин-то. Блин проткнут насквозь, углей насыплют» (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва). «Кто всё же умудрится блинов напечь, начинает продавать. Продавали девушки, которые помогали невесте придано готовить. Вот эти девушки и продавали блины, а молодежь покупала» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Гости выкупали блины. Платили деньгами» (зап.

от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). «*Блины разносят на тарелке и за деньги продают*» (зап. от Беляева И.П., 1932 г.р., Беляевой Р.М., 1932 г.р., д. Мочга).

В ряде деревень утром после брачной ночи полагалось стряпать пироги и пельмени. «*Утром заставляли стряпать рыбный пирог: «Давай, невеста, жарь, парь»*» (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они). «*Невеста печет пироги ей тут все мешают, кто чё делает*» (зап. от Виноградовой В.В., 1937 г.р., п. Пожва). «*То толкнут, всё на пол вывалится. Кричат: «Молодушка бестолковая, ничё не понимает. Зачем ты такую взял? Зачем ты такую привел?»*» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). «*Мать Саши сделала тесто: «Зоя, пироги пеки». Я пироги начала печь, ну, вроде нормально, а дед шутник у нас был, всякой шелухи в пироги накидал. Они корявые получились. А потом дед говорит: «Ой, невеста! Пироги не умеет печь! Ха-ха-ха». Все хохочут, а я сижу и краснею»*» (зап. от Постаноговой З.Г., 1931 г.р., п. Пожва). «*Так дуривали, так дуривали. В эти пироги золу наложат, все что угодно. Все, чё под руки попадет, то и наложат. На парня квашню с тестом выльют»*» (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). «*Испытывали невесту, дадут редьку тереть, смотрят: быстро делает ли, долго»*» (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они).

«*Два пирога молодым делали, а там ещё гостям. Молодым рыбный пирог делали, маленькие две рыбки клали, а потом ещё другой пирог редешный. Пластичками редьку нарежут, там ещё бутылку, чекушку положат прямо в пирог, в чекушке молоко и тут соска. Пирог закрытый»*» (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они). «*Из теста такой белёш сделаешь. Наверх можно рыбку положить, рядом набок положишь бутылку с соской. В чекушке молоко и тут соска. Пирог закрытый, как кулёк закрыт. А там вот другой пирог принесли, рыбный. Маленькие вот такие, целиком две рыбки. Крестный по кругу пирог разрежет. Мы с женихом-то стоим, он говорит: «Нате, ешьте»*» (зап. от Мальцева А.Ф., 1923 г.р., с. Они). «*Пирог по кругу разрежут, крёстный открывает: «Вот тебе соска, ребёнок будет де»*» (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., д. Они).

«*А гостям пирог принесут, разрежут его, масличка тут нальют: «Кушайте». Середочку вырежут и масла туда нальют. Гости по кусочку отламывали, в масло макали и куша-*

ли» (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). «А тут ещё пирог на пирог положат и гостям подают. Молодые родителей угощают, гостей угощают» (зап. от Неволиной В.П., 1928 г.р., п. Пожва).

«За столом свадебжан заставляли вилки, ложки выкупать» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). «Ложки на деньги продавали и вилки. Ись-то есть чего, а ложек нет» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Рюмки выкупали. Вино прятали, потом тоже заставляли выкупать. Пока деньги не дадут, вином не угощают» (зап. от Власовой, 1933 г.р., д. Бажино). «Стопки ещё продавали. Если полная стопка, подороже возьмут, пустую отдадут задешево. Деньги соберут и невесте сунут» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Тут ещё дружки хоронили бутылки. Это игра такая была, на шутке всё. На бутылки ленточки красные привязывали, шелковые, если невеста честная была. Все парное. Бутылки две, и ленточки две. В одну бутылку нальют водку, в другую воду. Вот это дружки хранили: ходили, подавали, кому вода попадёт, а кому водка. Кругом ходили, от человека к человеку. Вот, например, ко мне эти бутылки попадут за столом. Бутылки идут, остановились около меня, и я должна угадать, что там, вода или водка. Если я угадала, распечатывала и всем подавала. А если не угадала, дружки с бутылками шли дальше» (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

Во время застолья демонстрировали честность невесты. «Если девушка хорошая была, корчагу били хорошую, значит, если девушка плохая, корчагу с дырой бьют. Тут уже с дырой корчагу приносят. Это редко такое бывает. Девушку не выдают уж, хоть как там, раз у их любовь, зачем безобразить. Жених сам знат, какая она — жить-то ему. Не выдают невесту. Это уже токо может сделать тот человек, который зло имеет» (зап. от Неволиной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). «Корчага салфеткой или скатертью закрыта: «Ой, несу пиво ли, брагу». И раз, об пол её» (зап. от Беяниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва). «Корчагу-то ещё платком накроют, так и выносятся, ставят на пол. Платочек не убирают. Под платочком никто не знает, какая корчага. Если корчага уже сломанная, значит, девка нечестная была. Вот поставят, а свадебжане начнут ломать её: пинают да чё да. Все вместе ногами катают. Если корчага долго не ломается, значит, девушка чест-

ная. А сломанную корчагу тоже пинали, её ещё до трёх раз изломать надо было» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). Жених бил посуду. Когда пельмени варили, чашку с пельменями прямо об пол. Это когда невеста честная. Потом берет целую корчагу браги и тоже об пол (д. Федотово). «Корчагу как ухнут, дак вдребезги, а невесте-то велят подбирать это всё, подметать. Жених-то помогает. Тут ещё ведь соломы натащат» (зап. от Спириной И.Г., 1941 г.р., д. Мочга). Крапиву бросают на пол, зёрна кидают, воду льют, горох валят на пол-то, невеста должна всё убирать (д. Федотово). «Тут свадебщики ещё деньги бросают в солому-то да пляшут, жениху с невестой мешают деньги-то собирать. У невесты тут фартук такой, вот в его собирает. Подружки, шафера помогают. Свадебжане в соломе путают, не дают собирать, раскидывают всё» (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). «Жених ухватом этот сор в угол гребёт, невеста метлой какой-то большой, не веничком» (зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва). «Ох, и пляшут, деньги кидают, черенки по полу разваливают. Жених ухватом сгребает осколки, а они пляшут, да всё это растрясывают по полу. Кто богатый, дак и десятку, кто и больше, а кто мелочь: дрын-дрын. Кому охота плясать, дак он даст много денег. Кидали некоторые по полсотни. Это богатые кто по-свойски так кидали. Ну, а посторонние больше мелочь кидали. В горсть накладывают да бросят к потолку. Вот и собираешь» (зап. от Назукина В.П., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). «Да ещё кто на потолок эти деньги-то зацепит: «Ну-ка достань, невеста» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Подшучивали всяко место. Ещё смотрели, если плохо подметёшь — муж бородатый будет. Вот до угла дometёшь, свадьбовишана сор обратно разбросают. Наверно, раз пять невеста мела» (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они).

А назавтре плясали, печку невеста топит. Пирог рыбный велят стряпать. А дружки-то взяли, пирог открыли да положили туда коточик лапти-то плести. Вот, значит, пирог надо положить на стол. Вот пирог открыли, а там коточик (д. Городище).

«Поют, танцуют, музыка играет. Все имают невесту, целуют, обнимают, что девка хорошая очень» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). «Если невеста нечестная была, её матери хомут оденут на шею, балуются» (зап. от Беляниной Л.Т.,

1941 г.р., п. Пожва). «Одна тетка у нас бутылку накрыла сверху какой-то тряпкой, балахоном, плащом, я не знаю. И вот песню поет, рассказывает какие-то стихи, ходит, бутылкой вовсю всех поливает, всех гостей: «Невеста! Посмотри, жених-то описался!» (зап. от Постанововой З.Г., 1931 г.р., п. Пожва). «Тут ещё наряжаться начнут. В цыганку рядились, женщины мужское одевать начнут» (зап. от Калиной А.И., 1939 г.р., д. Урманово). «Молодежь-то кто старухой, кто стариком оденутся. В дом забегают, и все смотрят: «Кто такая, кто такой?» Человек пять-шесть оденутся, забегут и тут же все пляшут» (зап. от Неволиной В.П., 1928 г.р., п. Пожва).

«Потом приданое пойдут казать. Невеста, жених дома останутся, а гости всё наденут, кому чё надалили, наматывают и пойдут по улицам» (зап. от Корякиной Н.А., 1932 г.р., п. Пожва). «Бегают в невестином приданом. Из ящичка всё достанут, кто на голову оденет, кто на плечи. Кто в полотенца, подвесы, шторки, кто в скатерку нарядится. Человек десять-двадцать бежат по улицам. Первый бежит — дугу с колокольцами, с лентами держит, брякат, за ним, значит, другой с гармошкой идёт, кто балалайкой наигрывают. Кто встречу попадет, угощают, вино подают, пиво подают» (зап. от Назукина Н.П., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). «Тут и крестну в корыте ещё катят, на санках ли, чё только не делают» (зап. от Калиной А.И., 1939 г.р., д. Урманово). «Парни крестну посадят да покатают в корыте железном, да ещё вывалят по дороге, смеху-то» (зап. от Беляевой Р.М., 1932 г.р., д. Мочга).

«В доме молодым ещё испытание приготовят. Жениха заставят чурку колоть. Возьмут сучковатую, денег понатыкивают. «Ну-ка, давай, сможешь, нет, деньги достать?» Ох он бедный и мучается» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Сильный, несильный жених-то, как узнать? Вот чурку поставят, топор дадут: «Давай, коли». Если не колет, мужик-то несильный» (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор). «А невесту опять свекровь шерсть заставит прясть, потом скажет ещё: «Сама и носи, что спряла» (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они).

«У невесты родителей тут уже нет. На завтрашний день родители у невесты до двенадцати посидят, позавтракают да уедут. Ближние гости поздно вечером уезжают. А со стороны жениха гости могут три дня пировать, женихова родня может и неделю есть» (зап. от Савельевой Р.В., 1947 г.р., д. Мосино).

Третий день свадьбы

«А третий день уже конец, Бересту положат родители жениха на стол: «Все, капитал кончился» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Тут тёща блины напекает. Много-много напекет, на поднос положит стопочкой, а сверху большой толстый блин. Этот большой блин должен был взять зять. Он должен выкупить блины-то. Вот возьмет блин и денежку положит, тут же, на други-те блины. Должен и блины, и стол, и тещу выкупить. Если он блины не выкупит, значит, теща эту сковороду или тарелку убирает с блинами, значит, он тещу не уважает, и теща его не уважает. Вот он большой блин возьмёт, на маленькие кусочки разделит и с невестой поедят. Тут сразу кто поет, кто пляшет. Если он денег мало положил, грустные песни поют. А если много денег положил — выкупил, то поют веселую песню (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «Первый блин должен жених кушать, второй невеста, а все остальные гости едят» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Блины поели, и по домам. Со стола в свадьбу ничего не уносили, ничего нельзя было давать, со дня рождения ведь тоже. Есть, видимо, кака-то примета» (зап. от Калиной А.И., 1939 г.р., д. Урманово).

При отъезде гостей исполняли «Расхожую-разъезжую»:

Кому спать-ночевать — ты стелись да ложись,

Кому ехать домой — запрягай да езжай.

(Зап. от Вишняковой А.М., 1911 г.р., п. Пожва).

Хлибины (хлебенень), корщаны.

Тещины блины

«После свадьбы невеста с женихом едет к своим родителям, на хлибины, как называется. Через день, через месяц, через три, может, кто как, всяко. Она с женихом к своим родителям едет. Сначала к родителям невесты едут, потом к родителям жениха. Я с сестрой жила, дак меня сестра первый-от раз звала. Как на хлебенень. А потом после сестры крестная звала, крестный. Молодые матери да отцу подарки везут. Кто платок возьмет, кто кофту, кто чё. Отцу рубашку везут» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). «На хлибины подарки несут. Жених с невестой приготавливают подарки крестне, значит, отцу, матери, если есть сестры — сестрам, братьям. Деньги, которые напона-

тали, накатали, насобирали, все на подарки — кому платок, кому материал, кому платье. Когда за стол посадят всех, начнут пировать, тогда и дарить начнут» (зап. от Невониной В.П., 1928 г.р., п. Пожва). Тёща приглашала после свадьбы на хлебины, вот тогда молодой дарил подарок тёще и тестю.

В некоторых деревнях не ограничивались исключительно посещением родителей невесты и жениха. *Корщаны*, или *коршины* (так называли гостевание родственников со стороны невесты и жениха друг у друга на протяжении целого месяца, а то и двух после окончания свадьбы) заключались в хождении в гости друг к другу после свадьбы (с. Доег). «После свадьбы мои родственники нас звали. У него отец, мать, да мы вот ездили. Коршины звали этот день. А потом его родственники наших приглашали. Наши тоже обратно ходили, к его родственникам. Месяц ли, два угощались друг у друга» (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва).

В приведенных материалах свадебной традиции коми-пермяков Юсьвы очевидна её севернорусская основа — как в игровой, так и в фольклорной, песенной составляющей. Многие развернутые ритуалы ряда этапов свадьбы (такие, как сватовство, отправление молодых на постель, испытания невесты на второй день свадьбы, послесвадебное гощение у родителей невесты) проявляется также саморазвитие традиции.

4. Похоронно-поминальная традиция района

Похоронно-поминальная традиция — один из самых хорошо сохраняющихся и в наши дни традиционных культурных комплексов. Как и в других обрядовых формах, на территории района удивительным образом уживаются более поздние христианские традиции и традиции глубокого прошлого. Исследователей коми-пермяцкой архаики нередко привлекает именно юсьвинская традиция. Так, в работе С.В. Чугаевой о Семике, дне поминовения умерших у коми-пермяков, используются материалы, зафиксированные в с. Крохалёво, других деревнях района¹⁹. С.Ю. Королева в статье «Заветные деревья» и культ предков в традиционной культуре коми-пермяков (на материале полевых исследований) исследует проявление архаичных тотемисти-

¹⁹ С. В. Чугаева. Семик, день поминовения умерших у коми-пермяков — Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2010. — № 1. С. 200-204.

ческих представлений, согласно которым между людьми и растениями определенных пород существуют родственные связи²⁰. Исследовательница указывает, что в селе Крохалево сохранилась «Троицкая роща» из нескольких берез, куда пожилые женщины в этот день обязательно приходят с брагой и стряпней. В редких случаях троицкие гуляния проходили возле деревьев другой породы, например, у сосны «шапка-пожум» (д. Карасово Юсьвинского р-на). Эти факты есть не что иное, как древние редуцированные элементы культа деревьев (преимущественно хвойных). Для носителей традиции важно, что деревья были посажены родителями и являются таким образом, средством их связи с потомками («У нас вон у дома две липы растут, да тополь, да две сосны у бани. Старики их посадили. У меня вон дочь-то ногу сломала, упала с липы. Я ее сначала спилить хотела, а потом не стала. Что-то мне, может, плохо будет. Одна сосна уже высохла, а на дрова не смеем рубить. Посадили их, видишь, старики» (зап. от Казанцева А.И., д. Макарово Юсьвинского р-на). В Юсьвинском районе родители незадолго до рождения ребёнка или непосредственно после него сажают возле дома дерево. Связь дерева и ребёнка прослеживается на протяжении жизни: если дерево повредить, человек начинает болеть; по росту дерева мать судит о здоровье ребёнка, живущего в другом месте и т.д. Поэтому пожилые люди очень берегут деревья, посаженные для своих детей (согласно семейному преданию, записанному в с. Крохалёво, один человек с рождением каждого сына садил по берёзе, а потом со смертью сына срубал по дереву; из двенадцати берёз ему пришлось срубить четыре). Наиболее часто для такой посадки выбирают берёзу, черемуху и рябину, реже — липу, тополь, сосну.

²⁰ С.Ю. Королева. «Заветные деревья» и культ предков в традиционной культуре коми-пермяков (на материале полевых исследований). – М-лы международной молодежной конференции «Родовое сознание и духовное предпринимательство». Пермь, 2002.

Представления о смерти и том свете

Чтобы попасть на тот свет, душе умершего человека нужно было перейти реку, подняться в гору (иногда также и пройти в огненный рот большой жабы). *«Надо было переходить огненную реку, через рты надо было проходить. Там жаба большая сидела, у неё во рту огонь, вот надо было пройти всё это. У меня свекровка умирала, мучалась. На окне занавески висели, на ночь шторы закрывали. Вот свекровка в полузабытьи говорила: «Вешаешь полно, я не вижу. Женщина хотела ко мне прийти и переправить через реку, ты повесила, да я и не уви-*

дела. Может, она приходила и оставила меня. Как я сейчас пойду?» Я сняла все занавески. Потом лежит и говорит: «Как я на эту гору поднимусь, как я поднимусь на эту гору-то. Лена, режь мне ногти, эти гальки заходят мне под ногти на ногах, больно идти-то». Я отрезала, она сколько-то ещё полежала и развернулась» (Зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино).

Локализация того света достаточно специфична: «Тот свет поделен на рай и ад, которые находятся на небесах» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). Своеобразны и колоритны картины потустороннего мира. «В раю красота, равнина, всякие цветы там, горадули (=купальница)» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). Там очень хорошо, всех людей принимают. Мир радостный и вечный. Всю благодать там дает Господь (д. Тюмень). Если душа негрешная, она как птичка летает (д. Гавино). «Они не то, что там живут — летают» (зап. от Петровой А.В., 1940 г.р., д. Ганёво). «Безгрешные в раю даром время не проводят. Кто шьёт, кто сидит за столом, кушает» (зап. от Мальцевой Е.В., 1926 г.р., д. Мочга). «Все частушки поют покойники, не работают» (зап. от Крохалевой Е.В., д. Казённая). «Я родне в карман деньги положила, на том свете у них тоже магазин есть, дом, деньги-то всегда нужны» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово).

Особо в раю отмечали умерших насильственной смертью. «Вот убили у нас одного, я его вижу во сне: «Все, — говорит, — работают, а я у меня душа-то чистая, я токо гуляю» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). У меня в Новосёлове умер племянник. Мотоциклы друг с другом стукнулись, он насмерть. И он молодяшкам приснился, что ему там очень хорошо, смотрит телевизор. У него одна комната красивая. В мавзолее живет он. «Мне, — говорит, — хорошо, только не пускают на танцы» (д. Новосёлово).

«Ад — самый страшный грех, чтоб туда попасть, это убийство. Говорят, убийц в аду всех варят, в смоле кипятят» (зап. от Мальцевой Е.В., 1926 г.р., д. Мочга). «Кто лгал да воровал, тех садят на раскаленную сковородку» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). «Кто богу не молился, заставляют делать адскую работу» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). «Колдуньи в огне горят, кричат: «Достань нас, достань нас». А там вода кипит, и они в этом, ну, как в чане,

тока головы до плеч видны» (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново).

С Пасхи до Троицы умри, тогда будут царски ворота полы, и сразу в царствие уйдёт народ. А когда ворота-то закроют, тогда по мытарствам и будут водить нашего брата-то. Чё согрешил здесь, то и там будешь отвечать. Молоко продают, в его воду льют, и женщина будет маяться — молоко переливать из ведра в ведро, а теперь его делит. А где его разделишь, нигде и не разделишь. И всё она там его мает. Я вот тоже дурная была, всё невала (п. Пожва).

Видения

Устойчивы поверья о том, что смерть может показаться человеку. *«Вижу во сне: пришла ко мне смерть. «Я по тебя пришла». Она такая бордоносая, с косой, чёрная в одеянии. Бордоносая, ну, то есть большой нос, как у Бабы-Яги. А у меня она села на кровать и говорит: «Я по тебя пришла». И меня взяла за руку. Она такая красивая, такая моловидная, глаза голубые и волосы светло-русые. Ой, какая красивая. Я руку взяла и сказала: «Ты подожди маленько, потому что мне ещё надо постираться». Я всегда думала, чтобы перед смертью Бог дал мне всё вымыть и постираться. И она ушла»* (зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., п. Пожва)

В районе повсеместно распространено поверие, что покойник кажется перед ненастьем или бедой. *«Если покойник во сне видится, то обязательно на второй день снег или дождь пойдёт»* (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). *«Покойника во сне увижу — обязательно приболею»* (зап. от Бурлаковой В.Г., 1933 г.р., д. Капилино). *«К плохому видят красивого покойника»* (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино).

Умершие напоминают о себе, если с нарушениями прошёл похоронно-поминальный обряд. *«Снятся, говорят, чтобы знали, что плохо сделали или неправильно помянули, не так положили, не так одели»* (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). *«Если просят во сне, надо их угостить, подать чего. Рубаху попросят, надо подать кому-то или в церковь снести. Бывает, что вот, например, покойника плохо похоронили, там они мёрзнут, вот и просят одежду»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). *«Они в чёрной одежде снятся, в ушелье идут. Повернутся, посмотрят на*

тебя, позовут. Ты не пойдешь, дак они повернутся и уйдут» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). Вижу во сне: под окном стоит отец; «Дай мне хоть 12 рублей денежек». Я бы так испугалась, проснулась. Я зашла в церковь, подала поминальную записку и сходила на кладбище. Он обиделся, что я его не поминала. Вот он мне и приснился. Говорят, поминать хорошо за куском, за хлебом. Взял еду в рот: «Вечная память по имени». Надо молитвы знать: «Святые крепкие, святые крепкие, святые бессмертные, помилуй нас. Слава Отцу, и Сыну, и Святому духу. Аминь» (д. Макарово).

Вижу во сне мать, вот придёт и только всё помогут, ничё не разговариват. Когда умерли у меня два сына, вижу сон, вот ещё у меня на глазах на вечное: «Коля сидит в сером костюме, Витя сидит в чёрном костюме. Столик небольшой, и вот такие шаньги наложены. Мама бегат, беспокоится, она всегда шаньги стряпала. Они оба сидят и не едят». Если, говорят, ест покойник, значит, кто-нибудь ещё умрёт, а если тебя кормит, это значит хорошо (д. Мурмэс).

Смерть лёгкая и тяжелая

«Если человек тяжело умирал, убирали у него из-под головы подушку. Надо по-христиански было делать, подушку пуховую убрать. Раньше лавочки были, дак человека на лавочку клали, чтобы ему Бог-то дал смерти. Уберёшь пуховое, тогда человек сразу уснёт» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «В Калинин, чтобы облегчить страдания, умирающего человека клали на пол. На пол опускали, чтобы не на пуху было» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинин). «У меня мать умирала. Во втором-третьем часу говорит: «Доча, вставай, мне постели на пол сейчас». Я ей фуфайки да что там положила. Она легла, тут и умерла» (зап. от Пушкиной К.Н., 1931 г.р., д. Калинин). Известен и другой способ облегчения умирания: «Если человек мучается, его клали к Богу, в угол на скамью» (зап. от Пушкиной К.Н., 1931 г.р., д. Калинин).

«Считалось, что человек на сухую не должен умирать. Когда человек мучается, нужно обязательно ему немножко воды дать. В самый последний момент» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). «Вот у нас старуха одна долго болела. Не соображала. Одна женщина пришла, я говорю: «Ты только с улицы пришла, дак иди, брызгай старушку». Она

брызнула: «Господи, аминь», — сказала и ушла. Старуха сразу померла» (зап. от Пушкиной К.Н., 1931 г.р., д. Калинино).

Легко человек расставался с жизнью, если у него была доделана вся начатая работа. Недоделанную работу не оставляли. За умершего работу доделывали родственники. До шести недель должны были успеть, иначе умершего на том свете заставляли работать (с. Антипино). «Вот моя мать умирала. Я у неё носки взяла и не постирала — забыла совсем про носки эти. В бане пола не было кое-где, я принесла ещё березу, чтобы собирать почки, носки попали под березу, там так и лежали. Мать похоронили, сорок дней помянули, и мне сон снился такой: она в переднике что-то ищет под березами. «Что ищешь?» — говорю. «Ищу тай», — она как ответила. Я проснулась, вспомнила, что носки-то я не стирала. А говорят, грязное ничего нельзя оставлять у покойника, надо все стирать. Я взяла эти носки, постирала скорей, чтобы не ходила, не искала больше» (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино).

«У брата жена умирала. Перед смертью-то сказала: «Таня, у меня работа осталась недоделанная, надо бы доделать. Я, — говорит, — кружеву начала вязать поднавесь, не смогла довязать. Ты, — говорит, — унеси, за меня довяжи». Я довязала» (зап. от Колыхматовой Т.К., 1933 г.р., д. Трифоновно). «У меня отец лапти умел плести. А больше в деревне никто не умел. Вот он умер, а один лапотъ незаконченный остался. Мы говорим: «Куда деть теперь?» Сказали: «Сожечь». Сожгли» (зап. от Семушевой Г.К., 1963 г.р., с. Доег).

«Знающие люди слишком тяжело умирают. Знающие должны кому-то своё передать. А если некому, мучаются, тяжело умирают» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). «У нас в Антипино колдунья умирала, дак потом обратно ожила, отдать сыну знание» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринёво). «А вот женщина, икота у которой была, умирала, сказала, кому перейдет икота. Икота может сама сказала. Она ведь говорит за человека. Другой уже заранее знает, что к нему перейдёт» (зап. от Кривощёковой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское). «А чтобы не перешла, у человека с икотой рот крестили. Чтобы икота не могла выйти» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино).

Есть ещё икона Евангелие. Вот эту икону моют и этой водой колдуна поят. Чтобы уж он умер и не мучился. Ещё

медь ли чё трут. Она как мука станет. Медный пятак или ковши старинные, медные самовары были — их ножиком или напильником в муку, крошку мелкую. Потом муку разбавят водой и колдуна поят (с. Антипино). «Или обмывали печку снаружи и этой водой колдуна поили» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег).

Колдуны, когда умирают, страшные становятся. Опухают они, везде кожа потрескается. Когда прощаются, их даже не показывают (с. Антипино). «Гроб добавят колдуну больше половины. Тело у него как растёт вроде само собой и такое чёрное, чёрное» (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново). «Он над людьми издевался, вот над ним сатана, чёртики-то и издеваются. Когда его из дома выносят, они садятся прямо в гроб, едут с ним вместе до кладбища. В яму начнут спускать, они выскакивают. Обычному человеку землю бросают три горсти, деньги, а колдуну не кидают. А крест ставят» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). «Осиновый крест ставили колдуну, чтобы не ходил и людей не тревожил» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево).

Самоубийцы на том свете

Особое отношение в местной традиции отмечается к тем, кто наложил на себя руки. *«Кто повесился, утопился, там, на том свете, отвечают. Его не отпевают, раньше 30 лет не отпевают. Считали, что самоубийц на том свете за лошадь держат, гоняют тех, кто удавился» (с. Антипино). «Кто повесился, на нём, как на коне, на том свете ездят» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). Представления о висельниках, превратившихся на том свете в лошадь, довольно распространённый сюжет в таком жанре прозаического фольклора, как быличка. Вот у нас тут кузнец был. Как-то пришёл к нему какой-то мужик ночью и увёл его в кузницу. «Я, — говорит, — к тебе коня привёл ковать, давай быстро, быстро. Кузница у нас за речкой была. Коня привели, в станок поставили. Чтобы коня подковать, надо в отдельный станок ставить. Там ноги такие есть, вот туда привязали, подковы сделали. Кузнец приковал, а мужик-то говорит: «Теперь повернись и смотри между ног, кого ты ковал?» А тут один мужик был в удавлении, вот он этого мужика и ковал. Его ковать приводили к кузнецу (с. Антипино).*

Вот опять случай был. У моего ногу убрали, двадцать четыре года. Родители у нас его не признали насовсем. Нас не любили. А куда деваться? Жалко. Я говорю: «Чё будешь мучаться с таких-то лет? Безногий. Давай это (повеситься) сделаем?» И чё, у меня вот это, как стукнуло, печка вроде развалилась, выходит там, откуда-то из голбца, такой высокий и красный: «Я тебя жду, я тебя давно жду. Ты у меня будешь лошадь, будешь там работать лошадем». Такой красный. Я из дому, по бабушкам пошла. Потом бабушки пришли, клюку взяли, нагрели, на все углы крестик положили (д. Гавино).

Этот же сюжет отражается в сновидчестве. «А тут опять сон снился. У нас сестрёнка задавилась. Думала, что беременная, а раньше с этим строго было. Отца боялась, видимо. И вот она во сне кому-то приснилась: «Ой, — говорит, — меня так гоняют, так гоняют. Мне, — говорит, — очень тяжело. Не делайте, — говорит, — так. Кормят меня только у порога. Даже до матицы не пускают. И подковывают подковами». А некоторых, говорят, в змей превращают, другие в огне горят» (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново).

Похороны умерших не своей смертью

Негативное отношение к самоубицам отразилось в том, что на кладбище для них отводили специальное место, в стороне от всех умерших своей смертью. «Те, которые, например, вешаются или утопленники, их за канавой хоронили. Бабушка говорила: «За дорогу хоронили» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). «Где вода поднимается, там кладбище было для утопленников» (зап. от Боталовой Р.М., 1931 г.р., д. Рудаково). «Кто петлю себе делал, джаготицисте, удавленники, лежали в отдельном могильнике» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово).

Считалось, что умершие не своей смертью могут являться причиной засухи, заболеваний и смерти родственников. Стараясь избежать пагубных последствий, при захоронении самоубийц жители района прибегали к помощи магии, ограничивающей степень воздействия умерших. «Из-за давленника плохая погода бывает. Вот летом надо дождя, его нет. Дак вот, который удавился, ему тыкали на могилу ёлочку, вершинкой книзу, так и оставляли. Втыкают, когда дождей

нет» (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево). «Раньше самоубийце ёлочку тыкали в могилу. Тыкали двоежилу — мужику, который много за собой берёт. Он по двенадцать родственников тащит за собой. Раньше тыкали, чтобы не утащил. Вот возьмут осину, вилкой и тыкают в могилу» (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево). «Вот у меня мужик повесился. Мне бабки говорят: «Галя, сорок колов осиновых забей в могилку». Я говорю: «Это не с моего началось, это началось вон с Кособокого». А сорок колов надо, чтоб не умирали больше. Эти сорок колов надо вбить в могилку. Без разницы, по солнышку или нет. Только обязательно вбить» (зап. от Петровой А.В., 1940 г.р., д. Ганёво).

Поминки самоубийц, умерших не своей смертью

«В церковь не заводят покойника, если утонул или повесился. Не отпевают их. Грех» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). «У нас в Ёзве один повесился, дак тётка даже в Пермь ходила, отправляла справку, мол, больной он был. Вот в Ёзве его заочно отпели. Землю принесли оттуда. Эту землю положили ему в могилу. Потом маме приснилось, что как землю положили, он вроде как от цепей оторвался, освободился» (зап. от Овчинниковой А.А., 1936 г.р., с. Архангельское).

«О давленниках и утопленниках, кто себе смерть сам делает, даже не говорили. И не вспоминали» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). «Тех, кто повесился, поминают на пороге, за стол Бог не пускает. На порог положат ли чё, у кого чё есть. Или на табуретке, возле порога всё сделают» (зап. от Климовой М.Н., 1922 г.р., д. Капилино). «Молитвы не читают по самоубийцам, на пороге поминают. Бабушка говорила, что во время поминок для них только бросали в окно что-то съедобное» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). «В деревне Казённая висельников поминали на окошке» (зап. от Крохалевой Е.В.). «На окно еду положат, сидят и поминают» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринёво). «Задавлен если, пельмени на окно кладут, может, десять-пятнадцать положат, всё, не поминают как всех. Которые задавились, душу на ад сдают, этих не поминают» (зап. от Мальцевой А.И., с. Доег).

«Который утонул, над водой поминали. В тазик набирали воды и клали досочку, на ней и поминали» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). «На ведро с водой положат

крышечку и там поминают. Остатки скоту выльют» (зап. от Крохалевой Е.В., д. Казённая). *«На кадушке, бочка такая круглая, положат доску, тряпку и поминают утопленников»* (зап. от Петровой (Гордеевой) Р.Г., д. Калинино).

«А на кладбище утопленников и тех, кто весится, принимали только в Семик» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево). *«Давленников и утопленников в Троицкую субботу поминали»* (зап. от Аксеновой С.А., 1930 г.р., с. Крохалёво). *«Тем, кто в петлю-то залез, на кладбище бросят шанежку или что-нибудь ещё, бросят и всё тут»* (зап. от Хорошевой М.А., 1930 г.р., д. Сыскино).

Похоронная традиция

«Сейчас не так хоронят, как раньше. Вот мне бабушка рассказывала: «Стал человек худой, совсем болеть стал, не может, умереть должен. Значит, ему родственники привяжут на шею челпан и увезут на кладбище. Там посадят его на какую-нибудь могилку, поближе к родственникам, и уйдут. Совсем старых людей увозили. Родственники же. Обычай видимо такой был. Вот посадят, он сидит сколь-то, челпан закончится, и человек умрет. Потом через некоторое время приходят, смотрят: иногда челпана нет, иногда ещё остался, а человек уже мертвый. Сейчас всё по-другому делают» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино).

Чтобы не бояться умершего

«Сыновьям и дочерям надо покойному ноги помыть, чтобы не бояться» (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво). *«Себя немножко надо помазать покойнишной водой по телу, чтобы не бояться. Или поцеловать ли умершего, или просто руками дотронуться: «Ну, прощай, до свиданья, меня не пугай, прости ли»* (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново).

Покойника обмывать

Первое, это, конечно, обмывают. Вот русские на стол ложат покойника, у нас этого не делают. У нас заносят скамеечки. Посредине пола. И головой к иконам. А кудымкарская сторона ногами в угол и лицом к иконам. А у нас не так. У нас в угол вот под эти иконы. А потом в гроб. Умрёт когда человек, дак вот по русскому обычаю что они делают... в первую очередь они саван шьют, а наши саван не шили. Белый саван.

И одевают на этого покойника. А наши надевают вот, например, да обувают вначале (д. Чинагорт).

«Вот человек умрёт, его перво обмыть надо. Говорят, покойников надо омыть, чтоб грехи простились. И гробы надо делать, и могилы-то копать, все грехи снимутся. Говорят ещё, что, когда умрёт, ночью ли, в два часа, в тот же миг и надо мыть» (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., д. Калинино).

«Специально были мужчина и женщина, которые мыли, специально для женщин и для мужчин отдельные. Тот, кто крестики ставит, тот главный мытник, а там уже второй, третий, кто что держит. Им всем надо давать чего» (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «Посторонних всегда приглашают обмывать» (зап. от Кочергина Н.И., 1927 г.р., д. Белоево). «Покойника соседи обмывают, свои не могут. Мужчину обмывают мужчины, женщину — женщины» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). «А соседей нет, так и свои моют. Умершего мужа жена моет» (зап. от Власовой Р.Г., 1937 г.р., с. Архангельское). «Некоторые мужики стеснительнее женщин, да ничего не знают. Вот они и говорят: «Умер, как обмою, так и ладно». А надо как следует. Покойник-то всё чувствует, всё знает» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

«В бане-то мыли его, хоть и чистый был, а все равно» (зап. от Баяндиной А. Р., 1938 г.р., д. Рудаково). «Сидя человека омывают. Посадят на стул, тазик под ногами и моют, водой не так сильно плещут, тряпочкой моют чистенькой» (зап. от Боталовой А.А., с. Антипино). «Посадят покойного и с обеих сторон держат. Одна моет тряпочкой» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). «Моют полусидя. Сидит покойник на койке, его обмывают два-три человека» (зап. от Власовой Р.Г., 1937 г.р., с. Архангельское). «Сидя моют. На стул садят» (зап. от Ярусовой Р.П., 1926 г.р., д. Тараканово).

«Вот тряпочку чистую возьмёшь, моешь. С головы начинаешь и книзу. У покойника здесь крестик, его надо снять, потом мыть. Всё моешь до ног» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). «Голову сначала моем. Умершей женщине сначала волосы расплетут, потом моют» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «У мужиков голову моют, у женщин раньше косы длинные были, чикищ косу-то называли, вот её моют» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федо-

тово). «Голову не мыли. Свекровь наказывала: «Я как стану умирать, меня вымой баней и больше меня не мочи». Мы ей только вымыли руки и ноги» (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино). «Волосы только причешешь, волосы не моют, волосы причесаешь и чекись-то ленточкой перевяжешь. Волосы-то плетёшь» (зап. от Власовой, 1933 г.р., д. Бажино). «Голову чешешь, потом моешь. Вымыли, потом крестики стали ставить. Которо место вымыл — крестики поставил. Как же без креста-то вымоешь» (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «Некоторые знают, так ещё тряпочку обмочат и крестики ставят. Крестики делают, обмывают дак. Вроде три крестика ставили: на грудь, на живот, на колени» (зап. от Баяндиной В.Ф., 1927 г.р., д. Дмитриево). «Поворачивают покойника и моют: лицо, спину, всё-всё» (зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доег).

Воду от покойника наотмашь в угол выливают (с. Архангельское). «Воду выбрасывают в нехожее место. Тряпочку сжигают» (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор). «Под черемуху воду выливали от умершего» (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они). «Посудину разбивали об угол дома» (зап. от Чакилёвой Т.Н., 1933 г.р., с. Архангельское). «Глиняный горшок, из которого мыли, разбивали и бросали в грядку» (зап. от Пушкиной К.Н., 1931 г.р., д. Калинино). «Горшочек сломали на улице, далеко от дома. Тряпочку на улице сожгли» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). «После покойника воду выливают около столба и банку разбивают. Тряпочку иногда сжигают, иногда просто в гроб могут положить. Это чтобы колдунам не попало. Этим колдуны на-смерть могут сделать» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). «Тело же умершего человека выделяет яд, и если этой водой напоить живого человека, через год его не будет: будет там рак крови, будет ещё чего-то, человек высохнет, как мумия станет, и умрёт. Вот воду-то и выливают, горшок разбивают. Тряпочку и верёвочки сразу сжигают, они тёмные, они много зла могут сделать» (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво).

«Обмоют, гроба ещё нет, дак покойника в углу положат, где иконы, где бог. На табуретках лежит» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево). «Умершего под святыми положат, головой в угол, ногами на улицу» (зап. от Ошма-

риной М.П., 1924 г.р., п. Майкор). *«Положат на скамеечку или на доски. Как коечку сделают, постелят чистенькое всё, простынку положат, под голову фуфаечку или курточку, подушку уже не кладут. Всё это сверху накроют белым материалом. Это постель остаётся дома»* (зап. от Власовой Р.Г., 1937 г.р., с. Архангельское). *«Егор у нас партийный был, так сверху ещё красным материалом покрыли»* (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово).

Обрядовать покойника

«Всё приготовят, умершего сряжать начнут. С ног начинают, потом выше-выше» (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново). *«Стариков в лаптях хоронили, из бересты, из лыка плели»* (зап. от Швецово́й А.Е., 1924 г.р., с. Купрос). *«Когда хоронили, для умершего плели особые лапти, берёстой не заплетали, не велено было, там, мол, тяжело ногам будет»* (зап. от Механошина Г.Г., 1937 г.р., д. Мочга). *«Лапти были из одного лыка, бересту не делали, говорили: «Через огненную реку будешь переходить, береста сразу загорится»* (зап. от Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино). *«Мы хотели калоши одеть, а бабушка сказала: «Нет, мне надо там будет в гору подниматься, в лаптях подниматься в гору удобнее. Оденьте мне лапти»* (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). *«Некоторые старухи даже ногти не обрезали, чтобы в гору легче было подниматься»* (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево). *«Ногти ли че ли надо, чтоб потом на гору подняться»* (зап. от Баяндиной Г.В., 1923 г.р., д. Чинагорт).

«В последнее время вместо лаптей используют тапки. Тапки одевали. Такие красивые свяжешь из ваты. И лапти. Листья от веника, деньги ещё кладут. Подушки делают. В подушку кладут вату. Когда-то было лен. а сейчас уже льна нету, дак вату. А ваты нету, дак просто старую простыню, на мелкие куски режешь» (зап. от Ушаковой А.Е., с. Архангельское).

«На умершего одевали ношеную одежду, не новую, старенькие-то её для себя сами готовили. Говорят, если оденешь чужую одежду, которую там брат или сестра носили, то покойник скоро за собой потянет» (зап. от Кривощёковой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское). *«Одевают чистое ношеное, некоторые и новое одевают»* (зап. от Баяндиной А.О.,

1950 г.р., д. Тараканово). *«Из одежды новое, не старое одевают. Я заготовила уже»* (зап. от Пушкиной К.Н., 1931 г.р., д. Калинино). *«Наша бабушка к похоронам готовилась, себе делала рубашку, красивую такую рубашку, с жабо, носки льняные связала, платок, дубас, фартук приготовила, подушку с крестами, холст»* (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). *«У кого что было, всяко, которых в халатах хоронили, которых в платьях, в юбке, в дубасах. Холшовую длинную юбку из льна одевали, ещё дубасовая юбка была в семь клинов. Пятьклиновая юбка была. Дубас с проймами, к нему рубашка»* (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурмэс). *«Ещё в венчаном хоронили»* (зап. от Ивченковой З.И., 1934 г.р., п. Майкор).

Женщину одевают в розово большинство. Потому что кто замуж выходили и умирают, у них есть венчальное-то. У нас у мать-то хранила венчальную кофту, вот. Если не венчаны, то в платье светло одевают, да во всякие ложат (п. Пожва).

Если ты замужем, в два платка хоронили. Чикищ платком закрывают, волосы всегда должны быть закрыты. Старым да незамужним платки не одевали. Я одну провожала, она замужем не была. Я говорю: «Зачем платок-то повязали?» А тут молитву читала одна. «Зоя Васильевна, почему повязан платок-то?» (с. Крохалево). Женщине белый платок оденут, потом ещё один, венчик ли как называется. Нижний платок на затылке узлом завязывают, а верхний узлом на лбу (д. Мочга). «Один платок покойнице на затылке завязжут, другой под подбородком» (зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р., с. Юсьва). «Старым платок узлом наперёд завязывают» (зап. от Лунеговой Н.В., 1936 г.р., с. Архангельское). «Платки желательнo чёрного цвета. Красные платки не разрешают одевать» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво).

«Маленькой девочке один платок завязывают» (зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р., с. Юсьва). *«Ребёнок умер, на голову шапочку оденут»* (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво).

Приготовление гроба

«Умрёт, так на следующий день гроб сделают, а на третий похоронят» (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажи-

но). «Гроб-то некоторые заранее делали, тут зерно сыпали, держали. Старик-то у меня: «Сам, говорит, столяром-то я, сам сделаю гробы-то тебе и себе». Деревянные ведь когда-то были корыты-те» (зап. от Климовой М.Н., 1922 г.р., д. Капилино).

«Сначала покойного ниткой измеряют. Обыкновенная нитка для смерки. Надо, чтобы нитка короткая не была, и длиннее покойника тоже нельзя. Одна нитка. Потом по этой нитке дощечки-то обрезают, как для размера. А потом стругают, чтоб красивые были»(зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). «Гроб делают из досок. Кыз брали, елку-то, вот из неё и стругали доски-то. Хвойное дерево» (зап. от Петровой П.С., 1931 г.р., д. Истер-Дор). «Раньше ещё гроб обшивали. Материалом. А сейчас не обшивают. Сейчас гроб жарят паяльной лампой» (зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доег). «У нас гроб паяльной лампой обжигают, чтоб цвет держал. Вот такой цвет держит. Черный, белый. Это вот специально обжигают для красоты» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). «Гроб прижигают, чтоб красивенько было. Вот как картины прижигают. И обшивать не надо» (зап. от Кривошековой Г.Д., 1940 г.р., д. Рудаково).

«В доме гроб на правой стороне тай поставят» (зап. от Мальцевой А.И., с. Доег). «Гроб ставят за матицу на две табуретки, головой к иконам» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево).

«На дно гроба первым делом клали стружку. Опилки от гроба выбрасывать нельзя» (зап. от Семушевой Г.К., 1963 г.р., с. Доег). «Кто в гроб ложит стружку. Если стружка осталась, её надо сжечь, чтоб не оставалась. Сразу сжигать надо. Как увезли покойника, баню топят и стружку сразу сжигают» (зап. от Баяндиной Т.П., 1941 г.р., д. Бажино). «Вот с гроба стружку-то не сожжёшь, дак худо может быть. Вот мою маму отец покойный очень тревожил. Чего она только не делала: кочергу брала, там в печке что-то шурудила, не знаю. Ходила, ходила с горячей кочергой по кругу. Говорила: «Вот только по кругу ещё тревожь меня». Ругалась, прямо не было мочи. А потом, видимо, кто-то ей подсказал: «Поищи, может, стружка где-то осталась?» И точно, мы полведра стружки нашли, от гроба-то. Может, кто-то специально подложил, мы не знаем» (зап. от Кривошековой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское).

«Вместе со стружкой в гроб клали веточки с берёзы» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). *Из свежего веника листочки потрошили, вот банные березовые-те веники, и вот листву по первости положат* (д. Новосёлово). *«Веники берёзовые в гроб клали для приятного запаха»* (зап. от Бурлаковой В.Г., 1933 г.р., д. Капилино). *«В деревне Иринёво вместо берёзы в гроб клали липовые листья, подушку для умершего набивали этим же листом»* (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Дмитриево). *«Веники расшелушишь, уложишь, чтобы мягонько было, потом золу насыпают. На веники крест из золы делают»* (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново).

В некоторых деревнях горнозаводской части района стружки и березовые листья в гроб не клали, чтобы шорохом «не тревожить умершего». *«Стружку, березовый лист я в гроб не клала. Люди клали, а я не делала этого, потому что от стружки твердо, а лист шуркаться. Шумом как. А тут как спокойно надо»* (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они).

В гроб обязательно в первую очередь стружки оставляют, во вторую очередь веник заносят. С этого веника повыдергают все листочки. Веник этот в печку или что ли, а листочки в гроб. Белый холст льняной обязательно. Делают какую-то подушечку в изголовье. И покойника уже обмытого одели, лежит на досках, потом в гроб. И все-все льняное. Покрывают белым льняным полотном своетканым. На ногах лапти с белыми портянками, онучки называются (п. Пожва).

«В гроб еще кладут полотенце. Если женщина, дак скатерть. Женщине надо скатерть. Кладут под голову и полотенце, и скатерть и. Да еще вот што ложат, если умер муж-то раньше, то у мужа белье ложат, покойнику-то. Фуражку мужчинам кладут некоторые. Сейчас магазиновское, а раньше своё сё было, так хоронили...» (зап. от Ушаковой А.Е., с. Архангельское).

Если умирает вдова, женщина, обязательно под низ ложат у мужа рубаху и штаны, не брюки, а эти вот, само-тканое раньше все было, льняное. Или нижние штаны ложат. Бабушка у меня недавно умерла, мы тоже ей положили. Она сохранила у дяди Федора. В сорок третьем году дядюшка-то умер. Бабка у меня говорила, кофточка у нее яркая-яркая, уже рваная, она всё это бережёт и говорит, не бросай. Потом мне сказала, когда, говорит, мы поженились, молодые были, дядюшка ездил на работы и оттуда привез ей подарок, кофточку.

И эту кофточку она во время сенокоса всегда носила. И эту кофточку положишь мне с собой. У нее старинные два больших платка, два полушалка шерстяные, яркие, яркие, красивые, всё хранила. И я их вместе с ней похоронила. Это обычай, не обычай, но видите, если какую-то одеждуложите, то подумала, и это ихние вещи, зачем они мне останутся, мне и так осталось столько, што я и не знаю, куда девать (с. Крохалево).

«Белый холст льняной обязательно, делают какую-то подушечку в изголовье у покойника, уже одетого. Вот после того как обмыли, одели, лежит на досках. И когда гроб заносят. И одежда, и всё, всё, всё льняное. Покрывают белым льняным полотном, своетканым. В ногах лапти с белыми портянками, повязки обязательно красные. В гроб клали крестик, свечку, платочек, утираться там будут. На шею — крестик и так большой крестик. На шею вообще-то новый надо, а старый положат да всё. Поверх стружки и листьев расстилали одежду умершего, чтоб мягче было. Одежду складывали очень аккуратно, без бугорков» (зап. от Кривошековой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское). «И много не клали, чаще всего самое необходимое. Там же всё нести на себе надо было, заставляли как. Много одежды нести тяжело: через речки переходить по нитке ли, бревну, тяжело нести» (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново). «Завяжут котомки в узелок, в гроб положат. Много не кладут. Будет тяжело через огненную-то реку переходить. Если тяжелый узелок — утонешь. Есть стишок церковный: «Может, кажется, крест тяжел, Не по силу тебе поддается. Ничего никому не скажи, От Бога нам грешным дается» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево).

«Носки, штаны, рубашку на замену положат. Шапку, фуражку, очки, кто носит. Что будет там без очков-то делать? В карман денежку» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Денежки на дорожку положат, ещё расчёску, зеркало. Ежели курил, папиросы кладут, спички» (зап. от Баяндиной Т.П., 1941 г.р., д. Бажино). «Табак обычно правой рукой берут, вот под правый бок его и сунут» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «Чекушечку положат, если при жизни выпить любил, вино нельзя было только разливать» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). «В деревне Кубенёво бутылку в гроб класть запрещали, считалось, что умерший на том свете сразу сгорит в аду» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р.). «Которые с палкой ходили, им в

гроб клали палку» (зап. от Селиной М.А., 1933 г.р., д. Николаево). «Мыло покойнику кладут в гроб, полотенце» (зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доег). «Нужно скатерть ещё было положить» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Если женщина умерла, к голове платок положат, а мужчине носовой платочек, в него деньги, десятку ли, пять рублей завернут» (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино).

«Чтобы с мужем на том свете встретиться, в гроб умершей женщины клали мужские рубашку и штаны» (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино). «Мужнину одежду кладут в гроб обязательно, на том свете муж-то просить будет: «Давай мне одежду» (зап. от Тюляевой А.И., 1932 г.р., д. Терино). «А если вот, например, сначала женщина умерла, а муж потом, так мужу тоже кладут там чё-то, юбку ли, платье, чтоб она его встречала. Она его в любом случае встретит. А если две жены было, то все равно к первой жене подойдешь. Все равно, где с первой жил, там и будешь» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Хоть кусочек, да надо положить. Оторвут от платочка, юбки ли, от платьишка кусочек маленький и к голове мужика положат. Это чтобы они там любили друг друга, чтобы не унывали, чтоб жили не в тоске и не в беде» (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво).

Человек, что тут делает, то и на том свете. Он как живёт там. Вот у нас один мужик плотничал, дак ему жена положила рукавицы в гроб, мол, плотничать там будет, вот ему рукавицы» (зап. от Ивченковой З.И., 1934 г.р., п. Майкор).

По ритуалу северо-западной части района в гроб обязательно клали нитки (чаще льняные). «Умершему нитки положат. Говорили: «Мы старые может там чё-то работать будем, чё-то шить ли чё, незадаром лежать-то. А молодым расти надо». Видишь, молодым нитки для роста, а старым для работы» (зап. от Хорошевой М.А., 1930 г.р., д. Сыскино). Объясняли также (д. Тюмень, Калинино), что нитки нужно класть в гроб, чтобы душа умершего на том свете смогла перебраться через огненную реку, ведь в Страшный суд надо перейти огненную реку. «Душа-то переходит реку огненную, через рот большой жабы проходит. Жаба, там жаба большая сидит, у неё во рту огонь, вот душа-то через рот и перейдёт» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). Чтобы далеко душа не заходила, нитку делали короткую.

Короткую надо, как реку-то переходить, с длинной тебя утащит (д. Тюмень). «Надо всего лишь на локоть намотать три раза и в гроб положить. Если долгие нитки положишь, покойный далеко попадёт, недолгие — близко» (зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р., с. Юсьва).

Нитки в юсьвинской традиции также обязательно входили в комплект похоронных даров. «Вот мне бабушка одна рассказывала: «Сначала, — говорит, — умерший через реку переправится, потом залив вброд перейти должен и только тогда к горе выйдет». Она и заказывала: «Перемену не дари, дари всем нитки. В голову их положи». Она сама эти нитки готовила. Льянные» (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино). В деревне Федотово нитки дарили первому пришедшему проститься родственнику (зап. от Власовой Л.Т., 1937 г.р.), в Мочге первыми получали нитки те, кто приходил прощаться из чужих: «Первым, кто чужие прощаются, им дарили нитки-то, не своим, близким нитки не дарили. Трём, четверем человекам сделают, больше нельзя. Девять кругов сделают. Через локоть и большой палец обнесут. На последнем круге узелок сделают, это кому на конце достанется. Он замыкал всё».

Ниткам придавали особый смысл: «Чтобы умерший никого не взял с собой» (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор); «Ниточка — это дорога» (зап. от Баяндиной Т.П., 1941 г.р., д. Бажино); «Это чтобы на том свете покойник перешёл через реку» (д. Мочга). Знающие люди жестко регламентировали длину поминальной нити. «Подорогу небольшую делали, три раза вокруг пальца оборачивали и дарили» (зап. от Пушкиной К.Н., 1931 г.р., д. Калинино), «вокруг ладошки обматывали» (зап. от Мальцевой А.И., с. Доег). «Давали полными катками. Через локоть и большой палец крутили и дарили, дорогу делали. Локоть, два, три меряли, кто понимал» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). Варьировалась очередность и состав участников дарения ниток. Так, в Баженово, Калинино ниточку передавали через гроб всем, кто прощался с умершим (зап. от Баяндиной Т.П., 1941 г.р.). «Две ниточки обязательно сматывали в узелок и клали в носовой платок каждому поминальщику. Могли в носки положить, если носки дарили. Оставшиеся нити клали в гроб» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино).

Полученную на похоронах нить хранили. «Поминальную нить не выбрасывали, хранили на божнице» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). «Считалось, что эта ниточка помогала при родах и спасала от тюрьмы» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «У меня соседка говорила: «Вот что-то шьёшь для умершего, подушечку или там ещё чего, нитку себе оставь. Этой ниткой потом прошьёшь подол себе, и никакой мужчина насильно не завладеет тобой. И рукава мужикам прошивают этими же нитками, чтоб не дрались. Завяжешь руки-то, чтобы они не болтались, когда не надо» (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво). Отметим, что отмеченное обрядовое использование ниток универсально для финноугорской традиции, с ними символически связывалось «делание» покойному дороги на тот свет. Известно перебрасывание через могилу ниток у коми Тюменской области, ср. также удмуртское *сьсюрес* «дорога, путь» о нитках, которые укладывали с умершим, марийское *порен* 'нитки, которые укладывались поперек тела умершего'. Можно, на наш взгляд, говорить также об освоении славянской символики *дороги*, само это слово приобретает в коми-пермяцкой обрядности расширенный смысл: русским словом *дорога* называют нитки, которыми обматывают хлеб для подаяния встречному, а также специально сплетенную из ниток ленту, которая при похоронах одним концом опускается в гроб, а другим закрепляется на кресте (см. об этом ниже). В этом случае русское название оказалось перенесено на универсалию финноугорской погребальной культуры; в славянской традиции также хорошо известно соотнесение дороги и смерти, представление о нити — судьбе.

«Сверху на одежду клали худенькую простынь, потом простынь хорошую» (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «В гроб постелили одеяла старые байковые, плотном покрыли» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). «У нас было одеяло детское, верблюжье, его в гроб постелили» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). «Байковое одеяло, потом уж этим белым материалом, льняным холстом умершего закрываем» (зап. от Кривощёковой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское). «Сотканным своими руками полотенцем дно гроба застилали» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег).

Особым образом готовили подушку и полотно, которым закрывали умершего. *«Простынь надо шить иголкой только вперед. Из этого же материала шили подушку. К ней из полосок черного материала пришивали крестик. Его пришивали ниткой, и стежки делали только вперед и вперед. Чёрный материал пришивали черной ниткой. Узелки не делали. Узелки, говорят, нельзя было делать»* (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). *«Подушку от себя шили, чтоб покойников больше в доме не было»* (зап. от Баяндиной Т.П., 1941 г.р., д. Бажино). *Подушечку раньше набивали льном, паклей (д. Мочга). «Стружкой забивали и обдывали марлей»* (зап. от Ивченковой З.И., 1934 г.р., п. Майкор). *«В подушку лён клали, а можно всякие разные одежды, только не с живого, нельзя»* (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). *«А я сделала подушечку из листочков липы»* (зап. от Крохалевой Е.В., д. Казённая). *«Мама говорила, свекровь, что в подушку листья надо ложить»* (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино). *«Из веника сухого лист положила в подушку. Не нового, которым парилась уже»* (зап. от Каравасовой Л.Ё., с. Архангельское). *«Раньше подушку соломой набивали, сейчас ватой»* (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). *«В деревне Калинино вату в подушку запрещали класть — на том свете прясть заставят. Клали разные тряпки»* (зап. от Петровой (Гордеевой) Р.Г., д. Калинино). *«Нередко в подушечку из ваты зашивали крест»* (зап. от Кривощёковой Г.Д., 1940 г.р., д. Рудаково). *«Клали волосы. Которые голову-то чешут, вот эти волоски туда закладывают, в подушку»* (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). *«Бабушки волосы собирали, чтобы вместе с ними похоронили»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

«Умершего снарядят, в гроб положат, до похорон он в доме три дня лежать будет, так положено» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). *«Надо человеку так лежать два дня, чтобы не встал, а то может ещё встать, ожить»* (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново). *«Две ночи покойник был дома. Ночью покойника охраняли. Обязательно надо, чтоб кто-то был, родственники ли, соседи приходили. Ночевали с ним. Читали над покойником»* (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). *«Чтобы тело не портилось, умершего обкладывали крапивой. Крапива со стебельком чтоб была. Все тело укрывали. Сверху на простыню поло-*

жат, потом выбросят» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). *«А чтобы трупные пятна пошли не скоро, на безымянный палец покойника одним концом мотали проволоку, другим заземляли: другой конец проволоки опускали под пол и втыкали в землю. А чтобы запаха не было, зимой набирали снег в ванную, приносили в дом и ставили под гроб»* (зап. от Богаловой Т.И., д. Дмитриево). *«Где покойник лежит, около головы, или на окошко, или на скамеечку в литровой банке воду ставят»* (зап. от Власовой Р.Г., 1937 г.р., с. Архангельское). *«Это вода из колодца, чистая вода. И эту чистую воду с молитвой ставишь, специальная молитва есть. У бога стоит она»* (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво).

«Ещё в гробу обязательно должно было быть яичко» (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). *«Чтоб не синел, яйца подкладывали под уши»* (зап. от Петровой (Гордеевой) Р.Г., д. Калинино). *«Яйца сырые за уши закладывают, чтоб не опухал»* (зап. от Баяндиной Г.В., 1960 г.р., д. Бажино). *«А когда гроб опускали, говорили, надо яйца забирать обратно, чтобы в гробу не оставались»* (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). *«Яйца сырые к вискам клали. А как хоронить, их отодвигали маленько, в гробу оставляли»* (зап. от Ярусовой Р.П., 1926 г.р., д. Тараканово). *«Осторожно эти яйца доставали из гроба и выбрасывали в могилу»* (зап. от Кривощёковой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское).

Прощание с умершим

«При похоронах и перед поминками в доме закрывали все зеркала, чтобы душа у мёртвого в них не зашла» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). *«На всех окнах по диагонали ставили кресты»* (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). *«В каждое окно втыкали маленькие лучинки»* (зап. от Баяндиной Г.В., 1960 г.р., д. Бажино). *«Обязательно при похоронах смотрели, чтобы были закрыты окна, печная труба и заслонка»* (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва).

Традиция причитания по умершему отмечена как у русских, так и у коми-пермяков. *«Складно, начнут наговаривать, да... женщина приходила, ак она там часа три, четыре ревьёт. Откудов у неё столько слёзы берутся, и всё наговариват. Прислушаться, дак о. «У меня, — говорит, — редька-то была, ты бы ела да пила, ты бы не умерла бы». Вот надо какие слова. А бедно жили, бедно, на редьке толь-*

ко и жили, вот редьку вспомнят» (зап. от Назукина Н.П., 1929 г.р., п. Пожва).

«Покойника клали в избе головой к иконе. В изголовье на гроб ставили одну свечу» (зап. от Бычковой А.Г., 1930 г.р., с. Купрос). «У головы и ног свечи ставили. По бокам раньше не ставили» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). «Свечки ставили вокруг гроба: в голову, в ноги, по бокам. Четыре» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). «Ставят свечешки: где голова — туда в середину кладут, под ногами, по сторонам. Четыре свечешки. А в руках у покойника погребной лист» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). «В руку давали подорожник, вот листочек такой, на лоб венчик, в другую руку — маленькую железную иконочку, свечку. С этой иконочкой человека и хоронили. На шее крестик был» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). Нательный крест снимали, погребальный одевали. Погребальный крестик такой есть, специальный, черненький такой. С погребальным вместе хоронили. А прощались когда, клали нательный крест, у кого какой был, там бронзовый, медный (д. Сивашер). Вот, кто мыл человека, себе этот крестик и брал. У меня есть крестики от покойников, не ношу. Не хочется (с. Крохалево).

Тарелку на покойника положат, кто придёт, копейки да чё ложат, кто что. У нас принято гроб обязательно обойти по солнцу. Прощаются, поклон. И когда прощаются, дают этому человеку подарки. Мама мне говорила, я боялась покойников, она говорила: «Ты не бойся, ты хорошенько распрощайся с покойником, и ничего не будет. Поклонись в ногах, поклон дай в серединке, в головах поклон. Кругом обойдешь, снова поклон в серединке и в боках». Даже пять-шесть раз. Некоторые почему-то опять, я так не делаю, я ведь старый уже человек, за ноги немножко рукой возьмут. Это видимо для того, чтобы не бояться. А некоторые за коленочко. А потом вечером приходят, и обязательно ужин, поминки. И обязательно в этот день или на следующий день топят баню. Все перестирают. Чтобы человек умер, и от него ничего не осталось.

«Головой умершего в передний угол клали. Тут все вокруг гроба шли. Кто прощались, кругом шли, по солнцу» (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они). «Друг за другом шли, чтобы не было промежутков, надо идти, идти, идти. Это когда прощаются» (зап. от Семушевой Г.К., 1963 г.р., с. Доег). «Круг

гроба пройдут и поклон сделают» (зап. от Пушкиной К.Н., 1931 г.р., д. Калинино). «Умершему тут на грудь ещё носовик положат, белый носовой платок, на него деньги клали, кто прощается» (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор). «Денежки в гроб клали на сердце, на платочек. Потом деньги вместе с платочком забирали в церкву, несли на отпевание» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). «Деньги, которые соберутся, их не считали. Этими деньгами когда будут отпевать в церкви-то, оплачивались. А которые деньги останутся, тоже не считали, этими деньгами поминают девять дён, шесть недель да сорок дён. Эти деньги берут сын ли, дочь. Деньги забирают вместе с платочком, и до шести недель этот платок держат с деньгами: сколько-то издержат, сколько останется, так этим платком и держат» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Вот у меня у Веры-то умерла бабушка, дак она говорила: «Вера, ты на грудь мою не ложь платочек, а положи лучше в сторонку на табуреточку, пусть туда деньги-то ложат. А на меня вот пусть не ложат. Вымаливать потом надо прошиенне. Этими деньгами и отпевать нельзя. Эти деньги дарма — дорожные. Покойника надо отпевать своими деньгами. А эти деньги — на поминки» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково).

«В деревне Истер-Дор умершему предпочитали класть красные деньги, мелочь. Когда хоронили, их оставляли в гробу» (зап. от Петровой П.С., 1931 г.р., д. Истер-Дор). «В одной руке подорожная, в другой — платочек с копеечками связанный, так и в землю опускали» (зап. от Климовой М.Н., 1922 г.р., д. Капилино).

Некоторые жители деревни Баженово вообще отказывались от денег. «У нас бабушка умерла, дак заказала, чтоб деньги в гроб не клали. Особенно мелкие. И в могилу чтоб никакие деньги не кидали. Змеи что ли выходят из денег» (зап. от Баяндиной Т.П., 1941 г.р., д. Бажино).

Во время прощания обязательной процедурой являлось одаривание родни и знакомых. «Все, кто приходил проститься, обходил вокруг гроба, молился, целовал икону или крест на груди усопшего и получал от родственников подарок. Мужчинам, как правило, дарили рубахи и носки, женщинам — полотенца, постельное бельё, одежду покойного. Носовые платки и нитки дарили всем присутствующим» (зап. от

Ивченковой З.И., 1934 г.р., п. Майкор). «Носовые платочки дарили, прикалывали слева на грудь, махровые полотенца. Мужчинам носки давали. Родственникам — материал, который остался, рубашки» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). «Сначала самые близкие родственники шли, им подарки большие делали: полотенца, носки, рубашки. Бабушку мы хоронили, дак две пуховые шали дали, кофты хорошие. Родственникам дарили что получше, а другим людям подавали носки, платочки носовые. Вещи передавали через гроб» (зап. от Кривошековой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское). Придано ли как через гроб подавали. Козьнавам называли, подарок. Все по кругу вереницей шли, а родные: «Козьнавам берите, берите» (с. Крохалево). «Платки, косынки-то тут ещё заворачивали. Тут не от себя делали, а наоборот, к себе. Вот, например, полотенце дарили, не вот так заворачивали, от себя, а к себе крутили. Не крутили. А вот так просто загибали к себе. На свою сторону надо. Так делали и платки, и носки. Загибали к себе, а не от себя. Загнул и отдашь через гроб — все, простились» (зап. от Богаловой Т.И., д. Дмитриево). Сноха говорит, почему вроде такое, человек если умер, через гроб что-то дают обязательно: носочки, носовые платочки. Раньше дак што было: льняное полотно, дубас пермяцкий, длинный, деревенский сарафан, женская одежда (с. Архангельское).

Завершала процедуру прощания поминальное угощение. «Вот идёшь, подают тебе подарок, вино подают, хочешь — пей, хочешь — нет, хоть в руки возьми, потом пельмень возьмишь» (зап. от Кривошековой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). «Тарелку с пельменями несут, все вилкой тыкают, по одному пельмяшку, поминают как его. Все одной вилкой едят. Скушают, перекрестятся да скажут: «Помяни, Господи» (зап. от Мальцевой Е.В., 1926 г.р., д. Мочга). «Ещё печенье, конфеты раздают, кто в носовые платки заворачивает, кто просто так отдаст» (зап. от Баяндиной Г.В., 1960 г.р., д. Бажино).

«Вот прощались и возле покойника садились, сидели немало» (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). «Тут ещё молитву читали» (зап. от Ивченковой З.И., 1934 г.р., п. Майкор). Где принято гроб обязательно обойти по солнцу — по солнцу прощаются, обходят. Мама говорила, что очень важно поклон. В ногах поклонись, поклонись посрединке, в головах поклон, кругом обойдешь, снова посрединке, и в ногах. Один, два, три, четыре раза даже (с. Крохалево).

Вынос гроба

«Гроб выносят через дверь» (зап. от Кривошековой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское). «Усопший-то головой к иконам лежит, так вот его вперед ногами и выносят, не поворачивают» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). «Только гроб стащат, на табуретки сядут. Гроб-то на табуретки ставили, вот на них и садились. Это чтобы не бояться умершего» (зап. от Котельниковой П.Н., 1931 г.р., д. Верх-Мега). «Кто-то садится на табуретки, а кто быстро к печке бежит» (зап. от Кривошековой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское). «Скажут: «Идите кто, около печки встаньте». Вот немолодой, старый кто встанет и стоит. Пятками прижмётся к печке, спиной, затылком. Смотрит, как выносят» (зап. от Баяндиной В.Ф., 1927 г.р., д. Дмитриево). «Выбирали стоять старую» (зап. от Пушкиной К.Н., 1931 г.р., д. Калинино). «Человека перед печкой ставили, чтобы в доме пусто не было. Пятками к стене, к печке прижимался» (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское). «Около печи вставал из семьи кто, чтобы жар покойник не унёс. Из-за этого. Не задом вставал, наперёд. И хлеб, который с этой печи, в рот брал и крепко зубами держал (с. Антипино). «В Юсьве во время выноса к челу лицом ставили беременных женщин» (зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р.).

Все, кто пришёл прощаться, старались выйти из дома до выноса гроба. «У нас, кто не успел выйти, остались в избе, перед ними двери закрыли. Потом немножко отошли от дома с гробом-то, воду из-под покойника вылили, двери открыли и вышли» (зап. от Семушевой Г.К., 1963 г.р., с. Доег). «Воду из-под гроба на пол плескали» (зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доег). «Это место-то, где стояло, водой заливают, которая под гробом была, чтобы мыть у него следы-то» (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново). В д. Кубенёво и д. Мурмэс воду из-под умершего выливали на улицу, на угол дома или столб (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурмэс). «Воду выносили через дорогу, чтобы ушли злые духи, чтобы не бояться покойника» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво).

«Покойника вынесут, дом пустым не оставляют. Если мужик умер, в избе мужчина останется, если женщина — женщина» (зап. от Калиной Л.М., 1934 г.р., д. Казённая). «Один раз нас двое осталось — я и еще одна старушка. Она

и говорит: «На улицу не смотри. Не надо на улицу смотреть, когда ты тут» (зап. от Пушкиной К.Н., 1931 г.р., д. Калинино). «Кто в доме остался, полы моет. Не родственники же. Нельзя, чтобы родственники мыли» (зап. от Семушевой Г.К., 1963 г.р., с. Доег). «Воду разольют и моют. Вперед, вперед. К порогу» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). «К дверям моют. Тряпку не поворачивают. Всё, всё, всё должно быть вымыто, и стены, от начала до конца, и баня, её тоже моют и топят» (зап. от Кривошековой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское). «Стружку от гроба за печкой, в бане ли найдут, сжигают. Вот баню топят и тогда жгут» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). «Ещё тут клюкой углы крестят. Клюка-то, в печке мешать, её накалят, и каждый угол этой клюкой с молитвой окрестят, чтобы умерший не ходил» (зап. от Швецовоой А.Е., 1924 г.р., с. Купрос). «Половики, дорожки убирали, когда хоронили, — это всё обратно стелют. Прежний вид дом должен обрести» (зап. от Кривошековой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское). «А как со всем справились, начинали накрывать столы» (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они).

Первая встреча, чёлпан (нянь) нёбётны

По дороге на кладбище первым шёл человек с хлебом, в местной традиции его называли встречей, подорожным человеком. «Сначала эта встреча идёт с хлебом, женщину какую попросят, за ней венки несут, икону, потом крышку гроба. Крышку два человека несут. Над головой держат» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). «Крышку несли женщины» (зап. от Бычковой А.Г., 1930 г.р., с. Купрос). За крышкой мужчины несли гроб на три полотенца. Не родственники несли, родственникам нельзя было. Посередине встанут, в ногах, в голове, шесть человек получается. Чтобы легче нести, полотенца нарежут метра по четыре, каждое под гробом пропустят, через шею перекинут и тащат (д. Мочга). Первому встречному дают всегда уж хлеб. А в хлебушко туда мелкие денежки сунешь. Крестиком сделаешь ниткой-то хлеб, платочком завяжешь, и первому дают. Нитку белого цвета тай делают (с. Крохалёво).

Встречный хлеб, или, как его ещё называли, встреча, первая встреча, подорожная (подаяние, которое несут перед похоронной процессией) готовили повсеместно и

самым тщательным образом. Многообразие форм этого ритуального подношения свидетельствует о неоднородности юсьвинской традиции, её значительном варьировании, особенно в горнозаводской части района. «*Перед выносом встречный хлеб готовят. На ерушник деньги медные положат, ниточкой или носовым платком крестом перематают, без узелков*» (зап. от Крыловой Р.И., 1941 г.р., д. Хутор). «*Каравай встречный делают, деньги тут суют, нитки белые матают*» (зап. от Зыряновой М.И., 1926 г.р., с. Крохалёво). «*Встречу делают. Каравай хлеба возьмут, крест-накрест обматывают ниткой, под ниточку положат денежку, и всё это завернут в платочек*» (зап. от Баяндиной Т.П., 1941 г.р., д. Бажино). «*Чёлпан такой сделают и тут подарок положат: носовик или головной платок, сверху на хлеб положат. Другим платком повяжут*» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). «*На тарелочку каравай положат, соль в сольнице, деньги, и всё это завернут в белый платочек — подорожная называется*» (зап. от Ивченковой З.И., 1934 г.р., п. Майкор). «*Круглый чёлпан сделают. Тут красные деньги положат, нитку с иголкой. Всё это на платочке несем*» (зап. от Петровой П.С., 1931 г.р., д. Истер-Дор). «*Хлеб делают, ниткой наматывают, иголку подоткнут*» (зап. от Караваевой Л.Ё., с. Архангельское). «*В первую встречу хлеб дают — милостину*» (зап. от Бычковой Л.И., 1927 г.р., с. Крохалёво). «*Слова благодарности не говорят. «Спасибо», — не говорят. Возьмёт и сразу хлеб откусит*» (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво). «*Навстречу попадёт первый, дак ему хлебушко дают. Его надо три раза, к трём местам закусить сразу* (д. Казённая). «*Встречному на трех местах надо откусить буханку-то, в разных местах*» (зап. от Пушкиной К.Н., 1931 г.р., д. Калинино). «*Он возьмёт и укусит большим куском, остальное себе возьмёт или собаке отдаст*» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). «*Если брезгают, отдают корове*» (зап. от Власовой Р.Г., 1937 г.р., с. Архангельское). «*Кто кушает, кто скотину кормит. Это ведь покойник-то не печёт, это хозяйка пекут. Покойник-то руками не трогает его. Ничего плохого-то тут нет*» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево).

Первому встретившемуся на пути похоронно-поминальной процессии человеку необходимо было не просто взять подаяние, но впоследствии и молиться за умершего. «*Впере-*

ди с хлебом идут. Кто первый попадёт навстречу, это всё отдают, чтобы молился, поминал умершего. Подорожный человек-то, вот он и несёт подорожную. Кто брал, тот и отмаливал потом, ходил в церковь за то, что взял» (зап. от Ивченковой З.И., 1934 г.р., п. Майкор). *«Встречный примет, поклонится и скажет: «Царство небесное, земля пухом»* (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино).

«Если никто навстречу не попадет, на кладбище этот хлеб делят между родными, которые там лежат. Разделят этот хлеб и на могилки положат» (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они). *Кои вообще хлеб копальщикам дают, они де встречаются* (д. Сивашер).

Деньги да нитки с каравая хранили. Считалось, что *«нитка открывает дорогу»* (зап. от Бычковой Л.И., 1927 г.р., с. Крохалёво). *«Вот которых посажают в тюрьму, вот это, говорят, примета, что эту ниточку от первой встречи им надо взять с собой. Которых сажают, эта ниточка сохраняется»* (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). *Нитка с каравая от плохой семейной жизни. Этими нитками шить надо. Одежду шить* (с. Антипино). В ряде случаев льняная нитка с подорожной использовалась в лечебной практике. *«Нитки на руки вяжут, чтоб не болели»* (зап. от Боталовой К.П., 1924 г.р., д. Мосино). *«Бородавки можно лечить, она бородавки тоже берёт»* (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново).

«Гроб на руках несут далеко, некоторые до конца деревни, некоторые, чтобы никаких домов не было, между домами, и там уже на машину грузят» (зап. от Пушкиной К.Н., 1931 г.р., д. Калинино). *«У нас покойника несут, чтоб речку перейти. Вот у нас тут речка ниже есть. Вот речку обычно переходят, а там уж на машину»* (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). *«Когда-то покойника увозили на лошади в санях на кладбище. Покойника хоронили. Лошадку и сани оставляли прямо в могильнике. Потом кто-то забирал, говорили. Сейчас на машинах возят»* (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино).

«Пока на руках несут, ещё примечают. По первой встрече могут примечать. Вот вышли все, не успели несколько шагов сделать, как перву встречу уже отдавать надо: «О, — говорят, — опять скоро покойник будет». А если далеко от дома встречу-то отдали, всё хорошо» (зап. от Бычковой А.Г.,

1930 г.р., с. Купрос). Тут опять по деревне идёшь, и близко попались ещё одни похороны, говорят, ещё один покойник в деревне будет (д. Мочга).

В проводы после гроба по дороге бросали пихтовые ветки (зап. от Ярусовой Р.П., 1926 г.р., д. Тараканово). «Пикту бросали, выс, другие опять пиёнку, засыпали дорогу пшеном» (зап. от Климовой М. Н., 1922 г.р., д. Капилино). «Детям, подросткам вместо веток могли цветы бросить» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). «Веточки бросают, чтобы дорога была. Это у покойника своя дорога» (зап. от Баяндиной В.Ф., 1927 г.р., д. Дмитриево). «Веточки дорогу на тот свет открывают» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Пихтовые ветки — это любовь. Раньше ведь парились не березой, пиктой парились. Это любовь к человеку» (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «Ветки бросать вроде грех. За каждую веточку, дескать, там молиться надо» (зап. от Мальцевой Е.В., 1926 г.р., д. Мочга). «Бросали аккуратно. Ветка же полумесячная, надо кидать так, чтобы полумесяц вниз был. Если веточка наоборот упадёт, то будет ещё покойник» (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор). «Часто, говорят, тоже нельзя бросать. Редко надо. Они опять набросают столько место, глядишь, опять покойник» (зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р., с. Юсьва). «И цветы по дороге с кладбища ли брать нельзя. Кто возьмёт цветы, или там на ветки наступит, все болезни покойного оберёт» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Вот веточки если много бросают, за каждую веточку маленькую надо молиться. Мне токо, говорю, пусть семь веточек бросят. Гроб раньше тоже не обшивали. Наша мама не велела обшить. Из-за этого много молиться надо» (зап. от Воронцовой Л.М., 1923 г.р., с. Крохалёво).

«На кладбище приехали, отпевают. Некоторые в церкви отпевают. Тут гроб открытый, на него свечи ставят. Есть полное освещение, есть неполное. Неполное и полное освещение — это разное количество свеч» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). «Отпоют, а потом, когда будут закрывать гроб, батюшка говорит: «Развязывайте руки и ноги» (зап. от Лунеговой Н.В., 1936 г.р., с. Архангельское). «Верёвочки, которыми руки и ноги связывали, в гроб кладут» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Тут сверху иконы забирают, а внутри иконка остается, в правой

руке» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). «Когда уже все простятся, гроб забивают» (зап. от Бычковой А.Г., 1930 г.р., с. Купрос).

Гроб опускать

«В могилу гроб сразу не опускают, снизу чумочки делают» (зап. от Вилесовой М.В., 1930 г.р., Казанцевой З.К., 1931 г.р., д. Баранчиново). *«Ложачки такие делают, деревяшки такие под гроб поперёк ложат»* (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). *«Лёжки под гроб делают, чтобы вода не пошла»* (зап. от Селиной М.А., 1933 г.р., д. Николаево).

«Гроб на веревочках опускают, сверху на него половичок постелют» (зап. от Вилесовой М.В., 1930 г.р., д. Баранчиново). *«Дорожкой закроют гроб»* (зап. от Савельевой Р.В., 1947 г.р., д. Мосино). *«Чтобы он не мёрз, сверху на гроб положат покрывало, коврик или половичок»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). *«А потом, кто не ленится, полать делают»* (зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доег). *«Доски сверху гроба, чтобы не давило землей. Полать как, полать называется»* (зап. от Кривошековой Г.Д., 1940 г.р., д. Рудаково). *«Значит гроб, потом половик, потом доски вот эти и ещё раз половик»* (зап. от Кривошековой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское).

«Гроб опускают, все крестятся» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). *«Опускают на верёвках. Когда есть полотенца — на полотенцах. Потом полотенца отдают копальщикам»* (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). *«Копают человека четыре, им дают полотенце, ну, кто ещё на машине, шофёр, тоже дают. Чуть-чуть надрез дома сделают, потом на кладбище разрывают»* (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). *«Когда вот готовят, делают пометочки, надрезы, по ним потом на кладбище разрывают»* (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). *«Полотенца разрывать надо, резать нельзя»* (зап. от Савельевой Р.В., 1947 г.р., д. Мосино).

В ряде населённых пунктов одно из полотенец, на которых несли гроб, также оставляли в церкви. *«Полотенце на крест вешают в церкви, когда покойника заносят для отпевания. Там есть крест, которому молятся, вот на него и вешают, на крест этот. Потом эти полотенца остаются в церкви»* (зап. от Крохалёвой В.С., 1956 г.р., с. Крохалёво). *«Гроб на полотенцах несут, на крышке гроба тоже полотен-*

це. Полотенце в церкви оставят. Во время отпевания» (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос). *«Другие опять полотенце на крест вешают, только не в церкви, а на кладбище. Это чтобы душа у него выходила»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

«Вот опустили гроб, тут все обходят могилку по солнцу. Первые начинают обходить самые близкие родственники» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). *«В могилку землю кидают тут по три горсточки: «Царство небесно, земля пухом тебе»* (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). *«Землю бросают и говорят: «Пусть будет тебе земля пухом»* (зап. от Баяндиной Т.П., 1941 г.р., д. Бажино). *«У нас у Вани почти земли-то не осталось, народу много было, каждый по три горсти-то бросил»* (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). *«Люди чё еще? Кто очень болеет, землю берёт, пропускает это под верхней одеждой и говорит: «Забирай все мои болезни. Чтобы все мои болезни ушли вниз, а я чтобы выздоровел». И земля эта должна упасть в могилу»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). *«Ещё денежку в могилу бросают. Могилу-то выкупать надо»* (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). *«Бросать надо только медные деньги»* (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). *«Чтобы там ему хорошо жилось, мы деньги кидаем и говорим: «Давай, там хорошо тебе жить и нам хорошо жить»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). *«Деньги кидают, чтобы покойник денежный был. Я родне в карман деньги положила, на том свете у них тоже магазин есть, дом, деньги-то всегда нужны»* (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово).

«Обязательно в могилу опускали нитку. Этой же ниткой заматывали первому встречному каравай. Это одна и та же нитка. Из одного мотка. Кто хлеб готовил, тот и эту нитку готовил. В кармане держал до кладбища. Вот гроб опустили, полати сделали, эту нитку к голове умершего спускают. Землю начнут кидать, а ты всё эту нитку в руках держишь. А потом уже, когда памятник поставили, на крест забросишь эту нитку, маленько закрутишь, чтобы держалась. Это делают, чтоб ты не думал, не скучал, чтобы душа на шесть недель вышла откушать вместе с поминальщиками» (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). *«Моток ниток бросают к гробу, а конец выводят и наматывают на крест»* (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). *«Белую*

ниточку к поперечной перекладине привязывают» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег).

«Потом ещё плетут дорожку. Петельки сделают, может, два метра, может, больше. Метра два с лишним надо, чтобы кверху ещё осталось. В могилку опустят. Это лестница будет, для души. Ей ведь выходить надо» (зап. от Крохалевой Е.В., д. Казённая). «Ниточку крючком вяжут. Крючком дальше, дальше, и такую длинную сделают. Вязать должен кто-то из родственников. Свяжут и в могилку опускают. И оставляют. «Лестница, — говорят, — лестница, чтобы душа выходила». Один конец-то в могилке оставляют, другой к памятнику привязывают» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево).

«Могилку сделают, сверху крест-накрест засыплют зерном» (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво). «Зерно по бокам могилы сыплют, и крест в середине сделают» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). «В ноги умершему крест поставят. Если покойник встанет, дак головой к кресту должен быть» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово).

«Могилку сделают, все закроют, свечи поставят. Тут брали двенадцать штук свечей, зажигали и со словами «Иди туда, чтобы дома не было ни стука, ни бряка» ставили на могилу. Смотрели, чтобы свечи сгорели до конца. И всё, и душа оставалась. Это чтобы покойник не ходил, не беспокоил» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Потом скатерку стелют и начинают поминать. Прямо на кладбище, на могиле поминать. Свечи ставят. Рыбный пирог, шаньги, конфеты. Пить достают, там пиво, квас ли, вино. И кушают руками. На кладбище только руками, не вилками, ложками кушают» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). «Поедят и прощаются. Три раза надо прощаться с покойником. Первый раз прощаешься, когда гроб поставят, потом простишься, когда завалят могилу. Тут покушают, домой начнут собираться, прощаются ещё раз (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «Когда с кладбища идут, назад не оглядываются. Родственники всегда последние уходят. Вот жена последней должна уйти, если мужа схоронила» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево).

После похорон

Вешают куда-нибудь на стенку женщине платье, а мужчине — рубашку, а в 40 дней их отдадут кому-нибудь. Дубас,

фартук, платок, полотенце вешают на вешалку, на гвоздик. И оно висит целых сорок дней. А у мужчин рубаха, брюки, наверно может быть покромка какая-то, поясок. Висят (с. Архангельское). «С кладбища все в избу вернулись, перво тут, говорят, надо руки мыть, а то холод в дом несёшь. Руки мыли на улице, летом водой, зимой снегом» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево). «Раньше ещё баню топили. Все, кто провожал, все ходили в баню» (зап. от Пушкиной К.Н., 1931 г.р., д. Калинино).

«В дом зайдут с кладбища, в печку посмотрят, чтобы умерший не показывался больше» (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). «К печке подойдёшь, помотришь там, скажешь: «О, печка пала. Как будешь топить?» (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они). «В печь посмотрят, спросят бабушку или кого, что, мол, она приготовила, потом ко столу встанут» (зап. от Крохалёвой В.С., 1956 г.р., с. Крохалёво). В печку глядят, когда покойника проводят, чтобы не бояться. Ещё говорят: «Ой, печка-то пала, погляди-ка, погляди, провались кирпичи». Говорят, чтобы в печку посмотрела и потом не боялась. Обманывают. Когда видится покойник, лутохи ставят. Это липа лупленая ставится по углам снаружи. Может, надо какую-нибудь молитву. Окна оградят. Чё-то с маком делают. Когда кажется, когда слышится, посыпают по окнам. Дьявол, видно, боится мака-то (с. Архангельское).

«Тут читают ещё. Свечку зажгут, читают, читают, молитвы всякие поют, молятся. Вот все молитвы исполнили, все находятся около стола, потом эта женщина, которая читала, стол обкуривать начнёт. Свечкой обкуривает еду. Над столом крестик сделает» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). «Свечкой над столом кадят, в хлебушек воткнут и водят» (зап. от Козловой А. П., 1930 г.р., с. Доег). «Потом свечку потушат и под столом крестик сделают. Свеча-то дымится ещё. Обнесут и свечку к иконкам поставят, не зажигают уже» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово).

Поминальный стол

Еду ставят в чашечке чё-нибудь горяченькое для умершего. Потом скоту отдадут (с. Архангельское). «Тут уже за стол сядут. Перво мёдом помянут. По кругу чашку передают, каждый с деревянной щепы мёд кушает. Все из одной чашки»

(зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). «После мёда пустят квас, потом красный кисель по кругу, потом белый, молочный, из картофельного крахмала. Потом брагу делают, тоже по кругу пускают» (зап. от Швецово́й А.Е., 1924 г.р., с. Купрос). «Мёдом помянут, потом пивом, брагой, потом уже есть начнут» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринёво).

«Первым начинал кушать тот, кто читал, потом все остальные. Он и мёд первым пробовал, и кисель» (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино). Кутью ели, вареную пшеницу с медом. Кто изюм добавлял. Варёное яйцо ставили на стол. Его разламывали на две части, на стол ставили. Все угощались. Говорят, в поминальный день ничего нельзя было ножиком резать. И вилками ничего нельзя было есть, только ложками (с. Юсьва). «Вилками покойнику глаза тыкаешь. Без вилки надо» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). «Ещё печёнки делали: брюкву запекали в печи. Шкурку уберут, на стол поставят. Она такая красная, мягкая и сладкая. Это, говорят, покойнику первая еда» (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское). «Селянкой угощали — залитой сырым яйцом и запечённой в печи рыбой» (зап. от Ошариной М.П., 1924 г.р., п. Майкор).

Обязательным на поминках был черинянь — пирог из речной рыбы. Черенянь делали из белой рыбы. Налим и щука — хищные рыбы, из них не делали. Из окуня тоже не делали. Старые говорили: «У щуки в голове нет креста, голова пуста. Налим — рыба на сома похожа. Окунь хищная. С них пирог не делают». Рыбу в пироге клали рядышком, головами в одну сторону: на стол, на угол смотрели (с. Архангельское). «Рыбный пирог руками открывали и ели. Не резали» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). «На стол обязательно мед, в первую очередь. Рыбный пирог делают еще. Кутью делают из сыра. Можно делать из творога, из риса, с изюмом. А вот мне говорили когда-то, что лук не кладут никуда, когда поминаются. А времена такие стали. А раньше говорили, что нельзя. Налим и щуку нельзя. У щуки ведь крестик-то есть, или у налима» (зап. от Ушаковой А.Е., с. Архангельское).

«Подавали ещё пельмени капустные, из сухих грибов, если постный день, а так мясные» (зап. от Ивченковой З.И., 1934 г.р., п. Майкор). «С пельменями подойдут, поминальщик рукой с тарелки возьмет и съест. Все, что останется

ся, на стол поставят» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино).

«Со стола нужно было угоститься всем помаленьку. Ко всему нужно было прикоснуться» (зап. от Баяндиной В.Ф., 1927 г.р., д. Дмитриево). «Возьмёшь, перекрестишься: «Помяни, Господи». И съешь» (зап. от Швецовоой А.Е., 1924 г.р., с. Купрос).

«После поминок надо тоже было выпить. Пьёшь квас обычно, с малиной брагу» (зап. от Семушевой А. А., 1939 г.р., с. Доег). «Пиво подают. Пиво ставят, чтобы некислое было, для покойника как» (зап. от Баяндиной В.Ф., 1927 г.р., д. Дмитриево). «А вино на поминках выпьешь, значит, покойник под порог уйдёт. Под порог дома, если ты выпил вино без закуски» (зап. от Ярусовой Р.П., 1926 г.р., д. Тараканово). «Водку не пили. Говорят так: «Водка стоит, дак к столу-то умерших не пускают. Бог-то не пускает». Нельзя спиртное на поминках» (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново). Вином поминают — если он пил, говорят. Кто пьющий, дак поминают вином. Больше пивом поминают. Лимонад, пиво — женщин поминают. На могилку ленут. Пиво ленут. Крупу подсыплют. А это: пусть птичка помянет, это съедает. Это, уж как обычно, крупу сыплют. Ага, как уходить (п. Пожва).

«До сорока дней на стол ставили стакан с водой. Для умершего. Говорят, чтобы он пил. Мы ведь не видим, как он живёт. Вот сами кушаем, так он вместе с нами тоже кушает» (зап. от Зыряновой М.И., 1926 г.р., с. Крохалёво). «Ему на стол ещё пустую тарелку с ложкой поставят. Рядом стул. Говорят: «Это его место» (зап. от Кривошековой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское).

«До сорока дён обязательно на столе что-то должно было быть. У нас банка тут с мёдом стояла. Я всегда что-то стряпала, чтобы на столе что-то было, из чего пар выходил. Если ничего не варила, хотя бы чай ставила» (зап. от Кривошековой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). «Положишь, все принесёшь, чтоб все горячее было, чтоб пар поднялся. Вот этим паром он и питается» (зап. от Хорошевой М.А., 1930 г.р., д. Сыскино). «Каждый день, до сорока, надо что-то горячее готовить, чтоб душа не голодная была. Горячее блюдо принесёшь, помянешь. Каждое утро так. Кто поест, а не съедят, дак скотина-то в деревне есть, скотине скормишь. Свечишку зажигают до сорока дней и ставят в подсвечник. У некоторых подсвечника-то нет, дак в стакан с крупой втыкали

(зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). *«На окно ставили лестовницу, вытеченную специально из ржаной муки в день похорон. Она тоже стояла сорок дён»* (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринёво).

Поминальные дни

Индивидуальные поминки устанавливаются в течение года после смерти конкретного человека. Кроме поминаний на 9-й, 20-й, 40-й, 42-й дни, существуют и общие (календарные) поминки по всем умершим родственникам, обычно с посещением кладбищ. Основная цель поминальных обрядов — упорядочить отношения между «тем» и «этим» мирами и таким образом «задобрить» мёртвых. *«Не помянешь душуту, дак она во сне привидится. Надо помянуть. Он ведь всё с нами, мы только не видим глазами. Если покойник ходит, над окошками надо кресты поставить, вот в лесу липа растёт, раньше лапти плели, липа-то святая вот эти христки, связать палочки и на окошко поставить. Сделала единова ей пришла, на другой пришла, гляжу: их нету. Я говорю: «Куды убрала?» «Он домой приехал да заставил убрать». «Откуда он приехал, если он умер?»* (зап. от Назукиной Т.М., 1928 г.р.).

В традиции района поминание умерших приходилось на девятый, двадцатый, сороковой, сорок второй день и в год после похорон. *«Поминальные дни для тех, кто умер недавно, и тех, кто умер давно, разные. Кто недавно умер, мы на девять дён, двадцать дён, сорок дён, потом через шесть недель и год поминаем. Потом уже, после этого, поминаем только в умерший день и в день рождения, Вознесение, Петров и Успенев день»* (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва). Видимо, в эти дни умерших отпускают, приходят они (д. Тюмень).

«В девять дён когда поминают, первыми приходили мужчины, если умер мужчина. А женщина умерла — приходили женщины» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег).

Обязательно поминки в три дня, в девять дней. *В три дня, это когда похоронят. На трое суток, на три ночи покойника не оставляют. Через сорок дней поминки — прощаются совсем уж с покойником. Чё-то уже берут: рыбный пирог-то — черинянь. И этот пирог с шанежками, с блинчиками, которые остались, вот эти выносят. Все, кто в доме находится, все выходят. Провожают до перекрестка. Свои, соседи тоже. Я так делаю — сорок дней и один год, это обязательно. И если что-то останется,*

и ненужные какие-то вещи, и отдать обратно после сорока и особенно вот што на вешалке висит. Это обязательно надо сделать. Кому-то родственникам (с. Крохалево).

«Раньше на двадцать дней поминали. А сейчас церковь говорит, что этого нельзя делать, не надо» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). «На двадцать дён поминать приходили только те, кто делал гроб, могилу копал, обмывал умершего, полы мыл» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). На три недели копщиков приглашали (с. Антипино). «Кто обмывал, могилу копал, тут дарили ещё, обычно дарили полотенца, платки» (зап. от Семушевой А. А., 1939 г.р., с. Доег).

Сорок дён, сорочины

Сорок дён-то — это опасный дён. До сорока дней какие-то страшные суды идут покойнику: кого в рай, кого в ад определяют. Сороковой день — страшный суд (с. Антипино). «Последний день это душу судят. В сорок дён мы и поминаем» (зап. от Тюляевой А.И., 1932 г.р., д. Терино). За кого молятся сильно, дак ангелы, говорят, их вытаскивают из ада (с. Антипино). «Не знаем, куда душа попадат, как уж определяют там. Что заслужит, то и получит. Она везде до 40 дней, где работал, где жил, она везде побывает. Она уж невидимо там ест. Поставят ей на стол, могут зажечь лампадку или свечку, под образами делают. Кисель или кашу, настряпают. Нет, кушать-то она ничё не будет, паром питается. Раньше утром старались сделать поминки, придерживались. Котомочку собирают, еду кладут. Свечку зажгли и пошли на угол, вышли, всё положили к переднему углу» (зап. от Барановой Т.В., 1927 г.р., д. Городище).

«На сорок дней сорок человек должно прийти» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). «На сорочины кто свечку принесёт, кто может из продуктов что. Кушанья постряпают: пирожки, шанежки» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). «В этот день нужно было сорок человек накормить. Каждого накормят и ложку, которой ел, подарят. Сорок ложек нужно дать» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). «Из-за стола человек будет выходить, ему пряник дадут, творожный. Сорок пряников раздавали» (зап. от Кривошековой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское). «Вылезли из-за стола, каждому милостинку дали, печенье с конфеткой» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег).

Проводы души (сорок второй день, шесть недель)

«Шесть нидиль дома всё живёт душа, говорят. Потом сорок человек надо пригласить на сорок дён. И шесть нидиль-то последние, умрет кто, развешают рубашки да што да на вешалку, на стену, и это сорок дён-то висит. Вот тут у нас покойник лежит. Шесь нидиль токо, отдадут кому-то. Дома, дак своим дадут. А говорили щас уже, што другим надо давать. Не из семьи дак» (зап. от Ушаковой А.Е., с. Архангельское).

Сорок-то дней поминали, а на сорок второй прощаются, выходят, все выходят, и даже занавески сколыхнуться все. Так ли это, не знаю. А на второй день свои уже как провожают (с. Крохалево).

«Шесть недель — поминка большая. Душа живёт в доме шесть недель. Потом уходит на небо» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). *«По земле шесть недель ходит, потом уходит»* (зап. от Власовой Л. Т., 1937 г.р., д. Федотово). *«Покойник уже совсем из дома уйдет. Душа уходит, вот мы душу-то и провожаем»* (зап. от Баяндиной Г.В., 1960 г.р., д. Бажино).

«У нас стараются до восхода солнца проводить» (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво). *«Рано утром душу провожают, в темное время, чтобы лишний человек не видел»* (зап. от Кривошековой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское).

«Сорок дён-то поминали с народом, а здесь на шесть недель поминают только со своей семьей» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). *«На шесть недель собираются только родственники. Стряпней поминаются»* (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово).

«Мы утром встали пораньше, приготовили там шанежки, рыбный пирог, положили всё, сели за стол, помянули» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). *«Пока не покушаешь, двери не открываешь, чтобы он сыт был. У нас в деревне в первую очередь рыбный пирог, а кто пьющий — сто грамм нальют, конфеты тут, да чё, чтобы все ели. А если, например, кто-то вышел из-за стола раньше да двери открыл, все говорят: «Рано-рано, он голодный ещё»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

«Все из-за стола идут, к тому, кто мыл, специально приговаривают, и каждый ему руки целует. Он сидит, на коленках руки держит, родня-то, кто собрались, по очереди

подходят, на коленки встают и руки ему целуют. Это ведь главный, кто крестики на человеке ставил, специальный, мытник называется у нас. Руки на коленях держит, ты их целуешь: он, значит, не брезговал, мыл. А другой человек, в ту пору, вначале приговаривает, там специальная приговорная песня была, потом кладёт в мешочек кружку, ложку, бутылку рыбный пирог, сладости, одежду, которая в доме висела умершего-то, вот всё это в мешочек кладут. Это все положили тому, кто мыл. Мешочек-то специально шился в длину, когда всё покойнику готовили. Потом его на столе под клееночкой держали в углу у боженьки. Вот рано утром, в четыре, в пятом мытнику его собирают» (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво).

«Во двор пошли с молитвой. Взяли свечку, иконку и со словами: «Святой Боже, святой бессмертный, помилуй нас», — вышли» (зап. от Крохалёвой В.С., 1956 г.р., с. Крохалёво). «Тут чё-то пели ещё: «Святой Боже, святой крепкий». Вот под эту молитву и выходили» (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос).

«Обычно на восток провожали душу-ту. Во двор выйдут, слова скажут: «Иди с Богом, чтоб все у тебя там было хорошо, чтоб земля тебе была пухом» (зап. от Кривощёковой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское). «Крестят дорогу: «Иди с Богом своей дорогой. Ветром иди» (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново). «Полотенце возьмут, на восток махнут, говорят: «Ты к нам не ходи, мы к тебе ходить будем» (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос).

«Когда выходим из дома, обязательно прислушиваемся, обязательно должно что-то стукнуть. Это значит, душа вышла вместе с нами» (зап. от Кривощёковой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское). «Примечали ещё, со стола, что упадёт, выльется, может, из кружки, или шторка помахается, одежда шевельнётся — это душа уходит» (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское). «Снаружи дома ещё палку поставят. Некоторые-то старые с палками ходят, вот эту палку у дверей поставят и смотрят. Дубинка свалится, это душа валит дубинку» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево). «Душа пойдёт, палочка упадёт» (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., с. Антипино). «На улице собака пробежала, значит, душа-то уже точно ушла» (зап. от Крохалёвой В.С., 1956 г.р., с. Крохалёво).

Тут ещё свечи зажгут. Сколько провожает человек, столько и свечек. У каждого в руке своя свеча (д. Мочга). «Пока идут, читают молитву» (зап. от Боталовой Л.В., 1925 г.р.).

«В руках несли одежду покойного на проводах души. Её на гвоздик вешают, когда умрет человек, в тот же день: платье, например, платок, полотенце, рубашку. В сорок второй дён эту одежду брали с гвоздика, с вешалки ли, прямо с вешалкой выносили и шли провожать. Потом эту одежду приносили обратно» (зап. от Баяндиной Т.П., 1941 г.р., д. Бажино). «Одежду надо держать дома. Положишь в ящик, потом когда поминки делаешь, опять достанешь её и поминаешь» (зап. от Трубиновой З.А., 1931 г.р., Казанцевой Ф.Ф., 1931 г.р., с. Мелюхино). «Одежду у покойника, которая весилась, не бросали. Говорят, она дом от пожара защищает» (зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р., с. Юсьва). «На вышку ту одежду, в которой умрёт, на чердак вешают, чтобы ветер крышу не унёс» (зап. от Зыряновой М.И., 1926 г.р., с. Крохалёво). Вешают на стропилы одежду, чтобы Бог охранял избу от всякого несчастья (с. Антипино). В деревне Доег одежду умершего раздавали всем, кто помогал на похоронах (зап. от Семушевой Г.К., 1963 г.р.). «Эту одежду берегли. От глаза маленьким ребятишкам клали» (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво).

«Кто душу провожал, шли до того места, где на сани, на трактор, на машину гроб подняли» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). «Обычно мы стараемся гроб нести до перекрёстка, там уже на машину и на кладбище. Вот душу до перекрёстка и провожали» (зап. от Кривощёковой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское). «Душу до речки провожали» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). «Если, например, кто-то из людей встретился раньше этого места, останавливаются и поминают» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). «А в Бажино провожают, читают молитвы, да что да. Потом останавливают Курроский автобус, заходят в него с кушаньем, заносят питьё и поят всех. Знакомых, незнакомых, всех. По дороге душа должна уехать, уйти из дому-то» (зап. от Бычковой Л.И., 1927 г.р., с. Крохалёво).

«Доберутся до реки ли, до перекрёстка, где прощаются-то, начнут поминать» (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново). «Летом табуреточку с собой принесут, зимой на бровочке. Там расчистят, скатёрку положат, поминают. Кушают пирог рыбный, питьё тут» (зап. от Маль-

цевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). *«Мёд обязательно, в другой чашечке пельмени, потом пиво, может, чай»* (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). *«Пельмени, яички, конфеты — три яства. Душу провожают тремя яствами»* (зап. от Крохалёвой В.С., 1956 г.р., с. Крохалёво). *«Ставится не меньше трёх блюд, три блюда — это обязательно. Кисель, оладьи и что-то там ещё»* (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво). *«Кислый кисель похлебаешь вначале. Это в кислый квас добавишь крахмал и сваришь, кислый кисель получается. Вот кисель похлебаешь — дорогу ему откроешь, чтоб он с богушком ушёл, потом остальную еду ешь. Свечку тут ещё ставят, иконочку. По свечке-то ещё смотрят: к плохому свечка потухнет»* (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво).

«Вот люди идут, им скажут: «Идите с Иваном Степановичем попрощаться» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). *«Тут все постоят, покушают, тогда уже скажут: «Давай, иди со Христом». Крестик сделают и всё»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). *«Свечку затушили и пошли домой. Всё, душу проводили»* (зап. от Крохалёвой В.С., 1956 г.р., с. Крохалёво).

Поминки в дни, связанные с определёнными датами календаря

Из особенностей похоронно-поминальных обычаев на Юсьве можно отметить существование помимо обязательных поминок в Семик, Покровскую и Дмитриевскую субботы, домашних обедов в честь умерших на Крещение и в субботу перед Масленицей, посещение могил в Видзепыран (субботу накануне Петровского поста), в Петров день — 12.07. (с. Большие Они), в Степанов день — 09.05 (с. Архангельское). Обязательным является поминание умерших в такие праздники, как Вознесение, Петров день, Успенев день, Дмитриевская суббота. Особый день, связанный с культом умерших, — так называемая Голендуховская суббота (см. о ней также в разделе о календарных праздниках). Голендуха приходится на второе воскресенье октября: *«В октябре, когда вторая суббота, это голендуховская суббота. Снега нет если, на кладбище ходят»* (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). *«Вот в воскресенье Голендука, куриный праздник, куриц резали тут и суп варили, а в субботу поминальный день. На родительскую субботу варили*

или утром в воскресенье» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). «Второе воскресенье октября — это Голендука. А накануне, в субботу, поминальный день. Тут надпыльники делали, это шаньги маленькие, перед печкой пекли, ими поминали» (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино).

«Поминать ходили в Вознесенье, сороковой день после Пасхи надъ-то, перед Троицей, Петров день, двадцатого июля, и Успенъев день, Успенъе Богородицы, двадцать восьмого августа. Обязательно три раза на кладбище ходили» (зап. от Ошмариной М.П., 1924 г.р., п. Майкор). На кладбище придут, поклонятся, свечу зажгут, в соль или муку воткнут ее. В стакане стоит (д. Н. Мочга). «Свечку зажгут, на могилу к кресту поставят» (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос).

«Как зажгли свечи, на могилку тряпочку, как скатёрку, только не вышитую, положат. На неё еду» (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос). «На чистенький платочек пирог рыбный положат, прямо на могилку. Пирог делали из щуки, леща. На кладбище у него корку снимут, тут рыба. Кто подойдёт, руками возьмёт» (зап. от Ошмариной М.П., 1924 г.р., п. Майкор). На могилке руками едим, ножом-то ничего не режем (д. Евсино). «Пирожки ещё из сыра приносили, так и называли сырны пирожки, также из капусты делали, моркови. Ягодный пирог ещё делаем из черной смородины» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). «Обязательно яички приносили вареные. Распечатают, разломают руками, на могилку положат» (зап. от Ошмариной Г.В., 1931 г.р., с. Они).

«Покушают, помянут, на могилке кусочек хлеба оставят, корочку на крест: «Вот кушайте». А которые к кресту положат на землю» (зап. от Ошмариной М.П., 1924 г.р., п. Майкор). «На могилку рыбы положат, конфетки. Квас нальем, пиво. Прямо на могилку выливам, где голова, тут и наливаем все» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). «Яйцо оставляем на могилке, зерно. Пшеном могилку посыпаем» (зап. от Мальцевой Е.В., 1926 г.р., д. Мочга). «Собаки всё собирают, тоже поминают. Так напичкаются, еле домой идут» (зап. от Ошмариной Г.В., 1931 г.р., с. Они).

«Всё, что с собой брали, да не съели, оставят на могилке, только остатки пирога домой принесут, корове — это чтобы корова домой ходила» (зап. от Бычковой А.Г.,

1930 г.р., с. Купрос). *«С кладбища придут, опять за стол есть да пить. За стол сядут, перекрестятся, да всех родителей помянут»* (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). *«Когда поминают, говорят, реветь не надо, только молиться, а то умершие в воде будут лежать»* (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос). *«Когда мужика поминаешь, плакать и кричать нельзя»* (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино).

«В поминки обязательно нищим подавали. Чтоб не мерз покойник. Старинна поговорка» (зап. от Ушаковой А.Е., с. Архангельское).

«Седьмого-восьмого ноября — Митрий, Митревская суббота. В Митревскую субботу умерших дома вспоминают» (зап. от Тюляевой А.И., 1932 г.р., д. Терино).

Другие поминальные дни

В Юсьвинском районе после года со дня смерти наряду с общераспространенными на территории Прикамья днями поминовения отмечаются локальные, закрепленные только за определенными деревнями дни поминок и посещения могил умерших родственников. Так, например, на территории Архангельского сельсовета днями поминовения считают 9 мая, праздник, посвященный Стефану Великопермскому. В местной традиции его называют Великий Пермский Степан, Степан день, Степанвун, Коцтищанвун. В некоторых деревнях этого же сельсовета умерших поминали 25 сентября, в день Симеона Праведного и в первую (Голендуховскую) субботу октября.

«Степан Пермский — это поминальный день, 9 мая. Тут на кладбище ходят» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). *«На кладбище ходят в праздник, Степанвун называют»* (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). *«У нас поминают — Великий Пермский Степан. От церкви»* (зап. от Бурлаковой В.Г., 1933 г.р., д. Капилино). *«9 мая всегда ходят на кладбище. Не то, что это ко Дню Победы приурочено, так совпадает. Тут когда-то часовня стояла, надо было обязательно 9 мая зайти вот в эту часовню и на кладбище. 9 мая — это местный поминальный день. Никак не называется, просто говорят Коцтищан вун»* (зап. от Кривощёковой Е.И., с. Архангельское). *«С собой шаньги возмёшь из сметаны, из картошки можешь, рыбный пирог. Кто спиртное с собой брал»* (зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доег).

«Семён Праведный — в Архангельское на кладбище ходили. Часовня там была, поминали, это 25 сентября» (зап. от Селиной М.А., 1933 г.р., д. Николаево). «Свекровка моя сказывала: «В Семёна Праведного, 25 сентября, икону принесли, пешком. Там на Иньве мост был, за Архангельском, народ, — говорит, — навстречу вышел табуном, встречать икону. Там часовня была на кладбище, так вот эту икону принесли, на кладбище оставили» (зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурмэс).

«На Семёна Праведного на кладбище фрукты несёшь, раньше мамка у нас всё свёклу пекла. Черинянь из рыбы, бражку» (зап. от Караваевой Л.Ё., с. Архангельское). «На кладбище с собой кулишки берем, картофельные шанежки на пресном тесте» (зап. в д. Сивашер). «Пельмянами поминаемся, ещё купим чего-нибудь. Красное вино возьмем» (зап. от Петровой П.С., 1931 г.р., д. Истер-Дор).

«На могильнике скатерть постелешь, туда ложишь всё. По шаньге, яичко печеное в первую очередь» (зап. от Караваевой Л.Ё., с. Архангельское).

Практически повсеместно распространённым на территории района днём поминовения умерших является вторник на Фоминой неделе. «Сразу после Пасхи — Радольница. Радольница — это Пасха для умерших. Вторая Пасха. В Радольницу души умерших выходят на жирную пищу. В Радольницу к тебе все придут, с этого кладбища, с другого, и эти, и те идут, души умерших-то» (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., с. Антипино). В Радольницу выходят они из постной пищи на жирную пищу, души усопших-то выходят (д. Дмитриево).

«На Радольницу домой приглашают, говоришь: «Помяни, Господи, всех детей» (зап. от Вилесовой М.В., 1930 г.р., Казанцевой З.К., 1931 г.р., д. Баранчиново). «Сначала дома помянёшь, потом идёшь на кладбище» (зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р., с. Юсьва).

«Окна не открывают, когда в избе поминают. Тут на стол крест ставят, чтобы все пришли, которые умерли. Когда на стол всё несёшь, тогда крест и ставишь» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). «Прежде чем за стол сесть, молимся, а тот, что читал молитвы на похоронах, ещё свечкой водит над столом и под, а потом свечку ставит в зерно тут, и на стол» (зап. от Швецовой А.Е., 1924 г.р., с. Купрос). «Я прочитаю «Лития», свечка-то ещё тут сто-

ит. Сначала усопших всех помяну. Сначала о душе усопших родителей моих, сродников и всех православных христиан скажу: «Прости им вся согрешения вольные, невольные, даруй им царствие небесное». Потом «Лития» прочитаю. А как кушать будем, свечку потушу, чтобы дым-то как для них. По кругу сделаешь. Потом самим можно кушать» (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево).

«Когда поминаем, говорим: «Помяни, Господи», — и там назовёшь по имени. Покрестишься ещё» (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское). «Поминают горячим. Мед ставим. В первую очередь мёд, но если есть кутья, кутью и кисель. Кутья — рис с изюмом. Кисель сладкий» (зап. от Кривошековой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское). Яичницу, селянку из яиц поставят. Селянкой поминают — это без лука и без молока яйцо жареное, как блин, только немного толще (д. Новожилово). Тут шанежки ещё, яички крашенные. На Паску красят, в Родильницу и в Троицу, в красный цвет всё (д. Дмитриево). В Радоницу можно было яички кушать, в Пасху нельзя, чтобы летом комары не надоедали, только на завтра (с. Архангельское).

Поминки в Семик

Семик воспринимается в традиции как общий праздник мертвых и живых. Целый ряд ритуальных действий (разрешенное веселье, пение песен, праздничность одежды участников) указывают на его языческий характер. Свидетельством особого почитания коми-пермяками Семика являлась тщательная подготовка к нему: за неделю ловили рыбу, готовили питье для угощения «родителей», даже отмывали всю домашнюю посуду накануне Семика, чтобы «в Семик не рассердить покойников». С этой же целью на поминки ходили в праздничной одежде и с веселым настроением. Ясная погода в этот день расценивается информантами как доказательство того, что «куоммез бура кеймисо Енысо» — «покойники хорошо молились Богу».

«Обязательно надо в Семик прийти. Семик — это четверг, когда может в мае, когда в июне. Семик передвигается. От Пасхи зависит, перед Троицей в четверг» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). «В Семик сначала дома, потом на кладбище пойдём, помянем всех» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). «Всех поминают. Утопленников и тех, кто

весится, тоже» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринёво).

«В Семик на кладбище идёшь, рыбный пирог несёшь. Я четыре штуки несусь: мужу, мать у меня тоже здесь лежит, свекрови, свекру. Скатерти всем несусь, на могилки кладу. На каждой могилке поминаем. Начинаешь со свежих поминаль. Чтоб могилка не была пустая, скатерть постелешь, туда положишь шаньги, может, конфеты, печенье, мед. Яйца обязательно положат. Так сделаешь на две штуочки, пополам, это, которые кушать, а тут ещё так положу, нечищенные» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). *«Яички в Семик в красный цвет красили, луковой шелухой»* (зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р., с. Юсьва). *«В деревне Тетерино яички красят в красный и зелёный цвет. На Семик яйца в хоть какой цвет красим»* (зап. от Тюляевой А.И., 1932 г.р., д. Тетерино).

Родительская суббота

«Субботы бывают, говорят, родительские субботы» (зап. от Караваевой Л.Е., с. Архангельское). *«Осенью было две родительские субботы. Маленькая суббота и ещё одна до Покрова, последняя суббота»* (зап. от Бурлаковой В.Г., 1933 г.р., д. Капилино). *«На родительскую субботу на кладбище ходили. Мёд обязательно брали, парёнки. Парёнки из брюквы делали. Её заранее очистят, на мелкие части нарежут, тут листья с сахарным песком сделают и в жаркую печь положат. Брюква-то такая тёмно-коричневая станет, парёнки называли. Это тоже брали с собой. Питьё брали, пиво самодельное»* (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег).

5. Духовные стихи

Тексты духовных стихов помещены в разделе, связанном с похоронно-поминальной традицией, поскольку в современной традиции чаще они исполняются на поминаниях умерших. Особенностью бытования духовных стихов в Юсьве можно считать распространённость религиозных стихов сугубо литературного происхождения (такие тексты публиковались в изданиях душеполезного чтения уже в XIX веке, а в XX веке — иногда в Журнале Московской Патриархии). Духовные стихи, как известно, стали уходить из активного бытования в советское время, и лишь в конце XX в. отмеча-

ется некоторый всплеск этого жанра народной религиозной поэзии. Примечательно, что в соседнем Юрлинском районе широко распространены более традиционные стихи, рассказывающие о библейской или евангельской истории; стихи о святых и молитвы святым — во многом потому, что в прошлом здесь были сильны старообрядческие традиции.

Многие бытующие в районе тексты имеют поздний характер, отличаются весьма невысоким художественным содержанием. Вместе с тем они значимы в местной традиции, поскольку имеют свою функциональную нагруженность — используются как надгробные поминальные песни на панихидах и отпеваниях (многие тексты завершаются словами «Аминь»), замещают почти ушедшую традицию похоронных плачей-причетов.

Кроме поминальных текстов, широко бытуют стихи-молитвы, стихи-покаянные. Обычная структура таких стихов — монологическое повествование от первого лица, то есть от лица умершего человека, который делится с живущими своими ощущениями, наставляет их.

Научи меня, Господи, славить тебя

Научи меня, Господи, славить тебя,
Научи меня, Боже, молиться,
Научи исполнять твою волю, любя,
Дай силы на пользу трудиться.
Дай стряхнуть греховое бремя своё,
Дай исполнить всё пред тобою,
Дай помощь, святейшее имя твоё,
Без тебя я не справлюсь с собою.
Без тебя я ничтожна, как червь на земле,
Без тебя моя жизнь не в отраду,
Без тебя я погибну, погибну во тьме,
Без тебя буду жертвою аду.
Иисусе святейший, помилуй меня,
Как творец над творением сжался,
Как спаситель, спаси от геенны огня
И как врач, моих ран не гнушайся.
Исцели, излечи мою бедную душу скорей,
Прими во грехах покаяние.
О, слышишь, мой Боже, я здесь, у дверей
Твоей милости жду подаянья.

(Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., п. Пожва).

Текст близок к распространенному песнопению «Слава Богу за всё», приписываемому монахине Антонии.

Я устал, иду к покою...

Я устал, иду к покою, Боже, очи мне закрой.
Ты с любовью будь со мною, будь хранитель верный мой,
И сегодня, без сомненья, я виновна пред тобой.
Дай душе грехов прощенья, телу — сон, душе — покой.
(Зап. от Старцевой М.Н., 1928 г.р., п. Пожва).

В других территориях известно использование текста как эпиграфии — с добавлением «Тише листья, не шумите, не мешайте душе спать. Скоро Бог её разбудит, на суд страшный нужно встать» (Псковская область).

Небесный ангел мой...

Небесный ангел мой, прошу храни меня!
В пустыне жизни, посторонних не вина,
Свечой горю, от лютой хвори таю,
И где души найти спасение, не знаю.
Мне бездна черная объятя открывает,
Отчаянно борюсь, но силы не хватает.
Хранитель светлый, дай своё крыло,
Дай опереться мне, коль так не повезло.
Дай силу обрести, надежда на тебя,
Пожалуйста, прости и сохрани меня!
(Зап. в с. Крохалево).

Приписывается стих поэтессе из Уссурийска Н.И. Исаковой, публиковался в церковных вестниках). В ряде записей иногда варьируется зачин — строка «Хранитель ангел мой» заменяется обращением «Небесный ангел мой».

Может, кажется, крест твой тяжел...

Может, кажется, крест твой тяжел,
Не по силу тебе поддаётся.
Ничего никому не скажи —
Все от Бога нам, грешным, дается.
Наши годы пройдут, все друзья отойдут
Незаметно подкрадется старость.
Но всегда ты тверди и всегда говори:

Слава Богу, за скорбь и за радость!
Слава Богу, за все, слава Богу, за все,
Слава Богу, за скорбь и за радость!
(Зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево).

В основе стиха мотив христианской притчи о человеке, который просил у Бога более легкого креста, но, попробовав разные кресты, выбрал свой, прежний. Иносказательно в ней говорится, что человеку не даны беды, которые ему не под силу преодолеть. Вариант распространенного стиха о премудром старце, который говорил, что «все Господь нам дает для спасенья души... Когда будут печаль, и болезни, и скорбь, или в чем-то страдать нам придется, никого не вини, а всегда говори: все от Бога нам грешным дается».

Сорок дней душа ходила...

Сорок дней душа ходила, все заставушки прошла,
Ангел Божий стоит в зале у Святителя-Творца.
Душеньку за руку взяли и к престолу повели,
Господь спросит душу грешну, его добрые дела.
Как начнёт она метаться, во все стороны зырять,
Во все стороны зырять, а себе помощи искать.
Уж вы, сроднички родные, помолитесь за меня.
Мне сегодня день решенья, куда Господь определит.
Если Богу я служила, то душе приличный рай.
Если Бога прогневала, вечно мука для меня.
(Зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег).

Стих исполняют на сороковины. Вариант последней строки: «Если богу не служила, душе вечной нет конца» (зап. в д. Тюмень). Стих «Здесь духовная беседа», известный по сборникам с середины XIX века. Стих поется на 40-й день и представляет собой монолог души, рассказывающей о том, как она ходила на Суд к Богу, как проходила мытарства (лебенки-заставушки), как ей помогал ангел-хранитель. Глагол зырять — искаженное взирать.

Оставайтесь, Боже с вами

Оставайтесь, Боже с вами, огражу я вас крестом,
Я к вам больше не вернуся, я заснула крепким сном.
И спасибо вам, родные, помянули вы меня,

Деньги не трать на помины,
лучше в церкви святой помяни,
Свечи, панихидны, обедны ты почаще ко мне подавай.
Если сам это не сможешь, людей добрых об этом проси,
Ты в этом мне много поможешь,
трудный путь мне пройти облегчишь.
Если хочешь ты гроб мне украсить,
то венков и цветов не клади,
Только крест на могилку поставишь и берёзку ещё посади.
Годы пройдут за годами, и память со мной не уйдёт,
А берёзка своими ветвями разных птичек к себе призовет.
На могилке весенней порою,
рано утром, как солнце взойдёт,
Та берёзка наклонится к дому,
птичка нежную песню споёт.
(Зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино).

Иногда стих заканчивается словами: «И прохожий заслушаться может, а прислушавшись, дальше пойдёт».

Поминайте, братья, сёстры...

Поминайте, братья, сёстры, поминайте всякий раз,
Только ваши поминанья облегчают всех здесь нас.
Поминайте, братья, сёстры, вы с любовью меня,
И простите, чем виновен, может быть, пред вами я.
Поминайте хлебом-солью, даже чистой водой,
Поминайте добрым словом, будет всё передо мной.
Ещё чаще поминайте, моя милая семья,
Я служил вам безотказно, не забудьте про меня.
Приходите чаще в церковь, я с любовью жду вас там,
И с отцом духовным вместе помолитесь небесам.
Мне не страшно, что со света я навеки отошёл,
Только страшно, что с грехами я ко Господу пришёл.
И теперь я, мои друзья, предстою я перед ним,
Поминайте и молитесь, чтобы вечно быть мне с ним.
Не скорбите, братья, сёстры, ты не плачь, моя семья,
Всех я встречу вас, поверьте, все смертны, как и я.
(Зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино).

Исполнительница отмечает: «Эти стихи исполняют, когда хоронят и когда поминки».

Где цветочек тот прекрасный...

Где цветочек тот прекрасный, что долину украшал,
Дунул ветер и ненастье, и цветок, увы, завял.
Так и я скоро завяну, скоро жизнь моя пройдёт,
Прахом я, землёю стану, имя с жизнью сойдёт.
Кедр высокий с облаками наравне вчера стоял,
Ныне вверх лежит корнями, бурный ветр его сорвал.
Погребенья песнь унылу кто услышит надо мной,
Оросит ли кто могилу горестно своей слезой.
Кто усыплет гроб цветами, с сожаленьем кто вздохнёт,
Чужд и хладными ногами беспечально прах сотрёт?
(Зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино).

Начало как в народной песне о измене «Потеряла я колечко»: «Где девался тот цветочек, что долины украшал». Образ поверженного кедра скорее имеет литературное происхождение — отмечен в стихотворении неизвестного автора (опубликовано в 1879 году). Иногда авторство приписывается преподобномученице Тамаре (Сатси), род. в 1876 году, погибла в исправительно-трудовой колонии Чувашии в 1942 году:

Всё со временем проходит — горе, счастье пролетит.
К разрушенью все стремится — кто сей доли избежит?
Кедр высокий с облаками наравне вчера стоял,
Ныне ж вниз лежит ветвями, бурный ветр его сломал.
И цветочек сей прекрасный рощу кедров украшал,
Ветер дунул вдруг ненастный, и цветок, увы, завял.
Так, друзья, и мы увянем, скоро век наш пробежит;
Расцветать мы перестанем, когда дух наш отлетит.
Здесь, гуляя, гость любезный, между кедров и цветов,
Помни рок свой неизбежный; берегися от грехов.
И почаще ты молися здесь, в обители святой,
Благо делать не ленися, и обрящешь ты покой.
Ждет тебя страна иная, счастье вечно там живет,
Там на небе блага рая твое сердце обретет.

Для всех солнце светит...

Для всех солнце светит, а для меня нет,
Я лежу в могиле и не вижу свет.
Вокруг меня тихо, а надо мною Бог,

Не давит меня крышка, не тесна доска;
Умолкли все скорби, отошла тоска.
Сырой и глубокий вырыт мне приют
Многими грехами, о, как тяжело тут.
Боже, всё прошло былое, ветер пыль унёс.
Жду трубы гласящей и тебя, Христос.
Уснула я навеки непробудным сном,
Сердце уж не бьётся и не слышен звон.
Глаза уж закрываю — прощай белый свет,
Прощайте, все родные и мои друзья,
Обитель мне готова — мать сыра земля.
Вырыта могила в южной тишине,
Не плачьте вы, родные, тяжело будет мне.
Проходи, прохожий, помани мой прах,
Я теперь уж дома, а ты ещё в гостях.
Могильная прохлада для всех она страшна,
Но неизбежно надо готовиться туда,
Куда наши предки давно уже ушли,
Пойдут наши детки, пойдём туда и мы.
От смерти откупиться никому нельзя,
А под землёй гноится как богатый, так и я.
Богатство наживаем — это прах земной,
Смерть придёт — подкосит, труд земной пропал;
Каждый тут всё бросит, что много загребал.
Но трудиться надо, надо чтобы жить,
Господу молиться и ближнего любить.
Иду я дорогой, оглянусь назад,
И вижу, злые духи на меня глядят.
Гордым своим взором всяк меня манит,
Ангел мой хранитель путь мой сохранит.
Ангел отвечает: не страшись, душа —
Путь тебе открытый прямо к небесам.
Ты терпела скорби жизни на земле,
Ты молилась Богу с чистою душой.
На земле оплакать надо грех нам свой,
Чтоб не потерялся вечный твой покой.
Отче, ты, Владыко, помоги ты мне,
Дай, чтоб не погибнуть в огненной реке.

(Зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино).

Душа ты моя грешная...

Душа ты моя грешная, погрязи на грехах,
Несчастливая ты бедная, смердит пред Богом прах.
Ты чистою совестью была сотворена,
Жизнью греховною теперь омрачена.
Какой ответ ты Господу отдашь в своих делах,
Жизнь вела беспечную, не каялась в грехах,
Добрых дел не делала, в лени жила,
В лени и гордости всю я жизнь вела.
Проснись, душа грешная, от лени и сна,
Пока ещё ты Господу на суд не позвана.
Слёзы покаяния ты Богу принеси,
Умой грехи рыданием, прощенья проси.
(Зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево; *«Когда душу
проводят, поют»*).

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ЮСЬВЫ

В разделе приводятся описания наиболее интересных и оригинальных для данной территории календарных традиций. Первое, что следует отметить, — в местной календарной обрядности хорошо заметен синтез христианских и более ранних традиционных верований. Показательна в этом плане календарная обрядовая традиция коми-пермяков с. Купрос, которая обращает на себя внимание обилием православных праздников, проведение которых имело свои особенности и было связано с привнесением в событие христианского календаря местных дохристианских ритуалов: *«Мы в Семик сходим на кладбище, и в Успение сходим, остатки пирога с кладбища приносим, скормишь потом корове, чтобы домой ходила»* (зап. от Бычковой А.Г., 1930 г.р., с. Купрос). Обычай посещать умерших в этот день и получать от них некие блага, скорее всего, связан с тем, что само слово успение на современный русский язык можно перевести как «смерть-усыпание». Христианское представление о том, что обычная человеческая смерть не коснулась Богородицы (которая и по смерти «усыпает», пребывает живою, вселившись в небесное нетленное жилище), в данном случае было осмыслено народной верой вполне архаически и перенесено на всех умерших, которые продолжают участвовать в жизни общины и так или иначе воздействовать на неё.

Достаточно любопытный ритуал, отмеченный в с. Купрос, связан с праздником Петров день: *«В Петры и Павлы опять у кого имя Петр или Павел, дак тех на руках в этот день качали»* (зап. от Швецовой А.Е., 1924 г.р., с. Купрос). Известно, что в народном календаре Петров день составляет вместе с праздниками Аграфены Купальницы и Ивана Купалы единый праздничный цикл, распространяющийся

на кульминационный момент в жизни природы — полный расцвет природных сил (осмысляется как его завершающий этап), в связи с чем в обрядово-мифологическом плане содержит ряд ритуальных действий, соотносенных с идеей плодородия, более характерных для Ивана Купалы. Отмеченное ритуальное действие — качание на руках, подбрасывание вверх кого-либо — известно многим народам. В Европе принято подбрасывать именинника в воздух столько раз, сколько ему исполняется лет (плюс один раз на удачу), на второй и на третий день пасхи в Англии существовал обычай подбрасывать в воздух людей противоположного пола. У казахов на свадьбе подбрасывают вверх сватов (на ковре). Наконец, хорошо известен обычай подбрасывать вверх забившего гол футболиста, жениха на свадьбе, студента, успешно сдавшего экзамены. У коми-пермяков до сих пор сохраняется обычай подбрасывать вверх новобранца, уходящего в армию. Символический смысл действия связан, вероятно, с тем, что отрыв человека от земли осмыслялся как его переход во власть высших сил (в большинстве случаев так славят, в том числе и при подбрасывании вверх умершего — Индонезия).

Отмеченное чествование мужчин с именем Пётр и Павел с одной стороны иллюстрирует хорошо известную суть праздника Петров день как сугубо «мужского», а с другой — отражает достаточно архаичное народное представление о имени человека. День рождения в прошлом часто совпадал с днём, который сейчас мы считаем именинами (день памяти святого, чьё имя было дано человеку при крещении). Выбирая имя для новорожденного, раньше было принято называть детей именем того святого, почитание которого выпадало на день рождения ребенка (считалось, что в этом случае ребенок будет под покровительством этого святого). Православный праздник памяти первоверховных апостолов Петра и Павла, таким образом, соотносится с людьми, носящими их имена. Их чествование, осмысленное позднее как ритуально-условные забавы-бесчинства, выступает как своего рода способ контакта с обожествленными святыми.

Специфические формы отличают в Купросе многие календарные праздники. В Масленицу, в частности, здесь отмечено не просто пародийно-шутливое ряженье, как в общерусской традиции, а ряженье, напоминающее святочное: *«В Масленицу одевали вывернутую шубу, наряжались*

тут: мешок сделают, шапку вывернут и идут по деревне. Их имают (=ловят), смотрят, кто это ходит» (зап. от Гордеевой Л.Н., 1932 г.р., с. Купрос). На праздник Сорока Святых, по местному, день Сороки, (памяти Сорока святых мучеников, 22 марта) к празднику готовили не меньше сорока ковшей браги, пекли булочки или печенье в виде птиц, называя их уточками (этих птичек оставляли на божнице или на окне): *«К Сорока святых, дню Сороки старые стряпали всякие птички, круглешки простые из теста»* (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос). В русской традиции птиц, символизирующих (и магически «стимулирующих») приход, начало весны, обычно называли иначе — птички, жаворонки, кулики, сороки, воробышки; с уткой обычно соотносилась идея женского начала.

Соотносятся с общерусскими в местной традиции ритуалы Васильева вечера (*«Маленькие ещё под стол ползали, зернышки искали, вот найдёшь, дак год урожайный будет, дети лазили. Мама вымоет все, ячменя бросит, пшеницы, вот ты и лазаешь, кое первое зерно найдёшь, такой урожай и будет. На Васильев вечер кости варили»*) (зап. от Швецово́й А.Е., 1924 г.р., с. Купрос), святочные гадания (*«Гадать с коточиком. Если замуж выходить, то под подушку положить коточик, вот лапти-то делают. И кто жених будет, придёт к тебе просить этот коточик. Ещё и ключи могли класть, вот замок закроют, и ключ под подушку положат»*) (зап. от Гордеевой Л.Н., 1932 г.р., с. Купрос), празднование Троицы (*«Еще в Троицу под окно березку ставили, ее вырубали парни, ходили в лес, девки украшали ленточками. Под берёзку клали траву»*) (зап. от Гордеевой Л.Н., 1932 г.р., с. Купрос); *«Березку около дома ставили. Около своего. Кругом вокруг березки ходили. Тут и замужние приходили. Поймаются за руки и ходят кругом»* (зап. от Швецово́й А. Е., 1924 г.р., с. Купрос); *«В Духов день ничёго нельзя делать: сор нельзя брать даже, землю. В Духов день отдыхаем»* (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос).

Местный колорит особенно ощущается в ритуалах пасхального цикла. С Вербным воскресением связаны прежде всего ритуальные действия с вербой: *«В субботу вербу приносим к иконам ложим, цветы когда делаем, на вербу цепляем, чтоб красивше было. На вербу наvertели из бумаги, тряпок»* (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос); *«В Вербно вос-*

кресенье вербочку в святую воду поставишь» (зап. от Гордеевой Л.Н., 1932 г.р., с. Купрос). Подчеркнутый ритуализм манипуляций с вербой ощущается в молениях на вербу (за каждую распутившуюся почку растения): *«Старые люди говорили ещё, если много вербы, надо на одну почечку делать сорок поклонов перед божничкой. Много-то не надо. Потом вербочка стоит до шестого мая, вербочкой этой в Егоров день надо скота провожать»* (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос).

Другие символы Пасхи — соль с Великого четверга (*«Солью овечек напою в Велик четверг, сама поем»*) (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос), пасхальное яйцо (*«Которо красившее яичко, выберешь, да к богу положишь»*) (зап. от Гордеевой Л.Н., 1932 г.р., с. Купрос); *«Вот помню, проснёмся в Пасху, мама каждому по яичку положит, нас шестеро было, шесть яичек и положит в кровать-то. Христосовались еще тут: «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!»* (зап. от Бычковой А.Г., 1930 г.р., с. Купрос). Действия с пасхальным яйцом разнообразны и в целом соотносимы с их ритуальным использованием в Прикамье в целом. *«На Пасху яйца красили луковой шелухой и синей ромашкой, вот они на поле растут — василёк. Красками тоже красили»* (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос). *«Какая семья — там двадцать яичек положишь в шелуху-то луковую, вот что кому случится, дак яичко-то не красится»* (зап. от Гордеевой Л.Н., 1932 г.р., с. Купрос). *«Яички красим, если, говорят, не красится, чё-то, говорят, скот, чё-то будет, скот пропадёт, если яичко не красится на Пасху, а на Семик не красится, значит, человек умрёт. От бури, грозы, ветра. Надо на мосту стоять и пасхальные яички кидать со словами «Во имя отца и Сына и Святого Духа. Аминь»* (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос). *«Бросали яички пасхальные на крышу, чтобы ветер утих»* (зап. от Братчиковой М.С., 1932 г.р., с. Купрос). *«От грома яички пасхальные выносили и помело, вот в печке-то выметаешь, вот его ещё, откуда туча идёт, вот туда бросали. А выносили из дверей. А гроза пройдёт, обратно всё занесут»* (зап. от Гордеевой Л.Н., 1932 г.р., с. Купрос). *«От бури, грозы, ветра надо на мосту стоять и пасхальные яички кидать со словами «Во имя отца и Сына и Святого Духа. Аминь»* (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос). Кроме крашенных яиц, готовили на Пасху рыбный пирог и селянку.

«Рыбный пирог тожо, и эту же яичницу из яичек давали — селянку. Селянку делают, яички молоком заляют да запекут» (зап. от Швецово́й А.Е., 1924 г.р., с. Купрос).

Ритуальные действия пасхального цикла разнообразны. В Купросе отмечена ритуальная гостьба в Вербное воскресенье: *«Вербное — вот, к соседке иду с вербой в Вербное воскресенье утром: «Верба, встань! Верба, встань!» Она выходит, а я ей дарю эту вербу со словами. Потом эту вербу ставишь к божничке. Цветочками украшали, крашеную бумагу тут делали»* (зап. от Швецово́й А.Е., 1924 г.р., с. Купрос). Как и в ряде других мест Юсьвинского района, в Купросе до сих пор ощущается достаточно жесткий запрет на визиты гостей-женщин до обеда в Великий четверг; наоборот, пришедших с утра мужчин полагается основательно угощать (*«Удача это. А баба придет первая, ее вытолкаешь, чтоб не ходила. А мужики нагостятся с утра, после обеда их не видно даже, пьяные. Только женщины»*) (с. Архангельское).

На Великий четверг символически считают деньги, перемеривают одежду, даже «собирают» грибы в огороде. *«На Великий четверг в трубу я овечек гаркаю: «Бальки, бальки». Чтоб летом домой ходили»* (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос). *«Утром рано ушли, стреляли, чтобы медведь коров не ел летом. Это я слыкала у бабушек, у дедушек. В Великий четверг, говорят, стреляют»* (зап. от Братчиково́й М.С., 1932 г.р., с. Купрос). Одно из главных событий Пасхи — призывание Христа: *«Христоса позову. Ночью, после двенадцати: «Христос воскресь, Христос воскресь!» — «Во истину воскресь!» Молишься богу. Позвала Христоса, в три часа встала, свечки зажгла»* (с. Купрос).

Обязательны были в прошлом пасхальные фонарики для яиц из соломы. *«На Паску еще фонарики делали из соломы, красные, розовые, черные тряпочки еще сделают, в середину яичко сделают. Один большой, а по бокам маленькие делали фонарики»* (зап. от Швецово́й А.Е., 1924 г.р., с. Купрос). *«Из соломы на Паску фонарик делали, треугольники такие, там еще в главный-то положат яйцо»* (с. Купрос). *«Когда Пасха, дак из соломы делали, красиво так, соломки блестящие, желтые, на солнышке-то блестят. Вот повесишь, а там, в середине, яйцо, а по краям-то ещё из соломы тоже висят, под матицу делают или если низко матица, дак к иконе вешали»* (зап. от Гордеево́й Л.Н., 1932 г.р., с. Купрос).

Ещё одно обязательное пасхальное занятие — качание на качелях, символически, как известно, соотносимое с идеей вознесения на небо. *«На Паску качули ставили. Когда качались на качули, соломенный мяч бросали на ноги человеку. Кто поймает этот мячик, тот опять садится качаться. Мяч из соломы сделают как наподобье мяча, шпагатом или чем-то кругом заделают. У нас во дворе висела не с двух концов качуля, там просто ещё доску делают небольшую — по одному человеку качались. Одноколка называлась. Качулю делали большую, и одноколку делали. На одноколку вот соломенный мяч и кидали в Пасху-то, игра такая была. Соломенный мяч бросали на ноги, кто поймает этот мячик, тот садится качаться»* (зап. от Швецово́й А.Е., 1924 г.р., с. Купрос).

Таким образом, в христианской календарной обрядности жителей конкретного населенного пункта отмечается сильнейшее влияние народного календаря русских других территорий Прикамья, что объясняется активностью контактов русских и коми-пермяков на территории края. В ряде случаев отмечается свободное включение ритуалов одного праздника в другой. Достаточно заметны здесь и разнообразные дохристианские ритуальные элементы.

Ниже приводятся сведения о календарных обрядах разных территорий Юсьвы — от зимних до осенних. В описание включена и приуроченная к тем или иным праздникам фольклорная и игровая традиции.

1. Зимние праздники и обряды

В памяти местного населения сохраняется чествование Зимнего Егория (9.12) — в Мурманске праздновали *Егорий* (зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурманск). Этот день народного календаря хорошо известен в обрядности славян, считалось, что в этот день *«Егорий отпускает на волю волков, и они могут нападать на всякий скот»*. Более известным считался *Никола зимний* (19.12). *«Никола праздник бывает 19 декабря. А что на стол-то раньше было ставить? Картошка, мясо было, суп поставишь, пельмени делаешь с мясом, шаньги, пироги делали ретешные, морковные, мясные делали пироги, рыбные. И шуку делали. Тесто сделаешь кругом, целую нало-*

жишь, а потом как испечешь дак, тогда только разрезаешь. Головой в разные стороны. Первую корочку снимем все, а потом разрезаешь рыбу и кусочками берёшь. Пили пиво» (зап. от Бушуевой А.Н., 1926 г.р., с. Купрос).

Время от Рождества до Великого поста коми-пермяки характеризуют термином *Кыквичко*. *«Кыквичко это от Рождества до Крещения. В эти дни девок снаряжали к свадьбе де»* (д. Дмитриево).

Рождество (07.01)

В некоторых деревнях района отмечали Рождество мужское (07.01) и женское (08.01): *«В Рождество седьмого мужской день, восьмого — женский, говорят»* (с. Архангельское). В женское Рождество ходили по гостям только женщины (вероятно, связывая праздник Богородицей, родившей Иисуса Христа, хотя известны и другие объяснения: *«Адам первым родился, а потом уж Ева, вот поэтому сначала мужское Рождество, а потом женское»* (Кагулево, зап. от Кылосовой В.И. 1926 г.р.).

Особое обрядовое поведение касалось самых разных сторон быта. *«Вот перед Рождеством еще на печке парили ноги свињи»* (зап. от Механошина г. г., 1937 г.р., Мочга). *«В два поста куриц утром не кормили: перед Рождеством и Великим, чтобы курицы в огороде не таскали ничего»* (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). *«Рано утром не кормили перед Рождеством куриц. Мама всегда говорила, у курей два поста, это перед Рождеством не кормили, чтобы в огороде они не ходили, и перед Крещением. Так вот два поста. У курей два поста»* (д. Дмитриево).

«Раньше вон как Рождество идёт, играли, по домам ходили, славили. И эта молодаяжка, все девушки и молодежь собирались каждый день» (зап. от Боталовой Л.В., 1925 г.р.) *«Славили по домам, тропарь тут пели ещё: «Христос рождается. Славите Христос, небо, здравствуйте Христос. На земле возноситеся, пойте Господу вся земля и веселие. Господь ... яко прославимся, Рождество твое, Христе божий наш, воссияй вера и светла разума». В избу зайдут и славят. Им, значит, кто-то деньги даст, кто-то конфетки даст, кто чё. Вот они славили. И уходили. Сколько дашь, они не обижались»* (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

Рождественские игрища

«Хороводы водили на Рождество большие. Мы-то уж не водили, а вот старые люди водили. Они всегда нас приглашали» (зап. от Боталов П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово). *«Бабушка всё говорила на игрища идут, первую песню поют: «Девка стоит, во все стороны глядит»* (с. Архангельское).

«На Рождество играли: солону занесёшь, и там по кругу сватаются. Придут молодые парни, девушки, всякие старики ходят, поют, пляшут. Вот кого сватаются, знают ведь, у ково пара-то есть, и вот песни поёшь такие свадебные. А если Рождество, соберутся и женищины, и девушки, и парни, все и у кого большой дом и в этом доме игрища устраивали. Там «Бояра», «Лён сеют», «Просо» и чего только не напридумывают» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино).

«Просо»

Вот тут опять тоже песня есть. «А мы просо сеяли», — «А мы, — говорят, — вытопчем». — «А как вы вытопчите?» — «А мы коней пошлём». В этой же песни всё. Просто навстречу идут, приплясывают. Молодые парни целуют девчонок, выбирают себе.

— А мы просо сеяли, сеяли,
Ой, ти града сеяли, сеяли.
— А мы просо вытопчем, вытопчем.
Ой, ти града вытопчем, вытопчем.
— Чем же вам вытоптать, вытоптать?
Ой, ти града вытоптать, вытоптать.
— А мы коней выпустим, выпустим,
Ой, ти града выпустим, выпустим.
— А мы коней припутом, припутом.
Ой, ти града припутом, припутом.
— Чем же их припутать, припутать?
Ой, ти града припутать, припутать.
— Шелковым поводом, поводом.
Ой, ти града поводом, поводом.
— А мы повод вырежем, вырежем.
Ой, ти града вырежем, вырежем.
— Чем же вам вырезать, вырезать?
Ой, ти града вырезать, вырезать.
— У нас ножи острые, острые,
Ой, ти града острые, острые.

— Где вы ножи точили, точили?
Ой, ти града точили, точили.
— Во кузенке точили, точили.
Ой, ти града точили, точили.
— Что же вам надобно, надобно.
Ой, ти града надобно, надобно.
— Нам надо девицу, девицу.
Ой, ти града девицу, девицу.
— Что же нам дарите, дарите?
Ой, ти града дарите, дарите.
— Мы вам дарим сто рублей, сто рублей.
Ой, ти града сто рублей, сто рублей.
— Нам надо тысячу, тысячу.
Ой, ти града тысячу, тысячу.
— Тысяча, тысяча.
Ой, ти града тысяча, тысяча.
— Вот вам и девица, девица,
Ой, ти града девица, девица.
— В нашем полку убыло, убыло.
Ой, ти града убыло, убыло.
— В нашем полку прибыло, прибыло.
Ой, ти града прибыло, прибыло.
— В нашем полку пиво пьют, пиво пьют.
Ой, ти града пиво пьют, пиво пьют.
— В нашем полку слезы льют, слезы льют.
Ой, ти града слезы льют, слезы льют.
— В нашем полку плакали, плакали.
Ой, ти града плакали, плакали.
— В нашем полку скакали, скакали.
Ой, ти града скакали, скакали.

Девушки в два ряда стоят друг напротив друга и одни спрашивают, вторые отвечают. Вот так заканчивается (с. Архангельское).

«В саду девки»

Вот ещё игра не игра, хоровод такой. Все мужики сидят по лавкам, а женщины песни поют, рождёские песни:

В саду девки,
В саду красны,
В саду девицы гуляли,
В саду красные плясали.

И цветы рвали,
И цветы рвали.
Цветы рвали со травами,
Цветы рвали со травами,
И венки вили,
И венки вили.
Венки вили с городами,
Венки вили с городами.
А одна девка,
А одна красна,
Одна девка говорила,
Одна красна баяла:
— А кому же я,
А кому же я,
Кому я достануся,
Кому я достануся?
А достануся
А достануся
Достанусь я, девица,
Достанусь красавица
Мужу старому,
Мужу старому,
Старому, горбтому,
Старому, горбтому.
И мы также будем,
И мы также будем
Со старым в постели спать,
Со старым в постели спать.
А постелю я,
А постелю я.
Постелю постелюшку,
Постелю постелюшку
Ровно три ряда,
Ровно три ряда,
Три ряда рядочка,
Три ряда рядочка.
А четвертый ряд,
А четвертый ряд
Каменю колючую,
Каменю колючую.
К изголовушку,

К изголовушку
Чурочку пихтовую,
Чурочку пихтовую.
Спи, мой, спи, мой муж,
Спи, мой, спи, мой муж,
Спи, да рассыпайся,
Спи, да рассыпайся.
От век и до веки,
От смерти до смерти.

«Такую песню пели в Рождество, брались за руки и круга водили по избе. Ходишь, ходишь в одну сторону, потом повернешь и в другую сторону» (Зап. от Боталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

«Сидит молодец на стуле»

«Вот мы маленькие были, тогда никакого клуба у нас не было, собирались в домах. Одинокие женщины у нас были, вот у них или пустой дом был, его брали. Мы мыли там все, убирались. И вот там играли в разные игры. Вот помню «Сидит молодец на стуле».

Сидит молодец на стуле,
Сидит молодец на стуле,
Люли-люли, ой на стуле,
Люли-люли, ой на стуле.
Держит девок на коленях,
Держит девок на коленях,
Лады-лады, на коленях,
Лады-лады, на коленях.
— Ты топчи, топчи, уснула,
Ты топчи, топчи, уснула,
Лады-лады, да уснула,
Лады-лады, да уснула.
Чуть уснула — перестала,
Чуть уснула — перестала,
Лады-лады, перестала,
Лады-лады, перестала.
Перестала, поцеловала,
Перестала, поцеловала,
Лады-лады, поцеловала,
Лады-лады, поцеловала.
Поцелуйтесь раз пятнадцать,

Поцелуйтесь раз пятнадцать,
Лады-лады, раз пятнадцать,
Лады-лады, раз пятнадцать.

«Парень-то с девушкой тут целуются. По кругу идут, а они сидят на стуле, а вокруг которые идут, поют. Парень сидит на стуле, а девушка на коленях у него. Эти по кругу ходят, они за руки держатся. Сначала в одну сторону, потом в другую. Как только они допели эту песню, парень девушку целует. А потом они встают, и другая припевка есть. Забыла ее. Это на Рождество в эту игру играли. Парень девушку целует, и они вместе уходят. Потом другая пара садится. Их не выбирают, они сами садятся. На колени к нему, она боком садится. Ноги в ту сторону, голова — в эту. Ноги на правую сторону». (Зап. от Боталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

«**Ваню**» играли ещё. Тоже с песней:

Ходит Ваня по полу, по полу,
Да пальто носит до полу, до полу,
Люди скажут: «Чей такой? Чей такой?»
Маня скажет: «Мой милой. Мой милой.
Мой милой, дорогой, поцелуемся с тобой
Разойдемся, так и знай».

«Эту припевку поют, споют, и они целуются».

(Зап. от Боталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Вторая игра «**Плетень**». Тоже по кругу идут. Первый который по кругу идут и последний: «Заплетайся, плетень, заплетайся». Между последним и предпоследним вот сюда заходят, держатся под руки. И вот, все проходят, и которая вот последняя, она руку вот так держит. То есть, получается, воротца прошли, и рука-то как закинута оказалась. Вот так заплелись:

Заплетайся, плетень, заплетайся.
Завяжи все узлом, завяжи все.
Крупчатная, крупчатная,
Да не в мои ворота, да не мои широки,
Да не утя шла, да не сера шла.
Туту шла, прошла красна девица-душа.
Из-за гор, гор девичьих(?),
Из-за синего моря,
Не гусей загоняла,

Лебедей заставляла.
Да сама с гуськом, сама с лебедем,
Со своим старичком,
С рыболовщиком, перевозщиком.
А потом снова начинается:
Расплетайся, плетень, расплетайся,
Развяжи все узоры, развяжи все.
Крупчатная, крупчатная...

И вот снова заходят и расплетают. Ее на Рождество тоже играли (зап. от Боталовой А. А., 1934 г.р., с. Юсьва).

«Заплетайся, плетень, заплетайся»

Я гусей догоняла,
Лебедей заставляла,
Лети, гуси, домой,
Серы, малы, домой.
Сама с гуськом,
Сама с лебедем.
С уставным старичком,
С уголовщиком,
Перевозщиком.

Эта игра — друг за друга держатся девушки, и ходят по кругу под эти песни. За плечи держатся, как бы закручивают. Образуется круг. С Рождества до Крещения собирались на игрища (д. Сивашер).

«Бояра» тоже можно на Рождество. С одной стороны, где невеста, девки сидят, а с другой стороны — парни, где сватовша, те, кто свататься приходят. Вот они начинают:

— Бояра, да мы до вас дошли,
Да, молодые, мы до вас дошли.
— Да вы зачем же, зачем,
Да, молодые, вы, зачем же пришли?
— Бояра, да мы де свататься пришли,
Да, молодые, мы де свататься пришли.
— Да у нас нет невест,
Да, молодые, вы, да у нас нет невест.
— У вас много невест.
— Да недоросточки.
— Да переросточки у вас.
— Покажите жениха?

Тут выводят и показывают жениха:

— У вас буйный жених:

Он по баням спал,

По сараям спал.

— Он в баню париться ходил,

Коням сено давал.

Потом говорят: «Покажите нам рубашку, брюки, можно валенки». Валенки — это последнее тогда. «У вас валенки, — говорят, — бесподошвенные». А те отвечают: «У нас троекатанные». Тогда уже невесту позволяют ему выбрать. И он выбирает. Выберет, и они за руки берутся. И можно вот эту песню спеть «Ходит Ваня по полу». Можно и пританцовывать, кто как может. Они сидят, когда поют (зап. от Боталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Игра «Селезень да утки»

Селезень да утки ловит,

Молодой да за серой ходит.

— Пойдем, утица, домой,

Пойдем, серая, со мной.

У тя семеро детей,

Да восьмой селезень,

Да девятая кума,

Да десятая хрома.

Парень тут забирает свою утицу и уходит. И на этом песня кончается. Можно стоять по кругу, можно сидеть. Вот они сидят здесь на скамеечках, а он подходит и поет эту песню. Он берет свою девку и уходит. Куда-нибудь уходят, в сторону. А потом следующий начинает (зап. от Боталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

«Хрен мой, хрен».

Девушки стояли у двери, держась за руки. Человек десять-пятнадцать, если их было много. Стоят, друг за друга держатся и поют песню:

— Хрен мой, хрен,

Садовой мой хрен,

Кто тебя сеял,

Кто поливал?

— Меня сеял Иван,

Поливал Селиван.

Селиванова жена
Хрен охаживала,
Хрен охаживала,
Угораживала.
— Ты расти, расти, коса,
Расти до пояса.
Девка белица да румяница,
Без того девка баска
Да румяна, хороша.

Сейчас парни сидят, сидят на лавочке, ждут. Ждут, когда их позовут. Сейчас девушкам говорят: «Ну, пора вам жениться. Выбирайте, выбирайте невест». А девушки говорят: «Выбирай кого хошь, кто тебе пригож». И парни смотрят, какая девушка им нравится. Первая не нравится, вторая, мальчики ждут, пока их позовут, когда очередь их дойдет до следующего. Парень подходит и говорит: «Стук. Стук». Так стучит. В двери стучит. Девушки говорят: «Кто идет?» А парень говорит: «Иван». И отчество, как этого человека величают, может, Иван Ильич, может, Иван Петрович. «Зачем пришел?» — «За невестой». — «Выбирай кого хошь, кто тебе пригож». И он тянет девушку, последнюю, первая все еще стоит. Если пятнадцать, то первая — это значит пятнадцатая. И девушку берет, и садятся на скамейку. И сидят. Потом следующие. Другой смотрит: «Ага, эта мне нравится девушка. Эту вытяну». Опять подходит: «Стук. Стук». — «Кто идет?» А сейчас уже, может быть, Василий. И так всех до одного тянут. Все садятся и ждут. Они сидят и разговаривают друг с другом. Чтоб они поцеловались, поют песню. Подходят водящие, два человека:

Верба, верба, вербочка,
Золотая веточка.
Как на этой веточке
Сидит канареечка.
Коля ходит по полу,
На нем шуба до полу.
Люди скажут: «Чей такой?»
Катя скажет: «Мой милой.
Мой милый дорогой,
Поцелуемся с тобой.
Ураза, ураза,
Целоваться три раза.

Щито, вито, редко,
Целоваться крепко».

Вот они пусть целуются. К следующему подходят, опять так. Они поцеловались и идут уже в круг, поют песню другую, рождественскую песню. Девушки отходят от парней, встают в круг и поют другую уже песню, которую все знают.

«Винная речушка»

Девки в кругу стоят, а парни уже сидят на скамейке, по одному.

Винная речушка, винная речушка,
В чистом поле бежала, в чистом поле бежала.
Как во этом чистом поле, как во этом чистом поле
Много винных ягод, много винных ягод.
Соберу я винных ягод, соберу я винных ягод.
Поднесу свекровке, поднесу свекровке.
— Ты поешь, свекровка, ягод, ты поешь, свекровка, ягод.
Не вкусно, не сладко, не вкусно, не сладко.
Лихой свекровушке, лихой свекровушке
Не смогла я сноровить, не смогла я сноровить.
Соберу я винных ягод, соберу я винных ягод,
Поднесу я свекру, поднесу я свекру.
— Ты поешь-ка, свекор, ягод, ты поешь-ка, свекор, ягод,
Не вкусно, не сладко, не вкусно, не сладко.
Лихому свекору, лихому свекору
Не смогла я сноровить, не смогла я сноровить.
Соберу я винных ягод, соберу я винных ягод,
Поднесу я мужу, поднесу я мужу.
— Ты поешь-ка, муж, ягод, ты поешь-ка, мужик, ягод —
Все вкусно и сладко, все вкусно и сладко.
Мужу дорогому, мужу дорогому.
Все смогла я сноровить, все смогла я сноровить.

(Зап. от Боталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

«Бористушка»

Вот еще одна игра есть. Два человека ходят. Девушки, водящие, в середине парень. И они ходят.

Ездил Бористушка, ездил Бористушка
По городочкам, по девичьим кружочкам.

(Девушки ходят по полу то в эту, то в эту сторону, вокруг парня).

Смекал Бористушка, смекал Бористушка
Ласкову тещу, приветливу свестью, хорошую
невесту.

(Девушки отвечают)

— Я тебе не теща, я тебе не свестья, моя дочь не
невеста.

(Которы ходят по коридору-то девушки, говорят)

— Что ино будет, что ино будет,
Как Бориса поженить, как Бориса поженить?
Ездил Бористушка, ездил Бористушка
По городочкам, девичьим кружочкам.
Смекал Бористушка, смекал Бористушка
Ласкову тещу, приветливу свестью, хорошую
невесту.

(Девушки опять отвечают)

— Я тебе и теща, я тебе и свестья, моя дочь невеста.

(Водящие, которые по коридору ходят)

— Слава тебе, Бог, слава тебе, Бог,

Вот Бориса поженили, вот Бориса поженили.

Борис выбирает невесту себе, выбирает девушку. Опять снова, раздаем остальных парням. Сейчас уже Бористушка сидит с невестой на скамейке. А водящие говорят, зовут на свадьбу:

На Бористушкину да на свадьбу, да на свадьбу,
Мы зовем да не торопим, не торопим.
У нас пиво не варёно, не варёно.
У нас брага не чижёна, не чижёна.
У нас гуси не тереблёны, не тереблёны.
У нас свињи не палёны, не палёны.
Мы зовем, зовем да не торопим, не торопим.
(Парни сидят и ждут сигнала, поют водящие)
На Бористушкину да на свадьбу, да на свадьбу,
Мы зовем, зовем да и торопим, и торопим.
У нас пиво-то уже варёно, у нас брага-то уже чижёна,
У нас свињи-то уже палёны, уже палены,
У нас гуси-то уже тереблёны, уже тереблены.

Сейчас водящие эти опять ходят, чтобы эти парни поцеловались (зап. от Боталовой А. А., 1934 г.р., с. Юсьва).

В праздник-то в январский еще играют, да поют, да пляшут. Старшие бабушки приходили, говорили: «Девушки, попляшите?» — «Гармошки нет», — «А ну-ка так, пляшите».

И бабушки начинают:

Уж ты, мать моя, мамонька,
Ты скатай-ка мне валенки,
Не велики и не маленьки,
Вот такие аккуратненьки.
Ходить по вечерочкам,
Молодым по девчоночкам.
Чтобы девки любили меня,
По вечерочкам водили меня.
Еще чуть не убили меня.
На полати-то уторкали,
И спину мою пошоркали.

(Зап. в с. Юсьва).

«В номера играли»

По два человека сидели, номера раздавали. Например, через пять: это пять, это десять. А можно по порядку: один, два, три, Один остается без пары. И он говорит, кричит - номер, например, десять. Он к этому подбегает, который без пары. Вот, допустим, я сказала: «Десять». А тот уже пятый был, и он стоит один. И он кричит уже, например, пятнадцать, может, двадцать, а может, двадцать пять. И опять бежит, а кто опоздает, кто медленно бежит, мы берем фантик: «Медленно шел, давай фантик, давай гребешок, давай часы, давай что у тебя есть». А потом будет выкупать. Водящий говорит задание: «Сходи на улицу, поцелуй вот эту девушку, или расскажи что-нибудь, стишок, или спой что-нибудь».

«Скомороха играть»

Скоморох идет по улице,
Скоморох идет по широке.
Он стучится, колотится,
Ночевать к девицам просится.
— Отпустите скомороха ночевать,
Отпустите молодого постоять
Да на теплую квартирушку,
Да на мягкую постелюшку.
На перину-ту пуховую,
На подушечку шелковую.

(Это как сватанье получается. А эти ему отвечают).

— Не отпустим скомороха ночевать,
Не отпустим молодого постоять.
Не на теплую квартирушку,
Да на мягкую постелюшку,
На перину-ту пуховую,
На подушечку шелковую.

(И потом уже третий раз эти поют, водящие).

Скоморох идет по улице,
Скоморох идет по широке,
Он стучится, колотится,
Ночевать к девицам просится.

— Отпустите скомороха ночевать,
Отпустите молодого постоять.
Да на теплую квартирушку,
Да на мягкую постелюшку.
На перину-ту пуховую,
На подушечку шелковую.

(Сейчас эти девушки, которые просто сидят, они отвечают).

— Может, пустим скомороха ночевать,
Может, пустим молодого постоять?
Что на теплую квартирушку,
Да на мягкую постелюшку.
На перину-ту пуховую,
На подушечку шелковую.

(И опять раздаем девушек. Девушки уже другим достанутся).

Кругальчи-мачельчи играть

Я в другую деревню хаживала, собирались в один дом, в доме всё придут, эти раньше были старые девы — они песни то знали, всякие старинные. Они в круг тоже встанут, вместе ставим, и кругом ходим. «Кругальчи-мачельчи, подайте на пельчи, на шильчи, на мыльчи, кругальчи». Кому надо отдать, вот кругом ходишь, вот и отдают, как замуж-ка отдают, мальчикам. Все стоят по кругу. У одного голову завяжут платком, вот он: «Стой», — скажет. Вот когда скажет: «Стой!» — там кого-нибудь кому-то отдадут. Такая у нас была игра на Рождество. Кого скажут эти взрослые девки, того и отдают. Тебя поймают и ставят. На колени сядешь, а он должен угадать, кого дали. Надо сказать. Угадал, дак всё хорошо (зап. от Шедовой Е.С., с. Доер).

Обрядовое ряжение

«*Маскируются с седьмого января до девятнадцатого, маскируются, бегают, представляются. Тут и чёрт вместе, говорят. Чёрт-то ведь невидимый, говорили так, что чёрт вместе ходит*» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). «*В страшные вечера маскаранные ходили по домам-то. А в святые вечера уже не ходили*» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег). «*Первые в избу вакулята заходят, за ними шли волки, да чё да*» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег).

Вакулят делать. «*Сковородник возьмем, всё сделаем, тут сделаем палку, тут шубу наденут сверху-то, и серая, и белая, всякая. Перевернут и перёдкой заходят в дверь-то. Всё время называли вакулята. Сковородник сзади, руку-ту сунут и заходит тут. Головку из деревяшки или шапки делают. Оденешь шапку на палку и держишь*» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег). «*На голову одевали сито. Три человека ходили, сито вертели руками*» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег).

Снаряжались в черта. «*Рога — деревяшка, у коровы рога ли. Лицо закрывали тряпкой. Как застучает, как забрякает. У черта борода, из шерсти. Лицо сажей мазали, и еще бороду сделаем. Хламину каку-нибудь сделаем, чё-то старое на себя*» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). «*Дети и взрослые маскировались: кто в чертят, кто ещё. Сажей мазали лицо, чтоб не узнали*» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). «*Рядились в черта. Рога из дерева делали. Ходили, но в дома не заходили*» (д. Евсино). «*Рядились в шубы перевёрнутые, черти-то*» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). «*Чёртиком рядились. Шубу перевернут, оденут, на голову что-то намотают. У чёртика рога*» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). «*Шубу выворачивали это как чёртика снаряжали. Шапку делали так сверху. Сито тоже ложили чёртику. Положат шапку и такое сито сверху. Рога делали из бумаги. Ланти как сможешь, так и одевают. Нету размера дак, можешь левую на правую, с правую на левую оденешь*» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). «*До Крещенья ещё бежали — маскировались. В чёрта наряжались, вот бороду делали, красились в чёрный цвет, а бороду с конского хвоста. Рога делали, скотину-то кололи, их брали*» (зап. от Неволиной К.И., 1923 г.р., д. Мочга).

Лошадь делали. «*Пряли раньше изо льна, большие такие, укрывались на покосе, пологи. Приходят, под стол забираются и со столом ходят вместе. Один вытацил голову наряжен-*

ную. Мужики под стол забираются. Наряжались в лошадей, коров, медведей и ходили. Со столом ходят вокруг ёлки, мужики таскают стол, а там один представляется всяко. А за ним идёт домашняя скотина. Хвост был у стола приделан коровий. Стол тащат, а человек впереди идёт, на голову шапку перевернутую наденет. И узда была, и погоняли также, и лошадь всё так ходит, так и вытворяет всё. Колокольчики были. На дуге должен висеть колокольчик, а кушак на дугу или оглобли, палки. Лошадь должны вести за поводок» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег).

В корову рядились. «Одевали как полотно, так сделают, ну или покрывало ли такое сверху. И сзади человек, спереди тоже человек, и так ходят. Рога делали и бумагой делают маску, такие дырки большие, как у коровы. Красят в чёрный цвет. Хвост тоже делали, верёвка как, верёвка-то из льна» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). «Телячью шкуру оденут. Сами, наверно, пришивали, чтобы хвост был сзади. Потом узнают этого человека» (зап. от Караваевой Л.Ё., с. Архангельское).

Баранью голову на палку одевали, так и шли (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег).

В рыбака рядились, с сачком прямо шли (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег).

В медведя рядились. «С гармошкой вместе, с балалайкой ходят. Веники повесят. Вот это, в бане паришь да, березовые веники, вот эти и повесят себе. Повесят себе на шкуру, чтоб как нарядиться. Чем попало наряжались. Чё-то вывернут, чё-то, какие-то лапти, веники на шею повесят. Взад повесят еще. Пляшут, трясут, г..о это с веника падает. За это их бражкой напоят, да и все» (зап. от Никоношина Г.Г., 1937 г.р., д. Мочга). «На медведицу — раньше тулупы были длинные, большие, и одевают шапку, чтобы была овечья» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег). «В медведя переодевались, лицо сажай мажешь, шапку тоже наденешь, ну, чтобы не узнали. В дом зайдёшь, там пляшем, поём, играет гармошка» (зап. от Боталов П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово).

В старика, в старуху наряжались, чтобы не узнали. «Старушечью одежду наденешь, самую старую. Юбки всякие на голову как платок» (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга). «Раньше старики да старухи — ещё это делали. У старика борода из кудели. Наверх шапку, фуфайку, итаны, лапти можно. А старухой одеваются, юбку широкую оденет,

сюда фартук оденет, фуфайку, шаль какую-нибудь дряхлую» (зап. от Вилесовой М.В., 1930 г.р., Казанцевой З.К., 1931 г.р., д. Баранчиново). «Мы тока в стариков да старух рядились. У старухи рваный костюм, дубасы рваные. На старика шапку, вместо бороды — лён» (зап. от Тарасовой А.И., 1927 г.р., Трубиновой З.А., 1931 г.р., Казанцевой Ф.Ф., 1931 г.р., с. Мелюхино). «В старуху рядились, в старика, тут бороду делали, из конского хвоста» (зап. от Неволиной К.И., 1921 г.р., п. Майкор). «В стариков тоже снаряжались. Такие усы сделали белые, как будто старый совсем. И сюда тоже волосы льняные делали такие. Палочка, котомочка и кушак» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). «Если в старика переодеваешься, вместо бороды лён» (зап. от Боталов П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово). «В старика, старуху. В старика — оденем брюки, тоже шубу перевернем, мохнатой стороной наверх оденем. Палочку возьмем, клюку, которой печку разгребают. Выйдем, да и по домам идем» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они).

Парни рядились молодцами: старинные рубахи одевали, шубы переворачивали, брюки одевали (зап. от Калиной А.И., 1939 г.р., д. Урманово).

Цыганками наряжались. «Платками закрывались так, чтоб не узнавали. Женщины в цыганок переодевались» (зап. от Калиной А.И., 1939 г.р., д. Урманово). «И в цыганку, и в цыгана переоденутся, гадают, да в шутку всё это. В цыганку, это всякие платки большущие оденут, длинная юбка, как обычно раньше носили женщины» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). «У цыган юбка широкая, а тут оборка была. Хоть кто мог одеть» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег).

На татар рядились — татарский костюм, юбке надо оборок много сделать. У них оборки раньше были (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег).

В солдата одевались некоторые женщины на Рождество. «Измажут сажей лицо, шубу мехом кверху делали. Солдат — шапку солдатскую положат, шинель оденут, и штаны вот, брюки вот, такие солдатские оденут, и усы так сделают, сажей-то мажут» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино).

«На святках в свадьбу снаряжались, ходили как свадьба, тут старые молодыми оденутся» (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

Под мужика одевались. «Брюки, усы мазали. С палками ходят да стучат, просят. Брюки одевали под мужика» (зап.

от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). «Девки все, оденут кальсоны, а парни оденут сарафаны, юбки такие. Вот и бегам где-нибудь. Парни переоденутся в сарафаны и на лицо одевали чулок, а некоторые мазались сажей» (зап. от Поповой Р.А., 1926 г.р., д. Белоево). «У нас ряженьё-то приходили. Если мужчина, дак в бабу наряжается. Дак они, это, дубас наденут. Это такие были набивные когда-то сарафаны, потом платок, потом на лицо какую-то маску оденут или шубу перевернут да оденут» (зап. от Караваевой Л.Ё., с. Архангельское).

«В Рождество маскорованные в избу заходят, поют тоже, пляшут, и с гармошкой, с собой принесут. Зайдут, их кормишь, поишь. Потом угощали ещё: конфеты что ли, пряники давали» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). «Если не будут танцевать, не подают» (зап. от Питкиной Т.Л., 1941 г.р., д. Белоево). «Вот знают, что сейчас придут маскированные, ряженные, доски в сенках уберут, а темно ведь. Это смеялись: «Рукав горит!» — говорят. Тут дверью прижмут, водой обольют. А маскарованные-то ещё. У нас вот не так давно было, сноха, лет пять ли шесть тому назад, утром соскочила, ни одну дверь открыть не смогла. Ряженные-то ходят, взяли и завалили дверь-то снаружи. И обе двери завалены были: и во двор, и вот эта, входная. Дверь завалили, она за ночь замерзла, да притоптали еще, такую попробуй, открой. Так мужик-то где-то на веранде выставлял окно, кое-как раскопался, она опоздала на работу» (зап. от Питкиной Т.Л., 1941 г.р., д. Белоево).

Рождественские гадания

На Рождество собирались гадать. Обязательно соберем девчонок, чтоб были в компании, четное число, четыре девочки, черные чтоб были. Белых можно было, но чтобы в компании-то черные гадали.

Гадать по блюдечку. «Блюдечко нагревали, блюдечко со стрелкой ходило, там буквы и цифры были по краям. Слова не говорили, сидишь смирно, а то черт утащит куда-нибудь. Просто сидели, а руки-то на блюдечко клали. Вот блюдечко-то и начнёт вертеться, а там буквы-то да цифры все скажут. Может, на имя гадаешь, жениха-то, дак вот стрелка-то и укажет» (зап. от Поповой Р.А., 1926 г.р., д. Белоево). «Блюдечком-то ворожат. На газетку сделаешь цифры, алфавит весь. А посредине блюдечко, в нем сделаешь золу, кольцо положишь. И вот нагреваешь его пальцами. Оно и забегает.

Блюдечко забегат. Забегает, начинаешь к нему спрашивать: «Сколько лет?» — скажет. Маленько пятнышко сделаешь на одном месте, оно этим пятнышком и покажет, сколько ему годов, откуда он» (зап. от Деменовой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

Гадать по столу. «Ещё стол руками нагревали, обязательно чтоб треугольный был. Треугольный стол, он в углу ставился. В красном углу. И вот его тоже как блюдечко нагревали руками, и он тоже стучал. Сам стол стучал, поднимался, спросишь его, он стукнет» (зап. от Поповой Р.А., 1926 г.р., д. Белоово).

Гадать в бане. «В бане еще гадали. Мы зашли втроем туда, девчонки. А парень уже сидел за баней, видно. Жесткая такая метелка была у него и заячья лапка, гладенькая. А там же надо было поднять это, платье-то, подол поднять и выставлять зад. Вот он кого мохнатой рукой, лапкой погладит, кого венником» (зап. от Поповой Р.А., 1926 г.р., д. Белоово).

Гадать с веретеном. «Гадали раньше над тарелкой. Вот веретёшко дёржишь над тарелкой. А тут на четырёх местах напишешь имя, какой жених будет. Веретёшко дёржишь, веретёшко раскачается и имя-то укажет» (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга). «На нитку привяжешь веретено. И на кончики-то кладёшь соль, печину (извёстка), шём (уголь) да нянь (хлеб). Вот веретено-то держишь так: куда оно будет падать. Если на соль да на хлеб — то жених богатый будет, а если на печину, на уголь, жених-то нехороший будет, кузнец. Надо гадать в двенадцать часов ночи со свечкой» (зап. от Тарасовой А.И., 1927 г.р., с. Трубиновой З.А., 1931 г.р.; Казанцевой Ф.Ф., 1931 г.р., с. Мелюхино). «Если шём попадётся — кузнеч, карандаш дак писар, хлеб дак богатый. Это достаётся из-под крынки. Под один ложат платок, под другую, может, кага — куклу маленькую. Кому кукла попадёт — семья прибудет. Одна делает, другие переворачивают» (зап. от Тарасовой А.И., 1927 г.р., Трубиновой З.А., 1931 г.р., Казанцевой Ф.Ф., 1931 г.р., с. Мелюхино).

Гадать с валенком. «Валенки да чё бросают. Куда след-то будет, покажет, туда и в замуж выйдешь. Рукой бросишь вверх» (зап. от Калиной г.Н., 1936 г.р., д. Урманово). «Валенок надо свистнуть — валенок кинут, так, говорят, что на какую сторону посмотрит, оттуда и суженый придёт. Бросали: куда нос покажет, оттуда жених придет» (зап. от Тарасовой А.И., 1927 г.р., с. Мелюхино).

Гадать с лаптем. «Вот жениха себе отгадывайте, откуда он будет. Вот лаптей сейчас нет. Берут лапоть, вечером попозже в святки, собираются человек пять — шесть и попеременно его бросают, кому как попадёт. Бросишь, потом идёшь и смотришь, как он пал: хорошо или нет. У лаптя — то и носок и пятка есть, если носком пал к тебе, значит, хорошо всё будет, как ты к нему идёшь, чтоб он носком пал к тебе. А если пяткой, то всё уж не то» (зап. от Шавшуковой Л.Т., 1939 г.р., п. Майкор).

Ходить слушаться. А ещё гадали, мама сказывала, на гумне. Говорит, мол, сядут на овчину, круг сделают. Если перед покойником, то, говорят, лопаты, землю-то когда копаешь, дак слышно будет, или рубанком кто строгать будет. Тут, говорят, одна беспарная должна сидеть (с. Архангельское). Девки пошли слушать. Пришли, в круг сели. Надо в круг заходить по одним следам. Сделать круг, клюка должна быть. Ещё круг делают, какую-то свою округу надо делать, и когда друг за другом заходят, садятся друг к другу спинами, спинами в середине. Вот слушают, сидят. А у кого-то, чё-то доски полетели, пилят, колют их как. Доски, дак это гроб ли че. Перепугались и давай бежать (с. Архангельское). «В Рождество-то ходим, слушаемся. Сядем, круг такой делаем, палкой начертим, три черты, тут сядешь. Три круга, один в другом. И садимся в центр. Колокольца услышали, то в замуж уйдёшь, а кому доски, то к покойнику. Собака залает, тоже чё-то неладно» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). «Слышно, если доски пилят — это на гроб. Всё слышать. Перекрестили то место, где нам выйти» (зап. от Шавшуковой Л.Т., 1939 г.р., п. Майкор). «Сядешь, где прорубь, где воду таскали. И слушаешь. Укутаешься платком» (зап. от Невониной К.И., 1923 г.р., д. Мочга). «У нас мама рассказывала. «Когда-то, — говорит, — ушли слушать: ну как журчит вода, на речку около проруба. И вот сели на овчину, слушают. А глаза не надо открывать, надо с закрытыми глазами всё это слушать, не надо открывать, иначе, говорили старые люди, глаза проколют. Вот одна-то глаза открыла, видит, эта овчина-то уже около проруба, чуть-чуть бы, черты в проруб их спустили бы» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). «Ходили на прорубь гадать, на шкуру садились. Если хвост не загнули под шкуру-то, возле проруби окажешься, чертёнок тебя утащит, они там ведь шёлк возят» (зап.

от Механошина Г.Г., 1937 г.р., д. Мочга). *«Вот гадали, ожегом, клюкой ли круг сделаешь, сядешь и слушаешь: вот собака кверху воет, дак к пожару, а по земле — к покойнику, стружки строгают тоже к покойнику, колокольцы звенят к свадьбе»* (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они). *«На перекрёсток ходили гадать. Там гадали, клюку возьмут, икону возьмут с собой. Обведут круг, сядут, икону с собой возьмут, лицо закроют, чтобы не видел никого, и потом что-то слышат»* (зап. от Вилесовой М.В., 1930 г.р., Казанцевой З.К., 1931 г.р., д. Баранчиново).

Гадать по гребешку. *«Под подушку еще клали гребешок. Спать станешь ложиться, почешешься и положишь под подушку. Загадываешь, чтоб приснился жених»* (зап. от Поповой Р.А., 1926 г.р., д. Белоево).

Гадать с поленом. *«Я когда-то полено облила водой да в передний угол поставила. Его пояском подпоясала и в передний угол со стороны улицы поставила. Это на святки. И Ваня мне привиделся во сне. Я его увидела и скоро замуж вышла»* (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). *«Кто пойдёт, полена два, может три возьмет, если сучковатые попадут, то жених-то корявый будет. А если не сучковатое — красивый»* (зап. от Мальцевой Е.В., 1926 г.р., д. Мочга). *«В охпку поленья набирали. Считали: «Бедный, богатый, средний, бедный, богатый, средний». Как набёрёшь в руки-то, сколь унести сможешь, так считать-то перестаёшь»* (зап. от Тарасовой И.И., 1927 г.р., с. Мелюхино).

Гадать с расчёской. *«Нитку берёшь, на расчёску вяжешь, куда-нибудь спустишь. Какой у тебя мужик будет, такой волос и попадёт на гребень: то чёрный, то белый. На улице опустишь»* (зап. от Тюляевой А.И., 1932 г.р., д. Терино). *В форточку опускают расчёску, ниткой её привязывают: какие волосы там в расчёске будут — такой волос и будет у твоей суженой (с. Антипино).*

Гадать по забору. *«Идёшь по забору, держишься за жерди. Сначала один идёт, потом второй следом. И если останется нечётное количество жерди, то замуж не выйдешь в этом году»* (зап. от Баяндиной Р. А., 1937 г.р., д. Дмитриево). *Потом, если выйти замуж решишь, тын, вот огород, изгородь. Раньше ведь не такие заборы были, тоненькие как сказать, тынины, тоненькие. И они как сплетенные. И раз, глаза закроешь, бежишь, и поймаешь. Если парные, то в этот год*

выйдешь замуж, если нет, замуж в году не суждено. Вот бежишь, сколько ты обняла этих тынин-то. Парные, не парные (с. Юсьва).

Гадать с коточком. *«Если замуж выходить, то под подушку положить коточик, вот лапти-то делают. И кто жених будет, придёт к тебе просить этот коточик. Ещё и ключи могли класть, вот замок закроют, и ключ под подушку положат»* (зап. от Гордеевой Л. Н., 1932 г.р., с. Купрос).

Василий вечер, Васильев вечер (13.01)

«Рождество-то седьмого января, а Василий вечер-то тринадцатого января» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). *«Тогда головы и ноги варили, и подлизывали, под стол закидывали»* (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). *«Тут варили голову барана или у коровы или у свиньи. И из этой головы на второй день делали студень»* (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). *«У свиньи ноги варят, на печку ставят, а потом кушают»* (зап. от Галины Васильевны, д. Терино).

«Когда я была маленькая, на Васильев вечер-то мама зёрнышко кинет, чтоб искали. «Вот смотри, нам Бог-то дал зёрнышки, значит, чего-то вырастет». Кидала зёрнышки, чтобы богатые были» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). *«Пол вымоем, там бросим зерна, а ребята найдут. Если хорошее зернышко, значит, к посеву, хороший посев будет, а если зернышко дрябенькое, не очень хлеба вырастут»* (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег). *«Тут ещё зерно под стол бросали, вот искать заставляли, полы вымоют, потом бросят овес, пшеницу ли, вот нашел, того и урожай будет в году: овёс, дак овса много будет»* (зап. от Механошина г. г., 1937 г.р., д. Мочга). *«Маленькие ещё под стол ползали, зернышки искали, найдёшь, дак год урожайный будет, дети лазили. Мама вымоет все, ячменя бросит, пшеницы, вот ты и лазаешь, кое первое зерно найдёшь, такой урожай и будет»* (зап. от Швецовой А.Е., 1924 г.р., с. Купрос).

Крещение (19.01)

«После Рождества Крещение идёт» (зап. от Ивченко-вой З.И., 1934 г.р., п. Майкор). *«Христос родился в Рождество — это седьмого января. А девятнадцатого его крестили — это Крещение называется. Вот тогда и крестики ставят. Это чтобы леший не заходил. Вот девятнадцатого*

надо креститься, чтобы чёрт не зашёл: квашню надо, печку крестить и окна. «Господи, Аминь!» — говорить. Женщины крестятся три раза, а мужики один раз» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). Крестики в Крещение ставят на все двери, на окна, над окнами (с. Доег). «Накануне Крещения крестики везде ставят, чтобы чертики не зашли в помещение. В двенадцать часов ночи они ищут место, после святок это. До Крещения всякие тут маскируются в чертят. А на девятнадцатое ночью эти чертята стараются куда-то залезти: и в колодец или куда-то в помещение. И вот ставили из-за этого крестики: на всех дверях, на всех окнах» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). «Вот знаю, на Крещение вечером везде крестики ставят, чтобы леший-то не ходил. Вечером тогда раньше скотину кормят, и потом крестики везде ставят» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). «В Крещение тоже поминальный день, родителей поминают. Вот тогда ставят крестики» (зап. от Вилесовой М.В., 1930 г.р., Казанцевой З.К., 1931 г.р., д. Баранчиново).

Богослужение в деревнях было минимальным. «В Крещение брюки поднимали до колен, так и стояли в речке. Просто обмывались» (зап. от Мальцевой А. И., 1924 г.р., с. Доег).

В день Крещения исполнялся обычай чуддэз ваиётлыны 'изгнание чудов' или чуддэз тальны 'топтанье чудов': Мужчины и мальчики рано утром скакали верхом на конях, нечистую силу загоняли в прорубь. Потом дома варили мясные пельмени, за столом собиралась вся семья (Антипино).

«На Крещение гадались ещё ночью, дома, уходят только утром, всё говорят, чё слышно будет. К дому пойдёшь, слушаешь, чего говорят. Вот ещё палисадник стоит, руками вот так сделаешь и считаешь: пар — не пар, пар — не пар. Если парно, то это замуж выйдешь» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино).

«Ещё в Крещение прорубь закрывали на замок. Ну, там замок повешают, а ключ-то под подушку положат. Вот кто первый во сне придет. Это уж обязательно девка закрывала, чтоб к ней жених пришел. Под подушку ключи положит» (зап. от Поповой Р.А., 1926 г.р., д. Белоево). «Вот закроют колодец. И придёт жених, жениха обычно всё гадали девушки молодые. Кто придёт за ключом ночью, может быть, она увидит какого-то парня. Вот значит, у неё и будет этот жених. Просить ключ как бы придёт. Колодец закроют, и ключ этот

положат под подушку. Кто во сне попросит ключ» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). Мелочь бросали и колодец запирали. Закрывали колодцы перед Крещением. Вечером, если не будете больше воду брать домой, берёте прутик тоненький. Делаете три крестика и загадайте желание, кто ключик-то у тебя спросит ночью — тот и суженый у тебя будет (с. Антипино). «На прорубь на Крещение бегали, воду брали. Потом закрывали еще на Крещение прорубь-то. Ключ ложили под голову, под подушку. Что если замуж выйдешь, приснится жених, будет просить у тебя ключ. А нет, дак замуж не выйдешь. Просто возле проруба закроешь замок-то, и там замок оставишь, а ключ в карман сунешь, потом под подушку ложишь. Если несколько человек гадают, то там несколько замков лежит» (зап. от Вороновой М.В., 1928 г.р.).

На Крещение суп хлебнёшь, ложку вынесешь на мороз, потом смотришь, как замерзнет, ямой замерзнет, так к плохому, горкой, дак к хорошему (с. Юсьва). Утром-то встаешь, дак опять из печки золу черпаешь, и эту золу хранишь, потом этой золой опрыскиваешь редьку (д. Дмитриево). «В году три дня такие Крещение, Благовещение, да Великий четверг, вот в эти дни надо просить то, чего нет, вот в поддувало или в форточку или на улицу выйдешь, вот надо хвастать тем, чего нет: вот, мол, деньги у меня, и питание, и здоровье хорошее, вот чего нет, дак тем хвастать надо» (зап. от Боталовой А. А., 1938 г.р., с. Антипино).

Из других календарных событий зимнего периода старожилы вспоминают праздник Ивана Крестителя (21.01), Афанасьев день (31.01), Все Святые (12.02), или Праздник Трёх Святых (Трёхсвятитель), Сретенье Господне (Усретенье) (15.02). Зимой — Иван Креститель, 21 января (зап. от Тарасовой А. И., 1927 г.р., с. Мелюхино). «Афонасей 31 января. В честь кого-то может быть. Просто ходили, пиво да брагу делали, по своим ходили» (зап. от Овчинниковой А.А., 1936 г.р., с. Архангельское). «12 февраля у нас праздник был Всех Святых. Это после Нового года» (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва). «Зимой Усретение, пятнадцатого» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег). В феврале 15 — Сретенье. А как праздновали — токо все в саду гуляли, больше никак. Так вот, в старину калиговую кашу варили, картофельную кашу, как пюре, но в печке парили, отварили, молоком размешали. Картошку-то варили, потом толкли и разводили молоком.

Толкли толкушкой. Яшница — это молоко размешиваешь с яйцами и тоже в печке паришь. В печку сунешь, она сварится и тоже как каша получается. Рыбный пирог, тожо на Сретенье. Речную рыбу клали. Мелкую рыбу ловили еще — аргыш (с. Юсьва). «Трёхсвятитель зимой-то. Праздник. В феврале, наверное» (зап. от Ярусовой Р.П., 1926 г.р., д. Тараканово). «У нас праздники — Трёхсвятитель — 12 февраля» (зап. от Боталовой Л.В., 1925 г.р.).

Особо почитаемый день — праздник в честь Святого Власия (24.02) (Святовасий, Световасий, Сетовасий, Святой Власий, Святый Власий, Святый Васий, Сетуасий, Сетовасенский день, Власий день, Святой Влас). *Световасий 24 февраля, просили: «Световасий, храни нашу малую скотинушку». Считается, что Световасий покровитель скотины (д. Тюмень). Святовасий — это святой Влас. Для скотины празднуют это. Чтoб скотина здоровая была. Это 24 февраля (с. Антипино). «Святый Власий, там еще поста-то нет, скот вспоминают, свечку в церкви поставят, шанежки постряпают» (зап. от Боталовой А. А., 1938 г.р., с. Антипино).*

«Световасий — это Власий день. Просто ходили друг к другу, праздновали» (зап. от Боталовой П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово). «Раньше праздновали, бражку делали, пиво делали» (зап. от Баяндиной А.П., 1950 г.р., д. Петухово). «В Сетовасенский день, говорят, ещё погода, погода будет, толи лето какое будет. Какой день был, и такая же будет погода летом. Говорят, звёзды какие густые бывают, частые, дак говорят грибный год будет, а если редкие, что тяжёлый год будет. Нынче тяжёлый год, у нас даже лёд с реки не уплыл» (зап. от Караваевой Л. Ё., с. Архангельское).

Масленица

Одно из главных событий конца зимы – Масленица, проводы зимы. *«Когда идёт масленичная неделя, первое у них идёт встреча, второй день — заигрыш, третий — это лакомка, четверг — разгуляй, пятница — тёщины вечерки, здесь молодые к тёще на блины приезжали, суббота — золовкины посиделки, воскресенье — прощёное воскресенье» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доер).*

«Блины обязательно каждый день ели. Каждый день стряпали блины, шаньги-то. Шаньги это они просто тесто разведут, тесто со сметаной. Это у нас, когда гости при-

едут, дак обязательно заставляют шаньги печь» (зап. от Боталов П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово). «На Масленицу блины ели картофельные» (зап. от Ошмарина г.В., 1931 г.р., с. Они).

Раньше на Масленицу всегда делали горку. В это дело были втянуты даже взрослые мужики. «Гору на Масленицу елочками украшали» (зап. от Ошмарина г.В., 1931 г.р., с. Они). «На Масленицу катушку делали, жерди из леса приносили, укладывали, потом заливали. Жерди принесёшь из леса, шкуру сдерёшь и на землю, в снег утопчешь, потом катки ложишь, там бороздки сделаешь и жерди ложишь, потом водой, веник возьмешь, брызгаешь И катались-то на ногах, вдвоём, за руку поймаешься и катаешься, и в санях катались» (зап. от Механошина г. г., 1937 г.р., д. Мочга). «В Масленицу раньше делали катки, жерди, длинные жерди в два-три ряда так наложить, на пару возьмёшься, а чё, у нас лапти были, вниз укатаешься» (зап. от Беляева И.П., 1932 г.р., и Беляевой Р.М., 1932 г.р., д. Мочга). «На Масленицу скоблишь катки. Принесешь жерди длинные из лесу, на лошадах привозили. Шкуру всю скоблишь и водой поливаешь. У нас склон был в Парамоново-то, до речки, с другой горы тоже. Друг на друга так вдвоём поймаются, мелькнут. Только много ребер ломали. Чё, хорошо было, мелькнешь только. А если упадешь, уже не на жердь, то считай, зубьев нет» (зап. от Механошина Г.Г., 1937 г.р., д. Мочга). «Когда Масленица, рубим пихту — длину длинную. Все это строгаем и катаемся. Две пихты длинные положишь рядышком, внизу солому. На пихту встанешь и катаешься. Они скользкие, очень скользкие. На ногах катались. Еще делали в форме яйца корыто такое из дерева. Вот дерево выберут внутри, там остаётся дерево вот такой вот толщины, низ коровьими какашками наляпают, сверху воду польют, и это всё так сцепится и получается такая скользкая, это самые скоростные санки. И гора раньше круче была в Кырдыме. Мы это корыто возьмём, «ыр» по коми. А брат мне делал скамейку, это санки, катались на скамейках. Из одного дерева выдолблены. Человек пять здесь могут сесть. Это же большие санки» (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво). «На скамейку сядешь и едешь. Скамеечки длинные делали. Три человека сядут. А у меня была одна. Раньше коба — прялка такая была — катались, чтобы лен уродился. Я не катаюсь — не знаю. Может на санки ложили — не знаю, как катались» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринёво).

В Масленицу катались всё время на лыжах, на снях. *«За деревней там возле леса занесём сани, оттуда чуть не до речки докатишься»* (зап. от Боталовой П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово). *«В Масленицу с горы на больших снях катались»* (зап. от Невониной К.И., 1923 г.р., п. Майкор). *«Одни не катались, вдвоем, руку на руку поймаешь. На ногах катались. Тоже катались на снях конных, в кошевках»* (зап. от Никоношина Г.Г., 1937 г.р., д. Можга). *«На лошадях раньше катались, от одной деревни до другой. Лошадей-то украшали колокольцами»* (зап. от Козловой А. П., 1930 г.р., с. Доег).

В Масленицу было много деревенских общих игр. Играли мужики, женщины и дети.

Игры и развлечения Масленицы

В син-бочку играть. Это, значит, собирали старые лапти много-много, из снега, значит, сделают такое возвышение, что как бочка, говорили, син бочка, это тухлая-то рыба. Такой бугорок из снега сделают, и туда, значит, верёвку суют, заливают этой водой, верёвка-то замёрзнет. И потом длинная-то верёвка, за конец верёвки берётся один, который голевик-то, который должен бегать, а все лапти на этом возвышении, и эти лапти все стараются своровать, а этот, что бегал, не давал воровать. И вот очень долго-долго играют, пока, значит, все не своруют, он всё будет бегать с верёвкой. Это была излюбленная очень игра (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег).

Играть в чижика. Из дерева делали заостренный кол с одной стороны. Это на палку ложат, сюда ударяют, он летит. И который, значит, голевик, он должен приносить этот чижик. А выбирают голевика — считалка была какая-то. Мы только вдвоём обычно играли. Потом поменяемся (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег).

Ряженные на масленицу ходили. *«Рядились в старика, маску делали, в черта рядились. Из материала делали маску, рога делали. Он из-за печки выглядывал. Старик опять бороду делал из льна, а маску делали из бумаги: на лицо бумаги, потом водой, потом бумагу и клейстер, потом выдавят и будет как лицо. Горб делали, котомку вешали сзади. Идут по улице, песни поют, пляшут. Им подают, кто конфет, кто чё»* (зап. от Ивченковой З.И., 1934 г.р., п. Майкор). *«В Масленицу одевали вывернутую шубу, наряжались тут: мешок сделают, шапку*

вывернут и идут по деревне. Их ещё имают, смотря, кто это ходит» (зап. от Гордеевой Л.Н., 1932 г.р., с. Купрос).

Хороводы водили. «Хороводы на Рождество большие и на Масленицу. Мы-то не водили, а вот старые люди водили. Они всегда нас приглашали. Костры мы не делали» (зап. от Боталовой П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово). «Когда гулянья масленичные делали, там смотрели: парни выбирали девок. Почву зондировали» (зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доег). «Последняя суббота, скажут: «Всё, Масленица, завтра уже прощальная будет» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег).

2. Весенние праздники

Некоторые праздники весеннего периода не отмечены развернутой обрядностью. Конаны, Конан день (18.03) известен прежде всего приметам на лето. «Кононов день в честь какого-то Конона» (зап. от Савельева Р.В., 1947 г.р., д. Мосино). «По Конону ещё погоду меряют, какое лето будет. Если будет туча, так говорят, будет опасно летом. Может быть, град или что ли» (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино). «Конон день тоже какой-то приметный день, тогда опять мороки смотря ночью: где мороки стоят, тут и дождь будет или чё-нибудь будет на Конон день. Это на небе тучи-то. Морки, мороки по коми. С 17 на 18 марта надо смотреть, если стоит туча большая, тут чё-нибудь да будет: то дождь, то какой-то град, то чё-нибудь» (зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р.).

«На Конан день лошадей к часовне водили, там венником брызгали на них водой» (зап. от Механошина Г.Г., 1937 г.р., д. Мочга). «Раньше делали пиво, вино, стряпали пироги» (зап. от Пушкиной К.Н., 1931 г.р., д. Калинино).

Определенные праздники, например, Истошна, известны лишь гостеванием. «Весной в апреле — Истошна. Тогда в гости хаживали» (зап. от Ярусовой Р.П., 1926 г.р., д. Тараканово). Благовещение (7.04) отмечено рядом запретов, как общих с русской традицией, так и специфичных. «Седьмого апреля у нас Благовещенский день, тогда волосы не чесаем. Чесать будешь, будет голова болеть у человека» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «В Благовещение нельзя корову выгонять. В первый раз-то. Тогда ничего нельзя делать, работать» (зап. от Аникиной Ф. П., 1949 г.р., с. Доег).

Сороки, Сорокяты, Сороки святых, Сорок мучеников, Сорок святых (22.04)

22 марта по церковному календарю празднуется день Сорока Святых. Во многих деревнях Юсьвинского района существовал обычай стряпать в этот день булочки в виде птичек (до 40 штук; называют их уточками). Птички иногда прикреплялись к большому сочню, сделанному в виде гнезда. Несколько «птичек» оставляли у иконы, остальными угощались семья и гости. По местному поверью стряпанные уточки символизируют прилет птиц, наступление весны. *«Сороки святые, это сорок птиц, говорят прилетают, наша мама говорила, это сорок птиц пекут. Из теста всё»* (зап. от Бычковой Л.И., 1927 г.р., с. Крохалёво). *«Сорок птиц прилетают зимой, в марте это. Они вот прилетают с юга, сорок птиц, говорят. Вот тогда утки-то стряпают. Глазки им делают, уголек ли что ли. Потом кушают. Когда и в церковь внесем. Потом на стол кладём»* (зап. от Вороновой М.В., 1928 г.р., с. Юсьва). *«Сороки бывает такой праздник, дак птичек пекли. Сорок штук. Птичку большую — маму, и маленьких. Птичку большую называли — утка большая. Когда над цыплятами курица — бабука. А так вот именно — утка. И цыпушек сорок штук. Мы их кушаем, лучшие из пресного теста, из дрожжевого они расплываются. А из пресного головку делаешь, из изюма глаза. Раньше их не подавали, а теперь в церкву носим, на полку ложим сколько-то»* (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва). *«Праздник Сорок мучеников. Это Сороки у нас. Сорок уток, говорят. Сорок уток напечем. Маленькую лепешечку сделают, головку туда. Маленьких еще. Глазки можно сделать из сухой ирги, или из черемухи, кто во что горазд. Это называется кай. Вообще кай — это птица. А вот что печем, мы говорим сорок уток. А бабука — это курица-наседка. Их кушают, главное, чтоб их сорок было»* (зап. от Кривошековой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское). *«Птичек делаем, собачек, бабуку с цыплятами маленькие, положим туда на крылушку, положишь на птичку-ту, запекаешь. Сделают сороки. Птичка с цыплятами, называется бабука. Бабука, которая не родила, а водится с цыплятками, сидит с ними»* (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево). *«Сороки — это праздник, вот колобки делали тогда. В этот день вылетают сорок птиц, говорят»* (зап. от Вилесовой Е.Г., 1938 г.р., д. Макарово). *«Сорокяты. Раньше стряпали птичек, у нас тётка была. Птиц делали из теста,*

сорок штук. Одинаковые птички делают» (зап. от Аникиной Ф.П., 1949 г.р., с. Доег). «Раньше сорок уток надо стряпать. Делаю головку, крылышки» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег). «Бабука — это курочку сажешь на яйца, может десять, может одиннадцать. Эта курочка сидит три недели. И после трёх недель уже выходят птенцы. Это на праздник Сороки, двадцатого марта стряпают. Такую большую сделаешь, а на верх-то птенцы» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). «Одну птичку вынесешь, надо крошить, кормить птичек. На тарелочку это сделаю. Они ведь клюют. Надо обязательно кормить, чтобы в огород ничего не таскали, а то клюют ведь» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег).

Пасха на фоне одиночных праздников начала весны отмечена особенно развернутой обрядностью.

Вербное воскресенье

«Вот к соседке иду с вербой в Вербное воскресенье утром: «Верба, встань! Верба, встань!» Она выходит, а я ей дарю эту вербу со словами. Потом эту вербу ставишь к божничке, а отстоит, дак на улицу бросали. Вербу цветочками украшали, крашеную бумагу тут делали» (зап. от Швецово́й А.Е., 1924 г.р., с. Купрос). «В субботу вербу приносим, к иконам ложим, цветы когда делаем, на вербу цепляем, чтоб красивше было. На вербу наvertели из бумаги, тряпок» (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос). Эти веточки потом, где икона, туда и поставлю. Полочка стоит, вот туда, около иконки, туда и поставлю, яичко туда красное. На вербочку туда цветочки привязываю из материала, да что. Цветочки ведь раньше не продавали, а из материала, из бумаги да что делали. Немного цветочков (с. Архангельское). «В Вербно воскресенье вербочку в святую воду поставишь» (зап. от Гордеевой Л.Н., 1932 г.р., с. Купрос).

Вербу принесешь — за каждую вербочку в Вербное воскресенье надо молиться. Так креститься, не молитву читать (с. Архангельское). «Много не надо вербы, говорят. Много, надо молиться, вербу много занесёшь и за каждую вербочку надо молиться» (зап. от Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское). «Вербочку мало приношу, на каждую надо сорок поклонов, на каждую почку сорок поклонов, не надо много» (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново). «Старые люди говорили ещё, если много вербы, надо на одну почечку делать сорок

поклонов перед божничкой. Вербочка стоит до шестого мая» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). *«Хранят вербу до мая. Вербочкой этой в Егоров день надо скота провозжать»* (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос).

Великий четверг, Ыджыт четверг

«На Великий четверг дом моем. Вот в эту неделю перед Пасхой всё убрали в избе, чистили. И вот ещё иначе четверг называют Чистый четверг» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино).

«В Великий четверг с вечера топили баню, мылись в бане» (зап. от Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское). *«Перед Четвергом, вечером, мы топили баню, в бане сидим и работаем, че-нибудь вяжем (с. Архангельское). «На Великий четверг только пряли на верёвки, качаться чем-то надо, лён прядёшь ночью»* (зап. от Тарасовой А.И., 1927 г.р., с. Мелюхино). *«На Великий четверг вяжем на верёвку лён и потом эту верёвку на качулю надо. Тогда всё в Большой четверг-то пряли на прялке-то»* (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново). *«Сделают верёвку, потом качели из неё делают. В Пасху. И качель стоит до Радоницы. Умершие на Радоницу качаются, когда мы спим»* (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево).

«Вечером на Великий Четверг кушаешь холодец. Эти кости на столе побудут, а утром-то унести надо, конечно» (зап. от Бычковой Л.И., 1927 г.р., с. Крохалёво). *«На Великий четверг пироги рыбные делали, пиво деревенское, квас, ну и угощенье разное»* (зап. от Кривощёковой З.М., 1930 г.р., д. Кубенёво).

«На стол на ночь на Четверг-то положишь хлеб и соль. Утром встанешь, ломаешь и даешь скотине. Можно сушить и потом держать для скотины: лечить или еще чего» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево).

«Встанешь утром, вначале ставишь соль, хлеб на стол (с. Архангельское). «Стол полный накроешь, чтобы у тебя весь год хлеб и соль на столе были» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). *«В Велик четверг хлеб на стол положат, а в Пасху уже его к иконе»* (зап. от Невониной К.И., 1923 г.р., д. Мочга). *«С вечера еще ложим на полку соль в банку и хлеб. Когда первый раз скота отпускаем, эту соль сыплем в ведро, хлебушек бросаем. А солью-то ещё скота ото лба, крест-на-*

крест, сыплешь. Чтоб скот домой шел. Говоришь: «Как эта соль в пищу идет, так бы и скот домой хорошо шел» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). *«Солью овечек напою в Велик четверг, сама поем»* (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос). *«В среду перед Великим Четвергом положу на стол хлебушко, соль. Если сама не могу идти в церковь, с кем-то отправляю соль. Они у меня очищают. Я на соль нашептаю, и если будет тяжело или тяга, соль бросаю в рот и всё. Соль берём в Великий Четверг, всё тело натрём и сполоснёмся»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

«Если родник есть, не поленишься, сходи снова на родник, принесешь воду, умоешься и обрызгаешь в избе, во дворе этой водой» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). *«Когда по воду идешь из родника черпать, можешь этим снегом утереть лицо, руки, чтоб руки не болели, не мерзли от мороза, что ли. Чтоб не мерз от мороза, чтоб душа не мерзла. Чтоб лицо всегда горячее было, не бледное, снегом-то можешь протереться, когда идешь на родник»* (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво).

«Чистый четверг. Тогда надо встать утром, рано встать, когда солнышко не вышло, подойти, вьюшку открыть и говорить: «Кутьки, Будьки, Мушки, Майки, Серки...». Надо всех звать своих животных, чтобы они все домой шли» (зап. от Кривошековой Е.А., 1940 г.р., Кривошекова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино). *«Откроют там сверху две вьюшки-то и кричат скота. Корову, овечек, свинью. Чтоб домой скот ходил»* (зап. от Котельниковой П.Н., 1931 г.р., д. Верх-Мера). *«В трубу кричать надо: когда печку будешь топить, вьюшку-то уберешь, туда кричать, чтоб скотина домой пришла, чтоб никуда не уходила в сторону, чтобы хозяйку знала»* (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). *«В Большой четверг заслонку откроешь, дак: «Пукэ-пукэ», — корову-то эдак кричишь, чтобы в лесу-то не блудила, ходила домой»* (зап. от Мальцевой А.И., с. Доег). *«В трубу я овечек гаркаю: «Бальки, бальки»* (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос). *«На Большой четверг вьюшку возьму, трубу открою: «Бальки, бальки, зайдите домой»* (зап. от Петровой А.В., 1940 г.р., д. Ганёво). *«Вот трубку-то откроешь и читаешь, кто есть в сарае скотина. Корову зовёшь: «Тука-тука, воктэ гортэн»* (зап. от Боталовой В.В. и Боталовой З.В., 1925 г.р., д. Федотово). *«В Великий четверг скот свой звали через трубу, чтоб летом*

они не спали где-то в лесу. Кричат по именам. А корова у нас по-коми дак: «Тука-тука-тукэ», — так и есть. Если гуси дак: «Тига-тига-тига» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). «В трубу зовёшь корову: «Серанька». Ещё кутьки у нас есть, цыплята, их тоже зовешь: «Куть-куть-куть, тип-тип-тип, баль-баль-баль». Задвижку открыть наверху, чтобы всё было хорошо» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). «Трубку рано открывают, корову зовут: «Корова, иди домой» — как ты называешь её» (зап. от Колыхматовой Т.К., 1933 г.р., д. Трифоново). «В эти дни надо, что у вас нету, в поддувало или в форточку или на улицу выйдешь, там говорить надо, что у тебя нету, хвастать этим. Ходить и хвастать. До солнца, когда ещё темно, хвастать-то надо» (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево).

«Считай сколько платьев у тебя, платков — всё подсчитаешь. Сколько домов, сколько скота» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). «Ещё деньги с утра считают» (зап. от Котельниковой П.Н., 1931 г.р., д. Верх-Мега). «На Великий четверг считают, всегда чтобы деньги были: «О, у меня много денег, тысяча, пятьсот». Вот и считаешь их, будут у тебя деньги» (зап. от Боталовой В.В. и Боталовой З.В., 1925 г.р., д. Федотово). «Вот утром встанешь, кошелек пошевелишь, чтобы весь год деньги были» (зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р.). «Кошелек возьмешь — считаешь деньги: «Два, три, пять, двадцать, сто». Это еще до того, как в огород выйдешь» (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино). «Ещё тут лук перебирали, чтобы больше лука уродилось» (зап. от Беляевой К.Г., 1927 г.р., д. Галяшер). «Золу из печки берут, чё болеет: лук да что да, это сыплешь, кушман да — редька-то, золу сыплешь» (зап. от Селиной М.А., 1933 г.р., д. Николаево). «В Четверг зерна собираешь и несёшь в сусек, чтоб урожая много было» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино).

«Всяки работы делали: вот рыбаки утром рано встанут, рыбачат, залезут на сеновал и оттуда как сетями рыбу ловят. Рыбу чтобы ловить летом, больше. Они сами и говорят, чтобы, мол, рыба большая попалась, много рыбы» (Зап от Боталовой А.А., с. Антипино).

«Из дома выйдешь, тут ещё из березы лучину делаешь. Три штучки сделаешь, постройку такую, сожжешь, потом кладешь за матицу, чтобы здоровье было. Надо обойти во-

круг дома с лучиной. Лучинки-то все разом чтобы горели» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево). «Двор кругом обходишь по улице. Утром рано, чтобы солнце еще не было. Дом-то кругом, крест ставишь, говоришь: «Господь-Бог, чтобы спасал, сохранял, никакой ветер чтобы не попал. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь» (зап. от Боталовой В.В. и Боталовой З.В., 1925 г.р., д. Федотово).

«Бабушки говорили еще: «Вечером на печку надо садиться и цыплят звать, трубу открываешь и зовешь. А утром в Четверг идёшь во двор и куткаешь. Где кладутся куры, да чё, тамо это делаешь, куткаешь: «Куть-куть-куть» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег). «Чтоб цыпушечки водились: на печку садешь и так «Кук! Кук!». Курица так цыплят-то зовет к себе: «Кук! Кук!» — к себе зовет как мать (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево).

«Чтоб коршун птенцов не таскал, можешь на печку садиться, оденешь фуфайку старую, чтоб здесь рукава были, рукава-то не оденешь, похлопаешь по печи. Среди печи сядешь. «Цыплята, курочки чтоб водились», — поклочишь. Кличишь, трубка-то ведь открыта» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенево). «Привязывают, ставят на изгородь старый лапоть, чтобы коршун цыплят не таскал» (зап. от Боталов П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово). «Да ещё веник, да что на лапоть вяжем, чтобы курицу коршуны не унесли. В огороде раньше большие жерди стояли, дак тутто вяжем. Это чтобы коршуны курицу не видели, не украли» (зап. от Тюляевой А.И., 1932 г.р., д. Терино). «У коршуна опять глаза завязывали. Возьмут голик — веник, у которого листья-то упадут; ложат лапоть старый, дырявый какой-то и раньше ворота были колья, колья-то высоко привяжут. Голик берут и лапоть сверху, и это привяжут. Это коршуну глаза вязать, чтобы кур не таскал» (зап. от Колыхматовой Т.К., 1933 г.р., д. Трифоново). «Чтоб коршун не таскал цыпляток, чё-нибудь свяжешь, к какому-нибудь столбу и скажешь, мол, чтоб он охранял, чтоб цыплят не таскал коршун. Обутки привяжешь. Раньше лапти, а сейчас-то нет. Дак калошу или че-нибудь старую. Завяжешь и чтоб охранял» (зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р.).

«Скот помотришь ещё, как они лежат. Чтоб они правильно лежали, чтоб не на север, а на юг лежали, головой на юг» (зап. от Котельниковой А. М., 1924 г.р.). «Скотину рукой

по лопатке хлопали говорили, чтобы, мол, отелилась хорошо, молоко давала» (зап. от Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское). «Скотину тоже креставан (перекрестишь): «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Спаси, Господи, спаси» (зап. от Боталовой В.В. и Боталовой З.В., 1925 г.р., д. Федотово). «Тут ещё хвосты режут у коров, чтобы не запутались летом» (зап. от Бычковой Л.И., 1927 г.р., с. Крохалёво).

«Вот если тараканы есть, дак тут их тоже гоняли. Таракана вот кладут в коробочку, да унесут, да на перекрёсток бросят, чтоб подобрал кто-то. Тараканы к богатству, говорят, а сейчас их нет» (зап. от Селиной М.А., 1933 г.р., д. Николаево). «Раньше водились тараканы и клопы в избе, дак мама у нас говорит: «Надо их в красивый лоскуток замотать и вынести в Великий Чистый четверг, чтобы вывелись эти гады. Вот и вынесут на улицу, положат, а если кто возьмёт, лоскуток-то красивый, значит, у них заведутся эти клопы или тараканы» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). «Раньше клопы одолевали. Мама нас рано разбудила: «Идите клопов гнать». И выйдешь, дом-то кругом обойдёшь, заходишь и спрашиваешь: «Чем клопы заговели?» — «Друг друга ели, тем и заговели». Снова выходишь, три раза кругом обойдёшь по часовой стрелке, заходишь и спрашиваешь» (зап. от Колыхматовой Т.К., 1933 г.р., д. Трифоново).

«Дальше надо выйти в огород. Пусть зима там, может, снега уже нету, говорить: «Ой, какая у меня картошка уродилась, какие огурцы большие!» — все, что есть» (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калининно). «На Великий четверг, в огороде, да что да, чтоб все выросло да что» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). «Ходим в огород, посмотрим, чтобы у нас всё было» (зап. от Баяндиной М. И., 1954 г.р., д. Гавино). «Чтоб урожай хороший был, надо в Великий четверг в огород сходить, и сказать, что пускай, мол, летом хорошо растёт ли чё, картошка, лук, морковь. Пускай большие вырастут. Надо приговаривать. Прямо проходишь по огороду, комки земли бросаешь и так говоришь» (зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р.). «На Великий четверг рано стаём, в огород заходим, смотрим, что в огороде растёт. Вот зайду и скажу: «Ой, сей год очень хороший урожай» (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново).

«Вот хозяйину говорю: «Иди, выйди, собери щепки от поленьев, будешь грибы собирать». Утром рано до солнышка

в огород, чтобы грибы, ягоды, рыба была» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег).

«Потом надо идти в лес, найти полянку, где обычно малина: «Малина какая уродилась! А грибов-то грибов! Раз, два, пятьдесят, сто», — вот так считаешь на Большой четверг» (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино).

«Пойдем в лес, зажигаем муравейники, чтобы не водились волки» (зап. от Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское). «В Великий четверг в лес идут, волков гоняют. Волков гоняют, чтоб в деревню они не заходили. Очень рано выходят» (зап. от Котельниковой П.Н., 1931 г.р., д. Верх-Мега). «Рано утром в лес идут, медведя гнать. Без ружей по лесу идёшь, кричишь, медведя гонишь» (зап. от Колыхматовой Т.К., 1933 г.р., д. Трифоново). «С вечера всё приготовить, а утром рано на Великий четверг идешь в лес медведя пугать. Утром рано ушли, стреляли, чтобы медведь коров не ел летом. Это я слыкала у бабушек, у дедушек» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег). «В Великий четверг, говорят, стреляют, а ведь это грех большой, в четверг-то» (зап. от Братчиковой М.С., 1932 г.р., с. Купрос).

В Великий четверг рано утром ходили в лес за мутовками. Принесут такой сосновый сучок. Этими сучками маленькими мешали квас, или квашню мешали. Мутовкой звали. Утром рано ходили, до солнышка (с. Юсьва). «Мутовку делали в Четверг, в лес за ней ходили рано утром. Кто не ленится в семье, тот и пойдет в лес. Из сосны только. Четыре или пять пальчиков чтоб было на сучке. Масло старые мешали» (зап. от Боталова А. Я., 1924 г.р., д. Дмитриево).

На Велик Четверг бабушка в лес рано утром ходила, принесет пихту, ветки-то. Потом веник сделает подметать. Пекли хлеб-то ведь раньше на поду, так вот, печка истопится, она этим веником подметет, пихтовым (с. Юсьва).

«Ещё в Великий четверг вербу домой несёшь, столько, сколько можешь наклониться. Надо ведь поклоняться всем вербам, низкий поклон сделать. Кланяешься в красном углу. Вербка помогает» (зап. от Селиной М.А., 1933 г.р., д. Николаево). «А ещё кто долго спит, дак вербой хлестали, чтобы вставал, это в Великий четверг хлещешь. В первый раз скотину выгоняешь, дак тоже этой вербой хлещешь» (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они).

«На Великий четверг примета есть. Где кымёрс (туча) стоит, летом на этом месте будет дождь да ветер» (зап. от Боталовой В.В. и Боталовой З.В., 1925 г.р., д. Федотово).

У нас в Большой четверг поминают, ходят на кладбище (д. Дмитриево). *«Великий четверг поминают только в Майкоре, мы через неделю поминали»* (зап. от Аксёновой С.А., 1930 г.р., с. Крохалёво).

Пасха, Ыджыт вун

«Ыджыт Вун — это большой день, Пасха» (зап. от Гилёвой Г., 1960 г.р., д. Ганёво). *«В Пасху утром рано зывают Христа-Спасителя. Вот как зывают: «Христос воскрес». И отвечают: «Воистину воскрес». Рано утром, когда еще темно, это свечи на Ен-полку поставят. Молитву читают»* (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). *Утром встанут моя мама, отец, мы еще спим, они встанут, мать-то говорит: «Христос воскрес!» — а отец отвечает: «Воистину воскрес!»* (с. Архангельское). *«Вот помню, проснёмся в Пасху, мама каждому по яичку положит, вот нас шестеро было, шесть яичек и положит в кровать-то. Христосовались еще тут: «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!»* (зап. от Бычковой А.Г., 1930 г.р., с. Купрос). *Мама встает, умывается и говорит: «Иисус воскрес!» — «Воистину воскрес!» Сама же отвечает. И мы рядом молимся* (с. Юсьва). *«Христоса позову. Ночью, после двенадцати: «Христос воскресь, Христос воскресь!» — «Воистину воскресь!» Молишься Богу и всегда так. Дома-то позвала Христа, в три часа встала, свечи зажгла»* (зап. от Крохалевой Е.В., д. Казённая).

«Перед Пасхой с утра стряпаешь, яички красишь» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). *«Яйца красили в красный цвет. В церкви говорят: «Когда в церковь пришла Мария Магдалина, у нее было яичко на руках белого цвета, и что она сказала: «Христос Воскресть!» И яичко покраснело в руках. В церкви говорят так. Поэтому заготавливают красные яички. Одно яичко надо Иисусу Христу-то положить на иконку. Вот у нас там иконостас-то, сюда положишь»* (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). *«Первое яичко красишь в красный. Рисуешь крестик и ставишь на божничку»* (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег). *«На Пасху яйца красили луковой шелухой и синей ромашкой, вот они на поле растут — василёк. И красками красили»* (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р.,

с. Купрос). «На Пасху маслом мазали яички, а на одном месте писали: «Иисус Христос» (зап. от Мальцевой Е.И., 1927 г.р., д. Малые Они). «Первое яичко — шоман — сажей мажешь. На первое яичко крестик делаешь. Это, говорят Христосу» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). «В Пасху, которое яичко перед Богом ставить, на том крест делали сажей. Курочка первое яичко снесёт, вот, его караулят, есть не велят» (зап. от Беляевой К.Г., 1927 г.р., д. Галяшер). «У нас первое яичко не караулили. Наоборот, последнее брали, чтобы свежее яичко было» (зап. от Боталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва). «Яички накрасим луковой шелухой. Ничёго не рисовали. Так сварим и все» (зап. от Ошмариной Г.В., 1931 г.р., с. Они). «Сколько в семье человек, столько надо яиц покрасить» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). «Какая семья там, двадцать яичек положишь в шелуху-то луковую, вот что кому если случиться, дак яйцо-то не красится» (зап. от Гордеевой Л.Н., 1932 г.р., с. Купрос). «Яички красим, если, говорят, не красится, чё-то, говорят, скот, чё-то будет, скот пропадёт, если яичко не красится на Пасху, а на Семик не красится, значит, человек умрёт» (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино).

«Первое яичко к Христосу» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). «Первое яичко дозировать надо. Первое держишь до Пасхи, говорят его надо Христосу» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег). «Одно на Боже поставим» (зап. от Селиной М.А., 1933 г.р., д. Николаево). «На полочку кладём одно яичко, это для Боженьки» (зап. от Караваевой Л.Ё., с. Архангельское). «Одно яичко нужно сразу поставить, где икона, на полке, покрасишь и поставишь» (зап. от Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское). «Которо красившее яичко выберешь, да к Богу положишь» (зап. от Гордеевой Л.Н., 1932 г.р., с. Купрос).

«У меня сын один утонул, там, где вода стоит, туда на Пасху, на воду положила яичко красное. В тазик воду наливала, сверху доска и яичко. Когда пройдёт эта Пасха, яичко это потом убрала на божничку. Иисусу Христосу положила. Маленькая есть, третимесячная, так положишь ей на окно» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино).

«Ещё котъвиджан для яичка пасхального из соломы делают» (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское). «Котъвиджан яичко держит. Переводится как корзинка для яйца. В углу перед иконой весили. Из соломы. Сперва большую корзиночку

сделаешь, ромбиками так, потом всё меньше и меньше. Крутится сама» (зап. от Баяндиной А. Р., 1938 г.р., д. Рудаково). «На Пасху фонарик сделаешь из соломы, тряпочку повесишь. Наподобие фонарика. Котьвиджан» (зап. от Бычковой Л.И., 1927 г.р., с. Крохалёво). «Понакодёук из соломы для пасхальных яичек делали из соломы» (зап. от Тюляевой А.И., 1932 г.р., д. Терино). «Из соломы делали, называлось панакадило. Перед иконками повесят, яичко положат. На Пасху это делали. Какие-то тряпки повесят (зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р.). «На Пасху еще фонарики делали из соломы, красные, розовые, черные тряпочки еще сделают, в середину яичко сделают. Один большой, а по бокам маленькие делали фонарики» (зап. от Швецовой А.Е., 1924 г.р., с. Купрос). «Из соломы на Пасху фонарик делали, треугольники такие, там еще в главный-то положат яйцо (зап. от Механошина Г.Г., 1937 г.р., д. Мочга). «Когда Пасха, дак из соломы делали, красиво так, соломки блестящие, желтые, на солнышке-то блестят. Вот повесишь, а там, в середине, яйцо, а по краям-то ещё из соломы тоже висят, под матицу делают или если низко матица, дак к иконе вешали» (зап. от Гордеевой Л.Н., 1932 г.р., с. Купрос). «Из соломы делают треугольники такие, с четырех сторон такие мелкие, как в одну клеточку сделать и туда соломки, в середине большущую сделать. Сделают штук восемь ли что ли. Получается такая огромная и кружится, кружится она постоянно. Видала только, когда делали в деревнях-то. Туда гвоздик забьют, ниткой завяжут, не под матицу, ближе к иконостасу. Гвоздик забьют в потолок, туда завяжут ниткой и отпускают, дак она кружится. Как крутится. В середине-то большущую сделают, а к нему поменьше. Некоторые на иконостас ставят это яичко, а некоторые сюда» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). Фонарики из соломы я сама делала красивые такие, и внизу еще маленький такой, туда яичко положишь. На нитки все это надо. Надо солому ведь, не мятую солому, и в соломинки ниточки проталкивать. Потом ниточки-то связывали. Между соломинками тряпочку делала еще. Разный цвет, чтобы красиво было: и красный, и зеленый, и синий. По бокам большого фонаря, фонарики поменьше, сверху ниточка. А здесь, снизу, под яичко фонарик. Это все один фонарик, цельный. По углам тряпочки висели. По-пермяцки он назывался «кокиджан», яичко держит, значит. Висит не один день (с. Архангель-

ское). «На Пасху мизгирь из соломы делали. На углы тряпочки делали красные, голубые. Один висел, внутри яичко» (зап. от Баяндиной Р. А., 1937 г.р., д. Дмитриево). «Из соломы фонарик на Пасху делали. Яичко положат. Тут еще нитку такую заделают, побольше, тут вот так шерсть сделают и так, как колокольчики висят, треугольные делают. Колокольчики на нитки привязывали» (зап. от Никоношина Г.Г., 1937 г.р., д. Можга). «Фонарик-то из соломы до Вознесения висел, Бог к небу поднимается тогда, говорят, убирают» (зап. от Вороновой М.В., 1928 г.р., с. Юсьва).

«Ели яички. Яичком по столу нельзя бить, грек» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). Кроме крашенных яиц, готовили рыбный пирог, и яичницу (с. Юсьва). «Селянку делают, тут яички молоком заляют да запекут» (зап. от Швецовоной А.Е., 1924 г.р., с. Купрос). «Кулиги сделают из творога, маленькие шаньги пекут, пирог сделают рыбный» (зап. от Боталовой В.В. и Боталовой З.В., 1925 г.р., д. Федотово). «Кругом режешь пирог, по солнцу. Крышку снимаем с пирога, её кусками нарежем. Парили парёнки: брюкву такую» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег). «Кулич стряпали, в кружку, кастрюлю положат изюм, тесто» (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос). «Римма на Пасху стряпала лесенки» (зап. от Бычковой Л.И., 1927 г.р., с. Крохалёво).

«Отстряпаешься, потом к церкви идешь» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). «На Пасху круг церкви пройдем» (зап. от Ошмаариной Г.В., 1931 г.р., с. Они). А после церкви-то уже по гостям ходят. На улицу выйдешь, и если кто-то попадается навстречу, говоришь: «Христос воскрес!» Они отвечают: «Воистину воскрес» (с. Юсьва). «К кому идёшь, своё яичко несешь, тебе навстречу идут, дают своё яичко» (зап. от Караваевой Л.Ё., с. Архангельское). «Ещё придут: «Христос воскресь!» — «Воистину воскресь!» Яичко даёшь, гостиницы, там чё есть, даёшь, пивом напоишь. Он говорит: «Христос воскресь!» — и перекреститься, а ты ему говоришь: «Воистину воскресь!» — и перекрестись» (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). «Первый, кто входит, чтобы мужик был. Мужик ходит в деревне, мужика просишь домой-то ходить к нам. А вот как женщина придёт, дак умрёшь в этом году. Примечали» (зап. от Селиной М.А., 1933 г.р., д. Николаево).

«Старые, которые верующие, говорили, что в саму Пасху не надо есть яички, только назавтра. Старшие говорят,

комары будут сильно есть, не надо в Пасху кушать» (зап. от Вороновой М.В., 1928 г.р., с. Юсьва). *«Яйца есть до Пасхи нельзя — комары есть будут летом»* (зап. от Бычковой Л.И., 1927 г.р., с. Крохалёво). *«В Пасху, раньше говорили, не надо кушать яйца, чтобы комары не кусали»* (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское). *«В пасхальный день нельзя есть яички — комары де будут кусать»* (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос). *«Некоторые в Пасху яички не кушают, комары что едят, говорят»* (зап. от Кудымовой М.В., 1932 г.р., с. Мелюхино). *«Чтоб комары вечером не кусали, яички нельзя до Пасхи есть»* (зап. от Боталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва). *«Как в Пасху яйца поешь, комары очень едят. Шаньги пекём, суп с мясом варим. Яйца на завтра только ешь»* (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново). *«А кушать будешь пасхальное яичко, можно об стол его разбить, а чистить на стол нельзя»* (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). *«Пасхальное яичко об стол нельзя бить, никакое яичко об стол не бьют. Где-нибудь сидишь, об дверь бей, а об стол не бьют. Чистить можно, а бить нельзя»* (зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р.).

«На Пасху ставили качулю во дворе. А в избе-то делали качулю, когда были маленькие ребята» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). *«В Пасху обязательно в каждом дворе была качуля. Там, сделают или перекладину или столбики поставят, доску на веревки привяжут, и качались»* (зап. от Боталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва). *«Качулю-то на дерево, на ветку делают. Здесь у нас росли берёзы, между берёзами — перекладку. Верёвку и там эта, дощечка. Через ветку делают»* (зап. от Мальцевой А.И., с. Доег). *«В Голяшино на горе козлы ставили. Три жердя метра по пять высотой, вот тут привязывают кверху, а потом разводят вниз и крепко — крепко в землю. А сюда потом перехватину, вот два козла и туда перехватину. Два козла навстречу, а тут перекладина, чтоб они были очень крепкие. И там верёвку повесишь, потом доску длинную — длинную на эти веревки. Несколько человек тут сядет и качаются, песни поют»* (зап. от Беляева И.П., 1932 г.р., и Беляевой Р. М., 1932 г.р., д. Мочга). *«Столбы ставят парни, веревку свяжем, одну веревку большую и качелю делаем»* (зап. от Котельниковой А. М., 1924 г.р.). *«На ключ ставили раньше качулю на Пасху. С обеих сторон ключи текут, сосны растут, на соснах и ставили»* (зап. от Савельевой Р.В.,

1947 г.р., д. Мосино). «Качулю делали большую и одноколку делали, одному качаться» (зап. от Братчиковой М.С., 1932 г.р., с. Купрос). Мужикам, которые качель ставили, яичко давали. На качели человек десять сядут, по концам, на середину еще. На качулях всякие песни пели, частушки особенно, большинство. Гармонист у нас был, на качулях еще вместе, он играет частушки, а мы и поем (с. Архангельское). «Там на качулето пели, гармошка играла» (зап. от Котельниковой П.Н., 1931 г.р., д. Верх-Мега).

«Из соломы мяч делали, его бросали на одноколку-качулю, а там человек пнуть его должен. Вот кто поймал, тот следующий садится в качель, и с ним делают то же самое» (зап. от Механошина Г.Г., 1937 г.р., д. Мочга). «На одноколку соломенный мяч еще кидали в Пасху-то, игра такая была. Соломенный мяч бросали на ноги, кто поймает этот мячик, тот садится качаться. Мяч из соломы сделают, как наподобие мяча, шпагатом ли чем-то заделают. На ноги бросали» (зап. от Швецовоой А.Е., 1924 г.р., с. Купрос). «В Пасху не плясали, только качались, песни поют, но не пляшут. Мы делали из тряпок такой мяч, вот один на качели сидит, доску-то уберут, вот, а другой кидает мяч, кто поймает, тот и выиграл» (зап. от Мальцевой Е.И., 1927 г.р., с. Они). «Когда тебе бросают, а ты, колка называется качуля-то. Забросят, я его пнуть должен. Если поймали, значит, я не железный, из колки-то вылезая, а другой садится, который поймал. Я сижу и качаюсь там» (зап. от Никоношиной Г.Г., 1937 г.р., д. Можга). «На Пасху ещё с угора яйца катали. Кто дальше покатит, а мы, ребятами, бегали за яйцами туда, кто больше соберет, чтоб съест» (зап. от Поповой Р.А., 1926 г.р., д. Белоево).

«Целую неделю качались после Пасхи» (зап. от Ярусовоой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). Месяца целый мы качались (с. Юсьва).

«Шанежки после Пасхи сушили, там ведь пост начинался» (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос). «Шанежки после Пасхи в носок клали, сушили, а потом только после поста кушали» (зап. от Беляевой К.Г., 1927 г.р., д. Мочга).

Радольница, Радильница, Радоница

«Радоница — это значит Пасха для умерших» (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново). «Пост будет. У покойных тоже пост идет. На неделю раньше у них пост.

У нас уже Пасха — мы едим, а у них пост до Радоницы» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево). *«До тех пор фонарику можно висеть. На ниточке висит, да и крутится. А в Радоницу-то фонарик снимешь, яичко положишь, где икона держится на полке»* (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново).

«На Радольницу и в Пасху яички красишь» (зап. от Оньковой А.Ф., 1923 г.р., с. Они). *На Пасху красят, в Радильницу, и в Троицу красят яички* (д. Дмитриево). *«В зелёный цвет красят на Радольницу яички. Из веника берут берёзовый лист и красят»* (зап. от Савельевой Р.В., 1947 г.р., д. Мосино). *«На Радоницу красили яички в красный цвет. Поминают умерших»* (зап. от Боталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

В Радоницу стряпня да и все, что постряпаешь: яичницу, селянку из яиц тоже, ну, омлет сделаешь. Селянка — это без молока яйцо, а омлет — это с молоком. А селянка — только одни яйца без лука и без молока. Как блин, немного толще. Накроем стол да скажем: «Помянем тебя» (с. Архангельское).

«В Радольницу на кладбище ходим, у их у родителей Пасха, яички, стряпню несём» (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново). *«В Радольницу до обеда поминаются, а там уже можно плясать и петь»* (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос).

Егорий день, Егорьев день (6.05)

«Шестого мая — Егорий день, скотину выгоняют вербой веточкой, которая с Вербного воскресенья осталась» (зап. от Баяндиной Г.В., 1960 г.р., д. Бажино). *«В Егорий день вербой спину корове перекрестят, потом кормят»* (зап. от Мальцевой А.И., с. Доег). *«Вербой корову выгоняли, крестили: «С Богом!» Веточки потом бросают»* (зап. от Власовой Л.Т., 1937 г.р., д. Федотово). *Длинную веточку, вербочку-то оставишь и этой веточкой выгонять станешь и наговариваешь: «Вернись домой»* (с. Архангельское). *«Скотину будешь отпустить: «Иди с Богом». Перекрестят и всё, обязательно надо задеть веточкой»* (зап. от Тарасовой А.И., 1927 г.р., с. Мелюхино). *«Когда скотину провожаешь, верба есть — освещает, крест делаешь и говоришь: «Давай, моя матушка, иди с Богом и вернись с Богом». Это когда первый раз выгоняешь. Или го-*

ворят заговор: «Как муравьи тащатся домой, так же ты, Заря, Боря, моя скотинушка домой ходи» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Скота-то выгоняют этой вербой, скажут: «Спаси и сохрани наш скот». Просто вынесешь и всё, потом эти веточки в конюшню в угол суют» (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино). «В Егорий скотину-то вербочкой крестим и выпускаем. Вербу-ту сунем в конюшню в угол, она сохраняет всё» (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново). «Обязательно чтоб веточка притронулась к скоту. А веточку заносили обратно и сунут куда-то под крышу, или там, в конюшню или забор, где живёт скот. Чтоб скот приходил домой целый год» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). «Выгоняешь, веточку не бросаешь, где-то в уголок прячешь, а которые остались, так говорят, год держишь, а потом надо жечь, чтобы болезни все ушли, спрятать надо или сжечь. Чтобы всё отошло» (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино).

«Яичко выбрасывают скоту на Егорьев праздник. Когда уже выпускаешь корову на улицу, тогда яйца надо вынести и вербу надо вынести» (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино). «Скотину в Егорьев день вербой провожали, первый раз выгоняли-то. Вот в ворота выходит корова, дак пояс ещё бросали, чтобы перешагнула» (зап. от Братчиковой М.С., 1932 г.р., с. Купрос).

Степан праздник, Пермский Степан, Степан день (9.05)

«Степан день — это называли Пермский Степан, называли и Степан праздник. Вот у нас кладбище ходят в Степан день в мае — девятого мая — Пермский Степан называют. Стряпают шаньги из сметаны, из картошки можешь, рыбный пирог тут. Спиртное можно брать с собой. Когда хоронят только, вином не поминают, батюшка не велит» (зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доег).

Николин день, Никола, Микола (22.05)

Николин день один в мае, а другой в ноябре (д. Сивашер). «Два праздника раньше Миколы-то были. Весенний и осенний» (зап. от Крыловой Р.И., 1941 г.р., д. Хутор). «Тут картошка, мясо было, суп поставишь, пельмени делаешь с мясом, шаньги, пироги делали ретешные, морковные, мясные делы-

вали пироги, рыбные. И щуку делали. Тесто сделаешь кругом, целую рыбу положишь, а потом, как испечёшь, тогда только разрезаешь. Головой в разные стороны. Первую корочку снимаем, а потом разрезаешь рыбу и кусочками берёшь. Пили пиво» (зап. от Бушуевой А.Н., 1926 г.р., с. Купрос).

Олёназ день, Алёна, Олёна (3.06)

«Олёназ день — 3 июня, сеют лён когда» (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново). Третьего июня — Олёна. Тут все в саду гуляли, больше никак не праздновали. Тут в старину калиговую кашу варили, картофельную кашу, как пюре, но в печке парили, отварили, молоком размешали. Картошку-то варили, потом толкли и разводили молоком. Толкли толкушкой. Яичницу делали — это молоко размешиваешь с яйцами и тоже в печке паришь. В печку сунешь, она сварится и тоже как каша получается. Рыбный пирог делали из мелкой рыбы — аргыш называется. Это такой сорт рыбы. На Олёну (с. Юсьва). «На праздник Алёны пиво варили. Кругом играли, плясали с подружками» (зап. от Ушаковой М.А., 1931 г.р., д. Мочга).

Вознесение

«В Вознесение, когда Христос поднимается наверх, день рождения земли. Яички возьмёшь, печенья да пряники, вино несём на поле» (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево). «В Вознесение ходят все на кладбище, в церковь, поминают родственников» (зап. от Питкиной Т.Л., 1941 г.р., д. Белоево). «На Вознесение крупу несли, пишено на могилку, птичкам» (зап. от Мальцевой Е.И., 1927 г.р., д. Малые Они). «В Вознесенье, Петров, Успенье, там песен не поют, нельзя, это у родителей поминки. Всех тут поминают, и даже тех, кто задавился, кто отравился, всех поминают. Из дома пирог на кладбище несли из рыбы. Рыбу резали маленькими кусочками, и запекали. На кладбище ели, на могилку ложим, пирожки тут из сыра — сырный пирожок, из капусты, стряпали из моркови. Яички на кладбище тоже несли, там мертвым клали, конфеты клали, пиво несём — пиво нальют, где голова, тут и выливают. А домой пришли, на стол накрывают, что осталось, то и накрывают. Свечку зажигают, к иконе ставят. Тут перекрестятся, помолятся, вот и свечку ставят» (зап. от Мальцевой, 1926 г.р., д. Заполье).

Троицкая суббота

«Троицкая суббота — это самый хороший поминальный день» (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино). «В Троицкую субботу давленников и утопленников поминают» (зап. от Аксёновой С.А., 1930 г.р., с. Крохалёво).

«Отец рассказывал, в Троицкую субботу берёзками деревню полностью украшали, ставили около домов, около изгородей» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино).

Троица

Большие гуляния устраивались на Троицу и Заговенье. Жители нескольких деревень собирались на больших шутках — лугах. Здесь устраивались ярмарки, девушки водили хороводы, пели песни. «Берёзу и в Троицу наряжают ленточками» (зап. от Савельевой А.С., 1928 г.р., д. Пронино). «Березку ставили в канун Пасхи и в Троицу. В Троицу-то берёзка-именинница» (зап. от Мальцевой Е.И., 1927 г.р., д. Малые Они). «В Троицу березки все выкрасим. Четыре березки ставишь, сиденье делаешь — лавки. По углам стоят березки четыре и внутри сиденья. Березки вкапывали. Украшали всякими тряпками» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринёво). «На Троицу берёзку ставили прямо в деревне. Берёзки три-четыре около калитки ставишь. Некоторые ленточки вязали» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). «На Троицу раньше три берёзки ставили. Привезут три берёзки, посадят, а потом поливали, чтоб они не засохли» (зап. от Ушаковой М.А., 1931 г.р., д. Мочга). «На Троицу березку носят. Нам молодым велели приносить, сами тащим, приносим, ямы копаем. Потом березки поставим, так и стоят, пока не высохнут» (зап. от Вороновой М.В., 1928 г.р.). «Еще в Троицу под окно березку ставили, ее вырубали парни, ходили, украшали ленточками. Под берёзку клали траву» (зап. от Гордеевой Л.Н., 1932 г.р., с. Купрос). «Березку около дома ставили. Около своего. Все вычистят, все соберут, чтобы мусора не было, и маленькие березки около дома поставят. Украшали их» (д. Завижай).

«Троица — земля травой заходится. В Троицу за травой в лес ходили» (зап. от Невониной К.И., 1923 г.р., д. Мочга). В Троицу на луга все уходили. Собирались около Иньвы (д. Завижай). «Больше всего на горе ставили берёзку, собирались» (зап. от Поповой Р.А., 1926 г.р., д. Белоево). «В Троицу, на-

пример, не рубят лес. В этот день, в Троицу, лес родился, у нас бабушка это говорила» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). *«В Троицу вокруг дерева ходишь, берёзки-то. В лесу ходили. Берёзку украшали большую такую»* (зап. от Аникиной Ф.П., 1949 г.р., с. Доег). *«Березки цветами украшали, ленточками, цветы из бумаги делали. Всякие цветы были: и зеленые, и розовые, и желтые»* (зап. от Поповой Р.А., 1926 г.р., д. Белоево). *«Берёзку украшали цветочками»* (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново).

«Кругом вокруг березки ходили. Тут и замужние приходили. Поймаются за руки и ходят кругом» (зап. от Швецовой А.Е., 1924 г.р., с. Купрос). *В одном хороводе одни пляшут, в другом хороводе другие пляшут. Деревня на деревню, с одной деревни, с другой деревни, потом соединятся все. До полуночи плясали* (д. Завижай). *«Ручейком, игрой ходили по тракту, по всей деревне ходили. Парами ходили, идут и поют»* (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино).

В саду девки...

В саду девки, в саду красны,
В саду девки гуляли, в саду красны плясали.
И цветы рвали, и цветы рвали.
Цветы рвали со травами, цветы рвали со травами.
И венки вили, и венки вили.
Ай, одна девка, ай, одна красна,
Одна девка говорила,
Одна красна говорила,
Одна красна баяла:
— А кому же я, а кому же я,
Кому же достануся, кому же достануся?
Ай, достанусь я, ай, достанусь я,
Достанусь я, девица, достанусь, красавица,
Мужу старому, старому, горбатому.
Ино как же будем, ино как же будем
Со старым постелю стлать, со старым постелю стлать.
Ай, постелю я, ай, постелю я,
Постелю постелюшку, постелю постелюшку.
И на три ряда, и на три ряда,
Три ряда, рядочика, три ряда, рядочика.
А в четвертый ряд, а в четвертый ряд
Шипицу колючую, шипицу колючую.

Ино спи, мой муж, ино спи, мой муж,
Спи да выспайся, спи да выспайся.
От веки до веки, от смерти до смерти.

(Зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга).

Рано, ранешенько на заре

Рано, ранешенько на заре
Щекотала ласточка на море.
Да плакала девичушка на море,
На белогорючем камне.
По бережку батюшка гулял.
— Да гуляй, гуляй, батюшка, здорово.
Да сойми меня, девицу, со моря.
Да со бела горячего камня.
Да у батюшки жалости нет,
Да не снял меня, девицу, со моря,
Да со бела горячего камня.
По утру ранешенько на заре
Щекотала ласточка на море.
Да плакала девушка на море.
Да на белом горячем камне.
Да по бережку матушка гуляла.
— Да гуляй, гуляй, матушка, здорово,
Да сойми меня, девицу, со моря.
Да со бела горячего камня.
Да у матушки жалости нет.
Да не сняла меня, девицу, со моря.
Да со бела горячего камня.

«Это хоровод ходит, кругом все. Большой круг. В центре хоровода женщины сидят. Просто. Табурет поставят и сидят. Одни женщины только играют. Парней в хороводе нет» (зап. от Деменеовой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

«На Троицу-то хоровод водят, в зеленое всё стараются одеться. И платок зеленый чтоб был» (зап. от Вороновой М.В., 1928 г.р.). *«С собой на луга-то чего возьмут, там яички, их тоже в зелёный цвет красят. Ещё маслом намажут, дак они цветочные станут»* (зап. от Мальцевой Е.И., 1927 г.р., д. Малые Они). *На Троицу в красный цвет красят яички тоже* (д. Дмитриево).

«В Троицу с луга домой берёзовые ветки несёшь, в воду ставишь, потом на улицу, скотине бросишь. Из пихты

цветы делали» (зап. от Швецово́й А.Е., 1924 г.р., с. Купрос). «Дом березовыми веточками украшали. Вот в церковь сходим, батюшка освятит, и все, мы несем домой такой пучок, и потом втыкаем, в конюшню втыкаем. В дом втыкаем и в конюшню. Это чтоб охраняло дом от грома» (зап. от Вороново́й М.В., 1928 г.р.). «В Троицу в церковь ходили, в церковь веник березовый увезёшь, его освятят, этим веником три раза в бане парились, да еще его за икону поставят» (зап. от Мальцево́й Е.И., 1927 г.р., д. Малые Они). «У меня дома троишный веник есть, я чай завариваю, листья завариваю и пью» (зап. от Беляево́й Т.С., 1932 г.р., д. Мочга). В Троицын день в церковь идёшь, ветку берёзы несёшь. Потом вот эту ветку в святую воду и огород брызгаешь, чтоб урожай был (с. Архангельское).

«Троицу справляют везде, а престольный праздник в Пожве был. Тут хорошее гулянье было» (зап. от Деменево́й П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

Духов день

В понедельник после Троицы – Духов день. У коми-пермяков западной части Юсьвинского района был обычай проводить в этот день молебен на поле. В молитвах они просили дожди и хороший урожай хлебов. Это был день почитания земли. «На завтра Троицы — это Духов день, в понедельник. В Духов день нельзя было посадку, потому что в Духов день родилась земля» (зап. от Ярусово́й Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). «В Духов день у земли-то день рождения, нельзя пахать» (зап. от Тюляево́й А.И., 1932 г.р., д. Терино). «Когда земля именинница, тогда на земле не работают» (зап. от Мальцево́й Е.И., 1927 г.р., д. Малые Они). «В Духов день ничёго нельзя делать: сор нельзя брать, землю. В Духов день отдыхаем» (зап. от Боталово́й М.С., 1934 г.р., с. Купрос).

«Ещё на Духов день на поле ходили, где рожь растёт. С собой, значит, берут чёго-то кушать, кушанье у кого что есть, чёго-то пить берёшь, кто-то спиртное, и обязательно ветки берёзы, святую воду, иконки, свечку, это чтобы урожай хороший был. Молились-молились, не мы, а там была очень знающая Зоя Егоровна, она очень много молитв читала. Делают на солнце, поле поливают святой водой, и вот эти веники, ветки-то берёзы в святую воду и делают крест-на-крест, на солнышко делают, веткой-то. А потом общаются, поку-

шают, обязательно поют на поле. Сначала про урожай песни пели» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). «День рождения бывает у Бога, у Духа. Мы выходили вот сюда на поле. А ещё святая вода есть из церкви. И берёзу наломаем, и вот так опускаем, чтобы урожай хороший был, чтобы Бог нас не наказывал, просим. Всё хорошее просим. Веником обрызгиваем и поле, и кто сидит, всех. Крестом брызгаем. Духов день дак» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). «На поля выходили. Возьмут свечку, хлеб да пойдут» (зап. от Петровой А.В., 1940 г.р., д. Ганёво). «Бабушки на поле берёзку поставят, икону, тут молятся» (зап. от Савельевой А.С., 1928 г.р., д. Пронино). «Ржаное поле обхаживали, возьмут иконы обязательно и ходили на поле, и просили дождь. Чтобы раздобрить. Чтобы хорошо жить, в достатке. Вечером ходили по гостям, у кого что кушали» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег).

3. Летние праздники

Летние праздники в целом не имели развернутых обрядовых сопровождений. Так, местные жители вспоминают праздник Владимир (1.07): «Первого июля — Владимир» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег), праздник Кузьмы и Демьяна (14.07). В Тимино праздники были: Конан, Кузьма и Демьян, Демьянов день, четвёртый — собирали урожай тогда» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). Некоторые праздники запомнились лишь как рубежные даты в хозяйственных работах. Таков Прокопий день (21.07): «В Прокопий день мы сено гребли» (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор). «Прокопий день — аккурат сенокос тогда» (зап. от Нешатаевой Г.А., с. Архангельское). Для более южных территорий Прикамья начало сенокоса приходилось обычно на Петров день.

Тихонов день (29.06)

«На Тихонов день хоровод пели, все на полянке» (зап. от Мальцевой, 1926 г.р., д. Заполье). «На Тихонов день танцевали хоровод, песни пели. Собирались на полянку» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). «Тут ещё по домам ходят, угощаются» (зап. от Шавшуковой Л.Т., 1939 г.р., п. Майкор). «В гости ходили, с Майкору прихаживали. Вот праздник, на

стол накроём. Рыбный пирог состряпаем, мяса нажарим, напарим, шаньги настряпаем, ватрушки. В рыбный пирог запекали судака ли, щуку. Нарезали, пережарим как вот на жарёшку себе, так и в пирог делали. Верхнюю часть сначала снимали. Из мяса: пережарим его и на стол. Пельмени обязательно были» (зап. от Ошариной Г.В., 1931 г.р., с. Они).

**Рождество Иоанна Предтечи, Иван Купала,
Иван Купальный, Иван Купальник, Иванов день,
Иванвун (07.07)**

«В июле Иванвун» (зап. от Ярусовой Р.П., 1926 г.р., д. Та-
раканово). 7 июля Рождество Иоанна Предтечи. Праздник
великий (д. Тюмень).

«У нас ведь здесь вот было, видимо, часовня раньше. Эти
часовенские иконы такие праздничные и, видимо, праздни-
ки эти праздновали. На Ивана Купального тогда купают
ребят маленьких. Их это делали, купали. На речку надо де
сходить, ребят мыть. Пойдёшь, сядешь, покупаешься» (зап.
от Шедовой Е.С., с. Доег). «Купались только с 7 июля, потому
что болезни из-за этого останоятся. Как бы освещали воду
в этот день, в день Ивана Купалы» (зап. от Ярусовой Т.И.,
1936 г.р., с. Мелюхино). «Ходили, в речке стояли» (зап. от
Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). «Летом начинали купать-
ся с Иван-вуна. Иван-купальник когда цветёт, в июле знать-
то» (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново). Если
не купались, обязательно надо умыться. С этого дня купать-
ся можно, и до Ильина дня (с. Доег).

«В Иван Купальник веники заготовливают» (зап. от Ка-
занцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново). «Веники готовили
с 6 июля. А 2 августа — уже нельзя было, веники будут че-
соточные» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино).
«Веники готовят. Всякие разные — и береза, и осина, и липа»
(зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево). «С этого дня,
например, пора было веники вязать, ягоды есть. Обычно
женщины веники вяжут» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р.,
с. Доег). «С новыми вениками ходили в баню. Потом его на
крышу. Паришься и бросишь на крышу. За спину надо бро-
сить» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево). «На Ива-
на Купала мы, например, в бане новым веником паримся. На-
кануне Ивана Купалы новый веник делают и накануне этим
веником парятся, а потом после бани эти веники бросают

в речку. Если утонет, значит, человеку будет очень тяжелый год. А если уплывет, значит, человеку будет легко жить. Мы в детстве всегда уносили веник на речку Юсьву» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино).

«На Иван Купала пойдёшь в лес, найдёшь вот этот папоротник, сорвать его надо, цветок сорвать надо. Там, говорят, нечисть поднимается: леший, ты же их не видишь. Одна бабка там в Иренёво ходила, дубинками ее било, она убежала. Папоротник охраняется» (зап. от Вилесовой Е.Г., 1938 г.р., д. Макарово). «На Иванов день надо идти в лес и брать цветок папоротника. Говорят, если этот цветок берешь — он всё знает, всё тебе скажет. Что ты думаешь, я бы знала. Одна бабка ходила и нашла цветок папоротника, и все знала, и звали её соломенная бабушка» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринёво). «Папоротник приносили, чтобы не было клопов, подкладывали, ляжешь, кругом папоротник сделаешь, и клопы-то не едят» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег).

«На Иванов день нельзя ходить в лес. Там все звери тогда на ходу. Всякой зверь, все они на ходу уже. У них такой праздник там, от великого до большого, всякой там командует. Вот на Иванову ночь, там так страшно, всякие звери. Вот идёшь, выше тебя, выше елки идёт кто-то. Шум там. Ветер, волки, представление какое» (зап. от Мальцевой Е.И., 1927 г.р., д. Малые Они).

«Кто на Иванов день родились, тех Иванами называли. Первого, второго, третьего родился, их тоже. А после Ивана другое имя давали. Раньше на Иванов день скотину брызгали веником» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег).

Праздник Петра и Павла, Петров день, Петр-день, Петровка, Петроука, Петровун, Петерлун (12.07)

«Летом Петровка — 12 июля» (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва). «Петроука — это святые Петра и Павла» (зап. от Боталовой Л.В., 1925 г.р.).

«Петерлун — Петров день. Раньше у нас в Юсьву ходили, раньше не литовки были, а такие косы, вручную косили. Вот к Петру ходили покупать, там базар был и после этого только сенокосили, с Петрова дня» (зап. от Нешатаевой Г.А., с. Архангельское). «Раньше старались на Петровку косы покупать» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег). «Покосы с Петра и Павла начинали» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринё-

во). «12 июля — Петровка, как раз сенокосы начинали» (зап. от Надымовой Р.Н., 1936 г.р., д. Асаново).

«Веники заготавливают после Петровки, после 12 июля, до Ильина дня. До Петровки-то листики-то слабенькие, а с Петровки до Ильина дня они как раз. Не со всех берез ветки надо брать. Которые лежговитые березы-то, у которых лежат вот так ветки-то, такие-то не годятся на веники-то. Они вроде как слабые какие-то. Не такие упругие, а висят вроде как. Надо которые помоложе да покренче, которые клапочками растут как» (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва).

«Майкоросы ходят на кладбище в Петров день» (зап. от Постанововой З.Г., 1931 г.р., п. Пожва). «Вознесение, Успение, Петров день. Считали это как божественные праздники, у родителей поминки, у покойников, у родственников. Тогда песен не поют. Во все три дня ходим. Всех поминаем. И тех, кто не своей смертью умер. Всех поминам: кто задавился, кто отравился» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). «Петров день на кладбище у нас праздник, поминальный. Чего дома настряпают, наделают, с собой берут. Яйца надо обязательно брать с собой» (зап. от Шавшуковой Л.Т., 1939 г.р., п. Майкор). «Из дома пирог на кладбище несли из рыбы. На кладбище ели, на могилку ложим, пирожки тут из сыра — сырнй пирожок, капуста стряпали, моркови. Яички на кладбище тоже несли, там мертвым клали, конфеты клали, пиво несём — пиво нальют, где голова, тут и выливают. А домой пришли, на стол накрывают, что осталось, то и накрывают. Свечку зажигают, к иконе ставят, тут перекрестятся, помолятся, вот и свечку ставят (зап. от Мальцевой, 1926 г.р., д. Заполье). «У нас ещё говорили: «Приходите на Петров день кушать лукасов. Это из зелёного лука — лукасов называется с солью. Намнут, соль туда положат, чтобы выходил сок, полезный тоже. Сейчас сырое яйцо ещё туда ложат» (зап. от Нешатаевой Г.А., с. Архангельское). «В Петров день всегда дождик бывает, вот на кладбище сходят, поплачут, вот и дождик» (зап. от Ивченковой З.И., 1934 г.р., п. Майкор).

«У нас бабушка говорила, до 12 июля до Петрова дня ягоды не надо есть, у кого дети-то умерли. Вот, значит, надо их сначала накормить. И вот до Петровки говорили у нас, нельзя есть до Петровки. А если ты после Петровки, дак первые ягоды положить на пенёк или на дерево маленькое такое. Ба-

бушка у нас говорила: «Это ты ложишь своим детям, которые умерли» (зап. от Надымовой Р.Н., 1936 г.р., д. Асаново). Вот мама, например, у нас землянику не ела до двенадцатого. Седьмого начинали есть все, а она не ела, потому что, мол, у неё двое детей умерли маленькие. «Если я, — говорит, — буду есть, там на том свете их не будут кормить, моих деточек, ягодами» (с. Доег).

«В Петров день все гармонисты съезжались в одно место, на мосту мы плясали, а старшие люди хороводы водили около моста, на полянке, у них отдельные песни были, а у нас пляски. Кадриль, польку, частушки, краковяк, танго. Праздник прямо на мосту был. Бражку не возили. Просто плясали, веселились» (зап. от Калиной А.И., 1939 г.р., д. Урманово).

4. Осенние праздники

Праздники осени начинались с Ильина дня, который был наиболее значимым в обрядовом плане.

Ильин день

(День Ильи Пророка, Ильяун, 2.08)

«Ильяун праздник ещё называли» (зап. от Мальцевой А.И., с. Доег). «Ильин день до обеда летний ещё, после обеда осенний» (зап. от Бычковой А.Г., 1930 г.р., с. Купрос). «Илья-пророк дождь даёт» (зап. от Вороновой М.В., 1928 г.р.). «Илья Пророк по небу ездит, дак всё дождит в этот день» (зап. от Швецовоной А.Е., 1924 г.р., с. Купрос). «Ильин день — религиозный, самый главный у нас праздник. Страшный день. Гремит все да. Когда гремит, мы вербу-то старую не бросаем, которая у боженьки-то стоит, за постройкой ложишь эту старую вербу, и красные яички старые ложишь везде, чтоб постройку охраняло, скота. Втыкаешь прямо в стену, в уголки там, в огороде везде, вокруг постройки, везде. Можешь в палисадник красное яичко старое бросить» (зап. от Кривощёковой М. К., 1947 г.р., д. Кубенёво).

«В Ильин день по три дня гуляли. Готовили пироги рыбные, кушанья из картошки, кашу варят, кисель, мясо варили» (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга). «На Ильин день барашка закалывали. И на Успение, и на Ильин день» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег). «На Ильин день ещё курицу резали.

Это поминальное. Суп варили с капустой, морковкой» (зап. от Караваевой Л.Ё., с. Архангельское).

«На этот праздник к нам из других деревень приходили, толпой прямо: и молодежь, и старые, и гости, народу сколько, гармонисты; играют, пляшут, поют. Пели в основном частушки под гармошку» (зап. от Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское).

«В Ильяун на пэлянах играли» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). *«Есть растение такое, вот из него тургун делали, вот в Ильин день обязательно играли на нём, там пыляны еще делали, вольт пикан. Вот несколько штук дудок, большие, ещё чуть больше вырежут, и вот так водят и хорошо. Тургун это называется»* (зап. от Механошина Г.Г., 1937 г.р., Мочга). *На Ильин день в пыляны дудели, один раз в год дудят. Особенно молодежь этими пылянами дудели. Только холостые дудели, женатые — нет. В основном парни (с. Юсьва).*

«С Ильина дня начинали рожь жать. Сенокос заканчивали до Ильина дня, с Ильина дня начиналась жатва. О сенокосе говорили так: «До Ильина дня пуд меду, а после Ильина дня пуд навозу» (зап. от Кочергина Н.И., 1927 г.р., д. Белоево). *«После Ильина дня под кустиками трава уже не сохнет»* (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво). *«Отец говорил: «До Ильина дня сено — пуд меда». Это значит, в траве еще все питательные вещества сохраняются, а после Ильина дня — пуд говна. Уже там нет ничего. «И до Ильина дня, — говорит, — сено сохнет на вилах». Якобы так быстро сохнет, что на вилы поднимешь, оно и то сохнет. А после Ильина дня оно уже не сохнет* (зап. от Питкиной Т.Л., 1941 г.р., д. Белоево). *«До Ильина дня один горох только поспевал, его ели»* (зап. от Боталовой М.С., 1934 г.р., с. Купрос).

«С Ильина уже не купались. «Медведь, — говорят, — заходил в воду, олень». В Ильин день не резали скотину, нельзя, заранее резали» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). *«С Ильина дня на речку-то ходили только умыться. После Ильина дня уже нельзя купаться. «Илья, — говорят, — в воду ссал»* (зап. от Караваевой Л.Ё., с. Архангельское).

Смоленская Божья Матерь, Путеводительница (10.08)

10 августа у нас Смоленская Божья Матерь Путеводительница. Вот одна женщина говорит: «Мы этот праздник

праздновать не будем, десятого-то некогда, работа, дела всякие. Один праздник, — говорит, — праздновали седьмого-то, а десятого уже не будем праздновать. Дак тут такой ураган поднялся, такой ветер. И все-то снопы у них, скирды, крыши, — говорит, — все отнесло. С одного места, — говорит, — взяло, и в другое место поставило. Вышли с иконами, раньше ведь ходили с иконами, и стали ходить по полям. Господь давал все по благословению. Просили Божью Матерь: «Прости нас, мы больше так не будем делать, мы будем праздновать» (д. Тюмень).

Горшан (10.08)

В Терино ещё Горшан был праздник, это 10 августа (д. Терино).

Спасы

«Спас 14 августа, это Медовый Спас, первый» (зап. от Баяндиной З. Р., 1947 г.р., д. Бажино). *«Мёдовой Спас. Это 14 августа. «Первый Спас, рукавички, говорят, надо сплести. Тогда уже холода начинаются»* (зап. от Караваевой Л.Ё., с. Архангельское). *«Первый Спас, рукавички про запас»* (зап. от Шипицыной А.А., 1932 г.р., д. Верх-Мега).

«Второй Спас — это Яблочный, 19 августа» (зап. от Кривощёковой З.М., 1930 г.р., д. Кубенёво). *«Второй Спас девятнадцатого августа, это Яблочный Спас. Раньше праздновали, по деревне ходили. Спас этот постный. Никого не режешь, если старое мясо есть, солёное, на стол ставишь. Но никого не режешь. Овечек не режешь на Спас. Нож-то не надо мартать»* (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурманс).

«А в Третий Спас ходили поминать. Старые люди ходили на могильник» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). *«28 августа — Третий Спас — это у нас праздник в Доеге. У нас на Третий Спас ходили поминать. Старые люди ходили на могильник. Праздник Успение с Третьим Спасом вместе. Не надо воду лить на могильник — это слёзы. Я говорю: «Оставляю птицам?» — «Это, — говорят, — не надо, это птицы клюют глаза покойникам»* (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). *«Степан-то Спас был, вот я родила Степана. Спас — 29 августа, а он у меня родился двадцать второго»* (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново).

Успенье, Госпожа (28.08)

В конце августа празднуется Успение (с. Доег). «Раньше у нас Госпожа была» (зап. от Кудымовой М.В., 1932 г.р., с. Мелюхино). «Госпожа — это Богородица» (зап. от Хорошевой, 1931 г.р., д. Сыскино). 28 августа — это Госпожа. По нашему — это Госпожа. Кто вёл — Госпожа, а кто — Успение (д. Терино).

Говорят: «Двадцать седьмого Богородица, убирай с огорода» (с. Юсьва). «В Успение рожь попевает, пшеница. До Успения всё убрать надо» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег). С Успеньева дня лук убирают (д. Евсино). «Успение — это успеваает всё. Пострыпают, между собою ходят, угощаются. Курицу или петуха на Успение делаем (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег).

«В Успенев день последний раз на кладбище ходят» (зап. от Кочергина Н.И., 1927 г.р., д. Белоево). «Вознесение, Успение, Петров день. Тогда песен не поют. Считали это божественные праздники, у родителей как поминки, у покойников, у родственников. Во все три дня ходим. Всех поминам. И тех, кто не своей смертью умер. Всех поминам: кто задавился, кто отравился» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). «В Вознесенье, Петров, Успенье, там песен не поют, нельзя, это у родителей поминки. Всех тут поминают, и даже тех, кто задавился, кто отравился, всех поминают. Из дома пирог на кладбище несли из рыбы. Рыбу резали маленькими кусочками, и запекали. На кладбище ели. На могилку положим, пирожки тут из сыра — сырнй пирожок, из капусты стряпали, моркови. Яички на кладбище тоже несли, там мертвым клали, конфеты клали, пиво несём — пиво нальют, где голова, тут и выливают. А домой пришли, на стол накрывают, что осталось, то и накрывают. Свечку зажигают, к иконе ставят, тут перекрестятся, помолются, вот и свечку ставят» (зап. от Мальцевой, 1926 г.р. д. Заполье). «С кладбища в Успенье остатки пирога приносим, чтоб корова домой ходила» (зап. от Бычковой А.Г., 1930 г.р., с. Купрос).

Фрол (Фролы-голы, Провдень, 31.08)

«Провдень 31 августа» (зап. от Власовой Ю.И., 1930 г.р., д. Тараканово). «31 августа — Фрол» (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва). «Фролы-голы был праздник. Раньше святой такой был — Фрол» (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга).

Иванов день (11.09)

«Иванов день 11 сентября» (зап. от Власовой Л.Т., 1937 г.р., д. Федотово). *С Иванова дня, который в сентябре, начинали картошку копать, тут не гуляли уже* (с. Юсьва). *«Примечали ещё, если 11-го сентября погода хорошая, то осень вся такая будет»* (зап. от Вороновой М.В., 1928 г.р.).

Семёнов день (14.09)

«Четырнадцатого сентября Семенов день. Если хорошая погода два дня была, то осень хорошая, не дождливая будет» (зап. от Вороновой М.В., 1928 г.р.).

Семён Праведный (25.09)

«Семён Праведный — это уже поминальный день бывает. 25 сентября родителей поминаем. Пирог делаем из рыбы» (зап. от Караваевой Л. Ё., с. Архангельское).

Воздвиженье, Вздвижение, Звиженье (27.09)

27 сентября будет Воздвижение праздник. Тут надо чтобы в огороде ничего уже не было. С 27 сентября — репу режь, а то зима придёт (д. Евсино). *«В Звиженье репу убирают, картошку»* (зап. от Богаловой М. С., 1934 г.р., с. Купрос).

Сергий (8.10)

«Сергий 8 октября, до него надо убрать капусту» (зап. от Крыловой Р.И., 1941 г.р., д. Хутор).

Саватия (Саатия, 10.10)

«Саатия — 10 октября. Пиво делают тут, брагу, гости придут, приглашают» (зап. от Баяндиной Е.А., 1930 г.р., д. Бажино).

Егорий день (16.10)

«Осенью, шестнадцатого октября, Егорий. На Егорий-то ничего не делали, так сварят пиво, а может, квас сделают, картошку пожарят, парёнки напекут. Парёнки пекли из свеклы, калиги, морковки» (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва).

Голендука, Голяндуха, Голяндука, Голый дух

«Осенью Галендука есть. Праздник. Он на второе воскресенье октября бывает. В октябре, когда первая суббота, Го-

лендуковская суббота, и снега нет, и на кладбище-то ходят» (зап. от Боталовой Т.И., д. Дмитриево). «В субботу был поминальный, а в воскресенье Голендука» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). «Второе воскресенье октября — это Голяндук. А накануне в субботу — поминальный день. Поминают, берут пирог, шаньги маленькие на печке мы делаем. Надпыльники называются маленькие, печка топится и тогда печёшь. Блины, яичко» (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино).

«В Голендуку приезжали все родственники» (зап. от Боталов П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово). «В Антипино в Голендуку там в церковь ходят все» (зап. от Власовой Л.Т., 1937 г.р., д. Федотово). У нас празднуют Голяндуху, а в Бажино, там в сторону Юсьвы, там Саватия. Так у нас Голяндуха, а у них Саватия. Иногда бывают на один день. Голяндуха — это поминальный день, куриный праздник. Курицу надо было тушить, варить. Можно тушить на печи и суп варить (д. Дмитриево). «Голендука — куриный праздник. Тогда мясо кури делашь, варишь суп. Кто придёт, того и кормят. Гостей много бывают» (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево). На Галендуку куриц резали и варили суп (с. Архангельское). «Голендука — куриный праздник, куриц резали тут. Курицу резали. Вот тогда они курицу эту варили, суп был с капустой. И это они в печке варили. Они в этой печке запарят, очень вкусный суп» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). «Нигде эта Голяндук-то не написана. Голяндук — куриный праздник. «Курицу, — говорят, — надо резать, варить на празднике и кушать» (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево).

Отмечено своеобразное истолкование названия и сути праздника Голяндуха: Голяндуха — Голый Дух. Это не церковный праздник, это наш, антипинский. Я по слухам знаю. Это сами попы придумали этот праздник, я так считаю, чтобы на зиму запастись курами. Для этого устроили праздник. Его нигде не празднуют. Ни в Европе, ни в Азии, ни в Косе, ни в Гайнах, не в Кудымкаре. Голяндуха, это заморозки, когда уже хорошо заморозит. Священник сказал: «Праздник Голяндуха — это голый дух». Это надо куриц колоть, в печке опалить их, вычистить, обработать и тушки куриные в церковь приносить. И ещё священник проверяет: хорошо обработана тушка или нет. Если её плохо опалили, плохо обработали — он её бракует, говорит: «Этим Господа Бога хочешь кормить? Такими курами? Убери». А для неё какой

позор: при всех её позорят. Вот все стараются всю курицу обципать, и промыть, и вычистить, и опалить, и чтобы она блестела, эта тушка-то у курочки, и такую только принести. Когда приносили тушки — этого хватало на всю зиму (с. Антипино).

Покров (14.10)

«Покров праздновали 14 октября» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «На Покров капусту надо резать» (зап. от Богаловой М.С., 1934 г.р., с. Купрос). Капусту убирают до Покрова. Говорили: «Не жди Покров — капусту секи» (д. Дмитриево). «В Покров снег падёт. До Покрова снега не бывает» (зап. от Калиной Г.Н., 1936 г.р., д. Урманово).

Митрий (Митриевская суббота, 8. 11)

«Седьмого-восьмого ноября — Митрий. Митриевская суббота. Последняя суббота считается родительская» (зап. от Богаловой Т. И., д. Дмитриево).

Демьянов день (14.11)

«14 ноября — Демьянов день. Большинство мужиков ходили друг к другу, всей деревней праздновали» (зап. от Хариной В.В., с. Тимино).

Михайлов день (21.11)

«Михайлов день — 21 ноября. Михайлов день — престольный праздник. В доме украшали все» (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское). «Вечером с работы придём, дак по домам ходим, к подружкам, кто в балалайку играет, кто в гармонь» (зап. от Мальцевой, 1926 г.р., д. Заполье). В Михайлов день по домам ходили (д. Евсино).

МАГИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ

Магические обряды в крае разнообразны и сохраняются в настоящее время по традиции. Они касаются лечения болезней, хозяйственной деятельности, поведения в быту. Колоритные формы имеет общение с природными объектами. Так, например, когда попьешь в лесу из ручейка, то его необходимо одарить: хотя бы выдернуть травку и бросить ее в ручей. До сих пор полагается приносить лесу и лужайкам гостинец. Смысл этих благодарственных жертвоприношений — обеспечить на будущее плодородие природы и удачу себе.

1. Народная медицина

«У нас цветки сирени свекровь положила в пол-литровую банку, потом туда залила самогон, настаивала и потом ноги мазала. Потом надевала носки, чулки. Потом ещё картошка зацветет после сирени и вот белые цветки есть и сиреневые у картошки-то. Белые цветочки ядовитые, их тоже собирали, в литровую банку, самогону нальют и настаивают, мёд ещё положат, дикий мёд, когда травы косишь, медовые пчёлы делают. Видимо, вовнутрь принимали, раз мёд клали» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино).

Ноги лопухами лечили. Из корня можно делать настои на водке, и потом мазать ноги, если болят суставы (д. Завижай).

«Некоторые в молоко муравьев положат. Потом бутылку эту в печку сунешь, и этим раствором ноги мажут, руки» (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево).

От алкоголизма

«В чай заваривали мяту и полынь — от пьянства» (зап. от Селиной М.А., 1933 г.р., д. Николаево). «От пьянства лесного клопа в вине настаивали, кто и налима, и этим больно-го поили» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег).

«От пьянства надо чешую рыбью, рыбину пустить в вино. Настоять. Потом напоить, человека вырвет, и он пить не будет» (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино).

От болезней ног

«Луна стареющая, новолуние идет. Вот я лечу на старой луне, когда луна кончается. Подковы кладут, у кого ноги болят. На ноги положу, поддержу. Потом они у меня становятся ходячие. Даже если разные подковы, все равно. Дед их ещё красил. Красные лучше. Достаточно посидеть. «Сначала, — говорят, — холодные, а потом, — говорят, — как печка там горит». Он босой садится. Подкову надо брать, которую вот старые люди держали лошадь-то, да потеряли, или выкопанную из земли. Вот кто сейчас вторую подкову находит, тот счастливый человек» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

«Вот у медведя когти, длинные вот такие ещё есть. С молитвами читала-читала, чертила, когтем ноги-то. На три раза делала. И вылечила. А кто старинные гальки опять берет, ими чертит» (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево).

От кашля

«От кашля клюку накалят в печке, в ведре в воде подержат, нас маленьких напоят. То какую-то траву соберут подорожную, заварят, напоят нас» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они).

От бессонницы

«От бессонницы осину положат под ноги, под подушку и под кровать. Кругленькое такое полено или ветки. Лечо на грудь привязывают, чтоб тоже бессонницы не было» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). *«Марьин корень, да золотой корень, да женьшень — они три брата. Это когда бессонница, пьют корень»* (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево).

От опухоли

«Пасхальное яичко опухоль хорошо снимает» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). *«Опухоль можно просто мёдом мазать, или на лопух мёд сделаешь и положишь на больное место»* (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег).

Килу лечить

«Вот килу лечили, нарыв-то. Бабушка у меня раза три или четыре крестила с молитвами. Палочкой берёзовой, коей в печке мешают, вот этой палочкой крестят килу-то» (зап. от Власовой Ю.И., 1930 г.р., д. Тараканово).

От боли в спине

«Если спина болит, обухом полечим. Топором просто рубим, по спине стукаем. Через веник» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Спина заболит, возьмут листья лопуха, капусты и положат на спину, перегорелой мочой ещё мочат. Баню топишь, да не ходишь долго, вот потом этой мочой и мажешь спину. Это называется перегорелая моча. До бани мажешь, а потом в бане моешься, да и всё» (зап. от Хорошевой М.А., 1930 г.р., д. Сыскино).

Грыжу лечить

«Поживотная грыжа есть. Надо старые деньги взять, медные, и прямо на грыжу клеить, так и ходить. Ещё на грыжу веник положу и топором порублю — со словами» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

В бане мама грыжу лечила. Баню топили. Мама-то сидит на пороге в бане, грызёт платок, а её на улице спрашивают: «Чё грызёшь?» — «Грыжу грызу». Маленькому. Когда грызёт, так платком его закрывали на руках (д. Пет-Бор).

«Чертили по мошонке безымянным пальцем, чтобы перестало болеть. Чертили, крест делали. Девять раз надо было чертить, и девять раз крест делали. А если сучком чертишь, тоже девять раз делают» (зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доег).

«Пуп лечили. Рос возьмут, берёзовый рос. Веник без листьев мы называем «рос». Вот рос поставят и крутят. На пуп комлем ставят и поворачивают по часовой стрелке» (зап. от Аникиной Ф.П., 1949 г.р., с. Доег).

Грыжи бывают и пуповые и в мошонке грыжи бывают. Когда пуповая — зеркало тут держат или медный пятак, привязывают. Положат на пуп, а потом привязывают. Если в мошонке грыжа, тогда чертили. Отломают от веника прутик, на полу обведут три сучка и потом этим прутиком грыжу обведут (с. Антипино).

Если грыжной ребёнок, живого мышонка поймают, голову ему отрежут и этой кровью больное место мажут (с. Антипино).

От всех болезней

«Кто очень болеет, не могут вылечить, надо идти на кладбище, найти могилу человека, который болел такой же болезнью, и потереть, например, спину или ногу землей с могилы со словами: «Забирай все мои болезни, чтобы я не болел. Как ты там не болеешь, так чтобы и я не болел». Там положишь ему конфетки или что, помянёшь, покушаешь. У некоторых на ногах растут такие косточки. Вот надо идти, потереть и сказать: «Забирай мои болезни». Или спина очень болит, потри на такое имя. И надо потереться о крест» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

«Первый веник надо бросить между ног, чтобы все болезни ушли. Вот попаришься, на улицу выйдешь, в предбанник, и бросишь» (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино).

От зубной боли

«Зубы чесноком заговаривают или салом, их на десну клали» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «У меня зубы болели, так солью лечила» (зап. от Боталовой К.П., 1924 г.р., д. Мосино).

Раньше старики курили трубку, там оставался никотин. Вот этот никотин клали на бумагу и на зуб. Корни пыляна ещё мы клали на зуб. Когда зубы выпали у маленького, нам говорили: «На полать брось, на полать через плечо брось и скажи: «Мышке мясной зуб, а мне костяной» (Шырва яй пинь, а мэнам коска пинь — с. Антипино).

На пятницу, когда солнце приходит к заходу, надо ногти постричь и сжечь, чтобы зубы не болели (с. Антипино).

«У меня зубы лечили, вот чёго-то наговорили на хлеб, дали мне и не велели ни с кем разговаривать. «Если кто навстречу попадёт, стороной иди. Домой иди и сразу ложись спать, ни с мамой, ни с кем не разговаривай, только так держи. Утром проснёшься, и не будет зуб болеть» (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново).

От эпилепсии

«Если мужчина страдает припадками, женщина на лицо ему садится или мизинец крепко ему сжимаешь. Кровью его поят. Например, скотину режешь, ему дай двести грамм кровь. Мясо лося, медведя, поросёнка есть заставляют» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

От похмелья

«Раньше навоз, от лошадей, на марлю завяжешь и положишь на виски. Как рукой снимет: хоть похмелье, хоть что» (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново).

Щитовидку лечить

«Например, у человека щитовидка больная. Жабу поймем, приложим к щитовидке, потом дуем жабе в рот, потом повесим её на сухое дерево: «Как это дерево сохнет и эта лягушка-жаба, так же у нас щитовидка потеряется» (зап. от Баяндиной М. И., 1954 г.р., д. Гавино).

Чирей лечить

«Солод делали раньше, квас-то пили, бражное делают. Это выпьешь, и чирья не будут. Бражное немножко положишь, чтобы кисленьким стало питьё» (зап. от Аникиной Ф.П., 1949 г.р., с. Доег).

«Яички пекли, оттуда масло выходило, вот им болячки мазали» (зап. от Боталовой А.А., с. Антипино).

Воспаление лёгких лечить

«Делаю компресс, шаль замочу суконную, сто грамм вина налью на неё и замочу, вытянет всё воспаление» (зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурмэс).

«Даже взрослые сейчас лечатся: иди на кучу муравьиной, рубашку-то сними и в кучу бросай. Там в куче-то кислота есть. Вот кислоту-то напустят. Потом стряхиваешь всё, и на себя одеваешь. Это от воспаления легких» (зап. от Хорошевой М.А., 1930 г.р., д. Сыскино).

Бородавki лечить

«Бородавki ниткой обвязывали, вечером, потом эту нитку в землю закапывали» (зап. от Аникиной Ф.П., 1949 г.р., с. Доег). «Соседка говорит, у меня на глазу бородавка была. Она завязала три узелка, льняной ниткой вокруг, и три узелка. Потом в горшок с цветком положила. Потом второй раз ещё сделала, через несколько дней, тоже три узелка и в другой горшочек спрятала, в землю зарыла. На бородавке завязывала. И третий раз так, и бородавка прошла» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). «Бородавki нитками лечат. Вот вяжут, тожно считают: «Девять, восемь,

семь...», — считают и завязывают девять узелков. Горшок поставим, в него воду нальём, чтобы сыро было, и нитку бросим. Эта нитка сгниёт, а потом и бородавка пропадёт» (зап. от Тюляевой А.И., 1932 г.р., д. Терино).

«Бородавки чистотелом мажут» (зап. от Тюляевой А.И., 1932 г.р., д. Терино).

От болезней глаз

«Грудным молоком впрыскивают, когда начинают глазки болеть у маленького» (зап. от Мальцевой А. И., 1924 г.р., с. Доег).

Горб лечить

«У Толи на спине горб стал. Бабушка на живот положит его, на колени и держит: лопушник — мать-и-мачеха-то, его в воду горячую и на спину. Так всё и прошло» (зап. от Бурлаковой В.Г., 1933 г.р., д. Капилино).

Икоту лечить

«Я слышала, что люди с икотой есть, их опаивают чем-то, там воду с покойника возьмут, вот покойника обмыли, на этой воде что-то сделают, лягушек туда напустят и напоят человека. Он станет, ну, допустим общаться, и вдруг не своим голосом начнёт говорить или ругаться начнёт, или ещё что-то, песни петь. Ни с того, ни с сего. И этот человек уже и сам понимает, что уже не то говорит: «Икота у меня, баитен икота». «Баитен» — это говорить. Иногда икота бывает мужчина, в женщине икота — мужчина, иногда женщина может в мужчине быть. Знающие люди, шептуньи-то, вот они и делают. Мне говорили, что утром встанешь, с запотевшего окна ладошкой снимешь всё и лицо обмажешь, или вечером это надо сделать. Помогает» (зап. от Крохалёвой В.С., 1956 г.р., с. Крохалёво).

Оспу лечить

«Ветряная оспа, она чего просит, то и дай. А де просила вино пить, сама маленькая, а вино просила. Это, говорили: «Не ты просишь, а болезнь просит». Не принесёшь, человек умрёт. Оспу в бане мыли, редькой натирали» (зап. от Котельниковой П.Н., 1931 г.р., д. Мочга).

«Оспа была, какая-то корюка. Мы с мёдом всё время пивали чай. Отец пчёлами занимался. Мёдом вылечили» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег).

Порчу находить и лечить

«Чтоб обнаружить порчу, возьми деньги, кююру бумажкой, и зажги. Если она будет гореть красным огнем, то, значит, все в порядке. А если будет синим цветом гореть — испорчен. Бумажку-то на ладошке надо поджечь» (зап. от Гилёвой г., 1960 г.р., д. Ганёво). «А порчу как ещё проверяют? Если у тебя золотое кольцо есть при себе, так возьмишь, проведёшь по щеке, лбу, и полоса-то останется, вот это порча и есть. Я свечкой еще проверяла. Если свечка трещит у человека, значит у него порча» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

«Порча от сглаза отличается. «Уй, — говорят, — чё, уй, ты какой красивый, лицо у тебя какое красивое», — и всё, сглаз. Чтобы человека не сглазили, надо носить красный платок или чё-то красное, на ниточку на ногу сделаешь, чтоб не сглазили. А порча это другое. Кто-то тебя хлопнет, или от слов проклятие идет: «Иди ты туда да такая да сякая». Порча может по наследству передаваться. Или скотину кто-то погладит или скажет: «Ой, у тебя молока-то сколько, да чё». И молоко корова потеряет. И по ветру порчу пускают, и по дыму пускают. Вот, например, тебе кто-то зло задумает, через печку порчу делают, дым-то идет из печки, на него, а там уж на человека, если встанет на дым (зап. в д. Гавино).

«Всякие есть порчи. Например, жабча — это такая жаба. Тут надо жабу заловить, положить, где у тебя жабча. Потом жабу-то надо повесить и сказать: «Как эти ветки сохнут и мокнут, так и у меня раба Божия всё исчезло, чтобы все боли исчезли». Жабчу-то повесят, например, где-то, при ягодах, она там сохнет. А если мышья, тогда мышья надо поймать».

«Порчу свечкой лечат, осиною, словами. Осину наломаешь, кладёшь в тазик, на убыль месяца это. А летом осиновым венником нашлапеаешься. Можно яичком крутить, если у человека очень большая порча, яичком крутишь, там порча собирается, на яичке чернота остается, его выкидываешь на улицу, на перекрёсток. Желательно не на дороге, куда-то в сторону надо, чтобы люди не забрали на себя. Например, кладёшь где-то, где люди ходят. Человек пройдёт и заберёт на себя. Я у кого снимаю порчу, потом очень болею. Полечили, надо быстрее в бане мыться, или святой водой брызгать. Ты ведь свою энергию даешь, а у него забираешь болезнь. Очень опасно» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Я порчу крутила медвежьим

когтем. Ещё зачерчиваю когтем и сухой веточкой делаю» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево). «Было и такое, что воду выливали на вилки через ручку дверную. Не через одну, за три штуки надо было лить. Сверху лить воду на вилки, на ложки и на ножницы, и «Воскресную молитву» читать. И потом ещё крестить воду надо было. Это тоже хорошее дело» (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново).

Жар лечить

«Угольки из печки достанут в воду пустят, обрызгают этим, если температура» (зап. от Шавшуковой Л.Т., 1939 г.р., п. Майкор). «Редькой мазали спинку от температуры» (зап. от Боталовой А.А., с. Антипино).

Голову править

«Голову править. Я только платком завяжу и кручу сколько он терпит, из-за этого проходит головные боли» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево). «Если голову стрясеешь, к бабкам идешь. Руками трясли. Щетки делают из лыка, мочала. Меряют голову от ямки, до туда. Меряют. И которая сторона больше, которая меньше, смотрят. Тогда руками трясут» (зап. от Хорошевой М.А., 1930 г.р., д. Сыскино).

Артроз костей лечить

«У свекровки артроз костей был. Вот она велит: «Идите на муравейник, поставьте бутылку». Пустую бутылку туда ставим, туда муравьи залезут. На следующий день принесем эту бутылку, муравьев полно. Она закроет бутылку, поставит на окно, на солнышко. Потом получается муравьиный спирт — этим она и мазала суставы» (зап. от Кривошёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино).

От болей в животе

«Вот живот скрутит. Бабушка банку возьмёт, на живот или на пуповину поставит. Внутрь банки она положила кудельку. Кудельку прежде сжигала и в банку» (зап. от Кривошёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино).

От болей в пояснице

«На покос идешь, траву прикладываешь к спине. И не только на покос. Баба у меня идет в огород косить, скосит,

где помягче, раз скосит, два скосит, в фартук положит и повяжет на поясницу. И дальше косит. Раньше ещё валиками гладили. Эту штучку возьмут и по спине катают» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино).

От головной боли

«В лесу растёт муви, как земляное масло. Как жидкость, сама-то чёрная. Это от головной боли мазать. И волосы растут очень хорошо» (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново).

От ячменя

«Хлебушком делали, как в глазах-то прыщички будут, зной, по коми-то «чучаняня». Не очень горячий кусочек хлеба тюкаешь в чучаняню, потом собакам бросишь» (зап. от Тюляевой А.И., 1932 г.р., д. Терино).

От болей в горле

«Горло болит, дак в чулок или платок заверну золу из печки горячую и приложу» (зап. от Никоношина Г.Г., 1937 г.р., д. Можга).

Лечение и обереги, связанные с травами

«Душица — душевная трава. Это успокаивающее. Приятный запах, душу отвести. От расстройства. Мало ли расстроился, заварил травочку и попил. У телевизора посидел и легче на душе стало. Душицу ложим и для засолки, и в огурцы, и в грибочки, и в капусту, и везде, и пиво замешаешь, туда тоже ложим, квас замешаешь деревенский, душицу тоже туда ложим» (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «Душица, это мати трава» (зап. от Аксёновой З.А., 1931 г.р., с. Крохалёво).

«Золотой ус каждый день надо по одному листу жевать. Это от простудных заболеваний, раковые тоже лечит» (д. Завижай).

«Редьку сырую надо есть, чтоб у женщины молоко было. Натрешь с квасом, с картошкой. Редька с медом как лекарство. Засверливала дырку в редьке, туда мед наливала и в печь ставила. Это от кашля» (зап. от Боталовой Е.К., 1924 г.р., д. Савино). «От кашля-то процедишь чёрную редьку и сок пьёшь» (с. Антипино)

Герань тоже лечит. В ухе будет стрелять, листочки возьму, изомну, в ухо положу — быстро боль проходит (д. Завижай). «За ухо возьмешь герань красную положишь, и боли утихают. Ещё красной геранью зубы лечит. А розовая и белая, чтобы красиво было на окне» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). «Герань растёт на окне — берешь листочки и на лоб, если голова болит» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино). «Герань душистая от моли, дескать» (зап. от Аксёновой З.А., 1931 г.р., с. Крохалёво).

«Осиной моются, запаривают лист. Осина все порчи и болезни убирает: «Осина, забирай все мои болезни и порчи. Убирай». Говорю ещё: «Банюшка, матушка, чистое тело, убирай у раба божию (имярек) все болезни» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «Спина болит, надо осиновое полено подкладывать. А кору осинову от зубов заваривают» (зап. от Хариной В.В., с. Тимино).

«Тягун-трава все болезни вытягивает. Травочка такая есть, листочки ещё такие как шишечки, ягодки» (зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино). «Тягун белый. У кого грыжа, ну грыздит, там ноги да чё да болит. Попьёшь, и легче станет» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег).

«Конский щавель от всех болезней» (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво).

«Желтая ромашка от желтухи. И белую и желтую собирают. Специальная женская ромашка есть. Пьют ромашку, когда менструации плохо идут и когда женские боли» (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «Я больше желтую ромашку собираю. Она от желудка. Говорят, она от женских болезней, но от желудка она тоже очень хорошо» (зап. от Кривощёковой З.М., 1930 г.р., д. Кубенёво). «У меня печень болит, так жёлтую ромашку, пажму пью. Белая ромашка — это от кашля. Мохнатая — это от поноса. У жёлтой — вся ромашка жёлтая, и лепестки и всё жёлтое, у белой ромашки — лепестки белые, серединка-то жёлтая. А есть маленькая ромашка, у неё листики маленькие-маленькие, на укроп похожи, это от поноса (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). «От печени ромашка будет. От зубной боли тоже белая ромашка помогает, настаиваешь и полоскаешь» (зап. от Кудымовой М.В., 1932 г.р., с. Мелюхино).

«Цистарник голубеньким цветет. Вот, когда нога заболит, рука, им лечишь. Только роса отпала, и надо собирать.

Травы надо до обеда собирать» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво).

«Клевер я нынче с поля собирала, клевер-юрса, головки такие, сушили и пили от давления» (зап. от Кудымовой М.В., 1932 г.р., с. Мелюхино).

«Вирьжа-турун — это чистотел, от печени, от желудка пьют» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). *«Чистотел по одному листочку ем в день, он очищает организм, и от кожных заболеваний помогает»* (зап. от Аксёновой З.А., 1931 г.р., с. Крохалёво).

«Черёмуху от поноса пьют. Ягоды завариваешь и черёмуховую кору пьёшь» (зап. от Бурлаковой В.Г., 1933 г.р., д. Капилино).

«Уразная трава, зверобой собираю. Зверобой от поноса и от всего» (зап. от Кривошековой З.М., 1930 г.р., д. Кубенёво). *«Зверобой ещё есть, их два: один полевой, а другой болотный. Болотный не знаю, пьют, не пьют, только спринцевать, если по-женски болеешь. У него жёлтые цветы, им ещё можно раны лечить. А другой красный-красный, вот его в чай завариваешь»* (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурмэс). *«Зверобой от кашля»* (зап. от Семушевой З.Е., 1929 г.р., д. Анохово). *Зверобой для очищения печени и сосудов* (д. Сивашер). *«Зверобой от давления пьют»* (зап. от Кудымовой М.В., 1932 г.р., с. Мелюхино). *«Зверобой пила болотный. Он девяносто болезней лечит»* (зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доег).

«Пижму я вот сначала кипячу, а потом прямо в геркулес кладу, чтобы поноса не было» (зап. от Кривошековой З.М., 1930 г.р., д. Кубенёво). *«От поноса пижма. Её от нервости тоже хорошо»* (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурмэс). *«Пижму я заготавливала для телёнка, чтобы не было поноса»* (зап. от Бурлаковой В.Г., 1933 г.р., д. Капилино).

«Щавель — это тоже хорошо от поноса. Мелкими-мелкими листьями растёт, кучками, ножки у него тоненькие. Большой щавель кисленький, а это не кисленький» (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурмэс).

«Можжевельник суставы лечит. Где болит, намочишь тряпочку, привяжешь, и всё проходит» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). *Ягоды можжевельные осенью надо собирать. Их от почек можно* (д. Сивашер).

«Семигодник надо есть после родов. Растёт на крутых местах» (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурмэс).

«Перевой (перелой) это тоже от женских болезней помогает, от водянки. Красный перевой как гвоздика растёт, листья маленькие у него, и маленькие красенькие лепестки. А белый перевой — листья большие синеватые немножко, он на сыром месте растёт. А красный перевой растёт на сухом месте на кочках. И всё это заваривать надо» (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурманс). «Меня бабушка от цистита перевоем лечила. Такая трава высокая. Один цветочек только, листья очень узкие, длинноватые. Просто пить надо» (зап. от Шедовой Е.С., с. Доег). «Перевой лечит половую систему. На болотах он растёт» (зап. от Исаковой З.Г., 1952 г.р., д. Асаново).

«Бражник-то есть, его заваривали и пили от поноса» (зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурманс).

«Подорожник от поноса тоже хорошо. Можно корнями заваривать. И скотине тоже хорошо, тоже от поноса» (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурманс). «Подорожники — это мужскую слабость раньше лечили. Надо заварить с корнем и с метёлочками. Чем больше метёлочки, тем сильнее» (зап. от Боталовой Р.М., 1931 г.р., д. Рудаково). Подорожная трава желудку помогает (д. Евсино).

«Вереск пьют от поноса, от кашля, заваривают ягоды» (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурманс).

«Тысячелистник — это тоже хорошо, живот когда болит» (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурманс).

«Мята — мочегонная трава» (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурманс).

«Мухомор от остеохондроза. Я настойку делаю, втираю. Настойку делаю на водке, на самогонке, стоит дней двадцать» (зап. от Хариной В.В., с. Тимино).

«Крапивой парились. Место, где болит, там не жжёт крапива, а где не болит, там крапива-то жжёт. Потница, сыпь-то такая, вот крапивой попаришь, и легче станет» (зап. от Бычковой Л.И., 1927 г.р., с. Крохалёво). «Чтобы волос густой был, запаривали крапиву и мылись» (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево). «Когда красные пятна у детей появятся на тельце, говорят: «Это чесотка». Тут белую крапиву заваривали и мылись. Она цветёт белым и не жалится» (зап. от Мальцевой Е.В., 1926 г.р., д. Мочга). «Майскую крапиву пили от болезней ног» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег).

«Алойка. Сок алойки на сахар и соси — от головных болей. Алойка вообще успокаивающее растение» (зап. от Кривощёковой А.Ф., 1947 г.р., д. Калинино).

«Порськок, репейник по-русски, его на поясницу кладу, когда ломота. Сами листья» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино).

«Календула от женской язвы. И календула хорошо лечит, и луковые тампоны, на тёрке натерёшь да сок процедишь. Лечиться надо крестом и выгонять надо крестом. Вот брюхо крестить, ниже пупа крестить, это всё печени и двенадцатипёрстная кишка. Всё надо крестить, во имя отца да» (зап. от Боталовой А. А., 1938 г.р., д. Дмитриево).

Борщевик заваривали и этим раствором мыли всё тело. Краснота спадала вся (с. Архангельское).

«Укропом лечили почки и мочевого пузырь» (зап. от Бурлаковой В.Г., 1933 г.р., д. Капилино).

«Шпинат от слепоты, от остеопороза» (зап. от Аксёновой З.А., 1931 г.р., с. Крохалёво).

«Вишня от зрения помогает» (зап. от Аксёновой З.А., 1931 г.р., с. Крохалёво).

«Сельдерей — мужская трава. Потенцию мужскую увеличивает» (зап. от Аксёновой З.А., 1931 г.р., с. Крохалёво).

Мокрица от отеков. Ее заварить и примочку сделать (д. Сивашер).

«Кочникан — сныть, помогает от ревматоидного палеотрита. Весной сразу похлёбку варю. Листья-то как у поляна. Сныть велят квасить» (зап. от Аксёновой З.А., 1931 г.р., с. Крохалёво).

«Котовник — это лимонная мята. Листья как у крапивы. Коты любят котовник. От сердца» (зап. от Аксёновой З.А., 1931 г.р., с. Крохалёво).

«Коланхое жуу, когда зуб болит» (зап. от Аксёновой З.А., 1931 г.р., с. Крохалёво).

«Папоротник есть мужской и женский. Мужское — мужским лечат, а женское — женским» (зап. от Крохалёвой Л.С., 1927 г.р., с. Крохалёво).

Иван-чай — это же кипрей. Розовый кипрей. Его собирать можно в сухую хорошую погоду до июля. Нужно знать, когда собирать, и по звёздам, и когда человек родился, и под какой звездой (с. Архангельское).

«Сирень белую собрала, настояла на водке десять дней, самогон варила, дак первым ныром, первачком-то, потом ноги мазала» (зап. от Швецово́й А.Е., 1924 г.р., с. Купрос).

«Из пихты пластырь делали, нарыв лечили. Пихту, мед положишь чуть-чуть, воск, сало — овечье сало на тряпочку положить, вскипятить только сначала, и вот это тянет все, весь гной» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево).

Сосновые шишки настаиваю два месяца. У меня почки больные, песок в почках, и вот этот настой надо пить. В трехлитровую банку до половины делаю шишки, а потом доверху, до горлышка водку надо. Это понемножку надо пить. Надо каждый день пить, глотка два-три (д. Сивашер).

2. Животноводческая магия

Корову выбирать

«Корову сама выбирала. Корову надо выбирать так, если ты черненькая, тебе надо черную корову держать, если ты светлая, то белую корову. Вот у меня белая корова. Белая корова, она меньше радиации поддается, и молоко у нее вкусное» (д. Завижай).

«Чтобы корова дойная попала, у неё хвост мерили, ниже колен должен быть» (зап. от Боталовой Л.С., 1936 г.р., д. Мурмэс). *«Если хвост у коровы длинный, корова хорошая, молоко будет давать»* (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор). *«Когда выбирают, говорят: «Хвост надо длинный. И вверху твёрдый, а внизу-то мягкий»* (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенево).

«Корову выбираю вот так: если между костями три пальца лезут, корова хорошая» (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурмэс). *«Если три пальца влезут между рёбрами, корова дойная»* (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор). *«Пальцы между рёбер положишь, если три пальца уже входит, значит, будет дойная, молочная корова»* (зап. от Семушевой Г.К., 1963 г.р., с. Доег). *«Если между рёбрами три пальца лезут, вот тогда она даёт много молока»* (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). *Если у коровы под последним ребром, которые около хвоста, три пальца входят, значит, очень дойная корова* (д. Завижай).

«Молочные жилы на вымени если толстые, корова дойная» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег).

«Ещё смотрят между рогами и глазами, чтобы было расстояние большое. Чем ниже глаза от рогов, тем лучше. Длин-

ное молоко будет, долго будет доиться перед отёлом» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино).

У молочных коров кожа тоненькая (с. Антипино).

«Ноги толстые, шерсть долгая, значит, густое молоко будет. Эта корова молосная» (зап. от Котельниковой П.Н., 1931 г.р., д. Верх-Мега).

Чтобы корова домой ходила

«Когда корову покупаешь, заводишь в ограду, хозяйкин пояс бросаешь, через хозяйкин пояс она должна пройти» (зап. от Боталовой П. М., 1936 г.р., д. Новосёлово). Когда корову покупаешь, бросаешь «вонь» на землю, веревочки-то из лаптей, и когда продавать будешь, тоже бросают. Корова обязательно переступить должна через это (с. Архангельское). «Купят корову, так через красную верёвку переводят, на подворотню её бросят, знаете плаха-то. Красную верёвку положат, раньше ведь лапти носили, вот из шерсти вяжут эту верёвку как» (зап. от Мальцевой А.И., с. Доег).

«Ещё если корову покупаешь, надо ленточку на голову тёлке повязать, чтобы к старым хозяевам не бегала» (зап. от Семушевой Г.К., 1963 г.р., с. Доег).

«Переводишь скотину домой до солнца» (зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). «А в дом заводишь, скажешь. — Соседушко-потапушко, люби мою скотинушку, пой, корми, чисто води» (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва).

В новую конюшню в первый год не заводили корову, вообще не надо держать корову в новой конюшне. На новой конюшне, где этот мусор, корова пропадет. А уже на второй или третий год можно (д. Завижай).

Первый раз скотину выгоняю в мае вербой святой. Тут надо говорить: «Во имя Отца и Сына и Святого духа иди с богом, со Христом! Аминь, Аминь, Аминь», — и перекрестить. Вербой перекрестить (д. Завижай). «Веточкой вербной провожать скотину в первый раз, и наговариваешь: «Приходи домой, не забывай дом» (зап. от Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское). «Когда скотину провожаешь, верба есть, вот ей освещаешь, крест делаешь и говоришь: «Давай, моя матушка, иди с Богом и вернись с Богом». Это когда первый раз выгоняешь. Или говорят ещё: «Как муравьи тащатся домой, так же ты, Заря, Боря, моя скотинушка, домой» (зап.

от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). «На корову говорим: «Господи, благослови». Выпускаю: «Идите с Богом, вечером придите» (зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурмэс). «Корову первый раз выгоняют с вербочкой, её прямо из дома гонят с вербочкой до пастбища» (Зап. от Исаковой З.Г., 1952 г.р., д. Асаново). «На Пасху эти самые ивовые прутья от Паски, с прутьями выводим корову. Просто выгоняем этим прутьям, да у порога выставляем. Пояс выкладывают у порога некоторые, чтобы скотина перешла его» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). «Если корова не идёт домой, через поясок надо выгонять. Наговаривать молитву надо» (зап. от Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское).

«Когда первый раз выводил корову на луга, берёшь её след, вот она за ворота-то вышла и оставила след, вот его и берёшь. Или землю берёшь, где корова спала в конюшне, и кидаешь её наверх, на сеновал. Корова всегда будет ходить домой» (зап. от Аксёновой М. Ф., с. Крохалёво).

«Когда будешь отпускать корову, тогда надо теребить шерсть. Потом положишь её наверх, на грядку, чтобы домой приходила» (зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доег).

Чтоб хозяйку знала, будешь корову утром поить — плюнешь в подойницу (с. Антипино).

«В Семик ходим на кладбище и в Успение. Иногда остатки пирога приносят, скормить, чтоб корова домой ходила» (зап. от Бычковой А.Г., 1930 г.р., с. Купрос).

На удой коровы

«Если корова не поддаётся доиться, надо привязать её, зажечь свечку и три раза прочитать «Воскресную молитву». Потом эту свечку в чёлку корове замотать» (зап. от Семушевой Г.К., 1963 г.р., с. Доег). «Чтобы корова не лягалась, её погладишь три раза и скажешь: «Сери серебром, будь молодцом». Она и не лягается» (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурмэс).

«Когда доишь корову, вымя-то вымоешь, вытрешь полотенцем, и мокрое полотенце положишь на поясницу, чтобы не быркалась» (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское).

Кабалу писать

«Вот были колдуны, закрывали глаза корове, и корова не находит дорогу домой. Около пня может ходить кругом в

лесу, и не может выйти, всё вокруг сгрызёт, ничего уже нет, кругом ходит, и уйти не может. Тут такое рассказывали. Медведи таких не трогают. Я слышал, какой глаза отведут от дороги, эту корову ни медведи, ни другое зверье не трогает, потому что её леший пасет» (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино).

«Был у нас в деревне колдун один. И он писал кабалу. Я в шестом классе училась. Пошла в лес грибы собирать. Вижу, на сосне висит бумажка. Высоко на ветке. Кто повесил? Забралась на сосну, не знаю, как и забраться-то смогла, пошла по ветке, потом на землю спустилась. Домой пришла — сестре показываю. Она: «Откуда? Неси обратно скорее. Это колдун так повесил». Кабалу пишут, когда ищут корову. На кабале-то я читать не могла, там заигулилки были какие-то. Листок был порванный, и на этом листке все полностью было написано. У нас потом корова погибала» (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино). «Когда телята баловались в лесу с бесом, дед Егор на лепестине (=пластина бересты) письмо писал и сам его в лес на пень уносил. У нас как-то колхозная корова потерялась. Значит, позвали его, он пришёл, на лошади приехал верхом, написал, понёс и положил на пень. Корова пришла» (зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доег).

«Когда корова потерялась, мы писали молитву на бересте, потом это клали на пень. Уголочком надо писать, чтоб этот отпустил скотину, тот, кто её в лесу задержал. У него имя-то меняется через два года. Я когда жила, меня одна женщина учила, которая знала, понимала, дак писала я: «Дмитрий Дмитриевич». А потом два года прошло, другие тут потеряли скотину, тут уже писали: «Василий Васильевич». Через два года имя уже меняется у него. Там пишешь эту молитву. Чтоб он отпустил, благословил, пишешь на бересте-то, такая длинная чтоб была содрата. А потом эту бересту закрутишь и несешь. Несёшь утром рано, когда ещё до восхода солнца. Кто понимает, это принесёт, положит и рядом угощение ещё положит. Рыбный пирог делаешь, и ещё всякую стряпню, и конфеты тут, и печенье. Потом полчаса пройдет, и мы пойдем искать. Когда пойдем в лес, тот, кто знает, берет спички, коробок спичек, и идет, идет. Шагает, смотрит куда-то в небо, смотрит и спички ломает, ломает, ломает, потом эти спички остальные возьмет и вот так

через левое плечо, которые в коробке останутся, бросит. Она впереди идет, молитву читает, а мы за ней идем. Потом знающий-то говорит: «Пойдемте, сейчас мы найдем». Вот в этом месте и найдем, где скажет. И мы точно пойдем туда и скотину найдем» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «В письме его имя пишут или медведя, их просят от-дать корову» (зап. от Никоношиной Г.Г., 1937 г.р., д. Мочга).

«Леший корову в лес загонит, тогда знающего человека зовут. «Тогда, — говорят, — следы какие-то кидать надо, жребий». На болоте в одну сторону кинут, в другую, четыре штуки кидали. Какие-то бумажки. Корову найдут потом» (зап. от Караваевой Л.Ё., с. Архангельское). «Леший может на-водить скотом, держать у себя, не выпускать. Вот у нас про-пала корова, нам сказали: «Пропадёт, если она девять суток домой не придёт». Мы искали эту корову, молитвы читали. На бумаге писали «Отче наш», и ещё какую-то молитву. И всё на перекрёстках оставляли. Вот отец-то на девятые или на восьмые сутки отправился к знахарю за Иньву, в деревню Мурмос. Взял навоз от коровы и что-то ещё. Знахарь и сказал: «Ты домой вернёшься, и корова придёт». Он домой вернулся, сел покушать и слышит, мычит корова. Корова-то пришла, вот эта задняя холка вот так вот вся поднята, как будто корова висела на хвосте. Знахарь сказал потом: «Если бы ты пришёл на сутки позже, то корова бы пропала». Значит, он как-то выпустил из рук лешего» (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво). «Чтобы корову найти, ещё как-то вязали столу ноги наперекось поясочком, крест-на-крест и «Воскресную мо-литву» читали» (зап. от Боталовой А.А., с. Антипино).

«Кто кабальное письмо пишет, его леший избивает. Вот он написанное вешает и быстро бежит из лесу, иначе леший его догонит и до полусмерти избьёт. А как ино, корову, ко-торую он себе взял, теперь возвращать придется» (зап. от Кривошековой Е.А., 1940 г.р., Кривошекова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино). «У нас корова как-то ушла, нету, долго не было. Вот велели на пенёк нам унести хлеб, каравай и пол-литра водки. Мы унесли, на пенёк-то поставили, а на завтра-то корова вышла. Мы искали дён двадцать, покуда это на ночь не оставили. Из лесу-то ещё когда стали выходить, нам впе-реди такой коршун большой дорогу закрывал, и так делал, и так, идёт прямо перед нами. Жутко тогда было» (зап. от Зыряновой М.И., 1926 г.р., с. Крохалёво).

Забивание скота

«Корову резать, мужиков приглашали со всей деревни» (зап. от Петровой А.В., 1940 г.р., д. Ганёво). «Чужой человек режет скотину, а хозяин разделявает» (зап. от Мальцева Н.С., с. Доег).

«Перед тем как резать, положишь скатерть на стол, чтобы дальше все родилось. На стол в доме ставили хлеб и соль» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово). «Когда забиваешь, дома на стол ставишь суп, рыбный пирог делают, хлеб» (зап. от Петровой А.В., 1940 г.р., д. Ганёво). «Когда режут скотину, на стол поставят хлеб, соль, водичку. Потом всё это съедают те, кто резал» (зап. от Власовой Л.Т., 1937 г.р., д. Федотово). «Корову у меня Травкой звали. Ещё Золушка была, Вьетнамка, Китайка, Ромашка, Акула, так коров-то звали. Которых продавали, на мясо сдавали» (зап. от Баяндиной А.П., 1930 г.р., д. Петухово).

3. Строительная магия

Выбирать место для строительства

«Для строительства дома место выбирают ровное, и ближе к воде. Или на горе. Я на угоре жил. «Под угор, — говорят, — нельзя строиться, жизнь плохая будет, под угор если» (зап. от Назукина В.П., 1929 г.р., д. Елизаветово-Пожва). «Отец мне говорил: «Где спят овцы, на это место нельзя ставить дом. Это такое место, где людям нельзя жить. Вот сосед поставил дом на таком месте, дак недолго пожил, умер, потом сына убили, потом второй умер, третий сын трагически погиб, потом жена-хозяйка умерла» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). «Нельзя ставить дом на среднюю межу. В огороде, например, бывает в середине огорода межа. Вот у нас один сосед поставил свой дом вот на такую межу («шершь» — средняя межа), через год ли, два у него сын погиб» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино).

«Раньше выбирали, чтобы ровное место было, чтобы огород был ровный» (зап. от Калиной А. А., 1939 г.р., с. Тимино).

«Дом строили, водоносный слой искали, колодец копать. Брели металлический прут «П»-образной формы, на концы вешали два магнита по полосам. Если концы прута смыкаются, считается, что там близко водоносный слой. Стаканы клали. Если сильно стенки потеют, значит, вода близко. Выделяется,

значит, там большие конденсату» (зап. от Шавшуковой Л.Т., 1939 г.р., п. Майкор). «Ещё сковородку переворачивают, и если там появляются капельки воды, вот тут, значит, близко вода, тут и колодец роют. Если лопушник растёт, значит вода тоже близко» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег).

Выбирать строительный материал

«Самое хорошее дерево для строительства — это ель, сосна» (зап. от Боталова Н.В., 1937 г.р., д. Баранчиново). «Раньше лес стоял годами, крепкий был. Низ ёлки вот кремнёвый был, хоть и сосна, она тоже если долго стоит, она толще. Кремнёвая — она как сталь, крепкое дерево» (зап. от Надымовой Р.Н., 1936 г.р., д. Асаново). «Для строительства дома подходит елка. Из пихты не строят, пихта слабже для дома» (зап. от Баяндиной М. А., 1939 г.р., д. Тараканово). «Не каждое дерево подходит для строительства, выбирать надо. Чтобы сучья стройные были, чтобы не горбатое было, не сучьева-тое. Надо выбирать, чтобы не пустое было. Кору немножко снимешь, постучишь, если в щётку дает, значит, хорошее дело. Щётка — это звук хороший. Это такой твёрдый звук» (зап. от Назукина В.П., 1929 г.р., д. Елизаветово-Пожва). «Для дома берут только ель да пихту. Обухом стучишь по стволу, если звук плохой, значит, дерево гнилое, звук звонкий — хорошее» (зап. от Боталова П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово). «Пихта, ель для дома по звуку определяются. Хороший звук должен быть, звонкий» (зап. от Семушева А.А., 1939 г.р., с. Доег). «Когда выбирали дерево, стучали обухом по стволу. Гнилой бухать будет, так «бух», «бух», а хороший «таран», «таран» (зап. от Баяндиной М.А., 1939 г.р., д. Тараканово).

Чтобы строенье крепко стояло, надо лес выбирать. Старый лес-то брать. Сейчас молодой рубят, слабый. Сосновый лес надо продержат годов сто, тогда рубить надо. На низменные места ходишь. С болота берут все. Вон там ниже Антипино болото, лесососны. Вот это крепкие сосны, для строительства самое то. Зимой срубишь, привезёшь, годика два поддержишь, пока высохнет (д. Гавино). «На строительство у нас зимой больше лес валили» (зап. от Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское). «Лес выбирали обязательно на старом месяце. Чтобы вообще не было сокодвигения никакого. И выбирали зимой. Чтобы крепче стоял, не рассыхался, не гнил чтобы» (зап. от Питкиной Т. Л., 1941 г.р., д. Белоево).

Обложку ставить

«Старые люди как-то всё делали складно. Как на строительство идут, богу помолятся. Перед иконой остановится, там что-то говорят, по-своему, божественное, конечно» (зап. от Назукина В.П., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва). *«Одному человеку дом-то ведь не поставить, тут помеча делали»* (зап. от Баяндиной В.Ф., 1927 г.р., д. Дмитриево). *«Помочи — это человек пятнадцать с деревни собирали, дом строить»* (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). *«Мы не на деньги дом поднимали, помочи собирали — брагу сделаешь, вино сделаешь, вот все вместе и поднимаем* (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). *«Людей наймовал сруб рубить. Рубили сруб. Потом подымали»* (зап. от Назукина В.П., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

«Фундамента раньше не делали, на стойки ставили» (зап. от Беяева И.П., 1932 г.р., и Беяевой Р. М., 1932 г.р., д. Мочга). *«Под угол раньше ставили стойки кремнёвые, сосновые, серенные, серой пропитаны. В лесу вот прямо из ёлок течёт эта сера, елка-то внутри сама пропиталась этой серой. Ёлка-то не так пропитывается, как сосна. Сосна вообще пропитывается»* (зап. от Надымовой Р.Н., 1936 г.р., д. Асаново).

«На стойки деньги клали, и крестились, «Воскресную молитву» читали. Все углы пройдут и прочитают» (зап. от Власовой Р.Г., 1937 г.р., с. Архангельское). *«Потом обложку ставят»* (зап. от Боталова Н.В., 1937 г.р., д. Баранчиново). *Первый венец в доме называется обложка. Первые четыре бревна — это венец и есть* (д. Рудаково). *«Обложка — это первые ряды, первый венец. Венец называется»* (зап. от Крохалевой Е.В., д. Казённая). *«Обложку делают в один день, потом дальше всё поднимают»* (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор). *«В первый день, говорили, делают обложку. До полу поднимут его, а остальное уже на второй день поднимают»* (зап. от Баяндиной М.А., 1939 г.р., д. Тараканово). *«После четырёх рядов кладут балки полове. На этом первый день заканчивается»* (зап. от Чакилёвой Т.Н., 1933 г.р., с. Архангельское). *«Переклад (=венец, бревна сруба, на которые укладывают балки для пола) кладёшь, молишься»* (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино).

«Эту обложку надо охранять, молитву надо знать «Да воскреснет Бог» (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р.,

д. Баранчиново). «Обложку положишь, тут её караулить надо ночью, чтобы злые ничего не сделали» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). «Раньше говорили: «До пола хозяевам ночью дом надо охранять» (зап. от Боталова П.М., 1936 г.р., д.Новосёлово). «Хозяин здесь должен спать, всякие люди есть, чтобы порчу не навели. Некоторые кошку могут положить. Например, у кого кошка умрёт, вот её положат со словами, и все, и дом спорчен» (зап. от Крохалевой Е.В., д. Казённая). «В старину положат в угол чего, там посуду, например, она гудит, пугает. Посудку-то не видать, а там ветер дует, она гудит. Страшно» (зап. от Исакова Г.Я., 1925 г.р., д. Асаново). «Вот у нас один раз корова пропала, три коровы пропали. Вот один старик сказал: «В вашем доме, — говорит, — есть кость. Если, — говорит, — не найдёте, будет плохо». И, правда: пришёл как-то туалет делать и нашёл коровий череп с рогами» (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново).

Матицу, матку, матчу поднимать

«Дом рубят на чашечку, баню рубят на лапу. Тут срубят, шконтить начинают, отверстие в бревнах делают и забивают туда деревянный шкант. Шкант может быть круглым, можно квадратный делать» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино).

«Сруб поставят. Помечана по углам сидят, мох накладывают, кто конопатит, кто чё» (зап. от Исакова Г.Я., 1925 г.р., д. Асаново). «Мох между брёвнами длинный выбирали, а не такой, чтобы коротенькой. Короткий мох для конюшни. Мох пробивают, паклей пробивают стены-то» (зап. от Шавшуковой Л.Т., 1939 г.р., п. Майкор). «Деревянной лопаткой стены мохом конопатят» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино).

«Балка, на которой лежит потолок, называется матка» (зап. от Давыдова В.Г., 1944 г.р., д. Белоево). «Для матицы кремлёвку брали. Лес-то кромили, плахи-то струженные, вот их брали на потолочины» (зап. от Баяндиной Г.Г., 1935 г.р., с. Антипино).

«Под матицу шерсть овечью кладут, торк, положат» (зап. от Крыловой Р.И., 1941 г.р., д. Хутор). «Шерсть кладут одного животного» (зап. от Мальцевой М.А., 1926 г.р., с. Они). «Шерсть кладут немножечко под матицу, чтобы

богато жить было» (зап. от Назукина В.П., 1929 г.р., д. Елизаветово-Пожва). «Шерсть кладут, чтобы скотина велась и деньги были» (зап. от Бушуевой А.Н., 1926 г.р., с. Купрос). «Под матницу клали деньги и шерсть овечью, чтобы спорина была в доме. Спорина — это чтобы деньги водились (зап. от Боталова П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово). «Когда строили дом, под матку деньги клали и ещё шерсть овечью. Какого году строили, такого году и монету клали (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга). «Под матицу деньги клали, мелочь: копеек десять-пятнадцать. Овечью шерсть клали (зап. от Бушуевой А.Н., 1926 г.р., с. Купрос). «Раньше под матицу клали две копейки ли три. Обязательно медные. Ещё овечки шерсть наматывают на денежку, и она не ржавеет там (зап. от Боталовой З.В., 1926 г.р., с. Антипино). «Деньги под матицей в овечью шерсть заворачивали (зап. от Баяндиной М.А., 1939 г.р., д. Тараканово). «Деньги кидали под матицу бумажные. Шерсть кладут обязательно, чтобы тепло не проходило» (зап. от Исакова Г.Я., 1925 г.р., д. Асаново). «Когда строили, вот эта балка, матица называется, под нее клали серебряшки какие-то, постанцы» (зап. от Боталовой Е.К., 1924 г.р.). «Под матицу клали деньги мелкие. Каждый, кто строился, старался того года положить» (зап. от Боталова Н.В., 1937 г.р., д. Баранчиново). «Под матку денежку кладут» (зап. от Питкиной Т.Л., 1941 г.р., д. Белоево). «В каждый угол надо копейку положить, выкупить дом. И под матицу деньги. Под каждый конец» (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво). «Монетки клали в том углу, где иконки стоят» (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево). «Под матницу деньги клали и «Воскресную молитву» на бумажке» (зап. от Власовой Р.Г., 1937 г.р., с. Архангельское). Когда дом строят, крестики кладут, чтобы муж и жена жили вместе. Под матицей, под окнами клали — сколько тебе лет надо. Все делают с «Воскресной молитвой» (д. Калинино).

«Матицу будут поднимать, на середину хлеб в полотце вяжут» (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново). «Вино и рыбный пирог вешают на матицу, кто ленточками, кто воню вяжет» (зап. от Калиной А. А., 1939 г.р., с. Тимино). «Матницу подымут, там пирог привяжут, рыбный пирог» (зап. от Баяндиной М.А., 1939 г.р., д. Тараканово). «Когда матицу положат, тогда пирог вяжут ниже матки, узел-то вниз делают. Вниз узел-то вяжут» (зап. от Никоношина Г.Г.,

1937 г.р., д. Можга). «На матницу поднимают, привязывают челпан хлеба или ещё чёго-нибудь, чтобы богато жили» (зап. от Исакова Г.Я., 1925 г.р., д. Асаново).

«Когда уже матницу положат, один мужик идёт по верхним венцам, по солнышку и говорит: «Живите богато, побольше детей». В каждый угол идёт и что-то говорит. И крестится, на каждый угол» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). «Кто ходил поверху, крестился внутрь дома» (зап. от Боталова Н.В., 1937 г.р., д. Баранчиново). «По срубку ходят. У каждого угла крест даёт вовнутрь. Начинает ходить с красного угла и заканчивает этим же» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). «Кто обходит дом по брёвнам по солнышку, крестится наружу. Как начнёт с красного угла, так идёт и по всем углам крестится» (зап. от Боталова П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово). «Должен сам хозяин пройти по венцам» (зап. от Крохалевой Е.В., д. Казённая). «По часовой стрелке пойдёт. А там под потолочную мачту привязывают на скатерти литр водки и пирог рыбный. Кто смельчак, идёт по срубку, идёт, молится и говорит: «Чтоб в этом доме десять ребят было». Кто сумеет, тот ходит и говорит, здоровья желает. Внизу спрашивают: «Кто там ходит?» — «Бог ходит!». Потом опять в другой угол идет, наговаривает. Вот круг прошёл и к этой мачте и по мачте идёт, развязывает эту скатерть вместе с водкой, пирогами, и уже считается, что дом поднят» (зап. от Беляева И.П., 1932 г.р., и Беляевой Р. М., 1932 г.р., д. Мочга).

«Подняли матицу, после этого один ходит, по верху ходит, и на каждом углу ставит, значит, эти кресты. Начинает с красного угла, по солнышку идёт и на красном углу останавливается. Крест ставит и кланяется на наружную сторону. Тут, значит, подавать начнут, поднимают бутылку самогона или водки, и пирог. Строители верёвки возьмут, с обеих сторон, поднимают осторожно, чтобы пирог не перевернулся на другую сторону, чтобы прямо шёл. «Если перевернётся, — говорят, — что-то неладно будет» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). «Рыбный пирог развяжут, по солнцу пирог режут, по кругу пустят, бутылку поставят, вытуют. Все наверху сидят на матнице и едят» (зап. от Баяндиной М.А., 1939 г.р., д. Тараканово). «Матку положат, потом в каждом углу помолятся, потом к матке идут и пирог отвязывают от матки, узел-то внизу у верёвки, вот

с матки-то, на корточках сидишь и развязываешь, тут ещё вино в бутылке привязано. Все спустят вниз, покушают» (зап. от Механошина г. г., 1937 г.р., д. Мочга).

«Человеку, который дом обходил, рубаху дарили» (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво). *«Вокруг обойдёт, придут домой, сядут за стол, ему подарок дадут»* (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово).

«Крыши ещё нет, делают вымазки, чтобы кругом подниматься, из тоненьких досок делают, кругом» (зап. от Боталовой З.В., 1926 г.р., с. Антипино). *«Стропила ставят, крышу крыть»* (зап. от Беляева И.П., 1932 г.р. и Беляевой Р.М., 1932 г.р., д. Мочга). *«Череповые брёвна на потолок кладёшь»* (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). *«На крышу землю таскают, чтобы тепло держать»* (зап. от Климовой К.И., 1925 г.р., д. Капилино). *«Помочи делали, землю на чердак подымали, нас, девчат, звали»* (зап. от Беляева И.П., 1932 г.р., Беляевой Р. М., 1932 г.р., д. Мочга).

«На четыре ската дом — это шатром, на два ската — это коньком. У нас крыша конём. Окупень (=охлупень) сверху, две доски забиваются треугольником» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино). *«Дом-то шатром накрывали, потом от угла шли конюшни, потом обязательно ледник, амбары, они уже конём закрывались. А вот сам двор-то закрывали плоско, ровно, немножко только покато на улицу, чтобы стекала вода. Это раньше так строили дворы»* (зап. от Надымовой Р.Н., 1936 г.р., д. Асаново).

«Дом и перевезти могли. Вот мы дом перевезли на петухе, говорят так, это вместе с печкой. А можно и по брёвнам было. Делали сани большие, сани размером с дом, домкратом подняли, сунули в сани-то, и вот четырьмя тракторами перевезли» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино).

Печку бить

«Печь надо за один день ставить. За один день и венец обойти и печь поставить» (зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво). *«Собранку сделают. Печь бьют, собранку сделаешь, помочь-то»* (зап. от Механошина Г.Г., 1937 г.р., д. Мочга).

«Печка обычно на запад смотрит» (зап. от Давыдова В.Г., 1944 г.р., д. Белоево).

«Для печи глину надо выбирать. Красную глину надо» (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга). *«Глина красная с белы-*

ми пятнами на печь идёт» (зап. от Бушуевой А.Н., 1926 г.р., с. Купрос).

«Сначала сделают место, где будет печь-то. Тут кладут со всех сторон доски. Подпечек называется каркас-то» (зап. от Семушева А.А., 1939 г.р., с. Доег). «Подпечек сделают, потом костёр сделают. Из плахи сделают, потом выставляют стенки, где-то по 18 сантиметров, потом бьют» (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга). «Костер соберут, упоры сделают, чтоб не разошлись плахи, когда бьют» (зап. от Беляева И.П., 1932 г.р., Беляевой Р.М., 1932 г.р., д. Мочга). «Костёр делаю, из дерева делается такая как арка» (зап. от Калиной А.А., 1939 г.р., с. Тимино).

«Тут человек шесть землю таскают, глину-то» (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево). «А потом пекмени, как говорят, такие железные, бьют. Пекмени наподобие топорщи, а и на конце железная пластина. И этим глину-то бьют. Бьют-бьют, с четырёх сторон» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). «Железом бьешь, а деревянным токо это, закваску» (зап. от Никоношина Г.Г., 1937 г.р., д. Мочга). «Печка из глины. Вот глину-то бьют колотушками» (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга). «Русскую печь долбят такими молотками деревянными» (зап. от Крохалевой Е.В., д. Казённая). «Колотят печку восемь мужиков. Опалубку потом разбирают» (зап. от Богаловой З.В., 1926 г.р., с. Антипино).

«Когда с боков забьют, внутрь печи кладут рыбный пирог» (зап. от Семушева А.А., 1939 г.р., с. Доег). «Петуха в печку садят, это в печь бутылку сунут да пирог маленький, когда собьют, тогда пируют» (зап. от Баяндиной М.А., 1939 г.р., д. Тараканово). «Там петуха в печку садили. Петух — это угощение, закуска да выпивка. Это ненастоящий петух, так называется только «петух» (зап. от Исакова Г.Я., 1925 г.р., д. Асаново). «А там внутри опять же скатерть, литр водки, пирог обязательно. Вот утром встают и только какому-то почетному мастеру доверяют: «Давай, доставай». Стенка от печи ещё не высохла, он карандашом сначала чертит, а потом вырезает. Пирог достают, еще внутри костер был, его тоже убрали. Некоторые не жалеют костер разбирать, затопливают вместе с костром» (зап. от Беляева И.П., 1932 г.р., Беляевой Р.М., 1932 г.р., д. Мочга).

«Печь открывают, где солнце ходит, с восточной стороны ли, как дом поставлен» (зап. от Гордеевой Л.Н., 1932 г.р.,

с. Купрос). *«Вот чело-то вырежут, там плахи толстые, с обеих сторон пропилят, сломают и это вытаскивают, остальное сгорает»* (зап. от Исакова Г.Я., 1925 г.р., д. Асаново). *«Когда печь откроют, оттуда петуха вытащат, по рюмочке выпьют, закусят»* (зап. от Баяндиной М.А., 1939 г.р., д. Тараканово). *«Рыбный пирог достают. Угощаются»* (зап. от Крохалевой Е.В., д. Казённая). *«Вот утром откроют чело, потом пирог, вино, костёр достанут. Потом огонь туда пустят»* (зап. от Механошина Г.Г., 1937 г.р., д. Мочга). *«Топить надо постепенно, сначала нежарко»* (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга). *«Елем надо протапливать, чтобы печь просохла, если резко топить, она потрескается»* (зап. от Исакова Г.Я., 1925 г.р., д. Асаново).

«Печь поставили, можно уже в дом заезжать» (зап. от Беляева И.П., 1932 г.р., д. Мочга). *«Если дом не перекрытый ещё до конца, всё есть, а крыши нет, например, кто-то должен тут обязательно остаться ночевать»* (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доер).

В дом идти

«В новый дом идут поздно ночью. По которой дорожке ходили раньше, по той дорожке нам не велели идти. Мы эту дорожку обошли кругом. Всякие злые могут что-то на дорогу положить. Мы обошли. К дому подошли, постучали. Отец там ночевать оставался, вот он нас встретил, свет зажжёт. Мы зашли, на стол наладили, попили, поели, и спать легли» (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга). *«В дом должны переходить поздней ночью либо рано утром. Чтоб никто не встретился на пути. Обычно это в темное время ходят»* (зап. от Сериной Л.И., 1975 г.р., с. Архангельское). *«В новый дом переходят рано утром»* (зап. от Крыловой Р.И., 1941 г.р., д. Хутор).

«В новый дом переходят ночью, где-то часа в три ли, четыре. В старом доме делаешь квашёнку. Квашёнку-то берёшь, здесь уже в новом доме-то печёшь» (зап. от Баяндиной А.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). *«В первый же день, в первое же утро в новом доме хлеб испечь надо»* (зап. от Сериной Л.И., 1975 г.р., с. Архангельское). *«Соседка в новом доме затопила печку. Мы идём, она уже стряпает. Пирог опять же, рыбный пирог. Хлеб печёт. Утром мы идём уже в гости к ней. Мы не с пустыми руками, хоть полено, да надо принести. Я уходила из дома,*

покупала тюль на новоселье. Родственники первые заходят туда. А кто посторонние обязательно не с пустыми руками» (зап. от Беляева И.П., 1932 г.р., Беляевой Р.М., 1932 г.р., д. Мочга). «Хлеб надо обязательно печь в новом доме, брагу надо делать. Это в первый раз, когда заходишь. Квашню несёт хозяйка, кот — бабушка, а хозяин «нянь-зыр» — это лопата для хлеба, и ухват. Когда человек заходит первый раз в дом, деньги приносит или кусок хлеба, если дрова есть, полено надо занести. С пустыми руками в новый дом зайти нельзя, чтобы дом был богатый» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). «В новый дом несли сельничу для муки, первые предметы в доме, и тесто» (зап. от Вилесовой Е.Г., 1938 г.р., д. Макарово). «В новый дом надо заходить одному человеку с кошкой, обязательно мужчина должен заходить. А потом другой человек заходит — женщина, и обязательно в руке должен быть квас. Квас с мутовочкой. А третий человек должен зайти с цветочком, это чтоб светло всегда и везде было» (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво).

«Первый житель в доме кошка. На сутки раньше кошка была пущена, потом мы сами пришли на житьё» (зап. от Кочергина Н.И., 1927 г.р., д. Белоево). «Зайдёшь в новый дом, кошку пустишь на пол. Кошка идёт, куда сядет на пол, туда и Ен-угол» (зап. от Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово). «В новый дом, кошку запустили, где она остановилась, туда и кровать поставили» (зап. от Савельевой Т.Г., 1940 г.р., д. Кубенёво). «Запускать в дом первой кошку не надо. Кошка же царапается, если в первую очередь кошку принесешь, то в первую очередь пожар будет. Такой был пермяцкий закон» (зап. от Баяндиной М. А., 1939 г.р., д. Тараканово).

«В новый дом идешь, квашню делаешь, хлеб печешь. Потом петуха ещё заведут в новый дом» (зап. от Баяндиной З.Р., 1938 г.р., д. Рудаково). «Петух — это хозяин, кот — это тоже хозяин, дом не должен без кота жить» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино). «Квашню сделаешь, петуха возьмёшь, домового позовёшь. Петух должен первым в новый дом зайти. Если петух закукарекает в доме, значит, хорошо будешь жить с мужем» (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево).

«Домовой в каждом доме живет. Он себя не показывает людям. Домовик в доме хозяин. Когда переходишь из одного дома в другой, говоришь: «Домовик, пойдём с нами» (зап. от

Баяндиной М.А., 1939 г.р., д. Тараканово). «В новый дом переходят, домового-то с собой зовут: «Идёмте с нами, вместе будем жить в новом доме» (зап. от Власовой Р.Г., 1937 г.р., с. Архангельское). Когда идешь в новый дом: «Домовой — хозяин, пойдём жить с нами» (д. Дмитриево). «Суседко-то — это хозяин дома. Когда поехали в деревню Сибирь, открыли голбец и сказали: «Суседушко-батюшко, пойдём домой, поехали с нами вместе». Сам он идёт по воздуху (зап. от Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново). «Когда в новый дом заходят, наступают на порог и говорят: «Домовой, домовый, приходи ко мне домой, жить со мной» (зап. от Исаковой З.Г., 1952 г.р.). Когда переезжаешь в новую избу, домового надо с собой взять, в карман положить. Когда выйдешь из дома, скажешь: «Домовой, пойдём со мной», — и в карман как положишь (с. Архангельское). «Когда все имущество уже перевезли, с коровой я последняя пришла. Дак вот, когда с коровой я последняя пошла, сказала: «Соседушко, потатушко, пойдём с нами вместе, не оставайся тут. Пойдём охранять наш дом. Ты наш» (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва).

«В дом пойдёшь, домового на венике принесут, веник несут, а домовик-то, говорят, сидит на венике. Медвежьей лапой зовут, золу-то в печке метёшь, вот на нем домовика-то везёшь. В голбец потом веник-то опустишь» (зап. от Механошина Г.Г., 1937 г.р., д. Мочга). «Ночью уходят и домового забирают с собой. Метлу делают, как подметать печь. Мы привязали веник на палку и в голбец, как уходить. Потом из голбца достаёшь, хлебушко тут с собой и говоришь: «Пойдём к нам жить. Домовой — батюшко, пойдём к нам жить». Это пихтовые были раньше веники. Веник в голбец ставят, чтоб домовый при месте был (зап. от Беляева И.П., 1932 г.р., и Беляевой Р. М., 1932 г.р., д. Мочга).

«Дядька в Пиканово, наложит в мешок камней, бежит, а за ним этот лапоть привязанный. Домового как везёт» (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег).

«Первый человек, который с кошкой заходит, должен положить домовому гостинцы к дырочке, в голбец которая, и приговорить молитву. В одной руке кошку держишь, а в другой руке у тебя должны быть гостинцы домовому. И приговариваешь домовому, чтоб он тебя принял, все. Молитва специальная для домового есть. Говоришь просто, чтоб он принимал в избе хорошо. «Мы тебя уважаем, и ты нас уважай». Домовому он

должен гостинцы положить: хлебушко, что-то там мясное, рыбное, салфеточку надо специальную, носовой платок или из тряпочки салфеточку (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво). «Когда мы садились за стол, кусочек хлеба прямо отломил, сюда положили и сказали: «Суседко, приходи к нам. Мы жить будем дружно» (зап. от Сериной Л.И., 1975 г.р., с. Архангельское). «Суседка серый такой. Маленькой. На человека непохож, на кошку похож. Ну, серая кошка какая-нибудь» (зап. от Кривощёковой А.Е., 1929 г.р., с. Архангельское). «Бывает так, что не понравится домовому, он мстит. Можно успокоить домового, надо разговаривать с ним, как с человеком, кушать ему поставить, что-нибудь, молочко вот. «Вот покушай, у нас хорошо всё будет, ты не командуй, всё нормально, будем жить» (зап. от Беляевой Р. М., 1932 г.р., д. Мочга).

Строительство бани

«Говорят, где баню строят, тут земля три года плачет» (зап. от Крохалевой Е.В., д. Казённая).

Когда кладёшь баню, клетку собирать надо. С нижнего бревна и до верхнего — это всё клетка, а фальшивые брёвна — это уже когда поставишь баню полностью, они подкапываются под нижними брёвнами, в землю закапываются, чтобы вредители: мыши, кроты, — не залазили в баню. Потом баню конопят (с. Архангельское).

4. Вредоносная магия

Средства от колдовства и колдунов

Зверобой от колдунов собирали на Иванов день. Если колдун подумает что-то плохое, то зверобой все мысли его заберёт (д. Городище).

«Колдунов все знают. А я сейчас вот порог перекрещу, двери и Воскресную молитву прочитаю — это чтобы колдуны ничего не могли делать. У колдуна не надо брать пить. Сдувать надо. Говорили, если встретишься с колдуньей или с кем, надо пальцы в фигу делать. И ругаться-ругаться. И тогда она тебе ничего не может сделать, даже если бы и хотела, но не может» (зап. от Исаковой З.Г., 1952 г.р., д. Асаново).

Фигушку делают. «Вот тебе фигушка», — говорят. Под колдуна «Воскресная молитва», из церкви ещё пояс носят (д. Новосёлово).

«Вот колдун в избе, штоб закрыть колдуна в избе, закрывали так: на ножницах, это бабушка говорила, на ножницы надо прочитать Воскрёсную молитву, и эти ножницы прикрепить над дверями выше, с улицы. Колдун не сможет выйти. Пускают повитрише, по ветру. У нас бабушка всегда говорила: «Идите с Богом». И когда вы уходите из дома, всегда говорите: «Господь, благослови», — и еще прочитать нужно Воскрёсную молитву. Не фигушку надо, а надо взять вот этот безымянный палец под большим пальцем, между безымянным и средним пальцем. Под юбку или пальто на другую сторону иголку или булавку воткнуть» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино).

Как защищаться от колдуна — надо на Ивана Купалу в ночь собирать в двенадцать часов зверобой и вывешивать дома, дома зверобой держать надо. Это от колдуна. И с собой таскать траву-то эту. Это нечистая сила боится ли что ли. Зверобой-то не пускает. Вывешивать около дверей, говорят, надо. Надо купить новую иголку и заколоть, чтоб около сердца была вниз. Без нитки иголка (д. Завижай).

В прошлом году я чуть не умерла. Приходил — вот тамверху живет у нас — колдун. Надо было мне вырубить смородину. Он пришел, тут сидел, говорит, чай мне подогрей. И я чай ему заварила, и он чё-то мне тут насыпал. Я заболела сразу, чуть не месяц целый болела. Только печку затоплю — и я все, в обморок падаю. Температура, меня трясет. Двери настежь, топлю и все равно угораю. И так спала на веранде, наверно, недели две, потом в бане. Давление подскочило, скорую вызывала. А потом сестра, которая работает в колхозе, поехала, она часто ездит к тем, которые лечат. И тот мужик сказал ей — твоей сестре подбросили цветное. Я все убрала, и палас убрала, и с печки все убрала. Потом велела со свечкой ходить по дому, и там свечка трещит, где нечистая сила. И святой водой еще это брызгала. И потом мне легче стало. Защищаться от колдуна можно, если чеснок таскать с собой, зверобой таскать с собой. Вот ножницы надо втыкать, с Воскресной молитвой. Воскресную молитву при себе таскать около сердца. И зеркало маленькое тоже надо носить тут, не внутрь, а наружу, как стену, чтобы их мысли до тебя не доходили (д. Завижай).

«Сейчас очень много таких-то людей. Хороших-то мало, а плохих-то больше. Так вот, если встречается тебе человек,

надо говорить: «Вокруг меня круг, чертила его не я, а Богородица моя. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Аминь. Аминь» (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва).

Колдуна можно было исправить, если надеть на него лошадиный хомут (д. Пожва).

«Болеешь, сил нет. Болит то, куда тебе положат. Раньше повитрище пускали. Чтобы порчу не наложили, церковную ленточку можно в карман положить, крестик» (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево).

«Чтоб обнаружить порчу, возьми деньги, купюру, бумажкой, и если она будет гореть красным огнем, то, значит, все в порядке. А если будет синим гореть — то всё. Ее надо на ладошке поджечь» (зап. от Гилёвой г., 1960 г.р., д. Ганёво).

«Мне дети сказали — когда колдунья пройдет, надо обернуться и показать ей язык, она почувствует и повернется. А еще мне бабушка говорила Парасковья, что надо говорить: «Колдун-еретник, нечистый дух, ты лихими словами, я охотными стрелами» (зап. от Баяндиной Г.В., 1963 г.р., д. Чинагорт.)

«Чтобы эз колдуйт, колдунсö казяан, дак этадз киесö кер («Чтобы не наколдовал, увидишь колдуна, вот так руки сделай» — показывает большой палец между безымянным и мизинцем). «Отче наши» колö лыддьöтны молитва. Эшö мöдик молитва эм: «Знаменую тебя крестом». Вот сийö колö быдöс тöдны. Менам книга эм черковись («Отче наш» надо читать. Еще другая молитва есть: «Знаменую тебя крестом». Это надо всё знать. У меня есть книга из церкви») (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег).

«Если примерно в доме, чтобы тебе там никто не сделал, обязательно выше дверей воткните иголку, три иголки. И соль даже в кармане носят. Соль, платочек, такой мешочек сошьешь, мак — семечки, зимний чеснок — зубчик и все. Это от порчи. Даже скоту делают маленький подсепок. У нас называется подсепок. На шее. И туда подсепочку делают. На шее у коровы. Булавку надо против сердца носить. На левую сторону надо приколоть наизнанку. На булавочку надо еще красную тряпочку. Люди от крови не боялись, русский народ от крови не боялись, везде могли воевать, везде все завоевывали. И вот надо тряпочку, она чтоб была прямоугольная. Колдун чувствует. Когда у тебя есть булавочка с тряпочкой, да у тебя, когда в кармане защита есть. У колдуна после этого

сила есть, но меньше» (зап. от Кривошековой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво).

«Я выйду, когда поперёк две дороги, я всегда крещусь. Тихонько в варежку сунешь, чтобы тебя никто не видел, перекрестись в дорогу. Я всегда перекрещусь. Если ты крестился, тебя никто не колдунет. И если ты через три порога перекрестился, тебя никто колдовать не будет» (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурмэс).

«Тут у нас был сосед один, звали его Володя, он, говорит, домой заходит, у него семья была, родители, вот так наклонится, высокий, а он, говорит, на коленях ползает. И говорит: «Чё Володя так заходит?» Да, говорит, вот не могу, в дом не пускают. Все, говорит, не может зайти. На улицу выйдет, его никто не может поймать, куда идет. Бегаёт по деревне. Колдун на коленях ползает, он ползал, значит, он виноват. Знаешь, как бегали за ним и никак не могут словить. А домой никак не может зайти. «Ты чё, Володя, почему такой?» Он говорит, я у них был и напоил кто-то вином или что-то. Совсем, говорят, с ума сошел парень-то. У нас в Антипино была бабка одна тоже, Ур Таня ее звали. Она уже умерла. Она поправила его. Если колдун хочет чё-то с питьем передать, пускай сначала сам пьет. Люди так и говорят: «Пей сначала сам, а потом после тебя мы». Или при себе надо дунуть. Хоть носом. Чтобы дул. Носом вдохнуть самому, то есть я пить собираюсь, и мне нужно вздохнуть. Или сдуть, тоже пойдет. Еще можно через большой палец пить. Чтоб колдунья не околдовала, чтоб у нее пить да кушать, ножик надо три раза опустить в питье или вилки, например. Колдуна можно узнать: он какой-то как бешеный, у него глаза вот так бегают. На одно место смотреть не может он. В глаза он смотреть не может» (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

Как узнать колдуна? А которые молитвы-то знают, берут ножницы, туда Воскресную молитву читают на ножницы-то, и воск со свечки, который капает, туда прилепят на ножниц. В дверь-то их сунут, молитвы там читают. А колдун не может выйти тогда из дома. И вот и мучается. Воск мажут на дверь (д. Новосёлово).

«Вот надо знать такого человека. Вот, например, кто-то вот такой, говорят, колдун ли что ли, колдует. Надо заходить и проверить. Мы один раз с одной тёткой тут пошли. Один старик тут говорит: «Я колдун! Я колдун! Я вас,

говорит, всё научу». А она бойкая была, смелая. Я говорит
щас возьму ножницы и улицу так сделаю. Дак он чуть с ума
не сошёл, этот мужик-то. Ходит-ходит: «Ой, я хочу домой,
хочу домой!» Не может, двери-то не находит, хочет через
окно выйти. Потом эта бабка-то вышла да убрала, дак он
мигом. И больше не зашел ни разу» (зап. от Баяндиной М.И.,
1954 г.р., д. Гавино).

«Однажды бабушка ходила в баню, бабушка прежде чем
зайти в баню, молитву Воскрёсную прочитала на палочку,
и потом зашла, а та упала: «Ой, ты меня, говорит, избил
всю». Валялась-валялась, пока та не вымылась, не вышла, эта
не могла выйти. Колдунья не могла выйти. Как вышла, пулей
так улетела. Молитву прочитала на палочку и поставила
палочку у двери» (зап. от Хариной В.В., с. Тимино).

«Одна женщина тоже, молодая она была. А спереди шла
которая знает. Она пальцы вот так вот у обеих рук сделала,
дак та повернулась, да давай её ругать и говорит: «Ты што
про меня сплетняешь?» Видимо, какое-то предчувствие што
ли у неё. Меж пальцами, средним и безымянным, обеих рук,
большой палец сделала» (зап. от Хариной В.В., с. Тимино).

«Не смогут колдовать — надо держать безымянный па-
лец к середине руки, в ладонь, а некоторые просто фигу. Надо,
чтобы колдун не видел» (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р.,
д. Дмитриево).

«Средний палец заходит на указательный и сгибается.
И так идёшь. А большой меж ними. На указательный палец
кладёшь большой и сверху прижимаешь средним и всё сжима-
ешь, весь кулак. «Колдун — еретник, уходи от меня дальше».
Ещё у этих колдунов, говорят, надо нос разбить, кровь, го-
ворит, выбежит, и тогда он не может колдовать» (зап. от
Караваевой Л.Ё., с. Архангельское).

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ ЮСЬВЫ

Фольклорная традиция в крае отличается развитостью и хорошей сохранностью некоторых жанров, особенно магического и мистического фольклора (заговоры, былички). Известно, что в свое время в крае фиксировались древние предания о Пеле, более распространенные у язьвинских коми-пермяков, проживающих в бассейне Вишеры и Красновишерском районе Пермского края. Вариант такого предания был записан Т.В. Сторожевым и в Юсьвинском районе²¹. Пеля-богатырь, который, как считается, на Урале жил «до русских», во многом напоминает Перу; он также охотник, который ловит шелковыми сетями соболей. Т.В. Сторожев относит эти сказания к XVI-XVII вв., когда в предгорья Среднего Урала все активнее стало проникать русское боярство и купечество, стремясь захватить лесные богатства местного края. С одним из боярских сынов, по прозвищу Лесным, и пришлось состязаться Пеле-богатырю. Наделенный «силушкой великою», Пеля-богатырь «брал камень девяносто пуд, точно брал орешек греческий, и кидал им в голову боярскую». В поединке с боярином Пеля оказался победителем. В последнее время таких преданий в крае уже не фиксируется.

Большое количество еще сохраняющихся преданий края связано с легендарной чюдью. Еще в начале XX века любопытное предание о чуди здешних мест записал в с. Архангельское В.П. Налимов. Интересно оно тем, что вместе с чудью действует герой русской былинной поэзии Илья Муромец, который, по легенде, тоже происходит из чуди: «Чучкие люди знали очень много. Бог их наказал за их знания. Он всех их превратил в камень. Чучкие люди хотели повернуть землю. Они вбили в землю семисаженный кол из железа. Велели Илье

²¹ Сторожев, Т.В. Коми-пермяцкий фольклор (дореволюционный и советский). — Кудымкар, 1948. Стр. 13-14.

Муромцу первому лечь на землю и вертеть кол. Как только Илья Муромец лег на землю, так и заснул. Бог не хотел этого допустить, так как Илья Муромец тоже был из чучких людей» (с. Архангельское).

В настоящее время историки, археологи, лингвисты и фольклористы²² все больше сходятся во мнении, что слово чудь возникло в среде славянского населения и было термином собирательным; им славяне обозначали не какие-то конкретные племена и народы, а всё местное неславянское (чужое) население, с которым русские столкнулись в начальный период колонизации прикамских земель. Значение слова чудь как названия древнего мифического дорусского народа развилось в русском языке еще задолго до XVII века. Возникнув как этноним, с этим значением слово закрепилось в говорах русского Севера. Привязать слово хронологически к какому-либо определенному этапу или каким-то определенным пермским племенам невозможно. Предания о чуди распространены на огромных территориях северо-восточной Европы и Сибири. Постепенно чудь в народной памяти обретает демонологические черты, превращается в чудов — под ними коми-пермяки понимают маленьких черных людей, живших до пришествия нового народа в избушках и землянках с камнями вместо печей. Обычно они невидимы, живут как люди: едят, пьют, парятся в бане, веселятся, женятся, рожают. Чуды пугают людей, в особенности, на святках, утаскивают в омут, душат в бане (поэтому считается опасным париться в третью очередь, т.е. «на третьем пару»). Отголоски древнего культа чуди у коми-пермяков сохранился в поминках так называемых «старых» родителей на чудских могильниках. Селились «маленькие люди» обычно на возвышенностях, жили в землянках. Местами, где они жили, считаются деревни Дойкар, Карасово, Чумкар, Пома-деревня. На местах древних поселений, по местным преданиям, находили чашечки, ложечки, чугушки, кувшины, хозяйственный инвентарь небольших размеров. *«Раньше ведь до нас, до нашего времени жили маленькие люди-то. Деревня, вот там дальше деревня есть. Дойкор называется. А в той стороне опять — Карасути. Вот километра пять ли что ли будет. И вот из города в другой город год надо ходить. Они пешком ходили. Они ведь маленькие были. Лилипутики такие. Старые так сказали»* (зап. от Пантелеевой А.А., 1932 г.р., д. Мосино). Древние

²² См.: Кривошекова-Гантман А.С. К проблеме пермской чуди // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. — С. 132-141; Оборин В.А. Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. — С. 107-120; Полякова Е.Н. Проблема пермской чуди в лингвистическом аспекте // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. — С. 125-131.

жители кидали друг другу топоры или камни с одного холма на другой. Память о мифическом народе очевидно хранят и названия некоторых древних поселений на территории Юсьвинского района — Город, Городок, Городище, Чучка-город: «Урочище — Чудское городище. Я думаю, от населения чудь. Но население со временем переиначили это» (с. Калинино); «Жили рядом маленькие люди. У них и инструменты были маленькие, находили их вот здесь, за огородом: ложечки, чашечки разные. Их видали, не видали — никто не знает. Это место называли Городок» (зап. от Кривошековой А.Ф., 1920 г.р., д. Дойкар).

В рассказах о древнем народе чудь называют *учёттик йёз* ‘маленький народ’, чудные люди, Ваня-народ, лилипутики, чучковщина а также *сизь* ‘дятел’: «Чудные люди были такими маленькими, что под одним грибом могло спрятаться 12 человек» (зап. от Петровой А.П. 1914 г.р., В.Волпа).

Большую загадку представляет номинация чуди, «чучкого народа» словом *сизь* (с. Тимино). «Вот у нас поле тут есть, лилипутики-то, как ино они, сизь, сизями звали. Тут яма у нас была, тут похоронили, говорили. Давно видимо. Там по Ягве у нас было поле, там мы пахали. И пашешь, всё равно что-нибудь найдешь. Вот такую чашечку или стопочку. Это совсем маленькие люди были. Название не знаю» (с. Тимино). Возможно, название образовано от коми-пермяцкого *сизь* ‘дятел’, которым в Юсьвинском районе могли называть древнее племя, древний род с птичьим тотемом. По мнению авторов Краткого этимологического словаря коми языка, слово имеет допермское происхождение, соответствия ему отмечены в марийском, эстонском, финском языках²³. Не исключено, хотя и сомнительно, что слово *сизь* имеет славянское происхождение: от *сизый* ‘тёмный, чёрный с просинью и с белесоватым, голубоватым отливом’ и образовано как указание на физиологические признаки коми-пермяков. По наблюдениям антропологов, южные иньвенские коми-пермяки отличаются от северных особым антропологическим типом: более смуглой кожей, преимущественно тёмными глазами и волосами.

Население района, говорящее на коми-пермяцком и русском языках, рассказывает о колодце, принадлежавшем чучкому народу, называя его Ваня-колодец и на коми-пермяцкий манер чучкёй колодец. «Чучки народ. Мы в Кайдуках

²³ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. — М.: Наука, 1970. С. 225.

пахали поле и находили ложечки маленькие. Они не золоты же, медные что ли. Под грибок они семь человек поместились. А туфельки нашли вот такие, тоже жёлтые, как медные вроде, и на высоком каблучке, и железные. Потом поиграли дети да куда-то, наверно потерялись. Самоварик нашли вот такой. Три штуки: ложку, туфельку и самовар. Где пахали землю, выше этого поля лесок было, а там яма была большая. Это нам старики рассказывали, вот тут чучкий народ жил, маленький народ. У них тут могила, они туда все ушли. Как большие люди появились, они испугались и себе смерть делали. Не знаю, как. Что великаны всё равно нас убьют. Ваня колодец был. Кто знает, может у их, может какой-то Ваня жил, может, у него это было колодец. Я уже сюда переехала жить, всё еще этот колодец остался. Такой холодный, чистый. Из плахи сделано было. Такой ширины, чтобы ведро влезало. А глубокий. Вода чуть не доверху. Мы пили оттуда. Называли чучкэй колодец. Шилой они жали. Серп-то появился, они испугались, что это мол нас съест» (зап. от Патруковой А.Е., 1922 г.р., родом из д. Хайдуки Юсьвинского района). Появление в названиях древнего народа просто-народной формы христианского имени Ваня объясняется, скорее всего, тем, что оно устойчиво ассоциируется и в русской культуре с мифологическими персонажами. Имя могло проникнуть в коми-пермяцкую среду не как обобщенное обозначение русских, а благодаря своим мифологическим коннотациям (ср. обозначения смерти типа *Ванька Елкин*, *Ваня Кустов*, *Иван Соснович*, *Иван Гробович*, *Иван Могильников* в русских говорах Прикамья, архангельское представление о духе плодородия *Иванушка*, и с другой стороны выражения типа отмеченного в кочевском говоре *Ванька ягö кайны* о смерти, букв. «уйти в Ванькин бор»). Заметим, что на других территориях Коми-пермяцкого округа фиксируются названия чучких как Ваня-народ: «*Кöркö пö кытöнкö Ваня-народ вöвöмась, шуввисö. Мыля пö учётöсь вöвöмась, Ваня народ шуввöмась сійö. Сюсö полеззвас водитвисö, да кытшиёмкö этшамён шывкаён батшкаввöмась коккесö, абу вермöмась вундыны да. — Когда-то где-то Ваня-народ жил, рассказывали. Называли их Ваня-народ. Зерно на поле растили, да такими шилами протыкали стебли, не могли жать» (зап. от Петровой Н.П., 1927 г.р., с. Новосёлово Кудымкарского района).*

История гибели мифического народа связывается с появлением сельскохозяйственных орудий: бог (в других вариантах преданий «большой человек») оставил на поле серп, чучки испугались его и решили утопить, но случайно перевернулись на лодке вместе с серпом: *«Бабушка рассказывала, что в Пома-деревне люди жили маленькие. И когда образумился большой человек, то пошел на них. Они сеяли для себя зерно. И они стали жать, собирать хлеб, жали шилами по одной соломинке. И они пошли поужинать. Большой человек взял серп и все поле сжал, и поставил большой суслон. И они пришли и стали думать, что это такое. И маленькое поле им большим показалось. И большой человек сел в лодку и плывет. Им тоже стало охота плавать. И они тоже взяли лодку и серп, которым жал большой человек, и хотели его утопить. Они плывут, и серп маленький прицепился и свалил их в воду, и много их тут погибло. И много находили их чаши, ложки»* (зап. от Бычковой Л.М. 1928 г.р., Пиканово). Известны также истории о самопогребении древнего народа.

Занимаясь земледелием, чуды не знали серпа — жали колосья шилом. *«Одна бабушка из Дойкара рассказывала, что жили маленькие люди, зерно убирала шилом. Чучкой народ»* (зап. от Баяндина А.В., 1963 г.р., д. Чинагорт); *«Жили рядом маленькие люди. Когда посеют, шилкой колосья тыкают. Серпов у них не было, только вилочкой»* (зап. от Кривощековой А.Ф., 1920 г.р., д. Дойкар). С появлением сельскохозяйственного орудия связана история гибели «маленького народа». Развитие земледелия у коми-пермяков происходило под влиянием двух более развитых земледельческих культур — русской и средневолжской. Возможно, в преданиях о чуди отражается встреча коми-пермяков с одним из народов, стоящем на более высокой ступени развития, имеющем более совершенные орудия труда. Поэтому нередко чуды рисуются глупыми. *«Дак курицу держали, говорят, курица на двух ногах сидит вон где, свинья на четырех ногах — тоже должна сидеть. Подымали туда, посадили. Упала она вниз»* (зап. от Кривощековой З.И., 1930 г.р., д. Чинагорт). Из-за глупости они и погибают в одном из рассказов, разведя в пруду толокно и по очереди прыгнув в него пообедать. *«Толокно хотели пить. На лодочку сели и бросили. Один прыгнет. Вот боль-боль-боль, — там ведь больгает вода-то. «О, видишь, как там хорошо, еще больга-*

ет». Другой прыгнет, тоже хорошо, говорит. Все прыгнули, лодочка одна осталась. Так и вот уничтожились они постепенно. Видишь, до конца, видимо, думать не умели. Глупые были» (от Кривошековой З.В., 1930 г.р., д. Чинагорт). Сюжет, безусловно, повторяет сюжеты народной комической прозы о героях-глупцах (олонецкие, архангельские былички, рассказы о вятских, которые не знали ложек, толочна и пр.). По сути эти рассказы о чуди-чудаках или дураках интерпретируют поведение старых обитателей края, которые, желая подражать новому пришлому народу, делают все неумело, «шиворот-навыворот».

Другой цикл местных преданий — рассказы о чудесном появлении камня возле Архангельской церкви, по форме напоминающего седло. В преданиях о камне, оброненном Ильей-пророком, сочетаются черты народного и христианского мировоззрения. В народном варианте Илья-пророк предстает по образу и подобию языческого бога грозы и грома Перуна, главным оружием которого были камни и стрелы (др.-рус. «громовая стрела»), а также топоры, являющиеся, как и стрелы, предметами языческого культа. «С неба упало, говорили. Проконей 22-го, вот тогда она и упала, 22 июля. Тогда очень гремело, и она упала, одна галья» (зап. от Петуховой А.К. 1922 г.р., Секово). Другой камень на поле у д. Бодичи называли конём Ильи Пророка («Некоторые пытались разломить его и достать изнутри жемчуг») ²⁴.

Народная память также хранит в легендах сведения более позднего времени. Немало рассказов повествует о князе С.Е. Львове — в начале XX века ему принадлежал Пожевский чугуноплавильный и железодельный завод, здесь было родовое поместье его семьи. Это рассказы о событиях из жизни его семьи, об особенностях его личности: «*Вот этот князь на лоно природы выезжал — старик один сказывал. Лошади все были запряженные дышлом заграничного типа, дуг не было. С пацанами со своими, говорит, приедет, со свитой, погулять на лоно природы. И нас, говорит, с князьями возьмет, речка есть Емельяниха, в Пожву выпадает, на той стороне. Там харюзей очень много было. Мы, говорит, рыбачить. Нас рыбачить отправят, говорит»* (зап. от Сидорова Н.П., 1926 г.р., п. Пожва).

«Князь Львов любил охотиться, но на охоту времени не давал, считал это отдыхом. Если кто-то из мужиков уходил

²⁴ Чагин Г.Н. Народы и культуры Урала в XIX-XX вв. — Екатеринбург, 2002. С. 111-112.

на ночь на охоту, то наутро князь требовал, чтобы он вышел на завод. Говорил: «Отдохнул — теперь поработай». Сам же князь устраивал выезды на дальний кордон вместе с семьей и соседями, там мужчины охотились, а остальные приглашенные отдыхали. Был у князя егеря, его дом до сих пор на кордоне стоит, так вот, стрелял всегда он, и если попадал, то считалось, что попал князь, а если промахивался, то все знали, что промахнулся егеря» (зап. от Панфилова Б.И., 1933 г.р., п. Пожва).

Предания о князе Львове, которому принадлежали обширные леса по Каме и Вишере и металлургический завод, повествуют о фактах его жизни, о характере. Князь единственный из братьев остался после революции с семьей на родине, был арестован и осужден как контрреволюционер; все его сыновья были расстреляны.

Ниже представлены образцы народной сказочной и несказочной прозы, тексты заговоров, песни и частушки, записанные от старожилов края, фольклорных исполнителей в основном в нач. XXI века.

1. Прозаический фольклор

Предания

Маленькие люди

Они жили в Пома-деревне. Бабушка рассказывала, что там люди жили маленькие. И когда образумился большой человек, то пошел на них. Они сеяли для себя зерно. И они стали жать, собирать хлеб, жали шилами по одной соломинке. И они пошли поужинать. Большой человек взял серп, и все поле сжал, и поставил большой суслон. И они пришли и стали думать, что это такое. И маленькое поле им большим показалось. И большой человек сел в лодку и плывет. Им тоже стало охота плавать. Они тоже взяли лодку и серп, которым жал большой человек, и хотели его утопить. Они плывут, а серп маленький прицепился к лодке и свалил их в воду. И много их тут погибло. И много находили их чашки, ложки. (Зап. от Бычковой Л.М., 1928 г.р., д. Пиканово).

Два великана

Были два великана, один дойкарский, другой карповский. И всегда они силами мерялись, кто же все-таки сильнее. Раз решили камень кидать — кто закинет дальше. Если посмотреть, то дойкарские горы выше, чем архангельские. Архангельский великан закинул в карповскую сторону камень, и он не попал на вершину, а попал под гору, и там забил родник — это единственный родник, который есть в Дойкаре, как раз около подножья горы. А дойкарский великан, он закинул и попал прямо на вершину горы. (Зап. от Кривощёковой Е.И., с. Архангельское).

Камень в виде седла

В Архангельском камень около церкви, крупнейший валун, там всё сидели на нём и говорили, что этот камень Ильи-пророк скакал и уронил сюда. Он как седло напоминает. (Зап. от Лягаевой З.А., с. Крохалёво).

Камень упал с неба

По легенде этот камень упал с неба, как седло Ильи-пророка. Он упал далеко в лесах, там, где деревня Мусино, Калинино... И там сейчас леса-то вырубил уже все. И там долгое время ямы были, куда детей взрослые не пускали. По легенде что кусочек какой-то материи досюда дошел. И где-то кусочек тоже там есть. В книге за 48 год я читала, что кусочек метеорита — как-то он откололся. И вторая легенда, что во время ледникового периода здесь как раз оледенение заканчивалось. И это с севера как бы валуны-то прикатывались ледником. И вот тоже один из таких камней... Но у бабушек поверье, что упало с неба. И часовню поставили тоже посвященную Ильи-пророку. И там стояла копилка, денежку куда клали. И сейчас считается, что на нем вот ты посидишь, и любое желание твое исполнится. (Зап. от Кривощёковой Е.И., 1964 г.р., с. Архангельское).

Костюм от князя

У князя Львова была дочь, Елизаветой звали, и он, князь Львов, в честь дочери дал название селу — Елизаветово. Село князь строил сколько-то лет, это всё было у кого-то записано, у старых людей, книга толстущая была. Князь и княжеский дом подсечным образом эти поля разрабатывали. На этих

полях жгли уголь, завод тут стоял, кучи делали, вырубали лес, разрабатывали поля. Князь обходил завод каждый день, в субботу вместе с семьёй. Все рабочие кланялись ему, и он всегда кланялся. Здесь был прокатный цех железа, а позже проволоки. И вот князь ходил смотреть, и один мастер поспорил за три четверти вина, что всем покажет княгиню. Никто не знал, как, а он был шуровщиком — печь шуровал. Он шурует, будто не замечает, что княгиню пришли смотреть все, прошуровал, фартуком укрывается и кланяется. Княгиня «шух, шух, шух» — что-то князю говорит, развернулись и ушли. И его вызывают к князю. Он испугался — там же горячие давали, кто провинился. Там, где профилакторий сейчас, где сейчас кочегарка, там такая лавка была большая, и бак горячий. И горячие вицы — лупить. Ну, он пал духом. Пришёл к князю в кабинет, а там посылка. Он приходит — вот вам костюм. Он прибегает, такой радостный, скачет, и ещё три четверти водки выдал — 7,5 литров (д. Городище).

Князева расписка

Отлично князь к людям относился. Летом на сенокос на неделю, на две ли прикрывал завод, чтобы люди могли покосить, обеспечить своих коров. Чуть не каждый вечер по заводу идёт, смотрит, работу принимает. Если человек бедный, нечо поить, он ему: «Иди на склад, скажи кладовщику, он даст продукты. Надо — рыбу, надо — муку». Никакой бумажки. Щепку даст, с земли подберет, и по этой щепке он тебе даст, говорит. К кладовщику придет, кладовщик: «Чё надо?» И сразу дает продукты. И щепку забирает. Кто хорошо работает, давал бесплатно дрова. Костюмы даже давал бедным. Зачем его раскулачили — в общем незачем. (Зап. от Назукина Н.П., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

Как дочь князя моя бабка вылечила

Бабка моя у князя даже дочь лечила, она знахарка была, но не колдунья, а травами. Очень грамотная была, много книг читала. Эти травы вот и собирала и настойки разные делала — которы втираться, которые пить. Они верхами любители ездить, эти девки у его были, здорово ездили, как парни. Множество коней князь держал. И вот они поехали на завод сюда, эти девки, а на Зыкинской деревне выскочил жеребец, и он шибил эту девку. Ну, она ушибилась здорово, по боль-

ницам туда-сюда ездили, потом услышал, и к бабке. И вот она ее массажировала, правила, этими настоями-те, травами-те подняла. Ну, заплатил он хорошо (д. Елизавето-Пожва).

О кладе князя

У Львова, когда его раскулачивать стали, клад остался. На конце плотины, там березы стояли, я еще помню, они щас пали, отжили своё. И туда он ящик закопал. Там не только золото — ценности. А карту, значит, успел передать брату, брат передал, видно, внуку. И вот приезжали сюда, давай раскапывать, первый раз приехали, не могли найти. Второй раз приехали, уже не так давно, и с завода кран взяли, выкопнули и как точно сгадали — достали этот ящик. Сколько там было золото — неизвестно. (Зап. от Назукина Н.П., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

Пожвинские видения

Пожва как разделена на две части. С одного берега хорошая сторона, а с другого плохая. После исчезновения князя Львова на плохой стороне умирает много людей, там во сне снятся всё кресты-кресты... На месте водохранилища, где раньше сад был, теперь иногда появляется город. Его многие видели, а описать не могут. В поселке одно место называется Марьинский сад. Это место считается плохим, нечистым, там до затопления правда был сад, а теперь людям видятся башня с воротами. Если видят ворота открытые, то вскоре кто-нибудь умрет. За затопленным садом плохая слава. Много там людей утонуло. (Зап. от Панфилова Б.И., 1933 г.р., п. Пожва).

Сказки

Юсьвинский район до сих пор сохраняет классическую фольклорную традицию — сказительство. В начале XX века В.П. Налимов записал в с. Архангельском (от жителя по прозвищу «Белый царь») сказку, в которой вместе с медведем и человеком действует святой Архангел Михаил: «Медведь хотел съесть человека. Михаил Архангел согласился. Человек говорит медведю: «Ты становись под гору, а я пойду на гору. С горы я побегу тебе прямо в рот». Медведь согла-

сил, стал под гору. Человек выстрелил с горы, медведь упал. Михаил Архангел подходит к медведю и спрашивает: «Съел ты человека»? Медведь отвечает: «Нет, как он плюнул на меня, так я и свалился». Сюжет сказки своеобразно отражает непростую историю упрочения христианства на коми-пермяцкой земле.

Публикуемые в разделе сказки разнообразны по тематике. Сказка «Про козу» хорошо известна в России, в свое время была записана П.А. и А.А. Вологдиными в XIX веке и в Прикамье (опубликована под названием «Коза луплена» в Пермских губернских ведомостях, 1863, № 40). Некоторые из текстов представляют контаминации двух сказок (сказка о Бабе-Яге включена в сказку «Сестрица Аленушка и братец Иванушка»). Представлены также новеллистическая сказка «Про разбойников», ряд сказок о Иванушке-дурачке. Сказки этого типа демонстрируют особую сказочную стратегию: герой Иван-дурак успешно благодаря своему «не уму» проходит все испытания и достигает высших ценностей (побеждает противника, женится на царской дочери, получает и богатство, и славу).

Солдатовая наука

Были три сестры, и все красивушние были. Младшие вышли замуж, а старшая нет. Солдатик один пришёл с матерью сватать. Отец говорит: «Ты, солдатик, не женись на ней. Она у нас ничего не делает, не подчиняется». А солдатик говорит: «Ничё, папаша, будет делать, всё будет делать». — «Как? Ну, дело ваше». Поженились. А он из армии пришёл. Всё тоже, одна бабушка. На свадьбу делать нечего, мы всё сами сделаем, богатые тоже. Ну женились. Отец им дал лошадь, дал корову, дал овечку, дал ей хлеба. Ну, он из армии только пришел, ничего нет, а те две-то сёстры замужем. Свадьбу сыграют, а после свадьбы делают хлебины: молодых приглашают. А пока не пригласят, им ходить нельзя. А он был обувщик, всё делал. Кошка у бабушки была. А как её приучать к работе? Кошка ись хочет, ревет. Ты, кошка, не реви. Я тебя убью. Кошка чё понимает: всё ревёт. Он её шилом заporол. А она сидит, видит ведь, она ведь видит, за ухо кладёт. Корова отелилася, холодно, они телёнка отташили в избу за печку, телёнок ревёт, пить хочет. А корова — доиться надо. Он сидит, свое дело делает и говорит: ты, телёнок не реви. А чё теленок понимает — ревёт.

Он взял молоток дал корове между ушей, дал, телёнок пал. Она видит. Корова ревьёт, а он молчит, ничё не говорит, что доить надо, поить. Корова ревьёт, он пошёл, как даст между ушами, корова пала и сдохла. И приглашают родители на хлебины. Лошадь тоже голодная, поехали, надо в гору подниматься, она не может. Идёт — идёт, встанет. Он говорит: я сказал — иди, не останавливайся. А лошадь чё понимает? Он взял, ей голову отрубил. Потом говорит: давай, снимай шубу. Она одета. И запрягайся сама: меня вези. Ей надо везти. Он сел, она разделась и везёт. Родители там уже ждут и все уже гости собрались. И видят: это чё, говорит, она везёт мужика, а дома пол не мела, ничего не делала. И все ахнули. Отец говорит: я ему подарок дам в 40 рублей, а раньше 40 рублей — знаешь какие деньги. Большие... Вот она, солдатова наука-то. Отец ещё даёт ему деньги. По имени называет и говорит: «Какой ты молодец. Как ты нашу дочь перевоспитал. Вот она у меня всё делает и всё будет делать». А на эти деньги они корову купили... (Зап. от Хереловой А.М., 1922 г.р., п. Пожва).

Недоразвитый сыночек

Жили-были дед да баба, у них был сыночек один. Но он маленько был недоразвитой как, Иванушком звали. Ну и вот. Он-то подрос уже маленько. Ходил уж, в школу начинал ходить, учился. А потом мать повела его в церковь. Он в церковь сходил, ему понравилось. А на следующий день праздник, подошёл к матери. Некогда идти стало, значит. «Ты, Иванушка, иди в церковь сёдня сходи хоть, сёдня воскресеньё». Он пошел в воскресеньё в церковь, значит. И видит: мужчина пашет на полях. Он говорит. Ну мать-то как у него была религиозная, он также маленько да. Ну всё-таки видно, он был не совсем же. И он говорит ему, мужчине-то: «Дай тебе Бог торицу да метлицу, а не хлебушек, чтоб уродился. Сегодня воскресеньё, надо в церковь Богу молиться, а ты пашешь». А тот осердился да его плеткой нахлестал. Он вернулся домой, идет к матери, говорит: «Чё дак ты ревьешь?» «А вот там дядька пахал, я ему вот чё сказал». «Да, дурак, да ты бы сказал: дай тебе Бог носить да не выносить, возить да не вывозить». «Ой, дак я, мамка, пойду и сейчас скажу». Пошел, несут опять покойника как раз. Он-то им и говорит: «Дай вам Бог носить да не выносить, возить да не вывозить». Его опять тут наступали. Пришел опять домой, ревет. Мать опять спрашивают

с отцом. Он и говорит: «А вот ты как сказала, мамка, я так и сказал». Дурак ты, надо было сказать — канун да ладан. Ну, я пойду, скажу. Ладно. Пошел, а тут свадьба, он и сказал. Опять набили. Да дурак ты, дурак, да ты бы взял да поплясал, да песенки попел, дак тебе бы хоть конфетки али да хоть бы пиво налили. Веселье чё ли у них, и вино с собой. «Ой, мамка, мне беда охота, я пойду». Побежал это опять, горит, гумно горит. Все заливают с ведрами. А он-то побежал, давай плясать, песни петь. Они думают, что он поджёт. «Что ты это, дурак? Тут горит, надо заливать, чтобы... А ты чё это делаешь?» Опять ему попало этому парнишку. Пришел домой, опять матери. Мать спрашивает, он и говорит: «Дак вот чё!» Она и говорит: «Дак ты бы взял ведро, хоть у кого-то попросил да заливал бы, воду-то носил да!» «Ой, мамка, я возьму ведро из дому, пойду заливать, помогу». Побежал с ведром заливать, дядька опять свинью палит. А раньше палили свиней-то. Он опять пришел с ведром-то с водой-то, да у него залил. Он опять его настучал. Он, значит, опять идет домой, ревет. Пришел домой, мать опять спрашивает: «Да дурак ты, дурак, ты бы сказал: иди в это ему, да чтоб тебе дай Бог этим кусочком-то разговиться в Христов день». «Ой, мамка, я пойду скажу». «Ну ступай, так и скажи». Пошел, дядька сидит на кукорке. Ну, управлятся по-большому. Сидит, выкладывает. А он и говорит: «Дай те Бог этим кусочком-то разговиться в Христов день». Тот опять его налопал. Опять домой приходит, опять ревет. Мать и говорит: «Да дурак ты, дурак. Да ты бы шел да плюнул только на его, не на его хоть, прошел маленько да и плюнул». «Пойду я, мамка, я пойду плюну». «Ну, ступай». Ушел, значит. А служат молебен вышли, молебен служили раньше на полях. Он прибежал. Пошли уже ко кресту, батюшка крест дёржит. Он тоже подошел, ему на крест-то плюнул. Тут опять его крестом-то стукнул. Он пришел, опять ревет. Мать ему: «Да дурак ты, дак ты бы перекрестился, да поцеловал». «Ой, мамка, я пойду поцелую». Пошел, лошадка стоит, кобылка да писяет, хвост оттянула. Он взял да перекрестился, поцеловал. Она как лягнёт его, тут его насмерть и убило. (Зап. от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

Про разбойников

Жили дед да бабка. У них один сынок тоже был, как тоже Иванушка, раньше всё Иванушками звали. Он вроде был и

умный. Он подросток, а они в деревне жили. Вот, и говорят бабушка с дедушкой: «Отдать надо его учить к ремеслу, значит, ехать надо в город, на завод». Бабушка им наготовила, наделала все, напекла, белье им дала. Дедка повёл его, идут тоже лесочком шли ещё, попались разбойники. На них не написано ничё, что они разбойники. Они спрашивают: «Ну, дедушка, дедуля, куда ты повел сыночка своего, таково хорошего, молодого, красивого». «Ну вот, надо какому-нибудь ремеслу его подучить». «А какому ты думаешь? А отдай-ко ты нам его, мы тебе его выучим не к одному еще ремеслу, да еще и хорошему какому-нибудь». Ну, старик отдал его, вернулся домой. А они были разбойники, где-то жили в лесу. Были у них два брата да сестра Наташа. Вот приходит ночь, они будят его: «Вставай!» «Ну куда? Теперя еще ночь, дак я не выспался!» «Вставай, вставай, на работу надо, обязательно надо сейчас, а то нам прогул поставят». Вот пошли там к одному богатому дядьке, такому уже. Ну, они уже высмотрели раньше какой он, где он живет богатый. Там они в этот чулан окошко достали да ему заставили лезти: «Полезай давай, выбрасывай там». Он-то выбрасывал, выбрасывал чё надо. Они: «Всё хватит, вылезай!» А там у его был тулуп, такой собачий, теплый, большой, хороший. Ванюшка тулуп-то берет как себе бы. Они говорят: «Тут же сразу за самой хорошей вещью, только пошел в первый раз да и себе первую вещь». Он говорит: «А как же? Вы ведь не лазили! Я же лазил!» «А кто рамку доставал?» «Я щас пойду спрошу у хозяина, он пускай скажет». Они его тоже: «Дак ты что с ума сходишь что ли!» А они богатые-те напьются, со сна-то шибко говорят. Ну, иди!» «А вы подслушивайте!». Он ушел там, где этот богач спал, в спальне. Зашел он туда, ай-да тихонько его задевает да и говорит: «А барин, а барин, я во сне видел, нам воры полезли да у тебя тулуп-от. Кому он положен? Кто лазил, доставал? Тому или кто только рамку достал-то, на улице стоял собирал?» «Да уйди ты, дурак!» «А барин, ну, барин, да скажи, кто?» «Ну дак как же не тому! Конечно, кто лазил, кто доставал, бросал, тому и тулуп!» Они выслушали и пришлось им отдать ему тулуп. Опять там на следующие дни ходили. А Наташа девушка у них хорошая была, сестра это. Она этого паренька полюбила, да, вообще-то ей с братьями-те надоело жить-то. Она и говорит: «Давай, мы с тобой поженимся да уйдем к вам в деревню к твоим родителям жить-то». Ну, он согла-

сился идти уже к родителям, чтоб больше тут не работать. Ну, братьевьям сказали, а братьевья сперва как были против, а потом согласились да и сказали. А у них была свинья. Они свинью растили. А братьевья-то говорят: «А вот, говорит, вы женитесь, уедете, мы вам в приданое отдаем свинью. А если мы придем в эту ночь, вы ее спрятайте. Если б мы ее не найдем, дак, значит, свинка твоя будет. А если найдем, украдем, вы обратно оба к нам придите». Ну, эти согласились. Тоже вечер приходит, Наташа говорит своему Иванушке: «Куда же мы свинью-то девам?» А у них была мельница. Они взяли это, на свинью надели, баушкино на нее надели, одежду как, да и насыпали зернышки-те. А она ходит там кругом, зерна-то собирает. А они-те, разбойники, пришли ночью-то да и говорят: «Вон у нас сватья-то сѣдня, видно, нас караулит, не спится старой сватье. А у них Наташа тоже со сна говорила. Ходили, искали-искали, свинью не нашли. Второй брат-то говорит: «Я пойду, спрошу у Наташи». Тихонько ее трясет: «Наташа, а где наша свинья? Я забыла, куда мы ее спрятали?» «Да ты чѣ? Мы надели баушкину одежду на ее, дак она на мельнице, там зѣрнышки собирает. Да свинью-то схватили да побежали с ей. А Ванюшка-то спал-спал, пробудился, хватился, свиньи-то нету. Он-то уздечку лошадиную взял да побежал, а ночь-то темная была да дожжало еще как раз. Они несли её как на себе, а свинья-то уж большая была, пристали. А там раньше угольные печи в лесу-то бывали. Вот угольная печь где-то стояла, а им надо покурить, они уж пристали. «Ну, Иван-то нас не поймат, ничѣ, убежали мы уж далѣко. Давай отдохнѣм», — брат брату говорит. — «Давай отдохнѣм здесь. Прикурить, говорит, надо». Иванушка-то бежал-бежал, взял уздечку, повилить-то куда-то уздечкой-то. Один вот который был, тот пошел, наверно. «Вот там, брат, где-то лошадь ходит, началась. Надо идти, горит, вести её». А тот опять кричит: «А, брат, я не могу прикурить-то, спички-те размокли». «Ну иди, там сажа-то есть, уголѣчки может где-то есть. Там прикурь». А тот-то слушал Ванюшка-то да вперед забежал, смотрел в печь-то да вымазался весь, зубы-те оскалил, глаза-те открыл пуще. Тот только стал заходить-то, тот и говорит: «А попался!» Друго-т испугался да повернулся, лбом-то о подушку-то, о двери-те стукнулся, да пал да кричит: «Брат, здесь чѣрт!» Тожно побежали, от чѣрта побежали и свинью оставили. А это взял, его уже не на себе Ванюшка понѣс. А

уздой за живот-от поймал дак чѣ, за шею, и увѣл его. Те до-
мой пришли: «Вот чѣрт, наверно, ни нам и ни Иванушке не
досталася свинья. Чѣ будем делать?». И не пошли одни-те:
«Чѣрт свинью съел». А Ванюшка убежал домой, пришел, ну,
и говорит: «Ну, Наташа, давай пойдем сходим к братьевьям,
там у нас ещё имение осталось кое-чѣ, ты не все ещё взяла,
все забери. Мы уж теперя с тобой будем жить». Так и сделали.
А тожно пришли к этим разбойникам-то. Те еще ножи вы-
ставили: «Как так? Пошто твоя свинья, когда её чѣрт съел?
А пошто она тебе досталася?». Так они и жили вдвоём. (Зап.
от Беляниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

Коза

Про козу рассказывали. Как дед козу колол. Привязал ее
за веревку эту козу. Стал ей горло резать. Резал-резал. Не
мог отрезать, она веревку порвала. Убежала. В лес убежала,
в зайкину избушку. Зайка пришел, его коза не пустила. Он
пошел. Ему сначала попала лиса. «Лиса, пойдем. В зайкину
избушку зверь полез, пойдем выгоним». «Пойдем». Пош-
ли. «Вылезай, зверь, из зайкиной избушки». Коза: «Я коза,
дереза, по лбу колуплена, за три гроша куплена. Топу, топу
ногами, заколю тебя рогами, ножками затопчу, хвостиком
замету». Лиса убежала. Опять зайнька сидит, плачет. Идет
волк: «О чем, зайнька, плачешь?» «Не слыхано, не видано, в
зайкину избушку зверь полез». «Пойдем, выгоним». «Кто, кто
там в зайкиной избушке?» Коза: «Я коза, дереза, по лбу колу-
плена, за три гроша куплена. Топу, топу ногами, заколю тебя
рогами, ножками затопчу, хвостиком замету». Ушли. Потом
медведь встречается: «О чем, зайнька, плачешь?» «Не слы-
хано, не видано, в зайкину избушку зверь полез». «Пойдем,
выгоним». «Кто, кто в зайкиной избушке?» «Я коза, дереза,
по лбу колуплена, за три гроша куплена. Топу, топу ногами,
заколю тебя рогами, ножками затопчу, хвостиком замету». Ушли. Опять зайнька сидит, плачет. Идет петух на ногах в
красных сапогах, на плечах несет косу: «О чем, зайнька, пла-
чешь?» — «В зайкину избушку зверь полез. Лиса гнала, не
выгнала, волк гнал, не выгнал, медведь гнал, не выгнал». —
«А я, зайнька, щас выгоню». — «Да где же нам, петушок, вы-
гнать с тобой». — «Пойдем, выгоним». «Кто, кто в зайкиной
избушке?» — «Я коза, дереза, по лбу колуплена, за три гроша
куплена. Топу, топу ногами, заколю тебя рогами, ножками

затопчу, хвостиком замету». А петух говорит: «Я иду на ногах, в красных сапогах, несу-несу косу, тебе голову снесу. Слезай, коза, с печи». Коза убежала. (Зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

Иванушка спичками торговал

Вот Иванушка спички менял. Спички-то наделал, а потом ушел. Шел, шел, пришел в деревню ночевать. Попросился, его пустили ночевать. Он ночевал. А курицы были в избе-то, курицы разделали эти спички-то. Он утром встал, говорит: «Раз спичку мою разделали, дайте мне курочку за эту спичку». Вот курочку, потом дали ему гуся, где-то ночевал, потом еще кого-то. Потом он получил теленка. А теленка продал и построил себе дом. Построил дом, женился, и стал жить хорошо. (Зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва).

Алёнушка и братец Иванушка

Аленушка и братец Иванушка жили без родителей-то. Жили, жили, все, кончилась вся еда, потом они пошли к Бабе-Яге. Она жила не очень далеко. Она пекла шаньги всегда. Она, эта девочка усыпит своего брата и побежит к Бабе Яге, а его с собой не брала. Идет, говорит, заходит: «Шанежки, лепешки, на погрядочке. Девка с собой берет, домой несет». Она соберет, соберет, быстренько, а Баба Яга на печке сидит. Соберет это и прибежит. Братик проснется, кушать захочет, она накормит. Говорит, я испекла шанежки, пока ты спал. Вот два раза она ходила, и третий раз пошла, а он прикинулся, что заснул, и побежал за сестрой. Пришли, она увидела, что он бежит, но куда деваться. Прибежали они к Бабе Яге. Она к дверям подошла и говорит: «Ты не смейся. Зайдешь, она будет говорить: «Шанежки, лепешки на погрядочке», ты не смейся. А рассмеешься, она нас поймает». Она не хотела его брать, но он попросился все равно, и она взяла его. Зашли они. Она говорит: «Шанешки, лепешки на погрядочке. Девка берет, домой несет». Он засмеялся. Она выскочила и поймала их. Поймала и в голбец посадила. В голбец посадила и стала кормить. Кормила, кормила, кормила. «Покажите, какие руки и ноги толстые, нет, стали?» Они ей показали: «Ой, тонкие еще, надо кормить еще». Кормила, кормила. Опять, покажите свои ноги. Они опять палочку другую показывают — опять тонкие. Еще кормила, кормила,

потом они тоже показали. Ну, можно уже вас есть. Она их выпустила, печку затопила. И говорит: «Печка топится. Жарко? Жарко. Садитесь на лопату. Я вас щас изжарю и съем». Сначала девочку посадила. Как лопата подойдет к печке, она руки разрешит, и она не может ее туда. Потом, значит, она второй раз, говорит уже братцу: «Давай, садись теперь ты». А она ему тихонько сказала: «Ты видел, что я делала? Ты так же делай». Вот тоже посадила она на лопату его, и стала совать в печку, а он раскинул ручки и ножки и не влезает никак. И вот она никак не может. а девочка ей говорит: «Бабушка, дак ты нам покажи, как сесть-то надо. Мы не умеем». А она говорит: «А сможете меня?» «Да мы вдвоем сможем». Они лопату вдвоем поймали, она села, прижалась, и они ее вдвоем в печку и заслонкой закрыли». Всё. Сами пошли. Шли, шли, знаете, вот потом козленочком-то он стал. Из копытца-то он выпил водицы, из козлиного-то и козленочком стал. А потом он стал царевичем.

Вот они шли, шли, долго, долго шли, жарко было. Вот он говорит: «Я пить хочу. А сухо было, и копыце было лошадиное. Он говорит: «Я попью отсюда». Она говорит: «Не пей. Будешь жеребеночком». Пошли дальше. Шли, шли, копыце коровье. «Я отсюда выпью». Она опять: «Не пей. Будешь теленочком». Опять пошли. Козлиное копытце. Она отвернулась, и братец-то выпил и козленочком стал. Она развязала свой поясочек от платья, привязала его и пошли с ним. Шли, шли, и вот уже вечер настал, подошли они к деревне, в одно место постучались, их не пустили ночевать, в другое постучались, не пустили ночевать, в третье место постучались, а там оказывается Иван-Царевич жил. «Вы чё хотите?» Они переночевали, и он предложил: «Выходи за меня замуж. Будешь жить у меня. Мне готовить все. И козленочка будем, конечно, держать». Вот так и сделали. А Баба-Яга недалеко. Не та, а другая. Ту изжарили. Она хотела свою дочь отдать замуж за этого Ивана-Царевича. Она узнала, что Иван-Царевич женился на ком-то. Вот он уйдет на охоту и говорит: «Ты закрывайся, Аленушка, и не открывай никому. Тут Баба-Яга живет, она может это сделать, убить». Вот он уйдет на охоту, вечером придет: «Аленушка, я приехал, устал. Пусти». Аленушка пустит, наготовит кушать, накормит, спать положит. Вот она сколько-то дней так было, потом Баба Яга узнала, что он уходит на охоту и оставляет ее одну. Он ушел, и она

пришла, и стучит: «Открывай, Аленушка. Я пришел». А она узнала голос: «Это не Ивана-Царевича голос, это у тебя Баба-Яга голос. Я не открываю». Вот два раза она так приходила, и третий раз, и потом пошла к кузнецу и говорит: «Мне язык сделайте потоньше, чтобы голос-то у меня был». Кузнец ему наковал язык, у него язык стал потоньше. И стала говорить также как Иван-Царевич». Вот он уехал опять на охоту, она вперед пришла его. Пришла и говорит, как он говорит. Она перепуталась и впустила ее. Она ее поймала, привязала к шее камень и бросила в речку. В речку спустила. А сама одела ее одежду и дома осталась. Он пришел, стучит, стучит, она долго не открывает. Говорит: «Я еще с печки спускаюсь». А он спрашивает: «Чё ты такая сегодня неуклюжая, неловкая? Всегда быстро открывала, открой скорей». Она говорит: «Уже сейчас оденусь». Ну, вот оделась, вышла. Впустила его. Он не узнал ее, не признал. Покушали, он спать лег. И вот сколько-то так прожили, и она и говорит: «Козленочка надо заколоть. Чё его держать-то. Надо заколоть». А Аленушка в этом, в проруби. Согласился Иванушка козленка заколоть. Долго не соглашался, но потом согласился. Сначала уговаривал ее, что ты, так любила козленочка этого, а щас велишь колоть. А потом все-таки уговорила его. И вот уже приготовили, ножи уже точат, воду греют. А он говорит: «Пусти меня, Иванушка, перед смертью еще к речке сбегать, ножки помыть». Он разрешил. Он убежал туда и говорит: «Сестрица моя Аленушка, костры горят высокие, котлы кипят кипучие, ножи точат булатные, хотят меня зарезать. Выплывь, выплывь на бережок». Она говорит: «Как я выйду, как я выйду? Тяжел камень ко дну тянет, шелкова трава ноги спутала, желтый песочек на груди лежит. Я не могу». Вот он сходил один раз, прибежал домой. Они уж хотели его поймать, а он прыг-скок, ускакал да говорит: «Еще схожу на речку». А ему чё-то стало думно: почему он на речку-то ходил и еще выйдет. Вот он убежал на речку, а он тихонечко за ним, и услышал вот этот у них разговор. Как он говорит: «Выплывь, выплывь, сестричка, на бережок». А она говорит: «Как я выплыву? Тяжел камень ко дну тянет, шелкова трава ноги спутала, желтый песочек на груди лежит». А он говорит: «Хотят меня зарезать, выплывь, выплывь, все равно». Вот Иван-Царевич это услышал все. Прибежал, как посмотрел, а там Аленушка лежит. Вытащил эту Аленушку, обмыли, в бане горячей вымыли, а Бабу-Ягу он застрелил и

ворота большие сделал. Ворота — это ограду. (Зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва).

Былички о колдунах и нечистой силе

Мифологическая проза в крае представлена чрезвычайно широко. В быличках рассказывается о водяных, лесных, домовых, банных духах, о колдунах, приходящих покойникам. Колорит многих из таких рассказов связан с воспроизведением разнообразных деталей как коми-пермяцкой, так и славянской демонологии низшего уровня.

Рассказы о колдунах

Магическая традиция в крае до сих пор связана с колдовством. В 30-х годах XX века Г.А. Старцев отмечал, что в деревне Власово он слышал о колдуне, который в детстве умел ловить рыбу голыми руками (рыбы сами приплывали к берегу по его зову), а в Чинагорте встречался со знающими, которые умели писать «кабалу» лесному духу (на бересте, дегтем и углем; вместо слов ставили елку, чертили дорогу и знаки-кривули).

«Колдунов черти тузют, чтоб они работали» (зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доег). *«Колдуны могут даже на след сделать што-нибудь плохое. Даже на расстоянии могут сделать. Именно плохой колдун на растущую луну, на убывающую они вот лечатся, а вот эти плохие на растущую луну. Если он не смог никою ничё сделать, он даже может своей семье кому-то сделать плохое, но потом обратно снять эту порчу. Обязательно он что-то должен сделать, он болеет, он не может. У нас тут, где-то в Крохалёво, женщина-то занималась плохим, плохая была колдунья. Когда она никому ничё не могла сделать плохое, она на своего мужа делала, потом она всё снимала с него»* (зап. от Исаковой З.Г., 1952 г.р., д. Асаново).

«И колдуны рассказывали ей (бабушке), а колдун ведь стареется, он не может жить, чтоб не испортить человека или скотину, или что-то. Дак если мне жалко будет человека испортить, дак я, говорит, пущу свою силу на берёзу, и берёзе, говорит, такой нарост будет сразу.»

Раньше свадьбы без таких знающих колдунов не проходили. На свадьбе могут всяко издеваться. Есть у них два колдуна: один-то колдун вред хочет делать, а второй желает этой свадьбе только хорошее. Значит, тот колдун должен всегда следить и того колдуна пересилить, но который сильнее будет. Но бывает всяко. Колдун колдуна знает, видят издали друг друга, кто колдун, а кто нет.

Они, говорят, яширицы сушат и этими поят, яширицами. И будет икотки. И ещё у лягуши хвостатики (головастики), или как их называют, которые чёрные с хвостиками, ложат, потом этими поят и портят людей» (зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино)

Раньше говорили, что колдуны превращаются в кошку, в собаку, медведя (с. Юсьва).

Два колдуна

Два колдуна-охотника (родом из деревни Савино) встретились в лесу и заспорили из-за места охоты. Один сказал: «Я иду налево, ты иди направо. Мы никогда больше не поспорим». Другой охотник сказал: «Ты иди направо, я пойду налево». Спорили долго и оба отправились в левом направлении. В это время их собаки грызли друг друга. Тогда первый охотник сказал своей собаке: «Лай вверх». Другой охотник догадался, что ему грозит опасность и сказал своей собаке: «Лай вниз». Обе собаки вместе лаяли, лаяли долго. Ни та, ни другая не могли перестать лаять. Если бы первая собака перестать лаять раньше, ей и её хозяину грозила опасность сгореть живым на месте. Если бы перестала лаять другая собака, то ей и её хозяину пришлось бы околеть (умереть) тут сразу же. Этот сюжет о колдуне и колдовстве через собаку имеет множество вариаций. Так, некий колдун-охотник, чтобы расправиться с врагом (охотником же) послал собаку к его избушке. Собака лаяла книзу. Через некоторое время враг-охотник заболел и умер (зап. Г.А. Старцевым²⁵).

Котомка на спине

Людей портят — на спину котомку чё-то сделают, и он как котомку носит, и спина не гнется, и так плохо. Так мучаются, живут. Потом кто-нибудь поправит. Сестра у нас Вера рассказывает — в Майкоре один мужчина был, сколько годов он мучался, котомку носил, а потом сходил к бабушкам, они

²⁵ Старцев Г.А. Ст. Из мира колдовства коми-пермяков. Рукопись. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф.250. оп.5 № 75.

поправили. Дак он де говорит, как котомку у меня сняли. Да так легко стало, так легко. Дак я счас верую, что черт есть и Бог. Поглядят: вот ты хорошая, да вот ты такая, а потом человек заболает. Чтобы мне не встречаться с такими. (Зап. от Кылосовой В.Я., 1924 г.р., с. Крохалево).

Колдун угнал

Которые знают молитвы такие, сделают, и тогда человек убегает от людей. У нас она — неделю что ли, никак не могли найти. А потом Санко съездил к человеку, в деревне есть Степан, и тот сказал ему: «Ежели сегодня не пойдёте искать, и не найдёте больше». И мы пошли. Тогда солнце уже вниз клонится, старая дорога была. Он сказал, чтобы мы одежду всю перевернули, другой стороной, чтобы одежда вся была. Мы вот отсюда зашли, солнце чуть только видно, идем. И далеко она ушла, красная кофта была пестрядиная, холщовая, белый платок. Она же пошла жать, а видели люди, как она бежала — даже кочки ногами не задевала. Я, говорит, ничего не помню, только, говорит, шумит в голове. Так колдовали. Ночью здорово сильный дождь был, а у ее лапти все сухие. Спрашивают: «Ты ночью где была? Почему, говорит, у тебя всё сухое?» А она говорит: «Я под большой ёлкой стояла». А где — ёлки-то вообще нигде и не были, всё было срублено, мелочь тока была. Ночи три ночевала в болоте. Бруснику собрала — такая крупная, в передник набрала целую чашку. А в тот год и брусника не была. Потом два раза или три бабушки в бане парили, и она поправилась. Глаза-то какие некрасивые у ней были тогда, синяя сама сделалась, глаза такие широкие стали, синие тоже... (Зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурмэс).

Видения на спине

Здесь был колдун, ли как ли сказать. Он вот такой был: кто придёт к нему полечиться, он снимает. Сядешь на стул, зажжёт лампочку. И вот посмотришь, и когда он работает, читает ли что ли, и на спине ходят люди. Я это точно скажу, я видела. Одна женщина, у ней сын утонул, она говорит, что утопили его. Если кто-то его утопил, значит, должен выйти вместе с сыном-то туда на спину. На спине ходят и всё люди. Я бы никогда не поверила. На спине кажутся люди: женщины — как женщины, мужики — мужики (с. Доег).

Колдовство чучелами

Бадью эм этчин, осинаэз вöвисö шеся. Сійö колдуйтöмась вöви, сэтöн морт кодьöсь и мый вöвисö. Ог төд, öнi эмöсь, абу. («Бадью есть там, шесть осин было. Наколдовали там, там как люди были. Не знаю, если ли сейчас»). Из дерева вырезали как чучела. Там где-то такое место было. Туда, видимо, ходили. Это место заросло уже наверно. Падди называется. С Онохово ближе. На дереве на человека были похожи. Юр эм, öм, быдöс. Онняюрöн вöвисö: юрыс увын, коккес вывын. («Голова есть, всё. Вниз головой были: голова внизу, ноги вверх»). Колдуны ходили, сами вырезали, издевались. Чучела людей... Одежды не было, на деревьях как нарисованы. (Зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег).

Кила

Первой парень у меня был. Я вечером отроблюсь, упоромлюсь, убежу к маме по молоко. И Маша-то пришла, говорит: «Мамаша, Дуня-то пускай у мамы берет молоко-то, а я от тебя буду брать». Да я, говорю, сейчас за 10 км бы сбегала (раньше никакого балахульства, не было ничего, я ничего не боялась, сейчас, как говорится, два шага шагнуть боишша). Ладно. Притащила парню молоко, вскипятила. Утром на работу пошла, парень этот поел у меня: «Гай, гай, гай, гай, гай, гай, гай, гай, гай»... Перед печкой его грею, качаю, целую ночь вот эдак качаю, и он все равно... А потом уж... сестра-то мне говорит: «Врача призвала». Она говорит: «Сейчас разрежем эту килу»... Эта кила у него поднялася ... заходит, и говорит: «А вы чё делаете?». А я говорю: «А ты только погляди у парня какая ... всю холку раздуло». «Да это, — говорит, — кила, посажéна ему. Ты ведь у Федулы молоко-то брала». Я говорю: «Брала» — «Это на вас было посажéно... это было на вас сделано, а вы молоко это не пили». И ребенок перетерпел эту боль сам... О, не дай Бог! Вывели килу — позвали эту делать, она разрезат, знает. «Сливочное масло есть?» — «Есть». — «Давай». Натерли, и тут же заживат, тут же затягат. Это прямо сейчас мне все еще на памяти... на глазах. Вот разрезат, и тут же затягат... И ничего не выходило! Вот тогда выходило, как к Афанасии Дмитриевне я съездила. Там ночь ночевала. Домой приехала. Она мне и говорит: «Если у него пройдет, как пятнышко иголкой будет ткнутое, как кровь запёкшая». И верно: вот эдак оно поболь-

ше и побольше, и копеечка, потом побольше, и побольше, и побольше, детская ладошка. Такая короста как запекшая была, и она лопнула. Свекровка и говорит: «Пол-литра простокваша вышла». Ну, где же оно будет выходить, откуда как посажено, дак кто посадил, а другой отличил, пожалуйста, вот это и вышло. А тут бы хоть всю холку вырезай, ничё бы не было (с. Юсьва).

Кукла для колдовства

Колдун делает куклу. Вырезает из дерева, из пальчика у себя кровь возьмет, сделает глаза, нос. Положит где-то под опечек, туда. И дом, говорит, не простоит — ну, год, говорит, не пройдет... (д. Новосёлово).

Колдун из-за Иньвы

Вот раньше там во время войны из Шаламово Лена, она утонула. Она, как говорится, её какие-то сущности. Тогда приезжал колдун из-за Иньвы. Он писал на бересту и буквы древнерусские, и наоборот. И у него несколько записей было, он в лесу бросал, а сам он поднимался снизу вверх по тропинке. По этой тропинке он приехал на белой лошади специально. Это наша тётя, она такая бойкая. Этой Лизе сказали: «Ты не смотри. Вот иди, как говорится, но на меня не смотри. Вот поднимайся за мной и не смотри», — ей сказал это колдун. Это была последняя станция, чтобы найти: живая эта девочка или нет. Потому что её показывали: то она сидит на пне, то находят её красный платочек. Бегут, ой, Лену нашли-нашли, а там ничего нет. Потом этот колдун сказал, что если в конце этих суток, если её не отпустят, то, как говорится, она окажется на том берегу, потому что этой девочке покажут, что там мостик, и по этому мостику она перейдёт. А на самом деле никакого мостика нет. И действительно, на следующий день нашли на том берегу в воде, мёртвую. А Лиза, конечно, полюбопытствовала, посмотрела, как поднимается колдун на лошади, причём он скачет. И оказывается, все деревья своими верхушками касаются его. Это было точно так, искали трое суток. (Зап. от Боталовой Р.М., 1931 г.р., д. Дураково).

Передача колдовства

Тут когда робила с нами одна, у неё сын был, и он такой. Была тётка старая. Она созвала его и говорит: «Саша, не бой-

ся, я тебе всё передам. Вот 12 часов будет, будем пельмени варить. У неё в голбце стол стоит, и они уходят и едят там все эти дьяволы, жорут всё. Не благословясь ешь, дак они всё с тобой едят. И он в голбец-то полез и глядит, и тебя, прости Господи, на три буквы. «Там выйдет среди полу большая-большая лягуша, рот откроет, и ты в неё прыгни». Я перематькался: «Пошла ты со своими чертями, колдунами». И, когда умерла, никто и провожать её не пришёл (п. Пожва).

Огневая жаба

Через огневую жабу передают. Лягуша широкая, не вот так рубят, а поперёк. Красную лягушу рубят поперёк на порое. Тот человек, которому передают, должен пройти через лягушу. Человек стал проходить через эту пасть и стал задыхаться. Обрато выгтащили, я так поняла, лягушу изрубили на мелкие части и куда-то в лес увезли и спрятали. Когда учат, вся семья тут присутствует, когда колдун передаёт знания. (Зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег).

Пройти через рот лягуши

У нас бабушка ещё говорила: вот, говорит, тот человек не смог колдуном быть, потому что, говорит, не смог пройти через рот лягуши. А лягуша эта живёт в бане. И если пройдёт человек через рот лягуши, значит, он будет колдуном, то есть, если он усвоит эту чёрную магию, может, значит, он будет колдуном, здоровым человеком, умным; если не сможет усвоить эту книгу, он с ума сходит. Он один, никто не видит, никто не знает об этом. Как экзамен сдать — через рот лягуши пройти. Вот бывает, что вот допустим человека знают, что он вот именно эту магию учит, и вдруг у него как бы с умом не ладно, значит, так и говорят, вот учил-учил, не смог усвоить, не прошёл через рот лягуши и с ума сошёл. (Зап. от Тарасовой А.И., 1927 г.р., с. Мелюхино).

Красное пятно

Я работала бригадиром здесь, привезли фураж. А фермы две у нас были. Они на тракторе привезли сюда, я побежала за ними, говорю, разворачивайтесь и везите туда, на ту ферму. И он слез, колдун. А у нас праздник был, думал, пригласи его. Я бы пригласила, а трактор что, стоять будет что ли? И люди другие на тракторе, кто будет потом выгружать?

Рядом мы шли с ним, я его не пригласила. Вечером говорю хозяйину: «Вася, смотри, у меня фурункул начал расти на руке». А я как раз бок о бок с этой рукой шла с колдуном. Хозяин посмотрел и сказал, что пошли спать. Я до часу лежала, просто не могла. Потом встали ночью и пошли к Парасковье. Маргарита Андреевна тоже у нее была, внучка ей. Говорит: «О не, это не фурункул». Бабушка встала, взяла лучину что ли, в Чистый четверг жгут, вот эту лучину взяла, поводила так, чертила, только молитву читала, сказала три раза приходить. Домой пошла. Утром встала — у меня только красное пятно вот тут и как лучи от солнца идут. Ничего нет, нигде ничего не болит, все, больше не ходила к ней. А вот всякие такие болячки накопились, накопились, дак вот сейчас я болею (с.Юсьва).

Колдун писал кабалы

Был у нас в деревне колдун один. И он писал кабалу. Я в 6-м классе что ли училась. Шла в лес, если идти из Чинагорда, там поле и лес. Вот в этом лесу мы все время собирали ягоды. И пошла я в лес грибы собирать. Вижу, на сосне висит бу-мажка. Высоко, на ветке. Кто повесил? Забралась на сосну, не знаю, как смогла забраться, пошла по ветке и пошла и спустилась на землю. Домой пришла — сестре показываю. Сказала откуда, она сказала нести обратно быстрее: «Это колдун так повесил». Я не знаю, потом было что-то или не было с нами, но у нас потом корова погибала. А кабалу пишут, когда корову искали. Но у нас корова только года через два умерла. На кабале читать не могла, там заигулилки были. Листок был порванный и на этом листке все полностью было написано. Кто кабальное письмо пишет — леший его избивает, и он написанное вешает и быстро бежит из лесу, иначе догонит и до полусмерти избивает его леший. Потому что корову, которую он себе взял, теперь возвращать придется. На кого-то колдун сердитый в деревне и у него корову забирает. Даки находили. Закрывали глаза корове, и корова не находит дорогу домой. (Зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино)

Два колдуна

Воскрёсную молитву прочитают на водку или на кружку браги, на квас, напоят этого колдуна, и колдун целый вечер

может не выйти из избы. Под себя даже сходит. И сходит под себя, а не пускают. Это при мне уже было. В деревне у нас у отца сестра, к ней во время престольного праздника зашли муж с женой. а над женой один колдун из соседней деревни поиздевался. Ну, женщина была такая длинноязыкая, как говорится, что на глазах, то и на языке. Вот над ней поиздевался из другой деревни старичок. Были они у нас именно в избе. Ну, я их угостила раз в престольный праздник. Вот тётя у меня и рассказывала: он, вот этот муж у этой жены, женщины, вызвал из соседней деревни этого колдуна, привёл в тот дом, где они сами с женой. Он сильный, видимо, был. Он пришёл вечером, уже в потёмках, в декабре это было. И вот пришёл этот колдун из соседней деревни. Как он издевался над ним! Это тетя мне рассказывала, при мне это было. Он попросил стопку вина у тётки, ну она дала ему, он наговорил что-то и напоил этого соседнего колдуна из соседней деревни. Он выпил, сел на лавку и вот. Там у них комната была, и тут лавка деревенская, обыкновенная лавочка. И вот он на своей заднице ёрзал до ночи. Он встать не мог и выйти не мог. Тётя, значит, говорит, Александром звали мужа-то у этой женщины: «Александр,пусти его уж,пусти. Он ведь под себя сходит, он мучается очень». И под себя, видимо, сходить не смеет и вот и не может выйти. «Пусть, говорит, помучается, издевался, говорит, над женой». И ночью он освободил. А от той деревни до той деревни, где этот жил, он пошёл по дороге и заблудился. А там луга большущие, длиннущие везде по реке Юсьва. И он ходил чуть ли не до утра, чуть ли не погиб. А вот тот Александр сильнее был того. Он освободил его словами, взглядом. (Зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино).

Икоту пускать

Поят да что да зельями да икоты пускала да. Икота как муха, пускают. Первую ящерицу знают и сушат, потом её поят этим. И если муха, на неё наговорят, и тому и залетит. Как будто ты чем-то подавилась. Вы когда пьёте у кого, дак подуйте, три раза надо подуть. (Зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново).

Килу посадили

Лечить не лечили, а колдовать-то могли. У меня вот девка была, два годика она была, и пришел к нам старик. Я его

напоила вином, стопку ему подавала, потом он лег спать и чё-то и бормолит, и бормолит, и бормолит. А ребёнок, ей чё, два годика, она бегаёт по полу. Потом ей килу вот сюда сделал. Стала я половики готовить ткать. Я работаю одна, а ее посажу на койку: «Сиди. Ты уже большая. На руках я не буду уж тебя носить». Она сидит и все равно плачет, а не может сказать, чё у нее. Потом эти-то большие пришли из школы, ее взяли руку и сказали: «Ой, мама, чё у ребенка-то». Я как посмотрела, а у нее вот такой, синё всё. Кила. Три дня она валяется, четыре дня она валяется. Я говорю мужу: «Иди, сходи в медпункт. Умрёт ведь». Он ушёл, потом бабки пришли ко мне и говорят: «Ребёнок лежит, не может встать. Не может ходить вообще». И они говорят: «Кто у вас был здесь?» Я говорю: «Вот Иван был здесь. Больше никто не был». А одна бабка говорит: «Не сходишь к Ивану-ту, промучаешься долго с ребенком. Когда-то мне ребячью муку...» Кака-то ребячья мука была у нее самой, у самой у бабки. Я, говорит, три недели не могла ходить, ни встать. На коленях, говорит, ползала. Потом пришел, говорит, который сделал на меня, говорит, что-то сделал, я сразу на печку пошла. А к этому я тоже ушла к старику, старик тоже один жил, постучалась, он сразу пришел, открыл мне двери. А я сама иду, вот руки-то сделала, палец-то большой между средним и безымянным, и я говорю: «Колдун. Супостат. Еретник». Пришла в дом, села на лавку, и все думаю. Он говорит, он ходит-то по полу: «Вот, меня колдуном зовут, я сам болею, не могу». «Иван, — я говорю, — не придешь ли к нам. Ребенок очень болеет». «Чё, я не могу. Сам, говорит, болею». Потом свои снадобья взял и пришел к нам. Я сзади пришла, он было молится. И стол, и он крутился по столу. Он. И эти все углы крестил. И потом ребёнка. Чё-то делал он. Потом говорит, всяко-всяко там нахвастался. Я много людей, говорит, лечил, не лечил, а колдонил. И лечит сам. А потом кила только вот такая осталась. А назавтра пришёл, ребёнок уж ходил по полу. (Зап. от Котельниковой А.М., 1924 г.р., д. Сивашер).

Муку делал

«Колдун был в Городище, у его был туесок, в нем он держал то ли змей, то ли червей. Он, говорили, их сушил, делал из них муку и подсыпал людям в питье, в еду. И потом человека душисть начинало. Врачи даже помочь не могли, а только знающие бабушки» (п. Пожва).

Смерть колдуны

У нас была бабушка, а у нее были три сына и четвертая дочь: Алешка, Пронька, Ваня... Она начала умирать. Она никому не передала — ее ломат. Потом Алешке: «Сходи, охлупень оторви. Дай мне успокоиться». — «Колдовала, дак тебе хорошо было, а сейчас майся лёжи». Убёг. «Ванька, бежи, охлупень оторви». — «Не пойду». Ну, беда ее донимали, дак она даже к косяку к дверям вставала березой. Старуха уж была. На голову встала, ноги кверху и всё. Вот как кожилось их. Потом кто-то пришёл, говорит: «Вы чё над старухой-то издеваетесь, если уж ей смерть пришла, пускай уж». Дак не знаю, кто-то пришёл из чужих людей, охлупень-от пошевелили — душу отдала. Вот какое наказанье! (Зап. от Субботиной Е.Г., 1924 г.р., д. Городище).

Рассказы о нечистой силе

Бачак

В детстве нас бачаком пугали, нам 6-7 лет было, мы сидели в огороде и лук ели, много ели, а он ещё не вырос. И мама попросила испугать соседа нас, чтоб мы не ели. Мы испугались и в их огород побежали. В картошку спрятались, а он за нами. Потом домой пришли, до того испугались и куриц домой занесли, они кто куда. Маленьких так и пугали. (Зап. от Л. А. Дудиной 1940 г., д. Стариково).

Водяная чешется

Водяную видела ещё. В речку купаться пошли. А дед говорит: «Не ходите, не ходите: русалка вас утянет». Мы приходим, а солнышко уже закладывается. Она сидит вот так, волосы расчесывает. «Пошли, Василина, скорей пошли!» — русалочка сидит чешется. Потом мы боялись туда ходить. (Зап. от Мальцевой Е.В., 1926 г.р., д. Мочга).

Лешак-огородник

Лешак в лесу есть. Раньше денег-то не было. Кору снимали, с ивы всё снимали кору. Потом сдадут — денежки за её дают. Я пошла, верёвку взяла. У меня две собаки было. Этот лешак огородником был. Теперь никакие огороды не делают, а раньше чтоб скотина в поле не пошла делали. Ещё поясом

он опоясан, как шагнёт в огород-то, и такой ветер поднялся, я только верёвочку схватила и бегом домой. Шагнул задом, и похож на старика. Большой ростом. И такой ветер поднялся. (Зап. от Мальцевой Е.В., 1926 г.р., д. Мочга).

Данило Соболёвый

Как-то меня поставили караулить, чтоб коровы в поле не зашли. Я гляжу, идёт черный такой. Думаю: «Лешак ли, бровей-то нету де. Бровей-то нет у него. Так говорили». Пришёл, поздоровался со мной. «Пастушишь?» — говорит. Я опять думаю: «Разговаривает, значит, не лешак». Он посидел, посидел: «Ты, — говорит, — как коровы будут подходить, так ворота-то закрой. Жерди надо запихать». Мне потом уже говорят: «Чё сидишь пнём, хоть бы малину собрала». Я опомнилась: «Когда соберу-то, тут какой-то дяденька чёрный сидел». — «Так это Данило Соболёвый был». (Зап. от Мальцевой Е.В., 1926 г.р., д. Мочга).

Хлебом пахну́ло

Вот заблуждаешь. Мы с мамой раз кружимся, кружимся, и хлебом как пахнет. Думали: «Лешак ли, чё ли печёт?» И заблудились с мамой. Раз, наверно, десять проходили, и всё на то же место возвращаемся. Мама говорит: «Надо, раньше лапти носили, надо говорит нам стельки-то вывернуть. И надеть обратно». Вот, сделали все и дорогу домой нашли. (Зап. от Мальцевой Е.В., 1926 г.р., д. Мочга).

По стене шуршит

Страшно в бане, там, говорят, банник есть. Я работала за пять километров отсюда и пришла поздно, а дед говорит: «Иди, баню топили». Я пошла, и по стене шуршит. Двери раз, открылись, хоп, закрылись. Я только манатки схватила да через огород. Прибежала, дед сидит на крыльце: «Ты, — говорит, — чё?» Я говорю: «Банник там». — «А ты, — говорит — зашла, надо было клюку положить на порог да перекреститься». (Зап. от Мальцевой Е.В., 1926 г.р., д. Мочга).

Домовой

А домовой в доме есть. У меня перед тем как сын-то умер, я не могла ни встать, ни повернуться, кто-то на меня лезет. В руках волосы чувствовала. Я руками почувствовала, мягкие

такие. Спросила: «К добру ли, худу?» Что-то сказал, я не поняла и не знаю. Что-то ответил, а не поняла. И сын-то умер потом, видимо к худу было. (Зап. от Пушкиной К.Н., 1931 г.р., д. Калинино).

Я всё время так боялась

Однажды свекрови я рассказывала, как в бане чесали лён — это в первые годы было еще. Баня была чёрная. К речке-то не могли близко, дак в бане, чтоб воду не носить — баня у речки. У всех бани там стояли. Я рассказывала там сказки, а домой пришли, она говорит: «Ты что, я так боялась, так боялась, чтоб ничего тебе не было». Про лешего и про такого, что женщина ждала жениха. И что она ночью молилась. А сейчас говорят, что ночью молишься — это лучше всего, что Бог услышит. А я встаю если ночью — не молюсь, боюсь. Она молилась: «Мария Милосердная, утешь мне сердце бедное, с чужбины милого верни, а нет, так жизнь мою возьми, с ним жизнь моя весенний цвет, а без него не мил мне свет». И вдруг стекло в оконце — стук-стук-стук: «Ты спишь ли, милая, иль нет, эть я забрел к тебе на свет, что делаешь ты полночью, меня ты крепко помнишь ли? Любви с другим не водишь ли?» — «О милый, Бог с тобой, все годы я томлюсь тоской, все годы мысль с тобой моя, сейчас молилась за тебя». — «Молиться зря, вставай — пойдем, пойдем со мной моим путем, дорогой неизвестною пришел я за невестою. Скорей чем крикнуть петухам, с тобой венчаться надо нам». Вот я все время боюсь, чтобы ночью не молиться. Я потом рассказывала, как они шли дорогой, как этих двух почуяли. «Собаки вдруг залаяли, как этих двух почуяли, и выли, выли без конца, как будто чую мертвеца». Всё так рассказывала, как они дошли до кладбища и частокол велел перепрыгнуть этот жених, а невеста догадалась: «Это не кладбище ли, не крестов ли ряд?» — «Нет, то мой сад». Сейчас прыгни, а невеста говорит: «Ты был все время впереди на нашем свадебном пути, ты и первый перепрыгай». Он прыгнул, а та увидела часовню около кладбища и забралась в часовню. А зашла в часовню — там гроб и мертвец лежит, его привезли хоронить, и не хоронили. Я все это рассказываю свекрови, рассказываю, тогда знала и наизусть. Вот она и говорила: «Я всё время так боялась». (Зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., д. Калинино).

Банник подменил

Подменяли девочку у одной женщины. Жили с мужем только да в баню париться пошли. И мужа звала, чтобы девочку забрал из бани. Они что-то с мужем поссорились. Так ведь бывало раньше, что муж моется в бане, потом женщины моются. Он помылся в бане да ушел, а она пошла с девочкой. И муж не пришел за девочкой, она положила ее в передник. Сама париться осталась, а девочку положила в передник. И потом они растили эту девочку до восемнадцати лет — все время в люльке была. А в той бане, тогда ведь люди что-то сидели, делали, вязали девушки, лен пряли. И девушки сидели в этой бане, потом парни вместе с ними. И вот когда выходить стали, один начал рассказывать: «После того как выйдете из бани, потом никто не заходите, нельзя больше заходить туда». А один парень говорит: «А что будет?». — «А я не знаю, что будет, но мне говорили, что, если выйдете из той бани, где сидели, больше не заходите туда». А парень смельчак, и он зашел. «Вытащи мне кирпич, гальку ли с каменки». Ну, он пошёл, и его руку кто-то схватил: «Не вынесешь?». — «Вынесу». — «Не вынесешь?» — «Как не вынесу?» — «А вот так не вынесешь. Возьмешь меня к себе в жены?» До того дошло, что она так сказала: «Тогда выйдешь, если не возьмешь, тогда не выйдешь вообще из бани».

Он обещал жениться, потом все это вроде и забыл, или мимо ушей пропустил. Потом заболел. Его стали водить по больницам — не могут вылечить. Потом к колдуну повели. И тот сказал — кому-то что-то обещал и не выполняешь. И он вспомнил: «Да, обещал жениться из бани девке. Я не женюсь». — «А ты не женись, только скажи, что женишься. А во время свадьбы езжай в церковь, она в церковь не пойдет».

Так и сделали, к свадьбе приготовились. Зашел в баню и говорит: «Женюсь». Всё свадьба, баню объехали, заходят — там сидит невеста, ящик приданого. Вытащили ящик, повели невесту, посадили с этим парнем. А парень говорит: «В церковь ведь поедем». Приехали, обвенчали их. Как приехали в деревню, она говорит: «Остановите у этого дома». Остановили. Она зашла и сразу побежала к люльке, схватила ребенка да бросила на пол. Глянули все, а это не ребенок. Полено. Не ребенок, а полено. И отцу говорит: «Вот восемнадцать лет кого вы нянчили, а меня кинули». Банник подменил. (Зап. от Кривошёковой Е.А., 1940 г.р., д. Калинино).

Пугало что-то

Из Чинагорта идти — сосна. Возле этой сосны меня один раз напугало. Вроде как кто-то подошел ко мне, а ночью темно сильно, я раз за ножик. Я работал в лесу, дак у меня все время с собой ножик был. Я за ножик и спрашиваю: «Кто тут есть?» И сразу все затихло, и никого нигде нет. И эта сосна стоит тут на пригорке. (Зап. от Кривощёкова В.Ф., 1934 г.р., д. Калинино).

Ушёл клад

Как в горку подниматься по левой стороне поля, есть пихта, стояла все время. И у одного там участок был. Вот он пахал сохой, соха-то и зацепилась. Ругается мужик. Не может вытянуть. Разозлился, кнутом ударил лошадь: «Кляча, зараза, не можешь тянуть!» Лошадь раз и рванула. Оказывается, там был клад. Только досталась медная ручка, как от большого ведра. Из чистой меди толстая дужка. Пришел домой, рассказывает мужикам. Один мужик говорит: «Зачем ты выругался? Если б не ругался, попросил лошадь по-хорошему, она бы тебе вытянула клад». Пошли на то место — копали, копали, и не нашли ничего. Ушёл клад. (Зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., д. Калинино).

Лешева дорога

Вот у нас дорога, вдоль дома, так вот эти два дома на лешей дороге стоят. В этих домах люди не живут. Умирают. Вот в этом доме вначале умерла жена, потом муж, за ними — сын. Дом сейчас стоит черный. Лешакова дорога, говорят, через этот дом проходит. И через следующий тоже — здесь тоже умерли, никто не живет. Идет вниз эта дорога. Когда ветер-то поднимается, по этой дороге такие круги прямо ходят, вихри (д. Калинино).

Бог вывел

Мама когда-то заблудилась в трёх соснах, как говорится. Бродила, бродила, легла спать под ёлочку. «Тут, — говорит, — человек появился, похожий там на кого-то, на родственника что ли. Всё хорошо, только у лошади звезда чудно в голове горела. Это, — говорит, — бог пришёл помочь мне». Она потом пошла-пошла по следам, как бы по следам, но этих следов-то не было, только, как казалось, и нашла дорогу к дому. (Зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино).

Рыжая собака

Раньше в банях ночью сидели, обдывали этот лен, чтобы прасть на себя на одежду. И такие страсти, как говорится, в банях бывали. У меня бабушка рассказывала. Она очевидец вот этого случая. «Сидим, — говорит, — обрабатываем, вдруг двери открываются, и заходит рыжая собака. Вот проходит перед нами, поднимается на полку и садится. Потом, — говорит, — посидела-посидела и ушла, вышла». А они потом из бани не могли выйти. Двери не открывались. Только утром, как стало светать, разбежались. (Зап. от Ярусовой Т.И., 1936 г.р., с. Мелюхино).

Огонёк в окошке

Аля умерла, сын у ней остался. Он всё к нам хаживал в праздники. И рассказывает: «Ходил могилу копать. Иду, — говорит, — домой. Гляжу, в окошке бани огонь горит, значит, семья у меня моется. Пойду, помоюсь с ними вместе». Как дверцу открыл, а там чертята бегают, и один большой, мохнатой: «Заходи, заходи». Только двери и состукали. (Зап. от Мальцевой Е.В., 1926 г.р., д. Мочга).

За лешим гонялся

Леший в лесу живёт. Он с семьёй живёт. Выглядит как старик. Вот у нас дедушка был, он видел. «На дороге, — говорит, — вперёд меня вышел. Я, — говорит, — стал за ним гоняться. Я бегу, он бежит». Тут: «Стой, — говорю, — стой, куда бежишь?» Он только посмотрит и опять. «Воскресную молитву» прочитал, и не стало ничего. Похож на человека, большой только. Раньше леший-то был, а сейчас его нет, сейчас он с нами ходит, мы его не видим, а он с нами ходит. Если раньше лешака помянут, дак он лапти исплетёт. Это нехорошо, когда помянут. (Зап. от Тарасовой А.И., 1927 г.р., с. Мелюхино).

Не угостили

Домовой в каждом доме есть. Когда обманет, когда ругается. Раньше хлеб-то плохой ели. Дак у одной вечером-то ели и не оставили на столе ничего. И корочки хлеба не оставили. Он вышел ночью-то: «О, всё съели, о, не оставили ничего». Хлебушек-то оставлять надо обязательно, хоть корочку, да положь. (Зап. от Тарасовой А.И., 1927 г.р., с. Мелюхино).

Уважить домового

Домовой в доме живёт под полом, в голбце. Надо миску ставить каши домовому, чтобы уважить его, на ночь. И надо, чтобы под полом что-то всё время было: валенок там или калоша была, чтобы жить ему было где. (Зап. от Колыхматовой Т.К., 1933 г.р., д. Трифоново).

Чуть не задавило

У меня сноха умерла, она меня на пять лет старше, на днях вот захоронили. Она молилась, все молитвы знала. Мне говорила — почто не молишься? Я говорю — не приучена дак. О, она знала. Зять вот пьяный напьется — она воду в ковшичек, пошепчет, из ковшичка брызнет на его, чтоб не шумел. Она вовсе худая стала, я приехала к ей в Лемпиху. Она на кровати, а мне место на диване оказалось. Я легла спать, все вроде хорошо. И тут почувствовала — кто-то движется с ног. Я сделала три пальца как Богу молятся — кы-ы-ш-ш, книзу поползло, ушло. Ноги-те ровно неживые стали, тяжелые. Даже уж и руки не ходили, только пальцы. Вот-вот к горлу подойдет. Чуть не задавило. И только пальцы сделала как молиться, и ушло... А вот сказывают, надо спрашивать, когда покажется — к добру или к худу. Если «Р-р-р» как зарычит, это к добру, а не рычит, то к худу. Суседко это давит. (Зап. от Ляшковой В.Ф., 1923 г.р., п. Майкор).

В горле чирей будет

Домовой в голбце живёт. Если покажется, это не к добру: или болеть человек будет, или умрёт. А давит тоже не к добру. У нас свекровку когда-то давил. «Я, — говорит, — спросила: «К добру или нет?» Он говорит: «В горле-то чирей будет». Я не знаю, был или нет. Спросить обязательно надо. (Зап. от Тарасовой А.И., 1927 г.р. с. Мелюхино).

Куль прядёт

Раньше мне мать или бабушка рассказывала. Раньше ведь пряли. Сядут туда, тут полати были, гобеч называется. И вот тут пряли. Слышим, кто-то прядёт, а все спят. Веретено поднимается, так идёт нитка-то, тут куделька, прялка. И вот кто-то держит веретено и прядёт, и прядёт. А эта нитка даже до пола достаёт. Это куль прядёт. Видимо, кудельку-то не допряли, он за работу и схватился. Говорят,

маленькую кудельку не надо оставлять, а они оставили. Вот куль и стал прясть. (Зап. от Власовой Л. П., 1932 г.р., д. Федотово).

Домовой жопу вытрет

Когда куделю прядёшь, с субботы на воскресенье не оставляй, нельзя. Говорят, домовой жопу вытрет, не будет кудельки-то. Вот мы и старались всё допрясть, чтобы не оставлять на вторую неделю. (Зап. от Караваевой Л.Е., с. Архангельское).

Домовой душил

Домовой с большими ушами, с такой мордой и, главное, голый. Белый и голый. Я только голову видела. Он меня душил, а я его за ухо, так вот вцепилась и держала. Когда люди рождаются, видели уши у них изменённой формы. Острые уши. И скользкий, потому что пальцы у меня скользили с этого уха. Я его убирала, сколько могла. (Зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво).

Клюкой домового выгоняла

Дом у нас, матнича-то, вот заскрипело, вот заскрипело, там эту как подставку делали под матничу, вот там заскрипело. Бабушку пугать стало: то кто-нибудь да где-то стукнет, то скрипнет. Она говорит: «Это домовой, надо выгнать». Взяла клюку, в печку сунула, накалила, а потом клюкой-то по углам тыкать стала, чтобы домовой вышел. (Зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор).

Землёй сыпануло

У меня свекровка и отец в одном году умерли, вот дьявол-то меня и испугал тут, в бане. Как землёй сыпанёт в баню. Я уж думала одна женщина, напротив мы жили, что она меня пугает. Утром я пришла на работу: «Юля, ты вчера во сколько часов пришла? В меня с улицы кто-то бросал землёй, вот так три раза мне. Это поздно уже было, часов в одиннадцать, наверно». Отец говорил: «Если в бане испугаешься, надо клюку взять и задом выйти. И в бане две клюки не надо держать. В бане чтоб одна клюка была. Клюку деревянную, раньше клюка-то деревянная была, с собой возьмёшь, в коридор можешь положить. (Зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурманс).

Задом наперёд

У нас сосед как-то проходил около бани ночью, а там, говорит, огонёк горит, и кто-то его зовёт: «Иди в баню мыться». Он подумал, мол, баню затопили, зашёл. Его там и схватили. Черти схватили и не выпускают. А он говорит, вспомнил, что надо задом наперёд идти, иначе черти заташат и будут в топку засовывать. Вот он задом-то и пошёл, дак еле-еле от чертей-то избавился. Задом наперёд надо выходить из бани, чтобы черти не заташили в топку. (Зап. от Аксёновой М.Ф., с. Крохалёво).

Перед смертью показалось

Мы пастушили где телят-то, а тут у мужика одного покос был маленький. Мы идём с работы из лесу, он говорит: «Серёга, Митрофан, Андреев, идите ко мне, я вам что-то скажу». Мы подошли к нему: «Вот я, — говорит, — сегодня видел бабу в лесу». В лесу есть бабы, тоже ходят, тока нам не показываются, не всем показывают. «Я, — говорит, — гриб нашёл и сел на пень, этот гриб чищу складеньком, за собой всегда надо таскать складенёк. Значит, подходит женщина, на голове белый платок, розетка чёрная, новая, блестит, юбка клетчатая, сапоги резиновые блестят. На меня не смотрит. Я, — говорит, — посмотрел да думаю: «Это доярка, видно, ищет корову». Эта женщина прошла и с ним не поздоровалась. «Ха-ха-ха, — говорит, — засмеялся. Иди, бл...а, на свою дорогу». Потом напугался тоже. «Фуражка, — говорит, — у меня подымается и подымается, волосы, — говорит, — подымаются и подымаются». Долго не прожил. Весной умер. Это ему перед смертью показалось. (Зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доер).

Портрет на носовом платке

Бывает, показываются лица. Черемуха под окном стоит, дак в каком-то году на ней оказались лица. Много лиц — мужские, женские. Кто-то даже видел лицо у Пушкина будто на черемухе.

У меня лично было, видел. Первую жену. С ней мы хорошо жили до восьмьдесят седьмого года. Две дочери были у нас. Развелись потом. Она снилась мне. Раз сон приснился — кто-то говорит мне, что она тебя любит. Потом стало день рождения, кто-то мне платок подарил. Носовой. Подарок на тридцатилетие. По краям узорчики, середина белая. За-

бросил, а через несколько месяцев нашел. Беру — а на платке ее лицо. Изображение до шеи, ее лицо. Бывшая жена. По заказной почте платок мне послали. (Зап. от Тарасова И.И., 1963 г.р., д. Захарово).

Павел Григорьевич и его жена Мария-татарка

У меня вот мать с порчей была, так и умерла. У нее четверо даже были посажены. Павел Григорьевич мужик сидел, и баба его, татарка. И у их как двое ребят. Мария-то у его татарка, по-татарски говорила, шиворот-навыворот. Потом мама захворала. Мне опять Павел-от Григорьевич велел бабку Полю позвать, чтоб одной не сидеть. Я испугалась. Говорю: «Ты в меня ведь перейдешь». — «Нет, — говорит. — «Ты нас столько время пила-кормила, мы в тебя не полезем. Когда мать-то помирать будет, ты открой двери трубку, пусть трубка будет поло». И верно, куда-то они девались, не знаю куда. А уж мучили ее. Говорили, что люди ей такое сделали. Их выгнать-то вроде можно, а мы не могли, кулемяшные дак. (Зап. от Истоминой Н.П., 1925 г.р., п. Пожва).

Блестящий вышел

С бабушкой пошли в лес, и вышел блестящий, всё блестит на нём. Раньше в Бога верили. Бабушка стала молитву читать-читать, и он пропал. Он большой был. Когда он подошёл, она только тогда увидела. Нечистый дух, сатана, видимо, был. (Зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег).

Солдат показался

Александр Иваныч у нас в самом конце живёт. Он кузнецом работал. У нас тут лес был, у нас большой лес был, сейчас всё сгорело. Там уголь специально для кузницы делали. Только не каменный уголь, а древесный. Вот они шли двое, два старых кузнеца. Один-то остался, там же нельзя допускать, чтоб огонь наверх вышел, просто внутри чтобы горел, и всё. Вот один-то остался, часов двенадцать ночи было, огонь-то вышел, один-то и остался. Надо тушить его. «Сижу, — говорит, — раз, лошадь подъехала сивая, солдат сидит, посмотрел, и всё. Отвернулся на минуту — лошади-то нет, никого нет. Дак у меня, — говорит, — волосы дыбом встали». Он домой припорол и к лесу больше не подходил. Потом они ковали, тележные колёса все окавывали. И как это клин-то вылетел у него и в руку воткнулся. Дак, он

месяца два мучился с рукой. Вот тебе и показался солдат на лошади. (Зап. от Котельниковой П.Н., 1931 г.р., д. Верх-Мера).

Кто-то очень богу молился

У меня брат на фронте был. Он попал, значит, под комиссию, приехал с Перми почему-то через Березники, и шёл пешком от Огурдино до Орла. Вот между этим он, значит, шёл утром, и показался ему дедушка с котомочкой, старенькой, с дубиночкой, повстречался: «Здравствуй, служивый». — «Здравствуй». — «Отслужил?» — «Отслужил». — «Домой пошёл?» — «Да». — «Значит, за тебя кто-то очень богу молился». И нигде его не стало, ни сзади, ни спереди. Нигде его не стало. Это брат у меня до смерти помнил. (Зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

2. Заговоры

Медицинские заговоры

От грыжи. Из порога сучок ковырнёшь. Можно сучком, можно медвежьим когтём чертить. Солнце-то вот так у нас ходит, так и чертишь. Потом крестишь. Три раза обводишь. Три раза крестишь. *«Как сучок сухой будет, так пупок сухой будет».* Безымянным пальцем надо чертить, с северной стороны надо начертить три круга, по солнцу, как солнце ходит. А потом в это место надо три круга сделать в обратном направлении. *«Вот как в окошке стекло гладкое, чтобы там тоже было гладко»*, — с такими словами. А потом ещё медный пятак я клала ребёнку на пупок (Зап. от Аксёновой С.А., 1930 г.р., с. Крохалёво). *«Ланка была у старушки, вот она чертила ей пупок. Ланка селезня что ли»* (зап. от Ивченковой З.И., 1934 г.р., п. Майкор). *«Бабушка мне чертила безымянным пальцем на правой руке по солнышку со словами: «Как солнце с неба падает, как месяц с неба падает, как белая роса высыхает на земле, и так иссохнет эта болезнь. Аминь»* (зап. от Боталовой Л.В., 1925 г.р.).

Для мужской силы. Чтобы мужчина силу не терял, пропустим петуха между ног и скажем: *«Как у петуха работает, так же бы работал у раба Божия. Как петух будет, столько бл...й иметь будет»* (зап. от Баяндиной М. И., 1954 г.р., д. Гавино).

От рева. *«Ручку три раза вымоешь и сбрызнешь, вот на правой руке есть безымянный палец, вот через него и сбрызнешь, изурочат дак, от рёва. Молитву тут творишь»* (зап. от Беляниной Л., 1941 г.р., п. Пожва). Ручку двери обмоешь и ребёнка-то сбрызнешь, три раза обмоешь и три раза сбрызнешь, а потом с правой руки безымянным пальцем три капельки в ротик положишь ребёнку-то (д. Мочга).

От сглаза. Вот в рот воды набираешь и брызгаешь, а прежде скажешь: *«Здравствуй, вода, Татьяна-земля, ключ-Ивана, дайте воды от всякой беды»* (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринёво). *«Ребёнка надо лечить, надо три двери мыть. Скобы. Водой чуть-чуть пропускаешь и этой водой умываешь. Сглаз чтобы пропал»* (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринёво).

Останавливать кровь. *«Сяду я на камень, пусть кровь моя не канет, встану я на кирпич, кровь укрепись, будьте слова мои крепки, лепки, будьте по-старому, как меня мать поставила. Три девяти аминь»* (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., с. Антипино). Кровь останавливают словами: *«Сяду я на камень, встану я на кирпич. Кровь, укрепись. Божия мать родила. Как меня мать родила, поставила»* (д. Дмитриево).

От всяких болезней. *«Мать Пресвятая Богородица, всем скорбям помощница, ты мне помоги рабе божьей Анне, ты мне пособи во всей моей груди, во всех моих протоках. Аминь»* (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., с. Антипино). На воду читают, молитва лечебная: *«Святовасий, свят милостливый, я хочу помолиться, я хочу покориться, помириться, я хочу распутывать, я хочу развязывать все килы, нарывы, комутечие, от всяких болезней, как земля укрепилась, как небо уделилось от всякие злые зла. Аминь»* (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., с. Антипино). *«Встану я раб божий благословясь, встану я перекрестясь, свежей водой умоюсь, белым полотенцем утерусь, пойду двери за двери, от ворот за ворота, за чистое поле, синее море, где кит-рыба, у кита-рыбы, как и зубы крепки, так и у меня слова крепки. В океане море, в божьей церкви сидит Пресвятая Богородица на золотом престоле. Я прошу не золото, не серебро, а великое благословение, семьдесят семь жил, семьдесят семь суставов, семьдесят семь болезней от всякого и болезней я хочу распутывать, развязывать, выговаривать щепота, ломота, колотьё, тоска, печаль и пустой печаль. Сам Соломон и сам Господь, сам Иисус Христос, дай*

нам помог, а я помогу и пособлю от всякой болезни от испуга, от дича, от нечистого духа. Святой Пантелеймон, великий Пантелеймон Исцелитель дай нам помощь, а я помогу и пособлю от всякой болезни, от испуга, от дича, от нечистого духа, чтобы иссохла и мохнула. Как Илья Пророк громко-ярко ходит, как стрелами опалит, так моя исчезла кань. Отчего эта болезнь стала, от девки, от бабы, от мужика, от черного глаза, от потайного глаза, иди ко старому хозяину, там для тебя питья и ества много. Аминь, аминь, аминь» (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., с. Антипино).

«Встану я раба божья, встану перекрещуся, белым полотенцем обсушуся, выйду я за двери, за ворота, за тихие поля, за синие моря кит-рыбы. Как у кит-рыбы зубы крепкие, будьте мои слова такие же крепкие. На кияне-горе, золотом престоле сидит Пресвятая Мать Богородица и сам Иисус Христос. Я Евдокия, у вас прошу не золото, не серебро — великое благословение человека от всякой напушоной болезни. 77 жил 77 суставов, 77 болезней распутывают и развязывают, откидываю, отганиваю, идите ко старому хозяину. Аминь. Аминь» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево).

«Стану я благословясь, стану я перекрестясь, свежей водой умоюсь, белым полотенцем утерусь, пойду двери за двери, от ворот за ворота, за чистое поле, синее море, к кит-рыбе. У кита у рыбы как и зубы крепки, так и у меня слова крепки. В океане-море в божьей церкви сидит пресвятая Богородица на золотом престоле. Я прошу не золота, не серебра, а великое благословение. 77 жил, 77 суставов, 77 болезней, от всякого болезни я хочу распутывать, развязывать, выговоривать шепота, ломота, колотьё, тоска, печаль и пустой печаль, сам Соломон и сам Господь, сам Иисус Христос, дай нам помог, а я помогу и пособлю от всякой болезни, от испуга, от дича, от нечистого духа. Святой Пантелемон, великий Пантелемон исцелитель, дай нам помощь, а я помогу и пособлю от всякой болезни, от испуга, от дича, от нечистого духа, чтобы иссохло и мохнуло, как Илья пророк громко, ярко ходит, как стрелами ополит, так моя исчезла камень, от чего эта болезнь стала: от девки, от бабы, от мужика, от чёрного глаза, от потайного глаза — иди ко старому хозяину, где у тебя старый хозяин, там для тебя питья и яства много. Аминь. Аминь. Аминь». Это тоже лечат водой, это он умывает больного (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево).

«Как веником туго жить, так же чтоб болезням было туго». Попарюсь и через порог брошу веник (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринёво).

Когда лечат, «Воскресную молитву» читают три раза, её не обязательно читать до конца, она очень длинная, только начало и конец можно. А потом читают эту лечебную: *«На черных полях, на высоких горах, на озерах, морях очищает молодой зелёный шелковый веник бумажное больное тело от кого попало тебе, от черного человека, от белого. Умывает текучей водой свое больное тело. Чтобы все болезни, которые у тебя были, чтобы они ушли с головы, с ног. Пусть они уходят»* (д. Калинино).

Говорят в бане, когда споласкиваются: *«Как эта вода чиста, так также у меня, у раба божия у Марии было чисто. Все болезни и порчи уйдите туда»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

Наломая осину, осиною-то моются, все порчи и болезни убирают, и говорю: *«Осина, забирай все мои болезни и порчи. Убирай»* (зап. от Баяндиной М. И., 1954 г.р., д. Гавино).

Кто очень болеет, идёт на кладбище, найдёт могилу человека, который болел той же болезнью, и он терется о крест со словами: *«Забирай все мои болезни, чтобы я не болел. Как ты там не болеешь, так и чтоб я не болел».* Там положит ему конфетки или что, мол, помяни, покушай. У некоторых на ногах растут такие косточки. Вот надо идти их потерять (зап. от Баяндиной М. И., 1954 г.р., д. Гавино).

Поймаем лягушку, ей дуем в рот три раза и говорим: *«Лягушка, лягушка, забирай все мои болезни».* Лягушка сдохнет — человек поднимется (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

Лечение щитовидной железы. Жабу поймаем, тут держим жабу, где у нас тут щитовидка, потом ему точно так же дуем, повесим его на дерево на сухое: *«Как это дерево сохнет и эта лягушка-жаба, и так же у нас щитовидка потеряется»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

Слова от карлика (детская болезнь). Его надо рубить под деревянным корытом. Рубить острым. Слова есть: *«Как луна-та кончается, как месяц кончается, так же бы кончились у раба Божия все болезни. Аминь. Чтоб поправилась»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

От грудных болей. *«Иоан Русский во всяких нуждах и болезнях. Святой мученик праведный Иоан Русский, услыши»*

меня, грешную рабу божью Анну, поминай меня в своих молитвах перед Христом Богом, да сохранит он меня от искушения, да сподобит меня грешную и недостойную царствия своего. Аминь. Мать Пресвятая Богородица, всем скорбям помощница, ты мне помоги, рабе божьей Анне, ты мне пособи во всей моей груди, во всех моих протоках. Аминь». Не забудь крестить грудь, когда читаешь молитву (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево).

От килы, хомута, куеряка. Рукой чертишь против солнышка, если есть медвежий коготь, этим можно чертить, или еще вот чертят, молния наломает деревья, дак вот сучок оттуда надо взять и говоришь: *«Семьдесят семь жил, семьдесят семь болезней, от всяких болезней хочу распутывать, развязывать, выговаривать килы, хомуты, куеряки во веки. Аминь»* (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., с. Антипино).

Вот лечить станешь, по солнцу крутить будешь. В штанах. А если кила, штаны снимают, потому что она не пускает, надо, чтобы голый был. Если чертить, три раза надо читать «Отче наш». Первая молитва — «Встану я раба божья...», вторая — «Воскресная молитва», потом — «Живые помощи», потом — «Отче наш». Все время чертить и крестить. И после каждой молитвы: *«Во имя Отца и Сына и Святого духа. Аминь»*. Перекрещиваю то место, где болит. Когда крестишь, касаешься кожи. А сучки потом выброшу. Через порог брошу, а когда метать буду, на улицу выкину. Только придут, я с сухого веника ломаю сучья и черчу. Медвежий клык с сучьями соединяю (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево).

«Святовасий, свят милостливый, я хочу помолиться, я хочу покориться, помириться, я хочу распутывать, я хочу развязывать все килы, нарывы, комутечие от всяких болезней, как земля укрепилась, как небо уделилось, от всякие злые зла. Аминь». Это можно на воду тоже прочитать (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево).

Слова на молочный зуб. Зуб у маленького выпадет, его надо на крышу да на полати, печку ли. *«У меня зуб расти твёрдый, большой, а у птицы ли, скотины мягкий, у меня хороший»*. Надо перекреститься и бросить через левое плечо назад (зап. от Боталовой О.М., 1922 г.р., д. Трифоново).

Слова от болезней ног. Вот ноги болят, лягушку положим на ноги и говорим: *«Как эта лягушка прыгает, так и*

прыгала Божий такой-то человек». И человек будет ходить. Лягушка умрёт, закопай её в землю (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

Слова от мужской болезни. Пропустим петуха между ногами и говорим: *«Как у петуха работает, так же бы работал у раба Божия. Как петух будет, столько раб Божий иметь будет»* (зап. от Баяндиной М. И., 1954 г.р., д. Гавино).

Слова от жабчи. Всякие есть порчи. Например, жабча — это такая жаба, говорили. Надо жабу заловить и туда положить, где у тебя жабча, потом её надо повесить и сказать: *«Как эти ветки сохнут и мокнут, так и у меня у раба Божия всё иссохло, издохло».* Жаба-то повесят, например, где-то при ягодах жаба-то сохнет. А если мышья, тогда мышья надо поймасть (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

Семейно-бытовые заговоры

Слова на святую воду. Вот воду святую станешь пить, говори обязательно: *«Боже мой, да будет дар твой святой. Святая твоя вода, омовение грехов моих, спасение ума моего, укрепление душевной пятилетней силы моей, здравия душевной тела моего и покорение очей моих беспредельному милосердию твоему, молитва пречистыя твоей матери Пресвятой Девы Марии, всех святых, аминь»* (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринёво).

Слова, чтобы деньги водились. Чтoб водились деньги, мак кидаем дома: *«Как этот мак растёт, так же у меня, раба Божия, водились деньги и росли».* На новой луне от икон-то положим три штуки деньги со словами: *«Как луна рожается, как месяц рожается, так же вы рожались, у раба Божия деньги водились».* Эти деньги берём, идём в магазин, израсходуешь сразу, чтобы было для здоровья (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

На добрый день. Вот утром встану, говорю: *«Господь — батюшка, родненькой, миленькой отец Иисус Христос, Пресвятая Матерь Божья, благословлённая дева Мария, возьмите меня сонную или на дороге, чтоб я пала и пропала. Вы уж меня не гнойте на земле-то? А если нету смерти, дайте доброго здоровья, память, ум, разум, силу, волю, успех, чтоб мне давали, чтоб от меня не брали»* (зап. от Невוליной К.И., 1921 г.р. п. Майкор).

На сон. Ложусь вот спать: *«Господи благослови, на темную ночь, на сон грядущий, спаси, сохрани, Пресвятая Богородица»* (зап. от Швецово́й А. Е., 1924 г.р., с. Купрос).

Если крестом лечиться, то на себе гор-крест надо правильно ставить: сверху вниз, справа налево. *«Во имя Отца и Сына и Святого духа, аминь»*. Ложусь спать и грудь крещу, и всё, и печень. Когда щепоть делаешь: большой палец — во имя отца, указательный — во имя сына, средний — святого духа (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево).

«Я усталый иду к покою, Боже очи мне закрой, я с любовью пред тобою, верный ангел хранитель мой. Дай во всех грехах прощенье, сон, душе покой. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь». Сяду на кровать да подушку перекрещу, это читаю (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево).

От искушения. *«Иоанн русский во всяких нуждах и болезнях. Святой мученик праведный Иоанн Русский услышь меня грешную рабу божью Анну, поминай меня в своих молитвах перед Христом Богом, да сохранит он меня от искушения, да сподобит меня грешную и недостойную царствия своего. Аминь»*. Когда читаешь молитву, крести грудь (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., с. Антипино).

На дороге. *«Огради меня, Господи, силою честного животворящего твоего креста и сохрани меня от всякого зла»* (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., с. Антипино).

«Ложусь я благословясь, встану я перекрестясь, пойду я из дверей во двери, из ворот в ворота, встречному, поперечному, тебе, ереде, булатный камень в зубы, тебе лиходею булатный камень в горло. Господи, я пошла в путь. Спаситель мой, моего тела, не допусти врага, колдуна до моего тела. Аминь» (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., с. Антипино).

«Иду, путь с тобой, впереди меня Божья мать, позади меня Иисус Христос. Полукомандуй хранители надо мной. Дух святой, вся небесная сила со мной» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево).

В дорогу иду, молитву читаю: *«Святая Богородица, дай мне, рабе божией Марии, силу, и здоровья, и счастливого пути, и оберегай раба божия Марию от всяких болезней»*. И иконка у меня есть дорожная и свое имя на ей. При себе таскаю (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

Когда выходишь из дому: *«Аминь, Христос, во имя Отца, навстречу Иисус Христос»*. Три раза надо. На голову, на ту-

ловище и на ноги крест делаешь, три раза (зап. от Баяндиной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево).

Вот надо идти всегда с Богом. Когда выйдешь, крестишь сама себя, порог, и так выйдешь, и скажи: *«Пускай Бог поможет тебе»*. Вот выйдешь когда, перёд три раза крестишь себя. Когда кончишь работу, скажи: *«Господь помог»*. Если выйдешь три двери, обязательно крестись, хоть один раз да крести. Хоть сама себя (Зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурмэс).

Двери только открываешь: *«Господи, аминь, во имя Отца, Пресвятая Богородица»* (с. Антипино). *«Ангел мой, пойдём со мной, с Анной с работой, враг-сатана, отступись от меня на все четыре стороны»* (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево).

Без молитвы даже за водой нельзя спускаться, пойдёшь, читай тут: *«Святая дороженька, святым духом покройся. Иисус Христос впереди, по бокам ангелы хранители, Николай Чудотворец позади, а ты, Пресвятая мать Богородица, спаси, сохрани. От злых людей, от мелких зверей, от нечаянной смерти. Аминь»*. Пошли из дома, крест делаю: *«Обереги мой дом и мой двор»*, — скажу, да и всё (зап. от Бычковой Л.И., 1927 г.р., с. Крохалёво).

Слова на сохранность жилища. Когда уходишь из дома, чтобы в дом никто не зашел, молитву читаю: *«Мой ангел-хранитель, охраняй мой дом, чтобы никакой вор не зашел»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

Закрывают ворота, двери, молитву читают: *«Святая Сионская гора, читаю возле дома и двора, Спас — Спаситель, ангел хранитель, Михайло архангел — ключ, Матерь божья — замок. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь»*. Я на ночь закрываюсь с этой молитвой (с. Архангельское).

Когда из дома уходишь и дом один оставляешь, чтобы там воры не залезли, дом сохранился, не сторел, я говорю: *«Храни Господи дом мой, я уйду и оставляю один дом. Храни Господи в отсутствие мое»* (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва).

«Пантелемония, иди на помог, завязал, дак развяжи, улетай, улетай, чтобы не было, чтобы не было». Тут тоже чертят (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., с. Антипино).

От колдуна. *«Колдун-колдун, сам себя режь своё тело, пей свою кровью»*, — и фигурку надо держать (зап. от Баянди-

ной Р.А., 1937 г.р., д. Дмитриево). *«Спаситель мой, до моего тела не допусти врага-колдуна до моего тела. Аминь. Аминь. Аминь»* (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево). *«Вокруг меня круг, чертила его не я, а Богородица моя. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Аминь. Аминь»* (зап. от Казанцевой Н.А., 1929 г.р., с. Юсьва).

«Если колдун идет, надо сказать: «Ни пути, ни дороги...». Колдуны могут даже падать. Коза бодает, коза бодает — так делаешь пальцы, и эти слова» (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево).

«Вот говоришь и колдовать не может, а тут ещё безымянный палец правой руки к ладони делают и говорят: «Колдун, колдуй сам себя, режь своё тело, пей свою кровь, ступай, волшебник к ножницам» (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., с. Антипино). Если колдун идет, надо сказать: *«Ни пути, ни дороги...»* (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево). *«Спаситель мой моего тела, не допусти врага, колдуна до моего тела. Аминь»* (зап. от Анны Андреевны Боталовой, 1938 г.р., с. Антипино).

От сглаза. Булавочку положим, лавровый лист положим, три зубчика чеснока и ладан. Положишь в левый карман, и тебя не сглазят. А будем ложить ладан на булавочку, скажем: *«Ангел-хранитель, спаситель, спаси и сохрани раба Божия от всяких врагов, от всяких колдунов, от всяких сплетней, от всяких болезней. Аминь»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). Мак носят в кармане. И чё кто-то работает, бизнесом занимается, бизнес-то не идёт или на работе не клеится, вот этот мак кидают: *«Как к эту маку никто не придирается, так же никто не придирался к рабу Божьему такому-то человеку»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

На праведный суд. Носовик возьмёшь, когда на суд пойдёшь: *«Змея голова, у человека рука, вода годна»* (зап. от Боталовой А. А., 1938 г.р., с. Антипино). Ещё от суда, с носовиком в правой руке идёшь: *«Я зайду один серый волк, тут сидят белые овечки, я их всех съем»*. На суд идёшь, про себя говори: *«Ева и Адам, сам господь бог Иисус Христос, сохраните меня от внешних врагов, есть на двенадцати сажнях ключ и замок, кто может достать, тот может меня есть. Иду я на суд, смотрите меня, вместо осинового пня»* (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., с. Антипино). *«Встану я утром рано, умоюсь я росой, Господи, помоги мне, помоги от суда,*

что меня ждёт в казенном доме, меня ждут злые судьи, злые заседатели, не судите меня, а судите раба божьего, и судите черного коня, ибо черный конь суду не подлежит, а также и раб божий суду не подлежит. Ох, судьи злые, заседатели не судите меня раба божьего, а судите черного кобеля, ибо черный кобель суду не подлежит, вторые ворота, так же раб божий суду не подлежит. Будь здоров и хороший. Ох, вы, мои злые судьи, злые заседатели, открывайте ворота, в эти ворота суди все судьи злые, заседатели, не судите раба божьего, а судите черного ворона, ибо черный ворон суду не подлежит, ворон крыла перепорхнёт, так же раб божий суду не подлежит, пусть рухнет и всё будет хорошо. Господи, помоги мне, сюда придёшь во царствие твоё. Помяни нас Господи, всегда царствие твое, да воскреснет Бог, да расточатся врази его, да убежат от рабы божьей всякие злости, помогай Господи, помогай мне, чтоб был счастлив и хороший, Господи, помоги мне отсюда выйти» (зап. от Боталовой А. А., 1938 г.р., с. Антипино).

«Я зайду один серый волк, тут сидят белые овечки, я их всех съем». Это от суда. И новый носовик в правую руку (зап. от Боталовой А. А., 1938 г.р., д. Дмитриево).

«Ева и Адам, сам Господь Бог Иисус Христос, сохраните меня от внешних врагов, есть на двенадцати сажнях ключ и замок, кто может достать, тот может меня есть, но идя я на суд, смотрите меня вместо осинового пня». Это про себя проговаривать (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево).

«Встану я утром рано, умоюсь росой. Господи, помоги мне от суда, что меня ждёт в казенном доме, а но меня ждут злые судьи, злые заседатели. Не судите меня, но осудите раба божия, и судите чёрного коня, ибо чёрный конь суду не подлежит также и раб божий суду не подлежит Анна, ох, вы судьи, злые заседатели, не судите меня раба божия Анна, а судите чёрного кобеля, ибо чёрный кабель суду не подлежит, вторые ворота, также раб божий суду не подлежит Анна, будь здоров и хороший. Ох, вы наизлые судьи, злые заседатели, открывайте ворота. В эти ворота суди все судьи злые заседатели не судите Анну, а судите чёрного ворона, а чёрный ворон суду не подлежит, а Анна раба божия суду не подлежит, ворон крылатый пархнёт, так же раб божий Анна суду не подлежит пусть рухнет и всё будет хорошо. Господи, помоги мне всё да придёшь во царствие твоё, помяни нас, Господи, всегда цар-

ствие твоё, да воскреснет бог, да расточаться врази его, да набегат и убежат от Анны всякия злость, помогай, Господи, помогай мне, чтобы Анне было счастливо и хорошо, Господи, помоги мне от суда уйти и домой, Анна будь хороши» (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево).

От тоски. Тоскуешь и не знаешь себе места, вот читай, умываешься, вот читай на воду и умываешься: *«Ангел мой, телохранитель мой и покровитель мой, спаси мою душу, сохрани мою душу, враг сатана, откоснись от меня на сто верст, на тысячу вёрст. Здесь есть престол и на том престоле три списка лежат Луки, Марка и Никиты Мученика. И пришел Христос со святых небес и отгородил Христос небо и землю, и всю вселенную. Огради меня Господи рабу божью Анну, сними с меня Господи три тоски тоскующие, три сухоты сухотующие и прикрой меня, Господи, своею нетленною ризою и правым крылом. Аминь»* (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., с. Антипино).

«Ангел мой, телохранитель мой и покровитель мой, спаси мою душу и сохрани мою душу; враг, сатана, откоснись от меня на сто верст на тысячу вёрст; здесь есть престол, и на том престоле три списка лежат: Лука, Марко и Никита Мученик. И пришел Христос со святых небес, и отградил Христос небо и землю и всю вселенную. Отгради меня, Господи, рабу (имя), сними с меня, Господи, три тоски тоскующие, три слепоты слепотующие и прикрой меня, Господи, своею нетленною ризою и правым крылом. Аминь» (Зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево). Когда тоскуешь и не знаешь себе место, что бы делать, куда бы идти. От суматошного времени. Это на воду читать и умываться.

Чтобы не заблудиться в лесу. Заблуждающая, это когда в лес пойдешь, чтобы не заблуждать: *«Пресвятая дева мать, Господи, царица небесная, земли и помоги престательства, утешения и так ма по тебе у матери всех, скорбях всех, помоги же нам немощным в этом скорбу нашем, настави нас на путь на правый заблуждающий у врачей спаси безнадежных ным, приходите крестьянскую скончину сына твоего и явися на суде по милосердию, заступнице величавшем и славим во веке веков. Аминь».* Читают перед тем, как в лес войти, перекреститься ещё (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево).

Чтобы муж вернулся к жене. *«Встану я раба божья, выйду в чистое поле, во широкое раздолье, свяжу четыре дороги,*

четыре пути. На этих путях лежит пень, под этим пнём змей-змеище бьёт землю ногами, брод головой, я раба божья подойду поближе, поклонюсь пониже: «Змей-змеище, сослужи мне службу-дружбу, полетай к рабу такому-то во двор» (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., с. Антипино).

Слова на мир и благополучие в семье. Если в семье ругаются, неладно, ругаются, дерутся, тут надо, кого прижимают, так тому, говорить надо, встать пораньше и говорить. «Отче наш» прочитать, умыться, а потом перед Богом сказать: *«Благодарим тебя, Владыко человеколюбящего царя и веков подателю благих, разрушившего вражды и сквернословия, и мир подавшего роду человеческого даровавшего и ныне мир рабам твоим, искорени страх твой и другу любовь вверди, унеси всякую резню, отмени сквернословие и соблазн, яко ты несёшь мир нам, и тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Помяни, Господи, царя Давида, смягчи сердце рабы твоя (имя того, кто бесится), против рабы твоей (имя на кого он бесится), язык — ключ мой, замок — уста мои. Аминь. Аминь. Аминь. Три девяти. Аминь»* (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево).

Слова для бани. Вот мыться пойдёшь в баню, разрешение спроси: *«Банюшка-парушка, пусти париться».* Ночевать если пойдёшь в баню, тоже разрешение спроси: *«Банюшка-матушка, пусти ночевать, парная бабушка»* (зап. от Боталовой Е.Г., 1930 г.р., д. Иринево). Если в баню идешь, надо говорить: *«Банюшка-парушка, пусти нас мыться-париться».* А после того как в баню заходишь, уже как идешь мыться: *«Банюшка-парушка, Соломея-парушка, теплой водой умой да веником попарь, чтобы не угорела»* (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., д. Калинино). В баню заходишь, дак скажешь: *«Банюшка-матушка, мы пришли помыться, нас пусти помыться»* (зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доег). Из бани выйдешь, перекрестишься: *«Банюшка, матушка, спасибо тебе».* И дома приду и поклон сделаю (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино). Из бани выходишь, говоришь: *«Спасибо, банюшка-матушка, тёплая парушка, спасибо, кто воду нес, кто печку топил»* (зап. от Кривощёковой З.А., 1957 г.р., д. Истер-Дор). *«Спасибо, банюшка-матушка, тёплая парушка, намылася, напарилася, кто воду принес, дрова принес, спасибо скажу»* (зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доег). *«Спасибо, банюшка-матушка, легкая парушка».* Это

говоришь, когда вымоешься, еще стоя в бане. Надо перекреститься (зап. от Баяндиной М.А., 1939 г.р., д. Тараканово). Бане спасибо надо говорить: «*Спасибо, банюшка-матушка, тёплая парушка*» (зап. от Боталовой П.М., 1936 г.р., д. Новосёлово). Из бани выходим: «*Банюшка-матушка, светлая раюшка, как вымылись, так и ты мойся*» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). «*Спасибо, баня-матушка, зыбкая парушка*» (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга). В баню заходишь, дак скажешь: «*Банюшка-матушка, мы пришли помыться, нас пусти помыться*». А вот сейчас схожу, скажу: «*Спасибо, банюшка-матушка, тёплая парушка, намылася, напарилася, кто воду принесла, дрова принесла, спасибо*» (зап. от Козловой А.П., 1930 г.р., с. Доег). «*Спасибо, баня-матушка, зыбкая парушка*» (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга). «*Банюшка-матушка, светлая раюшка, как вымылись, так и ты мойся*» (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., с. Доег). После двенадцати не надо мыться. За ручку поддержишься и молитву прочитаешь, крестик снимешь (зап. от Мальцевой А.И., 1924 г.р., с. Доег). В баню захожу, говорю три раза: «*Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и вовеки веков. Аминь*». Из бани выхожу: «*Спасибо*» (зап. от Баяндиной Е.А., 1930 г.р., д. Бажино).

Чтобы муж жену не бил. Который мужик бьёт жену, вот верёвку от покойника берут и привязывают к рубахе, вот на запястье привяжут и в рукав продёрнут: «*Как у покойника рука не поднимается, так же и у тебя рука чтобы не поднималась*» (зап. от Баяндиной Р. А., д. Дмитриево).

От болезней ног. Ноги у человека болят, лягушку положим на ноги и говорим при себе: «*Как эта лягушка прыгает, так и прыгал Божий (имярек) человек*». И человек будет ходить. Лягушка умирает, закопай в землю. Больной сам должен дуть лягушке в рот (зап. от Баяндиной М. И., 1954 г.р., д. Гавино).

Заговоры хозяйственные

От бури, грозы, ветра. Надо на мосту стоять и пасхальные яички кидать со словами: «*Во имя отца и Сына и Святого Духа. Аминь*» (зап. от Боталовой М. С., 1934 г.р., с. Купрос). Бросали яички пасхальные на крышу, чтобы ветер утих (зап. от Братчиковой М. С., 1932 г.р., с. Купрос). От грома яички пасхальные выносили и помело, вот в печке-то выметаешь,

вот его ещё, откуда туча идёт, вот туда бросали. А выносили из дверей. А гроза пройдёт, обратно всё занесут (зап. от Гордеевой Л.Н., 1932 г.р., с. Купрос). От молнии надо молитву читать, чтобы Господь помог: *«Спаси и сохрани»* (зап. от Баяндиной М.И., 1954 г.р., д. Гавино).

Слова для воды. Вечером пойду полоскать бельё, скажу: *«Реченька-матушка, почисти»* (зап. от Кривощёковой Е.А., 1940 г.р., д. Калинино).

От клеща. *«Здравствуй, клещ, я пришла в лес, я твой гость, с тем моя кость, а кровь моя горше вина — ты не трогай меня»* (зап. от Пушкиной К.Н., 1931 г.р., д. Калинино).

Слова перед началом сенокоса. Когда косить пошла, чтоб спина не болела, три раза перекрестилась, потом сказала: *«Коси, коса, пока роса»*. Перекрестишь свою дорожку, чтоб на все лето тебе Бог дал здоровье. А как грести начинаем, кому первому, говорит: *«Дай, Бог, спорину»*. Перекрестишь ногой землю и грабелями можно и скажешь: *«Дай, Бог, спорину»* (зап. от Кривощёковой М.К., 1947 г.р., д. Кубенёво).

Слова для леса. В лес заходим, говорим: *«Боженька, иди впереди, а мы сзади тебя. Приведи нас к ягодам»* (зап. от Надымовой Р.Н., 1936 г.р., д. Асаново). *«Благослови, Господи, в лес по ягоды, по грибы»*, — говоришь, когда в лес заходишь, тут ещё первые ягодки нужно оставлять на пеньке, у кого дети умерли (зап. от Баяндиной М.А., 1939 г.р., д. Тараканово). Когда заходишь в лес: *«Бог, дай»* (зап. от Власовой Р.Е., с. Архангельское). Если пошёл по ягоды, первы ягоды нашёл, ложишь и говоришь: *«Полную кастрюлю»*. Пошёл по грибы, гриб нашёл, говоришь: *«Полную корзину»* (зап. от Чакилёвой Т.Н., 1933 г.р., с. Архангельское). Если в лес идёшь, надо спрашивать: *«Лесовик, лесовик, помоги собирать грибы и ягоды»* (зап. от Савельевой Р.В., 1947 г.р., д. Мосино). Когда в лес захожу: *«Тыр доз, дай, Бог, тыр доз»*, значит, полную корзину чё ли (зап. от Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское). А когда из леса выходишь, говоришь: *«Спасибо этому дому, пойдём к другому»* (зап. от Баяндиной А. О., 1950 г.р., д. Тараканово).

Слова на капустную рассаду. Первой капусте надо сказать: *«Если я пропаду, пускай она пропадёт, если я умру, а если я не умру, и ты расти, не умирай»* (зап. от Колыхматовой Т.К., 1933 г.р., д. Трифоново). Когда капусту садишь, говоришь: *«Не будь голенаста — будь пузаста, не будь красна — будь вкусна, не будь мала — будь велика, необъятная. Аминь»* (зап.

от Крохалёвой В.С., 1956 г.р., с. Крохалёво). Когда начинаю садить капусту, говорю: *«Подай, Господи, для низших братьев»* (зап. от Беляевой Т.С., 1932 г.р., д. Мочга).

Слова на выгон скотины. Когда скотину провожаешь, верба есть, ей освещаешь, крест делаешь и говоришь: *«Давай, моя матушка, иди с Богом и вернись с Богом»*. Это когда первый раз выгоняешь. И ещё слова говорят: *«Как муравьи тащатся домой, так же ты, Зоря, Боря, моя скотинушка, домой»* (зап. от Баяндиной М. И., 1954 г.р., д. Гавино). Ворота открываем, корову выгоняем со словами: *«Господи, благослови»*. Выпускаю: *«Идите с Богом, вечером придите»* (зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурманс). *«Спаси, сохрани мою скотинушку»* (зап. от Беляевой Т. С., 1932 г.р., д. Мочга).

Чтобы корова не лягалась. Чтобы корова не лягалась, когда доишь, её гладят три раза рукой и говорят: *«Сери серебром, будь молодцом»* (зап. от Боталовой В.Я., 1940 г.р., д. Мурманс).

3. Песенный фольклор Юсьвы

В разделе опубликованы песни, как игровые, плясовые, так и лирические, зафиксированные как от русских, так и коми-пермяцких носителей традиции. В основном публикуемые тексты отражают локальное варьирование песенной традиции. Так, колоритные детали содержит хороводная игровая старорусская песня «Там за речкой, там за перевалом», известная в массе вариантов. Песня «На горе-то калина» не содержит традиционного мотива бросания девушками сорванных веток и включает взятый из других текстов мотив высмеивания старого мужа.

Представлены в разделе также песни авторского происхождения — военные и послевоенные песни советского времени, песни на стихи коми-пермяцких и коми-зырянских поэтов, до сих пор популярные в народной среде.

Хороводные, игровые и плясовые песни

Зелен сад

Как на горке, на горе стоит зелен сад

О-о-о-х, стоит зелен сад.

В саду девицы, в саду красненькие

Щипали цветы, о-о-о-х, щипали цветы.
Одна девка цветы рвет, друга девка веночек вьет,
Веночек Ванюше, о-о-о-х, Ванюше.
Бежал Ваня, торопился, под ним мостик провалился,
Мост калиновый, о-о-о-х, калиновый.
Как на Ванюшке беда не велика, не мала,
Вот и речь моя, о-о-о-х, вот и речь моя.
На плоту девка стояла, Ваню за руку держала,
Звала во в лесок, о-о-о-х, звала во в лесок:
«Пойдем, Ваня, во в лесок, сядем, Ваня, под кусток,
Посидим часок, о-о-о-х, посидим часок».
До лесочка не дошли, целованье завели,
Целовались, о-о-о-х, целовались.
(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Там за речкой за перевалом

Там за речкой, за перевалом
Стояла думала цыганочка молода.
Там цыгане пляшут и гуляют,
Один цыган нехотя гуляет.
Стояла думала цыганочка молода.
Он цыганку себе выбирает:
«Ты, цыганка, будь моей служанкой».
«А хочу я быть твоей дворянкой».
Стояла, думала цыганочка молода.
Открывайте шкафы золотые,
Стояла, думала цыганочка молода.
Одевайте платья шёлковые,
Стояла думала цыганочка молода.
Запрягайте коня вороного,
Мы поедем с тобою кататься.
Стояла, думала цыганочка молода.
На вас будут люди дивоваться.
Стояла, думала цыганочка молода.
(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Во лужах, во лужах

Во лужах, лужах, во зеленых лужах
Выросла, выросла, выросла трава шёлковая,
Выросла трава шёлковая.
Понесли, понесли, понесли духи анисовые,

Понесли духи анисовые.
Уж я той, уж я той, уж я той травы выкошу косой,
Выкошу, выкошу, я повыкошу, сповыкошу его,
И повыкошу, сповычешу его.
Выкошу, выкошу, я сповыкошу, сповыгребу его.
Выгребу, выгребу, я повыгреблю.
Я повыгреблю, зарод смечу.
Из зарод, из зарод, из зарода сено вывезу домой.
Вывезу, вывезу, я сповывезу, коня накормлю.

(Зап. от Бычковой Л.И., 1927 г.р., с. Крохалёво).

Исполнительница откомментировала эту песню так: «Это сенокосная песня. Заканчивается, что лошадям привезли сено».

Винная речушка

Винная речушка,
В чистом поле стояла.
В чистом поле стояла.
Как во этом чистом поле,
Как во этом чистом поле,
Много винных ягод,
Много винных ягод.
Соберу я винных ягод,
Соберу я винных ягод.
Поднесу свекровке,
Поднесу свекровке.
Ты поешь, свекровка, ягод,
Ты поешь, свекровка, ягод.
Невкусно, несладко.
Невкусно, несладко.
Лихой свекровушке,
Лихой свекровушке
Не смогла я сноровить,
Не смогла я сноровить.
Соберу я винных ягод,
Соберу я винных ягод,
Поднесу я свекру,
Поднесу я свекру.
Ты поешь-ка, свекор, ягод,
Ты поешь-ка, свекор, ягод,
Невкусно, несладко,

Невкусно, несладко.
Лихому свекору,
Лихому свекору
Не смогла я сноровить,
Не смогла я сноровить.
Соберу я винных ягод,
Соберу я винных ягод,
Поднесу я мужу,
Поднесу я мужу.
Ты поешь-ка, мужик, ягод,
Ты поешь-ка, мужик, ягод.
Все вкусно и сладко,
Все вкусно и сладко.
Мужу дорогому,
Мужу дорогому
Все смогла я сноровить,
Все смогла я сноровить.

(Зап. от Баталовой А.А., с. Юсьва).

По-за городу ли я хожу

По-за городу ли я хожу да по новому ли гуляю,
Стару бабу ишшу, ино где моя стара баба живет.
Наварила она пиво и вино, про моего старо жалованье,
Ой, бабы нет, ой, света нет.
По-за городу ли я хожу да по новому ли гуляю,
Стару бабу ишшу, ино где моя стара баба живет,
Наварила она пиво и вино, про моего старо жалованье,
Ой, баба есть, ой, света есть.

(Зап. от Баталовой А.А., с. Юсьва).

На горе-то калина да на горе-то малина

На горе-то калина, да на горе-то малина,
Из-за этой калины да меня в замуж выдали.
«Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
Меня в замуж выдали за седую бороду.
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
А седая борода не пускает никуда.
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,

Пойду утром за водой, возьму старого с собой.
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
Возьму старого с собой, суну в речку головой
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
Суну в речку головой, а сама пойду домой.
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
А сама пойду домой, меня встретит молодой.
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
Меня встретит молодой, неженатый, холостой
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
Не женатый холостой, лет семнадцати такой.
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
Лет семнадцати такой и с гитарой под рукой.
Ой, калина, ой, малина, черная смородина,
Ой, калина, ой, малина, черная смородина.

(Зап. от Баталовой А.А., с. Юсьва).

Я бегу-бегу по поженке

Я бегу-бегу по поженке,
Добегаю до часовеньки,
На часовенке два голубя сидят.
Меж собой они говорю говорят.
Один голубь ничего не говорит,
Другой голубь разговаривает.
Завтра праздник, гулящий день,
Мой-от миленькой гулять пойдёт,
За собой меня, красавицу, возьмёт.

(Зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурмэс).

Ой, у броду, броду

Ой, у броду, броду,
Да, ой, ряди, ряди радость,
У мелка переброду,
Ой, ряди, ряди радость,
Стояла конюшня,

Ой, ряди, ряди радость.
Во той-то конюшне,
Ой, ряди, ряди радость,
Было тридцать три стойла,
Ой, ряди, ряди радость.
Что во этих во стойлах,
Ой, ряди, ряди радость,
Было ли тридцать три коня,
Ой, ряди, ряди радость.
Они все с подковами,
Ой, ряди, ряди радость.
Един конь неподкованной,
Ой, ряди, ряди радость.
Что никто коня не любит,
Ой, ряди, ряди радость
Что никто, никто ненавидит,
Ой, ряди, ряди радость.
Свет Незнай коня любит,
Ой, ряди, ряди радость,
Свет Незнай-от навидит,
Ой, ряди, ряди радость.
Он и вокруг коня ходит,
Ой, ряди, ряди радость,
По крутым ребрам треплет,
Ой, ряди, ряди радость.
Уж ты конь, да мой комонь,
Ой, ряди, ряди радость,
Ты хорошая лошадь,
Ой, ряди, ряди радость,
Ослужи ты мне три службы,
Ой, ряди, ряди радость,
Три-те службы, три дружбы,
Ой, ряди, ряди радость.
Как и первую службу,
Ой, ряди, ряди радость,
Во Рязань по белила,
Ой, ряди, ряди радость,
Как вторую-ту службу,
Ой, ряди, ряди радость,
Во Казань по румяна,
Ой, ряди, ряди радость,

Как и третью службу,
Ой, ряди, ряди радость,
Во завод по невесту,
Ой, ряди, ряди радость,
По хорошу Незнаю,
Ой, ряди, ряди радость,
По пригожу Незнаю,
Ой, ряди, ряди радость.

(Зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

Пошли девки на гулянье

Пошли девки на гулянье,
На гулянье, кума, на гулянье.
Они пели и плясали,
Ой, плясали, кума, ой, плясали.
Одну девку потеряли.
Потеряли, кума, потеряли.
Один парень догадался.
Догадался, кума, догадался.
Он за девкою погнался.
Ой, погнался, кума, ой, погнался.
Он в кусточках целовался.
Целовался, кума, целовался.
Его девки увидали.
Увидали, кума, увидали.
Девки парня наказали.
Наказали, кума, наказали.
Парня крепко привязали.
Привязали, кума, привязали.
Чтоб за девкой не гонялся.
Не гонялся, кума, не гонялся.

(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Вдоль да по речке

Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке
Серый селезень плывет.
Ай-да люли, ай-да люли, серый селезень плывет.
Вдоль да по бережку, вдоль да по крутому
Добрый молодец идет.
Ай-да люли, ай-да люли, добрый молодец идет.
Сам он с кудрями, сам он с хорошими

Разговаривает.

Ай-да люли, ай-да люли, разговаривает.

Кому мои кудри, кому мои русы

Достанутся расчесать?

Ай-да люли, ай-да люли, достанутся расчесать.

Достались кудри, достались русы

Старой бабе расчесать.

Ай-да люли, ай-да люли, старой бабе расчесать.

Вот она их чешет, вот она их гладит,

Только волосы дерет.

Ай-да люли, ай-да люли, только волосы дерет.

Достались кудри, достались русы

Молодой вдове чесать.

Ай-да люли, ай-да люли, молодой вдове чесать.

Вот она их чешет, вот она их гладит,

Только горьки слезы льет.

Ай-да люли, ай-да люли, только горьки слезы льет.

Достались кудри, достались русы

Красной девице чесать.

Ай-да люли, ай-да люли, красной девице чесать.

Вот она их чешет, вот она их гладит,

Волос к волосу кладет.

Ай-да люли, ай-да люли, волос к волосу кладет.

Вот она их чешет, вот она их гладит,

Да кольцо на кольцо сведет.

Ай да лю-ли, ай да лю-ли, да кольцо на кольцо сведет.

(Зап. от Кривощёковой З.М., 1930 г.р., д. Кубенёво).

Китай-город

Завтра-ка я поеду, да уж поеду, молодец, в Китай-город.

Да уж поеду, молодец, в Китай-город.

Да привезу я молодой жене подарок.

Привезу я молодой жене подарок,

Да самый-самый преотличный полушалок.

(Зап. от Кривощёковой З.М., 1930 г.р., д. Кубенёво).

Там за речкой, там за перевалой

Там за речкой, там за перевалой,

Тру-ля-ля, тру-ля-ля, там за перевалой

Все цыгане весело гуляют,

Тру-ля-ля, тру-ля-ля, весело гуляют.

Один цыган не пьёт, не гуляет.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля не пьёт, не гуляет.
Он себе цыганку выбирает.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля, цыганку выбирает.
Ты, цыганка, будь моя служанка.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля будь моя служанка.
На-ко тебе ключи золотые.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля, ключи золотые.
Открывай-ко шкапы дубовые.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля, шкапы дубовые.
Бери денег, сколько тебе надо.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля, сколько тебе надо.
Покупай-ко коня вороного.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля, коня вороново.
Покупай-ко сбрузу золотую.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля, сбрую золотую.
Покупай-ко дугу корьковую.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля, дугу корьковую.
Покупай-ко сани дубовые.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля, сани дубовые.
Мы поедем с тобою кататься.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля, с тобою кататься.
На нас люди будут удивляться.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля будут удивляться.
(Зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурмэс).

Рано, ранешенько на заре

Рано, ранешенько на заре
Щебетала ласточка на море,
Да плакала девичка на море,
На белогорючем камне.
По бережку батюшка гулял,
Да гуляй, гуляй, батюшка, здорово.
Да сойми меня, девицу, со моря,
Да со бела горячего камня.
Да у батюшки жалости не было,
Да не снял меня, девицу, со моря,
Да со бела горячего камня.
Поутру ранешенько на заре
Щекотала ласточка на море,
Да плакала девушка на море,

Да на белом горячем камне.
Да по бережку матушка гуляет.
Да гуляй, гуляй, матушка, здорово.
Да сойми меня, девицу, со моря,
Да со бела горячего камня.
Да у матушки жалости не было,
Да не сняла меня, девицу, со моря,
Да со бела горячего камня.
(Зап. от Деменевой П.Ф., 1929 г.р., д. Елизавето-Пожва).

Катенька-Катюша

Катенька-Катюша — купеческая дочь,
Где же ты прогуляла всю темную ночь?
Где же ты прогуляла всю темную ночь?
Утром на рассвете ложилася спать,
Утром на рассвете ложилася спать.
Мати услышала и стала ругать,
Мати услышала и стала ругать:
Катенька-Катюша, пора уже вставать,
Катенька-Катюша пора уже вставать!
Вышли пароходы по морю гулять,
Вышли пароходы по морю гулять.
Один парус белый, второй голубой,
Один парус белый, второй голубой.
Один матрос старый, другой молодой,
Один матрос старый, другой молодой.
Третий кучерявый, вот этот милый мой,
Третий кучерявый, вот этот милый мой.
«Катенька-Катюша, поедем со мной,
Катенька-Катюша, поедем со мной,
По морю кататься на лодке голубой,
По морю кататься на лодке голубой.
Катенька-Катюша, да будь моей женой».
(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Как на блюде: блюде

Как на речке-речке,
Из-под дверья ветерок,
Как на речке-речке,
Девка платье мыла.
Из-под дверья ветерок,

Девка платье мыла,
Звонко колотила.
Из-под дверья ветерок,
Звонко колотила,
Туго выжимала.
Из-под дверья ветерок,
Туго выжимала.
Вон милёнок едет,
Из-под дверья ветерок,
Вон милёнок едет.
На вороном коне.
Из-под дверья ветерок,
На вороном коне,
В черном балахоне,
Из-под дверья ветерок,
В черном балахоне.
В беленькой рубашке,
Из-под дверья ветерок,
В беленькой рубашке,
В кожаной фуражке,
Из-под дверья ветерок,
В кожаной фуражке.
(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Ой, бабушка преленка

Ой, бабушка преленка,
Ты какая рукоделенка.
Топором сено кашивала,
Рукавичкой воду нашивала.
Старичонка на вечерку приходил,
Полон пазухи парёнки приносил.
Нам паренки исть-то хочется,
Старика любить не хочется,
Молодого не находится,
Старика любить приходится.
Один раз чуть волк не съел,
В это время свинаяй поспел.
Свинарей-то молоденький,
На ём фартучек коротенький.
Он туда-сюда повертится,
На нем фартучек повернется.

Раскачалась рябина над водой,
Раскуражился парень надо мной.
Я надену платье шелковое,
А второе кашемировое.
Это платье во двенадцати полос,
Мой-от милый девятнадцати годов.
Уж бабушка Сидоровна,
Высоко ноги закидывала.
Не ходила ни в сохе, ни в бороне,
Не давала ни в заде, ни впереди.
Ох, чертова перешница,
Лешакова табакеришница.
Скоро солнышко туманом занесет,
Скоро милого лешак принесёт.
Со вторника на среду
Замесила баба на солоду
Не хватило кипячёной воды,
Подняла подол, насикала туды.
(Зап. от Невониной К.И., 1923 г.р., д. Мочга)

Сяду я на курицу

Сяду я на курицу,
Да вот поеду вдоль по улице,
Закачаю песню новую
Да про свою да чернобровую.
По бокам-то пощекатывает
Да ишо же он подхватывает:
«Ах ты, душка, лопушка моя,
Согласилась со мной ночку ночевать,
Согласилась со мной ночку простоять».
Пуще я это, умная дочь,
Пуще я это, разумная дочь.
Отпустила к скомороху ночевать,
Скоморошки люди добрые,
Скоморошки очестливые.
Он не пьёт да ни пиво, ни вино,
Он не ходит по кабаку-от никогда.
(Зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурмэс).

На горе, на увале

На горе, на увале

Теребили девки лён,
Теребили, говорили:
«Нынче замуж не пойдём.
Нынче замуж не пойдём,
Кофты новые сошьём».
Кофты модные сошили,
Полы обкоротили,
Гришу-Мишку полюбили,
Сердце озаботили.
Гришина-Митишина
Играй, гармошка Мишина,
Играй-играй, играчок,
За работу пяточок,
По рублю, по денежке,
По красивой девушке.
(Зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурмэс).

Военные и солдатские песни

Из-за леса из-за рощи

Из-за леса из-за рощи вышла ротушка солдат,
Ой-ли браво да люлю, перед ротой комиссар
Ой-ли браво да люлю хорошо маршировал.
Ой-ли браво да люлю с Машой здоровствовался.
Ой-ли браво да люлю, здравствуй Маша, здравствуй Саша,
Ой-ли браво да люлю, здравствуй, любуша моя,
Ой-ли браво да люлю, дома ль мамонька твоя
Ой-ли браво да люлю, нет папаши, нет мамыши,
Нету дома никого.
Нет дома никого, да полезай, солдат, в окно.
(Зап. от Л.А. Дудиной, 1940 г.р., д. Стариково).

Между гор между Карпатских

Между гор между Карпатских, среди двух высоких скал
Пробирался ночкой тёмной санитарный наш отряд.
Впереди идёт повозка, на повозке красный крест,
Из повозки слышны стоны: «Скоро, скоро ли конец?»
— Скоро мы домой приедем, — утешала их сестра,
А сама едва шагала вся измучена, бледна.
— Скоро мы домой приедем, напою вас, накормлю.
Перевязки всем поправлю, домой письма напишу.

Вот один боец диктует: «Здравствуй, милая жена,
Жив я, ранен, не опасно, скоро дома буду я!»
Вот другой боец диктует: «Здравствуй, милая жена,
Жив я, ранен, но опасно, уж домой не жди меня».

(Зап. от Неволиной К.И., 1923 г.р., д. Мочга)

Песня времен первой мировой войны, вариант песни
композитора Ю. Слонова на слова М. Французова «Медсе-
стра Анята».

Ехали солдаты

Ехали солдаты со службы домой,
Ой, на плечах погоны, на груди кресты.
Ой, едут по дорожке, родитель идёт,
— Ой, здорово папаша, здорова ли семья?
— Ой, семья, слава Богу, прибавилась:
Женка молодая сына родила.
Ой, сын отцу ни слова, садился на коня,
На коня садился, поехал домой.
Вот домой приехал, стоят мать с женой,
Мать стоит с улыбкой, жена во слезах.
Ох, мать говорит сыну:
— Прости, сын, жену.
— Ох, мать, тебя прощаю, жену никогда.
Ох, закипело сердце в солдатской груди,
Заблестела шашка во правой руке,
Ох, слетела головушка неверной жены.
— Ой, Боже, Боже, Боже, что я натворил,
Женку я зарезал, сам себя сгубил.
Женку спохоронят, меня заберут,
Малую малютку в приют отдадут.

(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Дул холодный, порывистый ветер...

Нашу встречу и тот зимний вечер
Не забыть ни за что, никогда.
Дул холодный, порывистый ветер,
Замерзала во фляге вода.
Дай мне руку пожать на прощанье,
В голубые глаза заглянуть:
— До свиданья, мой друг, до свиданья,
Уезжаю я в путь на войну.

— Не сердись, что я часто бранилась,
У меня уж характер такой,
А тебя я всерьёз полюбила
И такой уж любовью большой.
Дул холодный порывистый ветер,
И во фляге застыла вода,
Как ту встречу и тот зимний вечер
Не забыть ни за что, никогда.

(Зап. от Шавшуковой Л.Т., 1939 г.р., п. Майкор).

В исходном авторском тексте медсестра находит на поле боя раненного бойца и спасает его: *«И взвалила на девичьи плечи, И согрелась во фляге вода. Нашу встречу и тот зимний вечер Не забыть ни за что, никогда».*

На деревне тихо пролетали гуси

На деревне тихо пролетали гуси,
Ох, солнце разливалось, затопив сады.
И росли в деревне Ваня да Маруся,
А ещё Иван-да-Марья жёлтые цветы.
Ой, над всею Русью день подёрнут грустью,
Ох, в чистом небе виснут чёрные кресты.
Провожала Ваню девушка Маруся,
А ещё Иван-да-Марья — жёлтые цветы.
Злая вражья пуля выследила Ваню,
Ох, пошатнулось небо, падая в кусты.
Обагрился кровью белый одуванчик,
А ещё Иван-да-Марья — жёлтые цветы.
В край родной весною возвратились гуси,
Ох, неужели, Ваня, не вернёшься ты?
Где упали слёзы девушки Маруси,
Там цветут Иван-да-Марья жёлтые цветы.

(Зап. от Баяндиной З.Р., 1947 г.р., д. Бажино).

Авторская песня (муз. Николая Поликарпова, слова В. Семернина). Песня широко распространена в разных вариантах (в том числе под названием «Иван да Марья»).

Один говорит, белофинн говорит

Был он тихий паренёк, у костра погреться лёг.
Мы спросили паренька — как поймал он «языка»?
— Один говорит, белофинн говорит,
Идет, говорит, на лыжах,

Лежу, говорит, слежу, говорит,
И жду, говорит, поближе.
Схватил, говорит, повалил, говорит,
Поймал, как синицу в клетку.
Да что, говорит, на то, говорит,
Есть, говорит, разведка.
Догорал уже костёр, подошёл к нему сапёр.
— Расскажи-ка, сучий кот, как нашёл ты вражий ДОТ?
Один говорит, белофинн говорит,
Лежу, говорит, на лыжах,
Лежу, говорит, слежу, говорит,
И жду, говорит, поближе.
Схватил, говорит, повалил, говорит,
Поймал, как синицу клетку,
Да что, говорит, на то, говорит,
Есть, говорит, разведка.

(Зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурманск).

Песня военного времени о поимке «языка», композитор К. Листов, стихи Л. Ошанина. В оригинале рассказывается также о захвате героем вражеского пулемета, подробно рассказывается о найденном ДОТе: *«Лежу, говорит, не дышу, говорит, сугроб, говорит, в сторонке. И вдруг, говорит, дымок, говорит, Хотя, говорит, и тонкий. А в цель, говорит, что в ель, говорит, Ребята стреляют метко. Да что, говорит, на то, говорит, И есть, говорит, разведка!»*

Бабуся

— Бабуся, бабуся, зачем тебя ночью
В отряд занесло к нам сюда?
— По делу, родимый, по делу, сыночек,
Я шла, не жалея труда.
— Откуда ты родом, зачем ты, седая,
До хаты своей не идёшь?
— Дотла прогорела деревня родная,
И хаты моей не найдёшь.
— А где же старик твой, куда он девался
С отцовской родимой земли?
— Над дедом немецкий снаряд разорвался,
Сыны в партизаны ушли.
— Спасибо, бабуся, пойдём к командиру,
Давай я тебя поведу.

— Пойдем, мой родимый, советскому миру
На старости лет послужу.

(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Катюша

Расцветали яблони и груши,
К ним склонился синий горизонт.
А за взводу двигалась Катюша
По асфальту гладкому на фронт.
Вот к деревня Катя подходила,
Привозя снаряды за собой,
И такую песню заводила,
Что фашисты подымали вой.
Языком металла говорила
Про степного русского орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьё счастье берегла.
Гады вспомнят русскую Катюшу,
Мир услышит, как она поёт,
Из фашистов выколотит душу,
А орёл их кости разнесёт.
Расцветали яблони и груши,
К ним склонился синий горизонт,
А за взводу двигалась Катюша
По асфальту гладкому на фронт.

(Зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурмэс).

Катюша (вариант)

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
А за нею немец молодой.
Выходила на берег Катюша,
А за нею немец молодой:
— Подарю тебе, Катюша, бусы,
Подарю я перстень золотой,
На тебе, Катюша, я женюсь,
Увезу в Германию с собой.
На тебе, Катюша, я женюсь,
Увезу в Германию с собой.
Но Катюша смело отвечала:

— Не тебе я фрицу отдана,
Меня любит чернобровый Ваня,
О котором знает вся страна.
Меня любит чернобровый Ваня,
О котором знает вся страна.
Немец сразу понял, в чём тут дело,
Что Катюшу любит партизан,
Закурил с досады папиросу,
На Катюшу выставил наган.
Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Умерла красавица Катюша,
Умерла Катюша, как герой.

(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Орлята, орлята, сегодня расплата

Орлята, орлята, сегодня расплата
На подвиг кровавый зовёт.
Пусть ненависть вас окрыляет, орлята,
Вперёд за отчизну, вперёд.
Ты помнишь, товарищ, под старым Херсоном,
Где тихо шептался бурьян,
Под этим бурьяном, в этом кургане
Матрос-партизан Железняк,
Каховка-Каховка, лежит перед нами
Родная святая земля.
Мы шли через горы, леса и долины,
Прошли через гром батарей,
Сквозь смерть мы пробились,
Встречай, Украина,
Своих дорогих сыновей.
Орлята, орлята, сегодня расплата
На подвиг кровавый зовёт.
Пусть ненависть вас окрыляет, орлята,
Вперёд за Отчизну, вперёд.

(Зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурмэс).

Гудела степь донская

Гудела степь донская от ветра и огня,
Казачка молодая садилась на коня.
Весёлая девчонка с наганом на боку,

Садилась, говорила седому казаку:
— Прощай, отец мой родный, прощай, старуха-мать,
Я еду за свободу, за землю воевать.
Сказала и помчалась по ветреной пыли,
А его смехом были степные ковыли.
Гудела степь донская, а партизанка спит,
Но песня молодая по ковылям шумит.
(Зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурмэс).

Если на празднике снова встречаются...

Если на празднике снова встречаются несколько старых друзей,
Всё, что им дорого, припоминается, песня звучит веселей.
— Ну-ка, товарищи, грянем застольную, выше стаканы с вином,
Выпьем за Родину нашу привольную, выпьем и снова нальём.
Выпьем за участь, за нашу великую, за богатырский народ,
Выпьем за армию, нашу могучую, выпьем за доблестный флот.
Выпьем за тех, кто командовал в море, кто наводил батареи,
Выпьем за наше счастливое детство, за дорогих матерей.
(Зап. от Неволиной К.И., 1923 г.р., д. Мочга).

Лирические песни

Роза

Я встретил розу: она цвела
И ароматом была полна.
Я эту розу сорвать готов,
Но побоялся её шипов.
Я эту розу сорвать готов,
Но побоялся её шипов.
А утром рано я в сад вошёл,
Но этой розы я не нашёл.
«Ой, роза-роза, — я закричал, —
Зачем тебя я не сорвал?
Я побоялся шипов твоих,
Теперь ты роза в руках чужих».
Сорвали розу, помяли цвет,
А этой розе семнадцать лет.
Ой, парни, парни, мой вам совет:
Не рвите розы семнадцати лет.
Розы прекрасны, розы нежны,
А эти розы нам всем нужны.

(Зап. от Боталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Однажды морем я плыла на пароходе том

Однажды морем я плыла на пароходе том,
Погода чудная была, но вдруг начался шторм.
Ай-яй-яй-яй в глазах туман, кружится голова,
Едва стою я на ногах, а я же не пьяна.
А капитан приветлив был, в каюту пригласил,
Бокал шампанского вина он выпить предложил.
Бокал я выпила до дна к нему я прилегла,
И всё, что с детства берегла, ему я отдала.
Вот срок пришёл, родился сын, морской волны буян,
И кто же в этом виноват, конечно, капитан.
Ай-яй-яй-яй в глазах туман, кружится голова,
Едва стою я на ногах, а я же не пьяна.
Умейте жить, умеете пить и все от жизни брать,
Ведь все равно когда-нибудь придется умирать.
Ай-яй-яй-яй в глазах туман, кружится голова,
Едва стою я на ногах, а я же не пьяна.

(Зап. от Невониной К.И., 1923 г.р., д. Мочга).

Мы в колхозе родились

Мы в колхозе родились
И на славу удались,
Щёчки пухленькие,
Сами кругленькие.
Как у нас-то платки,
Словно цветики, яркие,
Все мы лаповые,
Одинаковые.
Мы приехали в Москву,
Не во сне, а наяву.
Там людей миллион,
Каждый до смерти умён.
Увидали автобус,
Закричали: «Ой, боюсь!»
И заплакали
Одинаково.
Мы в колхозе родились
И на славу удались,
Щёчки пухленькие,
Сами кругленькие.

(Зап. от Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурманс).

Милый мой дружок

Милый мой дружок,
Что ж ты одурился?
Аль волы устали,
Аль с дороги сбился?
Волы не устали,
С дорожки не сбился,
Тяжка с мамкой померли,
А я не женился.
А я не женился,
Без доли родился,
Пойду мальчик с горя
Во чистое поле,
Искать себе долю.
Милый мой дружок,
Что ж ты одурился?
Аль волы устали,
Аль с дороги сбился?

(Зап. от Мальцевой Ж.П., 1941 г.р., с. Доер).

Здравствуй, солнечный город

Здравствуй, солнечный город,
Вот и встретились вновь,
Здравствуй, самая первая,
Неземная любовь.
Ты и та и не та уже,
До сих пор не пойму,
Почему же ты замужем?
Почему? Почему?
Этот город построен
В самом диком краю,
Сосны высятся стройные,
Как матросы в строю.
Это был наш экзамен
Сквозь метель и пургу,
Почему же ты замужем?
Почему? Почему?
Ты здесь прочно устроилась,
Радиола, уют,
Я поеду на север,
Где норд-осты живут.

Где олень бродит замшевый,
Звезды в рыжем дыму.
Почему же ты замужем?
Почему? Почему?
Больше делать здесь нечего,
Да и климат не тот,
Завтра утром в ноль девять
Полетит самолет.
Я на всякий пожарный
Два билета возьму,
Почему же ты замужем?
Почему? Почему?

(Зап. от Беяниной Л.Т., 1941 г.р., п. Пожва).

И как расстались мы с тобой на лесенке

И как расстались мы с тобой на лесенке,
Ты тихонько плакала, а я пел всё песенки.
Под окном черёмуха спит в сиянье месяца,
Все равно, ах, милая, нам с тобой не встретиться.
Голова скружилась, сам не понимаю я,
По ночам подушечку к сердцу прижимаю я.
Голова скружилась, боль в устах и темени,
Пролетела молодость без поры, без времени.
Ой, играй что в юности, грусть развей унылую,
А во сне всё снится мне, что целую милую.

(Зап. от Шавшуковой Л.Т., 1939 г.р., п. Майкор).

Песни на коми-пермяцком языке

Лёнок

Кыдз ме кӧдзи да кӧдзи лёнок,
Кыдз ме кӧдзи да баитышти
Кыкнам кокнам ме топнитышти,
Кыкнан кинам ме шовкнитышти.
Быдмы лён, менам чочком лёнок,
Тэ быдмы менам ӧддьӧн кузя,
Тэ быдмы менам морос сувда.
Кыдз весӧти, весӧти лёнок,
Кыдз весӧти да баитышти,
Кыкнам кокнам ме топнитышти,
Кыкнам кинам ме шовкнитышти.

Припев: Кыдз ме нетшки да нетшки лёнок,
Кыдз ме нетшки да баитышти,
Кыкнам кокнам ме топнитышти,
Кыкнам кинам ме шовкнитышти.
Пр: кыдз нярьялі, нярьялі лёнок,
Кыдз нярьялі да баитышти,
Кыкнам кокнам ме топнитышти,
Кыкнам кинам ме шовкнитышти.
Пр: Кыдз пыркөті, пыркөті лёнок,
Кыдз пыркөті да баитышти,
Кыкнам кокнам ме топнитышти,
Кыкнам кинам ме шовкнитышти.
Пр: Кыдз ме печки да печки лёнок,
Кыдз ме печки да баштышти,
Кыкнам кокнам ме топништи,
Кыкнам кинам ме шовкнитышти.
Пр: Быдмы лён, менам чочком лёнок,
Тэ быдмы менам өддён кузя,
Тэ быдмы менам морос сувда.
Кыдз ме кыйи да кыйи лёнок,
Кыдз ме кыйи да баитышти,
Кыкнам кокнам ме топнитышти,
Кыкнам кинам ме шовкнитышти.
Пр: Кыдз ме вури да вури дубас,
Кыдз ме вури да баитышти,
Кыкнам кокнам ме топнитышти,
Кыкнам кинам ме шовкнитышти.
Пр: Кыдз ме новйи да новйи дубас,
Кыдз ме новйи да баитышти,
Кыкнам кокнам ме топнитышти,
Кыкнам кинам ме шовкнитышти.
Пр: Быдми лён, менам чочком лёнок,
Тэ быдмы менам өддён кузя,
Тэ быдмы менам морос сувда.
(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Игровая песня. Авторская песня (принадлежит А. Зубову, М. Лихачеву и Ф. Тараканову), получившая широкое распространение в народе. В песне рассказывается об обработке льна.

Ӧкті , ӧкті ягӧдсӧ

Ӧкті ӧкті ягӧдсӧ озьягӧдсӧ,
Ой, жельнӧгалі кокӧс ме, жельнӧгалі,
Жельнӧгалі кокӧс ме, жельнӧгалі
Ой, доймӧ, доймӧ кок менам да не зубыт,
Доймӧ, доймӧ кок менам да не зубыт
Ой, муна лэдзча ва дорӧ, берег дорӧ,
Муна лэдзча ва дорӧ, берег дорӧ
Ой, пукся, пукся ва дорас веж виздок вылӧ,
Пукся, пукся ва дорас веж виздок вылӧ.
Ой, кыска, кыска писим ме дона чужӧм бан,
Кыска, кыска писим ме дона чужӧм бан.

(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Перевод распространённой русской народной любовной песни «Брала, брала ягоду земляничку».

Чужи-быдми

Чужи-быдми съӧд вӧр шӧрын,
Да ой, съӧд вӧр шӧрын.
Деревняись петі,
Новйи чорыт сера йӧрнӧс
Да ой, сера йӧрнӧс.
Да нинкӧм бырӧті,
Сувті-тальччи ас кок йылам,
Ой да, ас кок йылам.
Учӧтсянь уджалі,
Кӧр кватьӧдзлам вӧлись вӧлі,
Ой да, вӧлись вӧлі.
Пыр ме пестуналі,
Кага горзӧ, ачыт горзан,
Да ой, ачыт горзан.
Пыр сійӧ бурӧтан,
Пӧжӧм йӧлӧн сюрись вердан,
Да ой, сюрись вердан.
Зыбка пыр гыччӧтан,
Горзись кага дыр оз бурась,
Оз и воть онмӧссы,
Керку ыбӧс гымган бура,
Да ой, гымган бура.
Петан тэ котрасьны,
Рытнас мамӧ гортӧ локтас,

Да ой, гортö локтас,
Шуас: кытöн воныт?
Вöснит шатöн швачкас тэнö,
Да ой, швачкас тэнö,
Вудас кыкнан бокыт.

(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Песня автобиографического содержания коми-зырянского поэта В.А.Савина «Родился и вырос в темном лесу» о своем детстве.

Жельнöг цветитö

Ыб дорын жельнöг цветитö,
Ыб вылын цветитö лён.
Сэтчö вовлисö быд рытö
Басök нылньюй да зон.
Пр: Лёнлön дзик цветоккез,
Нывкалön синоккез.
Жельнöг цветлön кытшöм рöм,
Сэтшöм нывкалön чужöм.
Нывка лён этö вöдитö,
Зонка вöли бригадир.
Зонка нывкалö баитö,
Любитöмö век оз быр.
Пр: Тöv жельнöглись цветтэз
Койис чочком светöt.
Басök лёнлись дудюк
Нетшкис каждой тылöпок.
Пр: Ыб кушамис гажтöмсялис,
Зэр ötöрын оз дугдыв,
Только любитöм öгралö,
Только песня сьылö ныв.
Пр: Лёнлön дзик цветоккез,
Нывкалön синоккез.
Жельнöг цветлön кытшöм рöм,
Сэтшöм нывкалön чужöм.
Абу коть и цветтэз,
Милöй менам пет тэ.
Сьөлöмöс сывьялö шог,
Мыля ме дын дыр он лок?
Пр: Лёнлön дзик цветоккез,
Нывкалön синоккез.

Жельнӧг цветлӧн кытшӧм рӧм,
Сэтшӧм нывкалӧн чужӧм.

(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Песня на стихи коми-пермяцкого поэта М.Д. Вавилина
«У поля цветёт шиповник» о любви.

Пӧляннэз

Босьта ме бӧра пӧлянсӧ,
Да вашӧта сьӧлӧм шог.
Но мыля нӧ, но мыля нӧ
Тӧн кӧйсисин да эн лок.
Ме видзчиси, чайті локтан,
Весись тали вундӧм под.
Разь вунӧгін ни туӧксӧ,
Кыті вовлін быдса год?
Али сэсса ог гленитчы,
Али кутіс тэнӧ дыш?
Эн дышӧтчы менам мича,
Кӧть час джын кежӧ пырышт.
Может, инман тэ луншӧрӧн,
Нето ойнас адззан кад
Непременно сьӧлӧмшӧрӧй,
Лоан меддона тэ сват.
Босьта ме бӧра пӧлянсӧ,
Да вашӧта сьӧлӧм шог.
Но мыля нӧ, но мыля нӧ
Сӧ корасьнытӧ он лок.

(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

В песне молодой человек печалится о том,
что любимая забывает его.

Кыдз ме быдми да том зонка али

Кыдз ме быдми да том зонкаали,
Кӧр сибалис менам том пора,
Визыв вира том нылӧс панталі,
Ӧтамӧдӧс любитім бура.
А кӧр локтіс пора ӧтлаасьны,
Эз мешайт бы миянлӧ сӧк нем.
Мы аймамыс дын мунім корасьны,
Пым сьӧлӧмсянь высьтавны мый эм.
Но аймам эзӧ кывзӧ миянӧс,

Эзö сетö горöтчыны кыв,
Кöр пö беднöя, умöля олан,
Огö сетö пö тэ сайö ныв.
Тэ кодь зятъыс кинлö ни пö колö,
Нем пö тэныт и осътлыны öм,
Коли беднöя, умöля олан,
Да кытшöм ни пö сэк любитöм.
Зять пö колö миянлö богатöй,
Медбы вöли пö сылön быдöс,
Кадсö нем тэныт öштыны татön,
Коли гортат не вöv и не мöс.
Кöр жöникыс богатöйыс локтис,
Сьöрас вайис кык четверть вина.
Гажön юисö этö винасö,
Нылöй сы коста кисьтис синва.
Кызди бöбмöм сулалi сы одзын,
А том нылiньöй горзiс кыз сэк.
Кыз пантасьлiм да ськöt прощайтчим,
Ог вунöt этö рытсö ме век.
Кыз погоддяыс пусö кусiньтö,
Сiдз и менö кусiньтö печаль.
Öнöдз сiйö öддьön ме любита,
Öнöдз сiя öддьön меным жаль.

(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Песня о молодом человеке, которому родители его любимой не дали согласия взять её в жены.

Сьöd баран

Кытчö жö тэ ветлiн, миян сьöd баран?
Изны ме, изны ме, дона Селепан.
Кыз жö тэ изiн, миян сьöd баран?
Сюррезнам да коккезнам, дона Селепан.
Кин тэнö вартлiс, миян сьöd баран?
Мельниккез, бездельниккез, дона Селепан
Мыйön тэнö вартiсö, миян сьöd баран?
Беддезön да плеттезön, дона Селепан.
Кыз жö тэ горзiн, миян сьöd баран?
Ме, да ме, дона Селепан
Мельницаö, мельницаö, дона Селепан.
Мыйлö жö тэ ветлiн, миянь сьöd баран?

(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Каждая строчка поется по два раза. Шуточная песня о ба-
ране, который ходил на мельницу молоть зерно.

Муна ледзча югыт шёр дорё

Сэтчин рытёдз видзчися,
А кыз локтас съёлёмшёриньёй,
Голя бердам кучися.
А кыз локтас съёлёмшёриньёй,
Голя бердам кучися.
Да окавны пондас чужёмёс,
Жмитас бердас ёнжыка,
Да и шуас съёд синкымаёс,
Кыз ме тэнё любита.
Да и шуас съёд синкымаёс,
Кыз ме тэнё любита.
Да и босьтас аслас киэзё,
Веж туринлас пуксьётас.
Туй дорись лымдорчачаэз,
Меным юрвам пуктыштас.
Туй дорись лымдорчачаэз,
Меным юрвам пуктыштас.
Да и шуас: «Ягёдтусиньёй,
Кыз ме тэнё любита».
Да и шуас: «Ягёдтусиньёй,
Кыз ме тэнё любита».

(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Песня о любовном свидании.

Нывлён төждісьём

Чожа-чожа лэдзчас югыт шондіыс (да ой)
Пемыт вөр сайё.
Чожа-чожа менё сетны пондасё (да ой)
Нелюбимёй сайё.
Кыз ме понда ойлунсё чулётнытё (да ой)
Сыкёт пёриськёт.
Пым съёлёмёс кыз понда рамсьётнытё (да ой)
Потас шёри эд.
Ань йёзайё оз сетё и джоджёттяс (да ой)
Мунны-тальчыны.
А жёникё менё пондас пыр (да ой)
Видны, вартлыны.

Эг ештыв рөмсявны сідз кельдöта ме (да ой)
Сыкöt олікö.
Ассим вынöс мылаöс бырöта ме (да ой)
Нылісь полкö.

(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Песня рассказывает о чувствах девушки,
которую отдают замуж за старого.

Басöк нывка

Басöк нывка, волькыт юра,
Дженыт голя,
Кузь чикися, гöрд ленточка,
Чочком йöрнöс,
Сера чулки, дорöм чарки,
Лöз дубаса.
Горö чапки, пöйм лоис,
Гöрд запона,
Кунва кери юр миссьöти,
Юр миссьöти, чикись кыйи,
Басöк нывка, волькыт юра.

(Зап. от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва).

Песня-описание красивой девушки.

4. Частушки

Состав публикуемых частушек типичен для других территорий Коми-пермяцкого округа, хотя в ряде текстов отражена также и местная тематика. Кроме частушек на русском языке, здесь отмечено большое количество коми-пермяцких текстов. Немало среди тех и других частушек, сочиненных в фольклорных коллективах по разным поводам. Такова, например, частушка *«Расцветай, родная Юсьва, хорошей и стройся. Ну а мы тебе поможем, ты не беспокойся»*.

Особенно большое количество текстов получено от Баталовой А.А., 1934 г.р., с. Юсьва, Климовой Е.В., 1931 г.р., с. Архангельское, Беяниной Л.Т., 1941 г.р., Виноградовой И.В., 1932 г.р., Запольских А.Г., 1929 г.р., Постанововой З.Г., 1931 г.р., п. Пожва, Власовой Ю.И., 1930 г.р., д. Тараканово, Неволиной К.И., 1923 г.р., п. Майкор, Тарасовой А.И., 1927 г.р., Трубиновой З.А., 1931 г.р., Казанцевой Ф.Ф., 1931 г.р., с. Мелюхино, Петровой А.В., 1940 г.р., Гилёвой г., 1960 г.р., д. Ганёво,

Боталовой З.Г., 1930 г.р., д. Мурмэс, Бычковой Л.И., 1927 г.р., с. Крохалёво, Баяндиной А. Р., 1938 г.р., д. Рудаково, Казанцевой А.Ф., 1929 г.р., д. Баранчиново, Власовой Л.П., 1932 г.р., д. Федотово.

Публикуемые тексты условно разделены на несколько блоков — любовные, о замужестве, о милome, о измене и пр.

Любовные

Ой, какая юбка синя, да ой, какая синяя!
Всё любовь меня сгубила, стала некрасивая.

* * *

Девушки, любовь горячую держите под замком.
У меня было в коробочке, раздуло ветерком.

* * *

Завлекают да не наши, увлекают да не нас.
Как ведь наши увлекаши далеко живут от нас.

* * *

Завлѣк ты меня, а теперь не любишь.
Зачем ты меня, молоденькую, губишь?

* * *

Ну зачем было любить, коли я не стоила?
Я своё сердячко навеки разстроила.

* * *

Эх, зачем было любить, зачем было влюбляться?
Оба знали хорошо, что будем расставаться.

* * *

Сами мы, сами мы, сами мы виновные,
Сами начали, не кончили дела любовные.

* * *

Как в мартыновском саду кукушка куковала.
У милёночка мать меня обраковала.

* * *

Мой милёнок, мой милёнок, ты неверная душа.
По какой, скажи, причине, стала я нехороша.

* * *

Ох, и дурочка я, зачем приехала сюда?
Дома милого оставила и здесь не завела.

* * *

Я иду по перепутье, перепутана трава,
Перепутанная совесть, ягодина, у тебя.

* * *

На запасе у меня пять, начинаю вычислять:
Неужели из пяти такого гада не найти?

* * *

Дура я, дура я, дура я, дурачка,
Ухажёров у меня непочата пачка.

* * *

Дура-дура, согласилась, я за ласковы слова,
За любовь я погибаю, как зелёная трава.

* * *

Ох, и дура была, да дурака валяла,
Старого милёночка на нового сменяла.

* * *

С неба звёздочка упала на зелёну юбочку.
Ох, зачем я полюбила занятого Юрочку?

* * *

Завлекательные глазки, больше так не делайте.
Завлекнули, дак любите, за другой не бегайте.

* * *

Возле речки, у реки сажали помидорики.
Ненадёжные у нас нынче ухажёрики.

* * *

Я не думала знакомиться, не думала любить.
Ты ведь сам любовь предложил, тебе совестно забыть.

* * *

Если б не было луны, не было б сияния.
Если б не было любви, не было б страдания.

* * *

Дура я, дура я, дура я, ворона,
Дура я, оставила ухажёра дома.

* * *

Я любила его, уважала его,
Он еще не стоит, гадина, страданья моего.

* * *

Серый камень, серый камень, серый камень пять пудов.
Серый камень столь не тянет, сколь проклятая любовь.

* * *

Ну и горы, ну и горы, горы с перекатами.
Не любовь, а только слава с нашими ребятами.

* * *

Ты трепач, а я не знала, извиняюсь, дорогой,
По ошибочке гуляла пятидневочку с тобой.

Ты трепач, ты трепач, до того трепался:
По три барышни имел, без одной остался.

* * *

Я не встану к барабану снопики развязывать.
Не твое, подруга, дело про меня рассказывать.

* * *

Ой, гора, ой, гора, ой, гора гориста.
В мартыновской деревне нету гармониста.

* * *

Голубую ленту бантом не хочу завязывать.
Не твое, подружка, дело про меня рассказывать.

* * *

Я пою, я пою, а потом заплачу.
Три я года выбирала, выбрала задачу.

* * *

Что ты, милый, не пришёл, я тебе велела.
До двенадцати часов лампочка горела.

* * *

Голос был как соловья, сама была картиночка,
Стала бледная, худая, сушит ягодиночка.

* * *

Чёрна юбка, бела кофта — очень замечательно.
Милый, любишь или нет, скажи на окончательно.

* * *

Чёрна юбка, бела кофта — нынешняя мода.
Закljučается любовь на четыре года.

* * *

Сине море глубоко, я его не мерила.
Пока любовь не испытала, девушкам не верила.

* * *

Посмотри, милый, на небо, а потом и на меня,
Как на небе тучи вьются, так на сердце у меня.

* * *

Эх, любовь, ох, любовь, чистая зараза.
Я вчера из-за любви плакала два раза.

* * *

Ой, подружка дорогая, ой, подружка, ой-ё-ёй,
Это всё из-за любви похудели мы с тобой.

* * *

Мой милёночек хорош, девятый раз на фронте,
Я его завлёточка, вы меня не троньте.

Я иду, а мне навстречу украинец молодой:
«Полюби меня, уралочка, навеки буду твой».

* * *

Ягодиночка шёл, я его задела.
Наша старая любовь снова загорела.

* * *

Говорили про милого, ну, а мне-то все равно:
У меня и у милёночка задумано одно.

* * *

Я люблю такое время, когда ландыши цветут.
Я люблю такое имя, когда Ванею зовут.

* * *

У зелёного кусточка меня милый целовал.
С той поры болит сердечко, что так мило обнимал.

* * *

Получила я письмо, а не знаю, от кого,
А, наверно, от того, который любит здорово.

* * *

Правда песенка поётся, прозаказывается,
Про кого она поётся, пусть догадывается.

* * *

Ох, и сердце моё, сердце моё камень.
Кружит голову мою да незнакомый парень.

* * *

Глазки кари, глазки кари, карие глазёночки.
Без любви не могут жить ни парни, ни девчоночки.

* * *

Чернобровых нынче мало, чернобрового люблю.
У подружки чернобровый, постараюсь отберу.

* * *

До того дозавлекала молодого паренька,
Не мешала тёмна ноченька и быстрая река.

* * *

Все частушки перепела, остаются только две.
Это милому наветочки, спую наедине.

* * *

Пускай говорят, я не буду верить.
Буду милого любить, покуда не изменит.

* * *

Меня милый провожал, крепко за руку держал.
Сколько звёздочек на небе, столько раз поцеловал.

Эх, любовь, эх, любовь, надо знать какая:
Есть пятиминутная, бывает вековая.

* * *

Ягодина, ягодина, обрати внимание:
Какова наша любовь — редкое свидание.

* * *

Я тогда тебя забуду, мой милёнок дорогой,
Когда вырастет на камушке цветочек голубой.

* * *

Милый мой, я твоя, куда ходишь, девай меня,
Хошь на картах проиграй, хошь товарищу отдай.

* * *

Ох, и топну я, да притопну я.
Ко мне милый не подходит, и не охну я.

* * *

На окошке сад растёт, по окошку тянется,
Милый в Троицу женился, в Духов день покаялся.

* * *

Хорошо было и весело, как Троица пришла,
Старый мил не стал ухаживать, я нового нашла.

* * *

Я иду ж, люди судят, что люблю женатого.
Если он жену не любит, я не виноватая.

* * *

Золотая табуреточка, не сяду на тебя.
Ты не вешай, милый, голову, не брошу я тебя.

* * *

Меня мама заругала, а я вышла на бугор,
Ещё громче засмеялась, чтоб услышал ухажёр.

* * *

Вон идут, вон идут все на растопашку.
Одного я видела в вышитой рубашке.

* * *

Две подружки дружно жили, жили любовались,
Одного парня любили, а потом расстались.

* * *

За Юрку ругают, но Юрка не мой.
Девки, я не виновата, он ухаживат за мной.

* * *

Задауля, задауля, задауля номер пять.
Как бы этой задауле не попалася опять?

Я, молоденька девчоночка, семнадцати годов,
Испытала обе стороны: измену и любовь.

* * *

Запевалой, запевадой, запевалочкой была.
А теперь запевалочкой подруженька моя.

* * *

Мамонька, отдай-отдай, отдай не отговаривай,
Дом большой, жених баской, пойду, не разговаривай.

* * *

Мамонька, не бей меня осиновым поленом,
Я гуляю, веселюсь с хорошим кавалером.

* * *

Меня миленький бил, дура я ревела,
Он бил и говорил: «Зачем ты двоих любела».

* * *

Я любила одного, любила и другого,
А теперя у меня нету никакого.

* * *

Милый пей, да не лей — водка золотая,
Пожалей, милой — не бей, пока я молодая.

* * *

Девушка — зима, не лето, не посеешь в поле рожь,
Девушки, не наша воля, не полюбишь, кого хошь.

* * *

У тебя — часы, калоши, у меня — ботинок нет.
У тебя — визитка, брюки, у меня — пальтишка нет.
У меня пальтишка нет, хочешь — любишь, хочешь — нет.

* * *

Что, подружка, нам сердиться, что нам милого делить,
Он и сам без нас всё знает, нас которую любить.

* * *

Я одна, я одна, да мне одной и надо.
По душе не нахожу, не по душе — не надо.

* * *

Песня вся, песня вся, песню не добавить.
Если милый не полюбит, силой не заставишь.

* * *

Я иду, я иду, иду по переходу.
Как я буду забывать, любила больше годика?

Бело платье полоскала, вешала на огород.
Подумала, любовь навеки, а она наоборот.

* * *

Я не буду больше плакать и не буду слёзы лить.
Сине море не наполнить и любовь не воротить.

* * *

Ох, и я, ох, и я, ох, и я скучаю.
Приведите того, которого начаю.

* * *

Подруженька, не люблю твоёго.
Я давно на стороне завела другого.

* * *

Говорят, из речки пьёшь, милого забудешь.
Не одинава пила, но где его забудешь?

* * *

В поле роза не берёза — поливать не надо.
Милый, тайные слова рассказывать не надо.

* * *

Девушки, синеет небо, скоро, скоро будет дождь.
Отберут такую ягоду, не скоро наживёшь.

* * *

Завлѣк ты меня серыми глазами,
А тепере плачу я горькими слезами.

* * *

Перестань, перестань, ёлочка, качаться.
Перестань, перестань, милёнок, задаваться.

* * *

Я одна, я одна, мне одной и надо,
По душе не нахожу, не по душе не надо.

* * *

Спать ложила, молилася, не думала о нём.
Утром встала, посмотрела, мы на коечке вдвоём.

* * *

Ягодиночка на льдиночке покачивается.
Ягодина от любви отворачивается.

* * *

Некрасивая сосна, красивый подсосёночек.
Некрасивая сама, красивый мой милёночек.

* * *

Кудри вились, кудри вились, кудри на бок навились.
Все четыре ухажёра в один вечер собрались.

Кудри, вейтесь и развейтесь,
Кавалеры, на меня не надейтесь.

* * *

Пускай говорят, пускай наговорятся,
Мои карие глаза славы не боятся.

* * *

Не хотела я плясать, стояла и стеснялася,
Как гармошка заиграла, я не удержалася.

* * *

Брошу розу под окошко, пусть она там вертится.
Я такого полюбила, восемь девок сердятся.

* * *

Не красивая я и не надо краски.
Лишь бы были у меня весёленькие глазки.

* * *

Дорогой, дорогой, я не дорогая,
У тебя имеется другая дорогая.

* * *

Дорогие мои думы, полежите где-нибудь.
Поимеет милый совесть, подойдет когда-нибудь.

* * *

Я вчера на вечериночке весёлая была.
Милый в розовой рубашечке сидел возле меня.

* * *

Ох, ты, миленький мой, кари твои очи,
Когда гуляли мы с тобой, короче были ночи.

* * *

Забываю, забываю, забываю я его,
Стали ночи покороче, думаю не про него.

* * *

Мы, подруженька, с тобой обе изменённые,
Кавалеров не имеем, девушки смирённые.

* * *

Запевай, подруга, песни, запевай, удаляя.
Ты люби большого брата, я согласна малого.

* * *

Ягодина, гину, гину, ягодина, гину я.
Ягодина, поздно схватишься, занята буду я.

* * *

Ягодиночка моя за тёмными лесами,
Где же я увижу вас? Подумайте вы сами.

Раньше было олово, меня манило здорово.
А тепере не магнит, милого нет, и не манит.

* * *

Где-то, где-то заиграли, где-то забаянили.
Где мы с миленьким стояли, наше место заняли.

* * *

Тор дорога, тор дорога, тор дорога торная.
Мил покоры ожидает, а я непокорная.

* * *

Сёдни ноченька темна, не пойду домой одна.
Дайте провожатого, парнишку незанятого.

* * *

Я нечаянно вступила на тебя, иголочка.
Разрешите песни петь, хотя и нет милёночка.

* * *

Дорогая ворожеечка, сгадай одинова.
Сама знаешь, ворожеечка, живу без милого.

* * *

Дорогой, куда торопишься домой, домой, домой?
Неужели надоело разговаривать со мной.

* * *

Все цветочки голубые, некоторые алые.
Я бы тоже завлекала, мои годы малые.

* * *

Голубая ленточка по Уралу тянется,
Я кричала: «Ваня, Ваня», — Ваня не оглянется.

* * *

Запевай, подруга, песни, запевай, какую хошь,
Про любовь только не надо, моё сердце не тревожь.

* * *

Мне невесело здесь, веселее дома:
Дома два милёночка, ухаживают оба.

* * *

Я хотела отравиться, валерьяну купила.
Валерьяновые капли успокоили меня.

* * *

Оба два, оба два, оба два колена.
Не пойду домой одна, давайте кавалера!

* * *

Веселее бы пропела, да лесок очень высок,
Не доносит до милого мой весёлый голосок.

Подружка, пой наперебой, не бойся славы никакой.
Дура я боялася, без милого осталася.

* * *

Запевай, подружка, песни, запевай давай, давай,
Только этого не делай: милого не отбирай.

* * *

Я сегодня невесела: не на рученьке спала,
Не обнята, не прижата, не целована была.

* * *

Не занятая девчонка, как роза алая.
А занятая девчонка — сирень увялая.

* * *

Ой, какая тина глина, ой, какая тёмна ночь!
Одна мать искала сына, а друга искала дочь.

* * *

Отбирай, подруга, друга, всё равно не завладеть.
На твои колени сядет, на меня будет смотреть.

* * *

Я иду-иду гориночкой, иду и под горой.
Я сама-то сиротиночка, гуляю с сиротой.

* * *

Огонёчки дуты-дуты, огонёчки дутые.
Которы парни занятые, сапожки загнутые.

* * *

Голубой, голубой, еще бы голубея.
Как бы милого сюда, было веселея.

* * *

Девчоночки, не тоните в воду,
Забросьте любовь, забросьте эту моду.

* * *

Говорила голосу: «Раздайся, голос, по лесу,
Чтобы милого красивого ударило в тоску».

* * *

Не смеяться сволочам, которы ходят по ночам.
Хотя бы те смеялися, которых мы боялися.

* * *

Ну и голос, ну и голос, ну и голос у меня,
Из-за голоса любили два товарища меня.

* * *

Я плясала, топала, милёнка заработала.
Да еще потопаю, второго заработаю.

Гулящая — не гулящая,
Нету милого у меня настоящего.

* * *

Пой, подруженька моя, пой и веселися.
У тебя и у меня кавалеры здися.

* * *

Запевай, подружка, песни, если ты весёлая.
А меня одолевает думушка тяжёлая.

* * *

Отбирала, отбирала, хоть бы путная была.
Три копейки стоила, любовь нашу расстроила.

* * *

Не весёло, не весёло, мать, за речкою ходить.
Не весёло, не весёло, мать, заречного любить.

* * *

Эх, любовь-то ведь не шуточка, не беленький платок.
Платочек белый вымоешь, любовь ни с чем не выведешь.

* * *

Ягодиночка моя, узнай по голосу меня,
Узнай по голосу, по волосу, по белому лицу.

* * *

У меня нету, и не надо сарафана синего,
У меня нету, и не надо никакого милого.

* * *

Сестра у сестры юбочку носила,
Сестра у сестры милёночка отбила.

* * *

Дорогой драгоценный, что дорого ценишься?
Твои годики отходят, ты, наверно, женишься.

* * *

Пой, подруга, веселее, что же нам печалиться?
Есть по пять годов гуляют, тоже разлучаются.

* * *

Я не буду больше плакать, мамонька родимая,
Буду петь и веселиться, позабуду милого.

* * *

У мня голоса нет, то и не поётся.
У мня милого нет, то и не живётся.

* * *

Ты играй, я буду петь, душа не так будет болеть.
Не боли, моя душа, любовь не очень хороша.

Эх, сердце моё, сердце моё — камень.
Кружит голову мою незнакомый парень.

* * *

Эх, сердце моё, сердце моё — камень.
Завлекает и смеётся, разве это парень?

* * *

Печка топится голланочка, сверкает огонёк.
Со мной хочет познакомиться красивый паренёк.

* * *

Полевой, полевой, полевой утёнок.
Хотя бы ты не досажал, дорогой милёнок.

* * *

Дорогой, дорогой, я тебя дороже.
На четыре годика я тебя моложе.

* * *

Дождик, лей, дождик, лей на меня и на людей.
На моего милого не капни ни одинова.

* * *

Веселее, веселее, веселее как-нибудь.
Да еще повеселее, чтобы горюшко забыть.

* * *

Любовь не морковь, на рыночке не купишь.
Среди дороженьки баского не сплюбишь.

* * *

Дайте мне, подайте мне хоть какого милого.
Только старого не надо, я ему постылая.

* * *

Я играю, ручки маю, что ты милка не поёшь?
Разве ты меня не любишь, голосок не подаёшь?

* * *

Вот она, которая копала в поле ямочки.
Вот она, которая попала во свояночки.

* * *

А своянка моя да в беленьком платочке,
Перед милым вертится, как змея на кочке.

* * *

Незанятая девчоночка, всегда песни пою.
Люди добрые подумают, без горюшка живу.

* * *

Все парами, все парами, все парами, парами.
Цыганы конями меняют, а ребята шмарами.

Шмара, топай, шмара, топай на высоких каблуках.
Скоро маленькой ребёночек заплачет на руках.

* * *

Тра-та-тра-татай, ниже попы не хватай,
Ниже попыхватишь — сто рублей уплатишь.

О замужестве, женитьбе

Не идите девки замуж, замужем невесело.
Муж на улицу не пустит, скажет: «Делать нечего».

* * *

Не идите, девки, замуж, не плетите две косы.
Не меняйте алы ленточки на белые цветы.

* * *

Не идите, девки, замуж, замужем невесело.
Муж на улицу не пустит, скажет: «Дома весело».

* * *

Не ходите, девки, замуж, замужем — другая жизнь.
Муж на улицу не пустит, скажет: «Рядышком ложись».

* * *

Не идите, девки, замуж, не плетите две косы,
Не меняйте алые ленточки на белые платки.

* * *

Не идите, девки, замуж, замужем не шуточка,
Подойдёт такое время, не полезет юбочка.

* * *

Я на бочке сижу, бочка котится,
Никто замуж не берет, замуж хочется.

* * *

Не ходите, девки, замуж, к мужу трудно привыкать,
С половицы на другую не даёт переступить.

* * *

Дура, я торопилась на чужую сторону,
Дура, рано вышла замуж, потеряла голову.

* * *

Ой, не топайте, ботиночки, вам только поплясать,
Выйду замуж, буду плакать, вам на полочке стоять.

* * *

Мил, ухаживай, ухаживай, ухаживай за мной.
Я тогда буду ухаживать, когда буду женой.

Мил женился, изменился, а я тем довольная.
Он женатый сидит дома, я гуляю вольная.

* * *

Попляшите вы, ботинки, вам последний год плясать.
Замуж выйду, буду плакать, вам под лавочкой лежать.

* * *

Люди женятся, венчаются, женаты хотят быть.
Мы, отчайные головушки, опять будем тужить.

* * *

Сидит кошка на окошке с белыми котятами.
Подожди, милый, жениться, погуляй с девочками.

О разлуке, о расставании

Милый бросил на неделю, а я думала на век,
Всю неделю проревела, бестолковый человек.

* * *

Милый, вспомни не то-то, как гуляли летом-то,
Ни разу не ругались, из-за чего расстались?

* * *

Милый, ты играешь, таешь, или я пою-таю,
Или ты любовь кончаешь, или я перестаю.

* * *

Были-были ухажёры, были да уехали,
Звали-звали нас с собой, дуры, не поехали.

* * *

Неужели серый конь от столбика отвяжется?
Неужели милый мой от меня откажется?

* * *

По тебе, широка улица, последний раз иду.
У тебя, моя хорошая, последний раз сiju.

* * *

С неба звездочка упала на ракиновый кусток.
Мы с тобою разostались, как от дерева листок.

* * *

Милый мой, галоши спали, под горой остались.
По какой же мы причине, дорогой, расстались?

* * *

Посмотрю я на часы: пятая минуточка.
Уплыла наша любовь как по морю уточка.

Сѣдни тихая погода, тихо дует ветерок.
Проводи меня, милёнок, хоть последний вечерок.

* * *

До свиданья, до свиданья, ну и до свиданьица.
Не бывало у меня такого расставаньица.

* * *

Мы с милёночком расстались и пошли по сторонам.
Он заиграл, а я заплакала: легко ли было нам?

* * *

Ой, как тяжело, ой, как тяжеленько,
Остаётся гулять времечко маленько.

* * *

Пошёл, дак иди, мало важного.
Я не буду провожать парня каждого.

* * *

Пошёл дак иди, вот тебе дорога.
На мои на кари глазки ухажёров много.

* * *

Мой миленький уехал в путь-дорожку дальнюю.
Меня, девушку, оставил на всю жизнь печальную.

* * *

Ты не стой у ворот, не посвистывай.
Потерял любовь, не разыскивай.

* * *

Перед чём така весёла, перед чём я веселюсь?
Перед новым ухажёриком, со старым расстаюсь.

* * *

Дорогие расставались, дорогие плакали.
Дорогому на колени мои слёзы капали.

* * *

Всё четыре да четыре, а когда же будет пять?
Всё измена да разлука, а когда будем гулять?

* * *

До свиданья, до свиданья! Вот вам правая рука.
Я ведь с вами не гуляла, а валяла дурака.

* * *

Девки, пойте, девки, пойте, а я уже запела.
Моя горячая любовь далёко улетела.

* * *

Была улица весёла, был и милый дорогой,
А теперь хожу я мимо и качаю головой.

Неужели это будет, неужели сбудется?
Ой, как я его любила, а любовь забудется.

* * *

Милый, брось, милый, брось, я давно желаю.
Мил, пожалуйста, брось, другого завлеку.

* * *

Вот она, вот она, вот она отбила.
Хорошо и сделала, меня освободила.

* * *

Печку письмами топила, не накладывала дров.
Догорайте, мои письма, разрушается любовь.

* * *

Невесёлая неделюшка, не видела дружка.
Знать, поломлена гармошечка, не слышно голоса.

* * *

Меня милый бросил, перебрал он восемь,
Переберёт ещё он пять, подойдёт ко мне опять.

* * *

Мил, забудь, мил, забудь из нас которую-нибудь.
Забудь первую меня, пускай в измене буду я.

* * *

Милая, любимая, свеча непогасимая,
Горела да растаяла, любила да оставила.

* * *

Мил уехал далеко, я уеду дальше.
Ворочу эту любовь, с кем гуляла раньше.

* * *

Сердечко, не ной, ничего не будет.
Стал милёнок забывать, всё равно забудет.

* * *

У меня сердце болит, и под сердцем болит,
Вижу милого на карточке, со мной не говорит.

* * *

Ты моя, ты моя, ты моя и будешь,
Ты, наверно, меня скоро позабудешь.

* * *

Ох, расстанушки мои, какие вы тяжёлые!
После вас, расстанушки, денёчки невесёлые.

* * *

Ой, ой, ой, какая скука! Ой, ой, ой, кака печаль!
Ой, ой, ой, милёнок бросил! Ой, ой, ой, какая жаль!

Дорогой, дорог-то много, а тропиночка одна.
Бог с тобой, гуляй с другою, сиротой не буду я!

* * *

Уговаривал на совесть, оказалось, на смех,
У него такая совесть, уговаривает всех.

* * *

Ягодина звал на кино, говорит: «Билет куплю».
«Билета вашего не надо, и на кино не пойду».

* * *

Голубой небаской, белый непромытый.
За характер, дорогой, будешь позабытый.

* * *

Я не песенки пою, горе утешаю.
Я не милого люблю, время провожаю.

* * *

Дорогой, дорогой, дорожила я тобой.
А теперь, дорогой, дорожу, да не тобой.

* * *

Паровоз свисток даёт, все вагоны тронулись.
Трудно было расставаться, только познакомились.

* * *

Коля, Коля, Колистый, какой ты разговористый,
Кабы, Коля, не война, сполюбила бы тебя.

* * *

Мы с милёночком сидели, с крыши капало на нас,
Мы сидели точно знали, что сидим последний раз.

О бойкой

Я, отчаянна башка, сшила юбку из мешка,
По бокам карманчики, чтобы любили мальчики.

* * *

Я любила бедных, любила и богатых,
Сознаюсь, девчоночка, любила и занятых.

* * *

Ой, такая была вежливая, на глубинку принаезживала,
Я така была охотница плясать,
Словно ласточка по воздуху летать.

* * *

Незанятая девчоночка, сама и за себя.
Не желаю жить с милёночком, желаю жить одна.

Я отчаянная родилась и отчаянная расту,
Я, отчаянная головушка, нигде не пропаду.

* * *

Я зелёным венником париться не буду,
Я на это барахло кланяться не буду.

* * *

Боевая, боевая, боевая не позор,
Боевую пуще любят за весёлый разговор.

* * *

На меня уж насказали, славу лей и перелей.
А я выйду за ворота, запою, как соловей.

* * *

Нас четыре, нас четыре, нас четыре боевых,
Запоём четыре девушки не хуже семерых.

* * *

Я плясать-то не умею, только так побегаяю.
Мартыновским гармонистам уваженье сделаю.

* * *

Мы, мартыновски девчата, по-мартыновски поём.
Мы, мартыновски девчонки, нигде не пропадём.

* * *

Мы нигде не пропадали и нигде не пропадем.
Сине море переплыли и болото перейдём.

* * *

Ой, Галя, моя Галя, Галя чернобровая,
Всех ребят с ума свела девушка бедовая.

* * *

Как гармошка заиграла, значит, время выходить
И самой повеселиться, и народ повеселить.

* * *

Выйду-выйду я плясать в новеньких ботинках.
Все ребята говорят, что я как картинка.

* * *

Подружка, крой, как я крыла,
Семерых боевых я одна любила.

* * *

Я любила по пяти, любила по пятнадцати,
Успевала целовать раз по девятнадцати.

* * *

Говорят, я боевая, ну, и правда, я бойка.
Не бойка, так не любила бы такого паренька.

Боевая, боевая, боева с улыбочкой,
Хоть какая боевая, не сижу за зыбочкой.

* * *

Я отчайна, отчайна, ещё отчаюся.
Отберу от девки парня, хорошо ручаюся.

* * *

Я иду на удалую, я иду на перебой.
Всё равно добыюсь до цели, все равно он будет мой.

* * *

Я гуляю, я гуляю, как казачка вольная.
Веселит меня гармошка четырёхугольная.

* * *

Я надену кофту рябу, рябую-прерябую.
Кто полюбит дорогого, харю раскорябаю.

* * *

Ох, на ярмарке народ, меня пляска берёт.
На людей я погляжу и себя я покажу.

* * *

Мама-мама, вырой яму, зарой голову мою,
За гульбу, за волюшку зарой мою головушку.

О милом, об ухажёрах

Милый мой пошёл топиться, приходи ко мне проститься.
Я до речки провожу, глубже место укажу.

* * *

Ягодиночка моя да по лесу гуляет,
Кто навстречу попадёт, всех их провожает.

* * *

Правда песенка поётся, прозаказывается,
Про кого она поётся, пусть доказывается.

* * *

Голубые глазки злые, карие — лукавые,
У милого серые — завсегда весёлые.

* * *

Ох, и сердце моё, сердце моё камень.
Кружит голову мою да незнакомый пареньь.

* * *

На горе стояло двое, там, наверно, твой да мой.
Твой вот в розовой рубашке, мой, наверно, в голубой.

Голубые-голубые, голубые небеса,
Вот такие голубые у милёночка глаза.

* * *

Мой милёночек Боталов, я сама Боталова,
Не забудь меня, Боталов, величай Боталовой.

* * *

Я уеду далеко, Боталовский останется,
Интересно мне узнать, кому милый достанется.

* * *

Я под топодем стояла, тополь вымочил меня,
Я богатого любила, бедный выручил меня.

* * *

На окошке три цветочка: фикус, роза да герань,
Меня трое завлекали: Ваня, Вантик да Иван.

* * *

Дайте Юсьву, дайте Юсьву, дайте Юсьвинский район,
Дайте юсьвинского милого сегодня вечером.

* * *

Голова моя вспотела, спал платочек биленький.
Ох, как я натосковалась без тебя, мой миленький.

* * *

Милый, любишь — сказывай, не любишь, дак отказывай.
Я не буду горевать, буду другого завлекать.

* * *

Завлекала и подумала, что выйду за него.
Не хватило капитала ухажёра моего.

* * *

Незабудочка цветочек, незабудочка трава.
Не забудь меня, милёнок, не забуду я тебя.

* * *

Я иду, я иду, я иду по мосту.
Я своего дорогого узнаю по росту.

* * *

Я зелёные вагончики всегда буду встречать:
Привезут моего милого, опять будем гулять.

* * *

Это кто ино идёт, широко шагает?
Это мой кавалер подругу провожает.

* * *

Милый гөрт (=рыжий), милый гөрд, я не знаю, что сказать,
Купи, миленький, гребёночку, волосики расчесать.

Я плясала на полу, плясала на рогожке.
Ты, мой милый, поиграй, поиграй немножко.

* * *

Разрешаю тебе, миленький, вино и брагу пить.
Только то не разрешаю, двух девчоночек любить.

* * *

Я не буду любить образованного.
Я из армии дождуся образованного.

* * *

Я залезу на берёзу, ой, какая высота!
Гляну, гляну на милого, ой, какая красота!

* * *

Я скроила, шить не буду голубую кофточку.
Никогда я не забуду милого походочку.

* * *

Спать хочу, зевается, никто не догадается,
Догадался милый мой, увёл с вечерочки домой.

* * *

Милый, брось таку привычку: в путь-дорогу провожать.
Твои следы не заносит, стали дома замечать.

* * *

Милый, любишь, сказывай, не любишь, дак отказывай.
Я могу в сторонку встать, могу на веки отостать.

* * *

Золото моё колечко по дороге катится.
Мой миленький смеётся, а потом спохватится.

* * *

Ухажёр, ухажёр, ухажёр, мой Колька.
Он ухаживал за мной, я за ним нисколько.

* * *

Понапрасну, милый, ходишь, понапрасну ножки бьёшь,
Ничего ты не получишь, дураком домой пойдёшь.

* * *

Печь заслонкою закрыла, всё пирог румянился,
Мне молоденькой девчонке Водопьянов кланялся.

* * *

За речкою, да за Дунайкою
меня милый провожал с балалайкою.

За речкою, да за берёзкою
меня милый провожал с папироскою.

* * *

Знаю, знаю, где мой милый, знаю, что он делает.
Он в зелёной гимнастёрчке за нами бегаёт.

* * *

Мил, не вешай, мил, не вешай, мил, не вешай голову:
Все равно придется ехать на чужую сторону.

* * *

Думашь, милый, не ухаживали мальчики за мной?
Не такие они гордые, как ты, мой дорогой.

* * *

Высоко орёл летает, перелёты делает.
Меня милый завлекает, незаметно делает.

* * *

Сяду в лодочку-моторочку, мотор, мотор, мотор,
Перееду на стороночку, где милый ухажёр.

* * *

Охну я, охну я, как берёзка, сохну я.
Сохну я молоденька из-за тебя, Володенька.

* * *

Сердце ноет кирпичом, старый милый не при чём,
Новенький находится, любить его приходится.

* * *

Милый мой, милый мой, милый ягодина,
На лице-то ничего, в голове мякина.

* * *

Милый, любишь — сознавайся, дорогой, любовь открой.
А не любишь — не касайся и меня не беспокой.

* * *

Ты не смейся, горох, не смейся над бобами.
Скоро, скоро будешь сам валяться под ногами.

* * *

У моего, у моего, у моего милого
Под фуражкой кудри вьются, как у Ворошилова.

* * *

Платочек, белые каёмочки, плыви не утони.
Милёнок, серые глазёночки, люби не обмани.

* * *

Эх, ты, миленький мой, сахарный кусочек,
Если любишь ты меня, поцелуй разочек.

* * *

Кавалеры, мы до вас по такому делу:
Мы любить желаем вас, говорить не смеем.

Ухажёрик мой не тужит, а я что буду тужить?
Неужели не сумею ухажёрика нажать?

* * *

На примете у меня пять, начинаю вычислять:
Петя, Коля, Шура, Юра, пятого забыла звать.

* * *

Петя, Коля, Шура, Юра — эти легки имена.
Петю, Колю, Шуру, Юру — этих всех любила я.

* * *

Коля, Коля, Коля, Коля, Коля, Коля восемь раз,
Не пошла бы на вечерку только, Коля, из-за вас.

* * *

Тонут, тонут пароходы, тонет мой милёночек.
Вы тоните, пароходы, выплывай, милёночек.

* * *

Миленький, не ты, не ты, я не похудалась бы.
Жили бы в одной деревне, каждый день видались бы.

* * *

Дорогому моему дайте наказание
За неважную любовь, за моё страдание.

* * *

Это тоже не растопочка, осиновы дрова.
Это тоже не милёночек, домой хожу одна.

* * *

Ты не каркай, чёрный ворон, на вершине тоненькой.
Ты не смейся, мой милёнок, сам ещё молоденькой.

* * *

Кавалеры женятся, да барышни выходят.
У моёго милого да годы не доходят.

* * *

Эх, вы, годики, вы, годики, вы, годики, года.
Как на нынешних соколиков надеяться нельзя.

* * *

Раньше я была девчоночка, ой, орёл, орёл, орёл.
А теперя не орёл, да паразит меня довёл.

* * *

Раньше было: выйду-выйду, милый дожидается.
А теперя что такое, даже не касается.

* * *

Милый мой, по вашей улице ходить боялася.
Милый мой, твоя мамаша надо мной смеялася.

Об измене

Дорогая ты подружка, дорогая ты моя,
Не вынести изменушку, не каменная я.

* * *

Милый курит папиросы, дым пускает на меня.
А я сразу догадалась, изменяет он меня.

* * *

Дорогой, дорогой, измена пала нам с тобой.
Измена пала из-за девушки, скажи, из-за какой.

* * *

Не носите, девки, жёлто, жёлтая изменушка.
Только я буду носить, изменёна девушка.

* * *

Не советую, подруга, гармониста полюбить:
При измене он играет, тяжело переносить.

* * *

Утка сера, утка сера, до пера вся серая.
Подруга милого отбила, я бы так не сделала.

* * *

Я иду, меня запутала трава малинова.
Не трава меня запутала, измена милого.

* * *

Меня милый изменил на четыре буквы:
Т да О да Л да Я, изменёна стала я.

* * *

Я по берегу иду, письмо читаю и реву:
Ничего больше не пишет, только пишет: «Изменяю».

* * *

Проводил да не до дому, говорит, что ногу трёт.
Я и то не догадалась, что его другая ждёт.

* * *

Изменёна, изменёна, изменёна, брошена.
За измену тебе, миленький, всего хорошего.

* * *

Изменил дак еще спрашивашь: «Гуляешь каково?»
Я с улыбочкой ответила: «Не хуже твоего».

* * *

Сине море, сине море, сине море с пеною.
Три недели унывала всё перед изменою.

* * *

Изменушка в гору пошагала,
Измена меня нисколь не испугала.

* * *

Изменяй, изменяй, изменяй, холера,
Неужели не найду себе я кавалера?

* * *

Изменяешь, изменяй, печатку мыла покупай,
Свою чёрную цыганочку белее промойвай.

* * *

Я не знала, что у яблони цветочки белые.
Я не знала, что у милого слова неверные.

* * *

Меня милый изменил, изменить и надо.
Все равно когда-нибудь расставаться надо.

* * *

Изменщик мой, где ты пропадаешь?
Без тебя веселья нет, разве ты не знаешь?

* * *

Милая, любимая, недалеко линия.
Пойду лягу под машину, изменила милая.

* * *

Эту чёрную шаль издалёка видно.
Вон изменщик идёт, как ему не стыдно?

* * *

Веселее, веселее, веселее, девушки.
Всё равно измена будет через две неделюшки.

* * *

Окончательно узнала, что милёнок изменил.
По его игре запела, он игру переменял.

* * *

Я иду, за мной летят четыре голубёночка.
Они летят, говорят измену от милёночка.

* * *

Замечаете ли вы такую перемену?
Раньше пела про любовь, теперя про измену.

* * *

Что ты, милый, лицемеришь, на меня поглядывашь?
Сам давно другую любишь, только мне не сказывашь.

* * *

Я не буду боле-то думать-то об Коле-то.
У него другая есть, ему не надо боле-то.

Не вино меня шатает, не вино я выпила,
Это милого изменушка пошатывают меня.

* * *

Мил, подале, мил, подале, мил, подале от меня,
Чтобы глазоньки не видели изменщика тебя.

* * *

Изменил ты меня, а теперь подходишь.
Ласковое меня, наверно, не находишь.

* * *

Дорогого не вините, дорогой не виноват.
Как бы я не изменяла, дорогой не делал так.

* * *

Ветерочек дует, дует, ёлочки качай, качай.
От меня сегодня, миленький, измену получай.

* * *

Я под топодем потопаю, под липой попляшу.
Я у старого милёночка измены попрошу.

* * *

Мне цыганочка гадала на краюшку хлебушка.
Она гадала и сказала: «Изменёна девушка».

О войне, армии

Девушки, война, война, война меня обидела.
Война заставила любить, кого я ненавидела.

* * *

Кабы не война, война, кабы не войнушка,
Я в сорок втором году была бы молодушка.

* * *

Налетели вражьи птицы на советские границы,
Но от наших от ворот им покажут поворот.

* * *

Все идём одним колхозом нашей армии народ,
Наша армия с народом, с нашей армией народ.

* * *

Как война началась, взяли три набора,
Взяли брата и отца, взяли ухажёра.

* * *

Из колодца вода льётся, вода — чистый леденец.
Красна Армия дерётся, значит, Гитлеру конец.

* * *

Проводила я милого до сосны до ели,
Провожала в пиджаке, встречать буду в шинели.

* * *

Черна туча, черна туча, Гитлер с Запада идёт.
Наша Армия могуча, эту тучу разобьёт.

* * *

Ягодина раненый лежит в больнице каменной,
Перевязанной рукой, сулится ягода домой.

* * *

Получила я письмо, письмецо военное,
Прочитала, закипело моё сердце бедное.

* * *

Кымөр кайис, кымөр кайис, съод кымöрыс вермис
Көр Германия воуйтис, СССРыс вермис.

* * *

Все военные и пленные вернулись домой,
А моя-та ягодиночка лежит в земле сырой.

* * *

Паровоз пары пускает, по дороженьке бежит.
Собирайтесь, ребята, в Красну Армию служить.

* * *

Девушки, война, война идёт аж до Урала.
Девушки, весна, весна, а молодость пропала.

* * *

Девушки, война, война, девушки, победа.
Нам остались с тобой три старенькие деда.

* * *

Девушки, девчоночки, не будьте гордоватые,
Любите раненых ребят, они не виноватые.

* * *

На войну милый уехал, мой платочек у него.
Ну и пусть он утирается, любила я его.

* * *

На войне, на войне, на войне, на фронте,
Пули, мимо пролетайте, милого не троньте.

* * *

Сяду я, поеду я по морю ледовитому,
Проплыву, на грудь паду милёночке убитому.

* * *

Моего милёнка взяли на войну на дальнюю.
Меня, девушку, оставил на всю жизнь печальную.

Эх, раз что ли, сосна повыше ели.
Война заставила любить мальчика в шинели.

* * *

Как бы не было зимы, бураны не бурашили.
Как бы не было войны, милого бы не ранили.

* * *

Мой милёночек на фронте, его алое лицо,
Привалился на винтовочку, читает письмецо.

* * *

Сидит Гитлер в бочке, слёзы котятся,
Денег нету ни гроша, выпить хочется.

* * *

Я своёго милого на эроплане видела,
Бросил маленьку записочку: «Воюю, милая».

Мужские

Думал, думал — жить нельзя, передумал — можно.
По вечерочкам ходить надо осторожно.

* * *

Эх, топни нога, не жалея сапога.
Моя милая красива, только маленькая.

* * *

Ты зачем в больницу ходишь, сахариночка моя,
Порошки в кармане носишь, отравить хочешь меня?

* * *

Ой, зачем же я женился, ой, зачем же мне жена?
У моей-то у соседюшки, ох, карие глаза.

* * *

Ой, болит, болит сердечко, ой, болит ретивое.
Неужели не придёт на свиданье милая?

* * *

Мне не надо пуд муки, а одну горошину.
Мне не надо много девок, а одну хорошую.

* * *

Хулиган-мальчишка я, не любят девушки меня.
Только любят вдовушки, отчайные головушки.

* * *

Мою милку сватали, меня под лавку спрятали,
Я под лавочкой лежу, милку за ногу держу.

* * *

После Пасхи девки баски, после Троицы не так:
После Троицы расстроются и ходят кое-как.

* * *

Эх, лапти мои, тоненьки оборки.
То ли дома ночевать, то ли у Федорки.

* * *

По деревне мы идем, всем подарки раздаём,
Кому сына, кому дочь, надо девушкам помочь.

* * *

Вот она и заиграла двадцать пять на двадцать пять,
Вот она и загуляла, наша шаечка, опять.

* * *

Нам хотели запретить по этой улице ходить.
Стены каменны пробьём, по этой улице пройдем.

* * *

Эх, девчоночки, девчоночки, девчоночки на ять,
Ваши юбочки коротеньки, коленочки видать.

* * *

Вы зачем меня женили, пару коней маяли,
Вы зачем такую брали, кою люди хаяли?

* * *

Рыбочки, рыбочки, рыбочки, карасики,
Моя милка прогуляла золотые часики.

* * *

Запрягай-ка, тятка, лошадь самую мохнатую.
Я засватаю невесту самую богатую.

* * *

Дуся — имечко баское и хороший человек.
Ну, кому же эта Дусенька достанется навек?

* * *

Эх, моя калина, черёмуха, рябина,
Ёлочки, сосёночки, любите нас, девчоночки.

* * *

Раскудрявая берёза выше крыши тянется.
Моя милка по колхозу — первая ударница.

* * *

Соловей ты, соловей, золотая пташка,
Расскажи-ка, соловей, как живёт милашка.

* * *

Брат, работай, брат, работай, не надейся на меня.
У тебя жена и дети, у мня милочка одна.

Хулиганами родились, хулиганами растём.
Хулиганские головушки, нигде не пропадём.

* * *

Ты, сорока-белобока, научи меня летать,
Невысоко, недалёко, прямо к милке на кровать.

* * *

Не играй, гармошка, звонко, спит милашечка моя,
В чистой комнате на коечке, забыла про меня.

* * *

Ты нечисто метёшь, новая метёлка.
Ты не любишь меня, красивая девчонка.

* * *

Ты нечисто метёшь, только подметаешь.
Ты не любишь меня, а только завлекаешь.

О жизни, о работе

Мамочка неродная — похлёбочка холодная,
Если б родная была, щи горячи налила.

* * *

Девушки-белянушки, пойдёмте на полянушки,
Скоро бабы будете, полянушку забудете.

* * *

Я на тракторе пахала, сердце прыгало внутри,
От других отстать боялась, оказалась впереди.

* * *

Стань-ка, мамонька, пораньше, посмотри на зорюшку,
Дочь на тракторе вспахала всё колхозно поляшко.

* * *

Я на тракторе пахала, на высокой лошаде,
На ходу письмо писала, ягодиночка, тебе.

* * *

С неба звёздонька упала, самолёт крылом задел.
Наш герой Валерий Чкалов над страной пролетел.

* * *

Гавински, гавински, гавинские ямочки,
Как я буду забывать гавински гуляночки.

* * *

Сирота я сирота, нет матери-отца,
Родила меня комлатая колхозная овца.

* * *

Ох, ты, мама, как тебе меня не жаль?
Посадила на машину и сказала: «Поезжай».

* * *

Мелюхино, Мелюхино — весёлое местечко.
Не ходила бы сюда, болит моё сердечко.

* * *

Рудаково, Рудаково, Рудаково урожай.
Кому кочется жениться, в Рудаково приезжай.

* * *

Как мартыновски ребята высоко себя ведут,
Из ключа водой напьются, будто пьяные идут.

* * *

Не ругай меня, мамаша, я не вековая,
Скоро буду у тебя гостя дорогая.

* * *

Я иду, иду домой, мать качает головой:
«Ненагульна моя дочень заявляется домой».

* * *

Интересно тебе, милый, мои годы узнавать.
Тебе хочется жениться, мне охота погулять.

* * *

Ты играй, полубаян, звонкая тальяночка,
Ушла молодость моя, весёлая гуляночка.

* * *

Мама, стряпай пироги, последню зиму береги.
Мама, стряпай шанежки, нам с тобой растаньюшки.

* * *

Эх, мать, моя мать, перестань меня ругать.
Семерых любить не буду, одного не миновать.

* * *

Хорошо на Каме жить, ходят пароходики,
Незаметно пролетят молодые годики.

* * *

Пой, подруженька моя, подруженька активная,
Никогда не надоест работа коллективная.

* * *

Голубые шарики под коечкой катилися.
Подруга, пой, не унывай, не унывать родилися.

* * *

Эх, дороженька, дороженька, дугой, дугой, дугой,
Не по этой ли дороженьке уехал дорогой?

Старый месяц на исходе, новый зарождается.
Кто работает в колхозе, хлебом не нуждается.

* * *

Кругом поле, кругом поле, а на поле трактора.
Неужели я не буду трактористкою сама?

* * *

За мной трое, за мной трое, за мной трое, не один:
Председатель из колхоза, счетовод и бригадир.

* * *

Ох, и, трактор мой, тракториночка,
За рулем-то сидит ягодиночка.

* * *

На меня наговорили, на меня набаяли,
Понапрасные слова на солнышке растаяли.

* * *

Некрасивая родилась, красоту не покупать.
Некрасива да счастлива: стали трое завлекать.

* * *

Запевай, моя подруга, запевай, мой самолёт,
Кроме нас с тобой, любимая, никто не запоёт.

* * *

Эх, лапти мои, лапотюшечки,
До чего же хороши, как игрушечки.

* * *

Выхожу и начинаю первую начальную.
Не могу развеселить головушку печальную.

* * *

Вон машина идёт, машина грузовая.
Интересно мне узнать, номером какая.

* * *

Меня сватали, не отдали в семейство милому.
Видно, я не надоела тятеньке родимому.

* * *

Если б были крылышки, я бы улетела,
Высоки горы, тёмный лес я бы не задела.

* * *

На родимой-то сторонке сядне праздник годовой,
Родна маменька помянет: нету дочери родной.

* * *

Подружка, пляши да не жалея калоши,
Пускай говорят, что мы нехороши.

Хозяин золотой сенокосит, хлебы жнет,
Он богатенько живёт, нам жениться не даёт.
Дуню косить, Настю жать, а меня снопы вязать.

* * *

Мы, подруженька, с тобой, все с тобою и с тобой.
Только вечером не вместе: ты на пару, я домой.

* * *

Эта речка неглубока, на дне видны камушки.
Наши девки не гуляют, записались в бабушки.

* * *

Разлюбезная товарка, выходи на парочку,
Выходи, не подводи любимую товарочку.

* * *

Носовой платочек беленький порву напополам,
Я сама любить не буду и подруженьке не дам.

* * *

Я пою, я пою, я пою и вою,
Своему сердечiku не даю покою.

* * *

Хорошо ли я уселась, хорошо ли я сижу?
Не мешаю ли, подруженька, твоему милому?

* * *

Задушевнoй-то подруженьки не стало у меня,
Стало некому рассказывать секретные слова.

* * *

Ты, подружка, дроби, дроби, я уж подробилася.
Ты, подружка, люби, люби, я уж налюбилася.

* * *

Сиротею, сиротею, сиротею, да не я,
Сиротеет задушевная подруженька моя.

* * *

Не смотрите на меня, глазки поломаете.
А потом своё сердечко до смерти намаете.

* * *

Незаятая девчоночка хожу, хожу, хожу.
Незаятого милёночка нигде не нахожу.

* * *

Ты играй, гармонь моя, сѣдни тихая заря,
Тихая зариночка, услышит ягодиночка.

* * *

Сине море глубоко, я его не мерила.
Что мне милый говорил, я ему не верила.

* * *

Ой, по линии, по линии, по линии вода.
Незаметно пролетают мои юные года.

* * *

Сирота я, сирота, сиротка не одинова:
Сначала мама померла, потом забрали милого.

* * *

Всё бы пела, всё бы пела, всё бы веселилася,
Чем сироточкой остаться, лучше б не родилася.

* * *

Эх, домой, эх, домой на машине паровой.
Здравствуй, улица широка и милёнок дорогой.

* * *

Скоро ли закончится неделя семиднёвная?
Завела милёночка, не спится ночка тёмная.

* * *

Милая мамашечка, я теперь монашечка:
Чёрно одеяние, пусти-ка на гуляние.

* * *

Развалилися у речки берега неровные,
Пропадают у меня вечера любовные.

* * *

Незанятая девчоночка, всегда песни пою.
Люди добрые подумают, без горяшка живу.

* * *

Гуляю я, гуляю я, четыре брата у меня,
Четыре брата, пятая, гуляю не занятая.

* * *

Попляшите вы, ботиночки, носочки алые.
Я бы тоже поплясала, да годочки малые.

* * *

На чужой сторонuşке солнышко не греет.
Нет родимой мамоньки, никто не пожалеет.

* * *

Я пою, я пою, пою не напеваюся.
Я не летом, дак зимой куда-нибудь деваюся.

* * *

Дорогому надо модницу, а я не модница.
Ему надо не колхозницу, а я колхозница.

Я плясать-то не умею, мало-мало топаю.
Потому что не умею, тяжело работаю.

* * *

У меня голоса нет, нет и не бывало.
До семнадцати лет сердечко не нывало.

* * *

Ох, и скоро ли я городская буду?
На тяжёлую работушку я ходить не буду.

* * *

Не посвистывай, машина, не обманывай меня,
Без тебя, машина, знаю, что чужая сторона.

* * *

Ты не пой, ты не пой, у ты голос не такой.
Есть такие голоса, поднимают волоса.

* * *

Где-то, где-то заиграли, где-то забаянили.
Не по нам пришли ребята, только лавки ранили.

* * *

Жарко было, жарко было, а тепере холодно
Жалко было, жалко было, а тепере всё равно.

* * *

Не одна в поле канавка, не одна и луженька.
Не одна страдаю я, страдает и подруженька.

* * *

Не кукуй, кукушечка, не кукуй, горбатая.
Я теперь ударница, я теперь богатая.

* * *

Не ругай меня, мамаша, не ругай меня, отец,
На работу я ленива, а плясать я молодец.

* * *

Голубые васильки по полю раскатились,
Вот и мы, подруженьки, в гости прикатились.

* * *

Девки, пойте прибаутки, а я буду подпевать,
Через поле яровое будем парочкой гулять.

* * *

Девушки, девчоночки, ссориться не надо.
Ребята сами выберут, кому какая надо.

* * *

Тополя вы, тополя, навалились на поля.
Мне такого парня надо, боевого, как и я.

На что мамонька родила, на что такое горюшко?
Посадила бы в корзину, утопила в морюшко.

* * *

Не ругай меня, мамаша, не ругай так грозно,
Ты сама така была, приходила поздно.

* * *

Мама, мама, мамонька, я уже не маленька.
Восемнадцатый годок, купите шёлковый платок.

* * *

Раньше мамонька ругала, а теперь ругаешь ли?
Не сидишь ли у окна, меня не дожидаеть ли?

* * *

Встань-ко, мамонька, пораньше, послушай на заре:
Не твоя ли дочка плачет на чужой-то стороне?

* * *

Пьяная, пьяная, пьяная напьюся,
Советская власть — мужа не боюся.

* * *

Через речку быструю журавли летели.
Хоть и этак хоть и так, мы вас перепели.

* * *

Голос был, голос был, куда голос делся?
В чистом поле далеко к берёзке прилепился.

* * *

Шире круг, шире круг, у меня восемь подруг.
Самая любимая подруга Дуся, милая.

* * *

Вы не бейте меня, не ругайте меня.
Если я вам надоела, вы отдайте меня.

* * *

Мы, подруженька, с тобой, обе сиротели:
Наши ягодиночки далёко улетели.

* * *

На машинушку садилась, вешала головушку.
Повезла меня машина на чужу сторонушку.

Частушки на коми-пермяцком языке

Абу ни эд ме учётик
Видз вылын котрасьны
Талун, ме видзчися, — талун
Локтасö корасьны.

Голубой тэ чышьян,
Тов вылын макайтан.
Милый тэ менам,
Последный год гуляйтан.

* * *

Пыр ме горза,
Пыр менам синва петö.
Пыр ме тöжда,
Пыр менам сёлöм потö.

* * *

Виль пальтосö ме пасьтала,
Чышьянала шоньт шаль,
Муна милöйлö висьтала:
Он любит, дак абу жаль.

* * *

Петух пос вылын китсасьö,
Нывка йөр вылын пукалö,
Зонка гармонняён орсö,
Нывка голосён горзö.

* * *

Коля пес поткötö,
Ме поленица тэча,
Менö милöйö окалö
Сы пора ме шоччися.

* * *

Боевойсь мийö быдмам,
Уна песня төдамö.
Тэнö, милöйос, любимöй,
Каждöяс сьылöтамö.

* * *

Мама, осьт öшынтö,
Менам юрö висьö
Эн бөбөтчы тэ, дитя,
Тэнö другыт видзчисьö.

* * *

Мый нö тийö, нывкаэз,
Сулалат разстроеннойсь.
Тийö эд серавнытö,
Миянös недостойнойсь.

* * *

Ой, кытшом тоска,
Кытчо бы ме воштиси.
Ой, ой, некин оз тод,
Мый понда тождиси.

* * *

Кор сибалис пемыт ойыс,
Милдойкот пантасимо.
Мымда небоас звездаэс,
Сымдаись окасимо.

* * *

Сейи бы ме ягодсо
Самой спелойсо.
Ме бы зонкасо любити
Самой смелойсо.

* * *

Ме муна, ме муна,
Ме муна ыложык.
Ме муна и адззыла,
Кинос любити оджык.

* * *

Ме бы ягодсо сёя
Веросовойсо.
Ме бы зонкасо любита
Медвеселойсо.

* * *

Орс, гармоння, алэй мех,
Голосыт малина.
Ог янсотчо тэкот век,
Миллой сэтурсина.

* * *

Ме шорала, ме шорала
Розовой запонсо.
Ме оддён ни эд радейта,
Зоя, тэнчит зонто.

* * *

Алэй ковта ме пасьтала,
Чышьянала шоныт шаль.
Муна миллойло висьтала,
Он любит, дак абу жаль.

Мича, мича эта рытыс,
Только невна кӧдзытӧв.
Басӧк, басӧк менам милӧй,
Только невна учӧтӧв.

* * *

Ой, том кыздӧй,
Томӧн тай пӧрӧтӧмась.
Ой, том нылӧй,
Томӧн тай ылӧтӧмась.

* * *

Муна берег дорӧ ме,
Баддесӧ чеглала.
Лӧз каймиа чышьяноксӧ
Милӧйлӧ козьнала.

* * *

Кӧр куш галя вылын быдмас
Турунок зелёнӧй.
Сэк и ме тӧнӧ вунӧга,
Зонка чернобровӧй.

* * *

Кисьтӧс, кисьтӧс крут зэрок,
Радуга мыччисис.
Мыля милӧй тӧн эн лок,
Ме тӧнӧ видзчиси.

* * *

Тӧда, тӧда, кин локтӧ,
Кинлӧн эта походкаыс.
Чочком кизя, лӧз йӧрнӧса,
Менам тай залёткаыс.

* * *

Поезд мунӧ да шумитӧ,
Голубӧй вагоннӧз.
Флотын милӧйӧ служитӧ,
Ысталӧ поклоннӧз.

* * *

Менам ӧддӧн кузь чикисьӧ,
Кок бердам катгисьӧ.
Гармонист менӧ любитӧ,
Баянист вӧтлӧсьӧ.

* * *

Лѳз цветокыс син гажѳтїс,
Иньва дорын быдмїс лѳн.
Менчим сьѳлѳмѳс вѳрзьѳтїс,
Иньва сайїсь басѳк зон.

* * *

Ме пинялї, ме пинялї,
Некинлѳ меряйтны.
Бригадирыс мунѳма
Логгезѳ гуляйтны.

* * *

Кытѳн мийѳ оламѳ,
Кытѳн мийѳ уджаламѳ.
Тукачѳвскѳй базаас,
Кероккесѳ катляламѳ.

* * *

Ѳшын вевдѳрын стакан,
Сэтчѳ усьѳм таракан.
Чем гармонщикѳс любитны,
Лучше босьтны сарафан.

* * *

Мама вод, мама вод,
Ме тѳнѳ шебрала.
Вон гармонщикыс мунѳ,
Ме сїѳѳ кольлала.

* * *

Лок, подружка, пуксы бокам,
Сьыламѳ да сьыламѳ
Мымда ѳнї ми гажѳтчам,
Сымда и адззыламѳ.

* * *

Юсьва, юиньѳй, юок,
Ылїсянь тыдалан.
Тѳнат ваыс эд пыдын,
Быдѳннымѳс юкталан.

* * *

Юсьва дорѳт ме ветлѳта,
Горадуллесѳ ѳкта.
Ѳтїк дума ме думайта,
Сьѳдсинокѳс бѳбѳта.

* * *

Купеццес татён Юсьваас
Торгуйтисё товарён.
Кодё отир киён керис,
Нылё дёнзис даром.

* * *

Юсьва шёрын вёлі вичку,
Колокол звонитёма.
Этё челядьянь народ
Еныслё веритёма.

* * *

Юсьва быдмё, богатсялё,
Мунё стройка отирлён.
Эта менам вёра край,
Эта менам Родина.

* * *

Юсьва шёрын мунё стройка,
Школа вильё лэбтёны,
Сэтён визыв челядэккез,
Пондасё велётчыны.

* * *

Юсьва му вылын народ
Боевёйёсь тёдчёны.
Нія кужёны уджавны,
Кужёны гажётчыны.

* * *

Менё мамё любитё,
Шатьён уважайтё.
Тятё полатын куйлё,
Ременьён страшшайтё.

* * *

Мама, осьт ёшынсё,
Менам юрё эд висьё.
Эн бёбётчы тэ, дитятко,
Тэнё другыт видзчисьё. (повтор)

* * *

Вон машина пёльтис-мунис,
Сия рытнас бергас бёр.
Машинист сэтён томыник,
Сия менам сёлёмшёр.

* * *

Хоть гуляйт, баитоны,
Он гуляйт, баитоны.
Понда ёнжыка гуляйтны,
Ась эшö баитоны.

* * *

Сьёлём висьö, сьёлём висьö,
Ачым ог тöд, мый понда.
Эм кытöнкö басöк зонка,
Да, наверно, сы понда.

* * *

Тэ, подружка, тöдан, он,
Менö любитоны кык вон.
Кöть веритан, он верит,
Ме некöдö ог любит.

* * *

Кык подружка мунöны,
Мунöны, споритоны.
Мунöны, споритоны,
Öтiкö любитоны.

* * *

Ме пукалi, ме пукалi,
Кочкаэс коласын.
Менам милöй медбасöк,
Зонкаэс коласын.

* * *

Ме некöр эг думайт,
Иньва саяс вуджны.
Ме некöр эг думайт,
Милöйкöt янсаvны.

* * *

Голубöй чышьянсö оз ков,
Сiя чожа лeняйтö.
Гортiсь кавалерсö оз ков,
Сiя чожа лöгасьö.

* * *

Данина деревняас,
Сiсьмöм кер валяйтчö.
Öтiк басöк зонка эм,
Да сiя задавайтчö.

* * *

Йӱкты, йӱкты тэ, подружка,
Йӱкты, меным эн лӱгась.
А чаркиэтӱ жалейтан,
Дак нинкӱммезӱн кӱмась.

* * *

Чочком, тэ, чышьян,
Тӱв вылын макайтан.
Милӱй, тэ менам,
Последнӱй год гуляйтан.

* * *

Дураз, дураз,
Дураз ми кыкӱн,
Сьӱдсинкыма Ванюсӱ
Любитамӱ ми кыкӱн.

* * *

Кӱбы тӱдӱ, Иньва пыдын,
Эг бы ме купайтчы.
Кӱбы тӱдӱ, милӱй чапкас,
Эг бы занимайтчы.

* * *

Одззасясӱ времӱсӱ,
Этӱ бы бӱр ме бергӱтӱ.
Одззасясӱ милӱйсӱ,
Этӱ бы дыр ме любитӱ.

* * *

Ог вунӱт сӱйӱ тӱексӱ,
Кытӱ томнам ветлӱтӱ.
Ог вунӱт ассим милӱйӱс,
Кӱдӱ томнам любитӱ.

* * *

Милӱй гӱтрасян и каитчан,
Касьтылышлан менӱ.
Босьтан ылӱсьӱ и басӱкӱ,
Видзӱтыштлан менӱ.

* * *

Подруга, сьыв, подруга, сьыв,
Кӱр тӱнӱ сьылӱтӱ.
Кӱр жӱник саят мунап,
Песнясӱ вунӱтан.

* * *

Медбы гажтöмыс эз кут,
Частушкаэз ме сьыла.
Сьöлöмшöрöс ог вунöтчы,
Ой и лун касьтыла.

* * *

Милöй Армияö мунис,
Эз тшöкты тöждисьны.
Сети ассиям ме кыв,
Куим год видзчисьны.

* * *

Милöй Армияö мунис,
Ме эд сийö эг кольлав.
Одзза рытас ме закажити:
Письмоэсö ыстав.

* * *

Милöй Армиясянь гижö,
Гуляйт, эн гажтöмтчы.
Кöть кинöс метöг любит,
Но менö эн вунöтчы.

* * *

Меным милöй изменитис,
Изменитис рыт кежö.
А ме сьлö изменита,
Изменита пыр кежö.

* * *

Милöй Армияö мунис,
Ог понды тöждисьны.
Понда сьывны, йöктыны,
Локтöдззас видзчисьны.

* * *

Менам милöй гармонист,
Ачым песельница.
Сия орсö, ме сьыла,
Олам мийö весела.

* * *

Ох и ме, ох и ме,
Ох и ме красотка,
Вури милöйлö кисет,
Петöма испотка.

* * *

Порсь, порсь, менö босьт,
Хоть он босьт, дак муна.
Тэнат коккез дженытöсь,
Дöра етша мунас.

* * *

Дорогöйыс менö чапкис,
Дорогöйлö ме ог ков.
Дорогöйсö ме бöбöта,
Эшö 37 разов.

* * *

Эта речка абу пыдын,
Галькаэс тыдалöны.
Менам милöй абу ылын,
Öшыннэс тыдалöны.

* * *

Ох, и дура ме вöли,
Милöйкöt лöгалимö.
Көр мийö янсалимö,
Сэк быдöс казялимö.

* * *

Милöй тэ менам,
Кытшöм эд тэ рамыник.
Любитан тэ менö,
Ачыт эшö томыник.

* * *

Ме шöралі, вурны мöда,
Алöй шолкись ковтасö.
Ылісянь ме öни тöда
Милöйлісь походкасö.

* * *

Кымөр кайö, кымөр кайö,
Ог тöд, зэрас или оз.
Милöй локтö, милöй локтö,
Ог тög, кежас или оз.

* * *

Кымөр кайис, кымөр кайис,
Кымөр кайис да зэрис,
Милöй локтіс, милöй локтіс,
Милöй локтіс да кежис.

* * *

Ме пинялі, ме пинялі,
Некинлө меряйтны.
Бригадирыс мунӧма
Логгэзӧ гуляйтны.

* * *

Подружка менам,
Кыз тэныт не стыдно:
Ме любиті, тэ мырддин,
Думайтан, не обидно?

* * *

Эта кинлӧн керкуыс
Биокыс тыдалӧ,
Не менам ли милӧйыс
Пызан саяс пукалӧ?

* * *

Голубӧйӧсь тэнат синнэз
И кудрявӧй тэнат юр.
Лок жӧ ме дынӧ матӧжык,
Ме баита тэкӧт дыр.

* * *

Лок, подружка, пуксям рядом,
Сыламӧ да сыламӧ.
Талун рытнас ухажорресӧ
Кинліськӧ мырддямӧ.

* * *

Ох ма, том детина,
Тӧн ме рад вӧлі ӧддӧн.
Басӧк нывка-героиня,
Мекӧт бура йӧктіс тӧн.

* * *

Лэдзчам видззэз вылӧ мийӧ,
Керам цветтэзісь букет,
Индам Сталинлӧ ми сійӧ
Гажа сьӧлӧмсянь привет.

* * *

Коми му кузя ме муна,
Сьӧлӧмӧ радуйтчӧ.
Муыс сюа да туруна
Быд рӧмӧн красуйтчӧ.

* * *

«Хулиганнэз, хулиганнэз,
Мый тiянлö колö.
Кыдз тiянлö нем не шуны,
Тийö од и полö».

* * *

Вон машина пöльтiс-мунiс,
Сiя рытнас бергас бөр.
Машинист сэтöн томыник,
Сiя менам сьöлöмшөр.

* * *

Менö шуöны быдөн,
Басöка пö олан.
Ме колхозница эд öнi,
Сiдз и овны колö.

* * *

Менам кокам виль чаркиэз,
Вылам платьe голубöй.
Ме томыник нывкаокыс,
А уджавны боевöй.

* * *

Менö мамö видö пыр,
Мыля рытнас дыр ог пыр.
Ветлöта ме гуляйта,
Аслым милöй смекайта.

* * *

Кыдз гармошка паськалö,
Сiдз и кокö лöсялö.
Кокнам топ, кинам шовк,
Абу горе, абу шог.

* * *

Гармонняэнас орсöны,
Басниэзнас баситöны.
Не мян дын вовлöны,
Деревнясö гажётöны.

* * *

Ох, и сьылi бы ме,
Голос менам абу.
Ох, любитi бы ме,
Милöй менам абу.

* * *

Бура тійö орсатö,
Чунёккезöн вөрöгатö.
Висьгалö тi барышнясö,
Кöдакöt ветлötатö.

* * *

Песня сьыла, песня сьыла
Ась горалö пемыт вөр.
Медбы кыліс да вежөртіс,
Менам милöй сьөлөмшөр.

* * *

«Менам милöйыс абу,
Мый ме понда керны.
Чер босьта, вөрö кая,
Пуись понда керны».

* * *

Кытчö тійö мунатö,
Мыля мянös колятö.
Эдö те кольö те,
Сьöраныт нуötö те.

* * *

Менам платьеыс талун
Голубöй цветока.
Тэ висьтав, любитан он,
Голубöй синока?

* * *

Гуляйтi, ме, гуляйтi,
Гуляйтöмыс эз пет.
Зэлötлі бы сьөлөмös,
Медбы вирыс эд пет.

* * *

Кыз ми пондам овнытö,
Ой-лунсö чулötнытö.
Этшшöм гажа луннэсö,
Этшшöм мича ойесö.

* * *

Кытчö тійö мунатö,
Мыля мянös колятö.
Гажа луннас оз уджöt,
Мича ойнас оз узьöt.

* * *

Кымөр кайис, кымөр кайис,
Сьод кымөрыс вермис,
Көр Германия воюйтис,
СССРыс вермис.

Частушки «Старость не радость»

Кинлөн киэз золотойоьсь,
Сылө слава и почёт.
Сия уджын и семьяын,
Лоас медлюбимой морт.
* * *

Одззасясө времёсө,
Этө бы ме бергөти.
Одззасясө милөйсө,
Этө бы ме любити.
* * *

Ой, годоккез, ти, годоккез,
Кытчө ти тэрмасытө.
Кызди борда кайез жө,
Лэбзятө-одззясятө.
* * *

Мый, подруга, сідз ветлөтан,
Али туйсө тэ волькөтан.
Одзжык пөльтін кызди төв,
Оні лыддян быд оськөв.
* * *

Көркө сідз баитис Варя,
Ме пө тополь, ме пө ныв.
Оні сідз горбыльгчис Варя,
Невна мусө чуть оз ныв.
* * *

Лок, подруга, сувтчы бокам,
Песнясө поткөтамө,
Песнясө поткөтамө,
Да горесө вунөтамө.
* * *

Овны пондім вильмоза,
Няньсө сөямө уна.
Невна юамө вина,
Медбы вөлі спорина.

Кузьмич Санолон гармонь
Веселитис дос народ.
Они Санолон гармонь,
Куйло джаджын оз пикос.

* * *

Дед Василий воли стройной,
Кызди читкыля кызок.
Но олан сийо порисьтис,
Эз ло садь и эз ло прок.

* * *

Одзык пыр жонико видис,
Что те умоль менам инь.
Они лои порись, дыш,
Да эшо вина юись.

* * *

Удж адззисьо коть кытон,
Весь пукаламо быдон.
А сеяныс лукасов,
Сэтис пот некор он вов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

В Приложении 1 приводятся с толкованиями слова, зафиксированные как в русской, так и в коми-пермяцкой речи (многие из них использованы в публикуемых в сборнике рассказах и комментариях носителей традиции).

Словарь местных слов и выражений

Бездушница — о женщине, которая делала аборт.

Безмолитвенник — некрещёный, неверующий человек.

Бог Спорина! — слова, которые говорятся при окончании страды (сенокоса, уборки урожая).

Борода — место в улье, под прилётной доской, где сидят пчёлы в дождливую погоду.

Вёшала — жерди для сушки льна

Вакулята — чертята, а также персонажи рождественского ряженья.

Вечерняя свадьба — вечер накануне дня свадьбы, когда топили баню для невесты; то же, что вечерня.

Взятный (хлеб) — вкусный.

Вичка — венчание.

Голявик — водящий в игре.

Гостимо — временно.

Дарма — деньги от подаяний на похоронах, которые нужно израсходовать только на поминки покойника; то же, что дорожные деньги.

Девичий ребёнок — ребёнок, родившийся у незамужней.

Длинноязыкий — болтливый.

Домóвник — домовой.

Дорожные деньги — деньги от подаяний на похоронах, которые нужно израсходовать только на поминки покойника.

Жу́бриться — жевать (о корове).

Завёртка — веревка из мочала, лыка, соединяющая сани и оглобли, то же, что завертка.

Заветное (дерево) — заговоренное.

Западня, западёнка — подполье и настил над входом в подполье.

Заплётка — вид причёски, косичка.

Запяток — пятка лаптя.

Засиду́ха — старая дева.

Зу́бриться — жевать (о корове).

Катки́ — горки, которые строили на Масленицу.

Кокóш — то же, что кокошник.

Колдунáть — колдовать.

Комарная неделя — неделя накануне дня Петра и Павла.

Коский — твёрдый, жесткий (о валенках)

Кошка — переносно о старой кости животного, которую кладут на грядку при высадке капусты как средство от огородных вредителей.

Крестивать — крестить.

Кромить — строгать края досок.

Ку́льбуки — грибы кульбики (валуи).

Лежак — длинный улей.

Лёжка — деревянный настил под гроб.

Лесососны — деревья в сосновом лесу.

Лопатить — точить литовку.

Лутóха — липовая палочка с ободранной корой.

Малёнка — выдолбленное внутри гнилое дерево, используемое как сосуд.

Маточник — личинка пчел.

Мóршень — головной убор замужней.

Мытник — тот, кто обмывает покойника.

Надпыльник — маленькая шаньга с картошкой.

Начáть — думать, беспокоиться.

Ни кутьки ни тпрутьки — об отсутствии скота в хозяйстве, бедности.

Облóжка — первые четыре венца брёвен в основании дома.

Однорóдка — женщина, родившая в первый раз.

Окупень — охлупень.
Отказное блюдо — последнее блюдо на свадебном столе.
Отóпки — старые лапти.
Отчий — отчим.
Первородка — женщина, родившая в первый раз.
Петуха доставать — вырезать чело в битой печи, доставая положенное в печь при битье угощение.
Пимки — короткая обувь пимы, похожая на валенки.
Подпечек — нижний каркас печи.
Подстилка — половик, домотканый коврик.
Подус — белая жирная рыба подуст.
Подцёпок — оберег от порчи на шее у коровы в виде мешочка с солью, маком и зубчиком зимнего чеснока.
Покойнишная вода — вода после обмывания покойника.
Постариться — состариться.
Привой — ветка пихты на столбе, шесте для поимки вылетевшего роя.
Пригон — поскотина.
Притужальник — палка-рычаг, ограничивающая движения навоя и пришвицы в ткацком станке
Пришвица — передний вал ткацкого станка, то же, что привой (о ткачестве).
Ройня — рой пчёл.
Свояночка — свояченица
Смеваться — смеяться.
Собранка — помочи.
Соломенная вдова — женщина, которую оставил муж.
Станник — вертикальная ось, которая держит печь.
Стро́ица — то же, что Троица.
Хлебору́шник — скатерть.
Холостой дом — заброшенный.
Черни́ло — медвежий коготь.
Чесоточный веник — банный веник, заготовленные не в срок (раньше Иванова дня или позже Ильина дня).
Чистяк — тонкий березовый лист без шероховатостей.
Чудивало — о сильном ветре.
Шамшура — головной убор ичмоньки, молодой замужней женщины.
Шарок — поплавок.
Шконтить — забивать отверстие в бревне деревянным колом.

Словарь местных слов и выражений коми

Аканёк, акань — кукла из соломы.

Ан — деталь ткацкого станка, для крепления берда, то же, что набелки.

Ань — свекровка.

Арган (аргашик) — маленькая рыба.

Бан — кусок бересты, который кладут в гроб.

Бабища — припадки, болезнь.

Бабкуль (бёбкуль) — расшалившийся ребёнок, сорванец.

Баддя туй — ивовая дорога

Бадью завор — священная роща.

Байтё икота — о человеке, говорящем не своим голосом (буквально — говорит икота).

Бáлича — 1) плетёная верёвочка из шести овцы, которой подвязывали волосы невесты; 2) две косы невесты, уложенные вокруг головы.

Бáтшко — свёкор.

Бона — 1) связка брёвен; 2) то же, что бобыль, одинокий мужчина.

Бычка — о щетине, растущей в разные стороны, кустом

Вёришь — леший; то же, что и кулеман.

Вакуль — водяной; то же что кулюшун или шулюкун.

Вескыта туй — прямая дорога.

Витепыран (видзё пыран) — поминальный день в вос-
кресенье после Троицы.

Вёктёны кольваvны — обряд проводов души умершего
на сорок второй день.

Выс — пихтовые или еловые лапки, которые бросают
после гроба по дороге на кладбище.

Вёр чача — деталь ткацкого станка, то же что векошка.

Вёр — то же, что ниченки (о ткачестве).

Гор-крест — крестное знамение в лечебной практике.

Гыцы-нывка — о невесте девственнице.

Ганькерёс — высокая точка, совпадающая с началом
деревни.

Горадзуй — цветок, то же, что купальница.

Йёзай — свёкор; то же, что батшко.

Джагётчись — удушенный.

Джынняян — колокольчик на шее домашнего животного,
ботало.

Джоджув — погреб, нижняя часть изба для хранения овощей.

Домниш — муж, живущий в доме своей жены.

Ичмонь — 1) женщина в первый год замужества, молодуха; 2) две косы, покрытые платком.

Калян — дух банник; то же, что и кульпиан.

Катшасин — рассвет (из катша — сорока, син — глаза).

Кенак — жена брата, золовка; то же, что аяныв.

Кись — то же, что бердо (о ткачестве).

Корасиста — буквально «иди замуж», одно из обозначений сватовства.

Корсыны — ритуальное гостевание в праздник.

Колтъвидзан (кокидзан) — пасхальное украшение из соломы, то же, что мизгирь; то же, что и понакодёук (панакадило).

Касьтисян лун — поминальный день 9 мая.

Кудпыдѳс — название свадебного дня после брачной ночи.

Куль — черт.

Кулеман — леший.

Курмыш (кармыш) — последний, поздний ребенок в семье, то же что скоробыш, юрвердись.

Кѳз — елка.

Кыквичко — время от Рождества до Крещения, когда незамужних готовили к свадьбе.

Кыдз — берёза.

Лукасов — блюдо из зелёного лука и сырого яйца.

Майкосы — полотенце, которое используется в качестве оберега для коровы.

Мел (майѳв) — закваска для браги, пива, кваса.

Моршок (моршень) — головной убор замужней.

Монь — невестка.

Мыжа — порча.

Нальк — капкан (капкань).

Нинкѳм — лапоть.

Нывка-баня — баня накануне свадьбы для невесты, где ей расплетали косу.

Ош-лапа — печная лопата.

Падев — священное место.

Парадина — то же, что старая дева.

Патѳдж — урочище.

- Пистица** — оспа.
- Поднываны** — лесные дуплянки для того, чтобы держать диких пчёл.
- Поклон сетны** — поклоны могиле на кладбище.
- Понакодёук** — пасхальное украшение из соломы, то же, что мизгирь (искаженное панакадило).
- Потальян** — педаль ткацкого станка.
- Примыш** — о супруге, сыгравшем свадьбу не в родной деревне.
- Пым** — горячее при угощении.
- Пытшын** — передняя часть лаптей.
- Син бочка** — 1. тухлая рыба; 2. возвышение, сделанное из снега для игр в Масленицу.
- Ся съёкыт** — досл. «она беременная», о беременной женщине.
- Содром** — крыша на четыре ската.
- Слеука** — хмельная пенная пресная брага первого разлива.
- Сынаннэз** — чесалки для шерсти.
- Сюр** — рог.
- Такычан** — приспособление для трепания кудели.
- Тальны** — топтать, нажимать ногой на педаль ткацкого станка.
- Тёдись морт** — знающие люди, знахари.
- Туйшёр** — поле между двумя дорогами.
- Тупи-тап** — особое коми-пермяцкое хореографическое движение, элемент национального танца.
- Тяпкан туй** — хвойный лес.
- Усвоичина (усвоиться)** — вечер накануне свадьбы, когда жених и его родственники приходят в дом невесты, для того, чтобы окончательно договориться о свадьбе.
- Червонь** — верёвочки на лаптях.
- Черань** — паук.
- Чернял** — знающий человек, умеющий «зачерчивать» боль.
- Чикись** — коса.
- Чышкёт** — полотенце, на котором несут гроб.
- Чёлпан нёбётö** — досл. «челпан несёт» милостина, каравай хлеба, который отдают первому встречному при выносе гроба из дома.

Шоман — сажа, которой мажут первое крашеное яйцо на Пасху.

Шуррез — щетина на теле ребёнка от кочерги.

Щуры — куры.

Шутём — лес на месте пашни.

Ыджытвун — Пасха.

Ыжман — жимолость.

Ӧр — долбленое корыто, в котором катались с горы.

Приложение 2

Список основных информантов

с. Антипино

Баяндина Галина Григорьевна, 1935 г.р., Боталова Александра Фёдоровна, 1928 г.р., Боталова (Власова) Анна Алексеевна, Боталова Анна Андреевна, 1938 г.р., Боталова Валентина Петровна, 1936 г.р., Боталова Зинаида Владимировна, 1926 г.р.

с. Архангельское

Власова (Хорошева) Раиса Григорьевна, 1937 г.р., Караваева Лидия Ёгвевна???, Климова (Тарасова) Екатерина Васильевна, 1931 г.р., Климова Клавдия Игнатьевна, 1925 г.р., Кривошекова Анна Егоровна, 1929 г.р., Кривощёкова Елена Ивановна, 1964 г.р., Лунегова Нина Васильевна, 1936 г.р., Нешатаева Галина Александровна, Овчинникова Антонина Андреевна, 1936 г.р., Серина Людмила Ивановна, 1975 г.р., Чакилева (Щербинина) Таисия Николаевна, 1933 г.р.

д. Асаново

Исаков Георгий Яковлевич, 1925 г.р., Исакова Зинаида Георгиевна, 1952 г.р., Надымова (Исакова) Роза Николаевна, 1936 г.р.

д. Бажино

Баяндина Галина Васильевна, 1960 г.р., Баяндина Евдокия Алексеевна, 1930 г.р., Баяндина Зоя Романовна, 1947 г.р., Баяндина Татьяна Павловна (Боголюбова), 1941 г.р., Боталова Нина Григорьевна, 1925 г.р., Власова (Истомина) Валентина Прокопьевна, 1933 г.р., Можаяева (Боталова) Анна Яковлевна, 1951 г.р.

д. Баранчиново

Боталов Николай Васильевич, 1937 г.р., Вилесова Мария Васильевна, 1930 г.р., Казанцева (Ярусова) Александра Фёдоровна, 1929 г.р., Казанцева (Боталова) Зинаида Константиновна, 1931 г.р.

д. Белово

Попова Роза Александровна, 1926 г.р., Венслав Надежда Николаевна, Давыдов Владимир Григорьевич, 1944 г.р., Питкина Тамара Леонидовна, 1941 г.р., Кочергин Николай Иванович, 1927 г.р.

д. Верх-Мега

Котельникова Парасковья Николаевна, 1931 г.р., Селина Роза Петровна, 1942 г.р., Шипицына Анна Алексеевна, 1932 г.р.

д. Вижелово

Агишева (Рочева) Татьяна Петровна, 1932 г.р., Колыхматова (Селина) Александра Тимифеевна, 1935 г.р.

д. Гавино

Баяндина Мария Ивановна, 1954 г.р.

д. Ганёво

Гилёва (Овчинникова) Галина, 1960 г.р., Петрова (Ермакова) Антонина Васильевна, 1940 г.р.

д. Галяшер

Беляева Катерина Григорьевна, 1927 г.р.

д. Дмитриево

Баяндина (Боталова) Валентина Фёдоровна, 1927 г.р., Баяндина Роза Антоновна, 1937 г.р., Боталова Татьяна Ивановна, Боталова Анна Андреевна, 1938 г.р., Боталов Александр Яковлевич, 1929 г.р.

с. Доег

Аникин Александр Владимирович, 1952 г.р., Аникина Фаина Петровна, 1949 г.р., Козлова Анна Павловна, 1930 г.р., Мальцева Анна Ивановна, 1924 г.р., Мальцева (Баяндина) Жанна Павловна, 1941 г.р., Семушева (Селина) Анна Андреевна, 1939 г.р., Семушева Галина Васильевна, Семушева Галина Кузьмовна, 1963 г.р., Мальцева (Отимова), 1950 г.р., Шедова (Тарасова) Елена Семёновна

д. Елизавето-Пожва

Деменева П.Ф., 1921 г.р., Еникеева Н.И., 1949 г.р., Назукин Николай Петрович, 1929 г.р.

д. Иринёво

Боталов Василий Григорьевич 1936 г.р., Боталова Зоя Владимировна, Евдокия Григорьевна Боталова 1930 г.р.

д. Истер-Дор

Боталова (Савельева) Раиса Николаевна, 1926 г.р., Кривошекова (Баяндина) Галина Даниловна, 1940 г.р., Кривошекова Зинаида Анатольевна, 1957 г.р.

д. Казённая

Калина Лукерья Михайловна, 1934 г.р., Крохалева Екатерина Васильевна, Меняленко Анна Поликарповна

д. Калинино

Кривошекова Анна Федоровна, 1947 г.р., Кривошеков Василий Федорович 1934 г.р., Кривошекова Елена Ананьевна (Кривошекова) 1940 г.р., Петрова (Гордеева) Роза Григорьевна, Пушкина (Боталова) Ксения Николаевна, 1931 г.р., Зоя Ивановна

д. Капилино

Бурлакова (Долгина) Валентина Григорьевна, 1933 г.р., Дудин Алексей Фёдорович, 1931 г.р., Климова Маремьяна Никифоровна, 1922 г.р.

д. Кубенёво

Климова (Аксенова) Алевтина Александровна, Кривошекова Зоя Михайловна, 1930 г.р., Кривошекова Мария Константиновна, 1947 г.р., Петрова (Климова) Прасковья Спиридоновна, 1931 г.р., Савельева Татьяна Григорьевна, 1940 г.р.

с. Купрос

Боталова Мария Степановна, 1934 г.р., Бичкова Анна Григорьевна, 1930 г.р., Братчикова Мария Степановна, 1932 г.р., Бушуева Антонида Николаевна, 1926 г.р., Гордеева Людмила Николаевна, 1932 г.р., Мария Степановна Боталова, 1934 г.р., Швецова Александра Егоровна, 1924 г.р.

с. Крохалёво

Аксёнова (Кылосова) Зинаида Александровна, 1931 г.р., Аксёнова Мария Фёдоровна, Аксёнова Серафима Андреевна, 1930 г.р., Басуркаева Раиса Анатольевна, 1950 г.р., Бычкова Лидия Ивановна, 1927 г.р., Зырянова (Сырчикова) Мария Ивановна, 1926 г.р., Крохалева Вера Сергеевна, 1956 г.р., Крохалева Любовь Степановна, 1927 г.р., Лягаева (Нешатаева) Зоя Алексеевна, Рожка Ираида Ивановна, 1930 г.р.

п. Майкор

Безгодова Анфиса Александровна, 1926 г.р., Давыдова Анна Васильевна, Ивченкова Зинаида Ивановна, 1934 г.р., Неволина Клавдия Ивановна, 1921 г.р., Осинникова М. Г., 1924 г.р., Ошмарина Мария Прокопьевна, 1924 г.р., Шавшуков Борис Петрович, 1935 г.р., Шавшукова Галина Петровна, Шавшукова Лидия Тихоновна, 1939 г.р.

д. Макарово

Вилесова Евдокия Григорьевна, 1938 г.р.,

д. Малые Они

Мальцева Елизавета Ивановна, 1927 г.р., Онькова Алефтина Алексеевна, 1948 г.р.

с. Мелюхино

Казанцева Феодосья Филипповна, 1931 г.р., Кудымова (Обиринна) Мария Васильевна, 1932 г.р., Тарасова Анастасия Ивановна, 1927 г.р., Трубинова Зинаида Антоновна, 1931 г.р.

д. Мосино

Боталова (Гордеева) Ксения Петровна, 1924 г.р., Васькина Анна Николаевна, 1929 г.р., Пантелеева (Нешатаева) Анна Андреевна, 1932 г.р., Савельева Раиса Васильевна, 1947 г.р.

д. Мочга

Беляева Таисья Семеновна, 1932 г.р., Беляев Иона Петрович, 1932 г.р., Беляева Римма Михайловна, 1932 г.р., Мальцева Екатерина Васильевна, 1926 г.р., Механошин Геннадий Германович, 1937 г.р., Неволина Клавдия Ивановна, 1923 г.р., Спирина Ираида Григорьевна, 1941 г.р., Тяпугин Николай Григорьевич, 1946 г.р.

д. Мурмэс

Баяндина (Боталова) Ксения Михайловна, 1930 г.р., Боталов Василий Николаевич, 1933 г.р., Боталова Зоя Григорьевна, 1930 г.р., Боталова (Вещтемова) Лидия Семеновна, 1936 г.р.

д. Николаево

Селина (Дерябина) Мария Александровна, 1933 г.р.

д. Новоселово

Боталов Петр Матвеевич, 1936 г.р.

с. Они

Мальцева Мария Андреевна, 1926 г.р., Онькова Александра Фёдоровна, 1923 г.р., Онькова Валентина Алексеевна, Ошмарина Галина Васильевна, 1931 г.р.

д. Онохово

Семущева Зоя Егоровна, 1929 г.р.

д. Петухово

Баяндина (Котельникова) Анна Павловна, 1950 г.р., Баяндина Анна Павловна, 1930 г.р.

п. Пожва

Бандера Всеволод, 1928 г.р., Беянина Лидия Тихоновна, 1941 г.р., Виноградова Валентина Васильевна, 1937 г.р., Виноградова Ирина Васильевна, 1932 г.р., Еникеева Нина Ильинична, 1961 г.р., Запольских Алевтина Григорьевна, 1929 г.р., Корякина Нина Андрияновна, 1932 г.р., Котельников Василий Петрович, 1927 г.р., Котельникова Клавдея Егоровна, 1937 г.р., Назукина Зоя Георгиевна, 1931 г.р., Невolina Валентина Петровна, 1928 г.р., Неволин Виктор Леонидович, 1950 г.р., Постаногова Зоя Георгиевна, 1931 г.р., Херелова Александра Михайловна, 1922 г.р.

д. Пронино

Савельева (Власова) Аграфена Степановна, 1928 г.р.

д. Рудаково

Баяндина Анна Романовна, 1938 г.р., Боталова Раиса Михайловна, 1931 г.р.

д. Савино

Боталова (Мурзина) Екатерина Кузьмовна, 1924 г.р., Воронова (Боталова) Маргарита Васильевна, 1928 г.р.

д. Сивашер

Котельникова Анна Матвеевна, 1924 г.р.

д. Сыскино

Хорошева Мария Александровна, 1930 г.р.

д. Тараканово

Баяндина Анна Октябровна (Гордеева), 1950 г.р., Баяндина Мария Андреевна, 1939 г.р., Власова (Можаева) Юлия Ивановна, 1930 г.р., Ярусова (Бушуева) Раиса Петровна, 1926 г.р.

д. Терино

Тюляева Анна Ивановна, 1932 г.р., с. Тимино — Калина Анна Андрияновна, 1939 г.р., Калин Степан Григорьевич, 1939 г.р., Калина Раиса Ильинична, 1929 г.р., Харина Вера Валильевна

д. Трифоново

Боталова (Казанцева) Лидия Васильевна, 1925 г.р., Боталова Ольга Матвеевна, 1922 г.р., Кольхматова Татьяна Константиновна, 1933 г.р.

д. Урманово

Калина Августа Ивановна, 1939 г.р., Калина Галина Николаевна, 1936 г.р.

д. Федотово

Боталова (Баяндина) Валентина Васильевна 1925 г.р., Боталова (Баяндина) Зинаида Васильевна 1925 г.р., Власова Лидия Петровна, 1932 г.р., Власова (Кривощекова) Лидия Тимофеевна, 1937 г.р.

д. Харино

Бушуева Антонида Николаевна, 1926 г.р.

д. Хутор

Крылова Римма Ильинична, 1941 г.р.

с. Юсьва

Боталова Антонина Александровна, 1934 г.р., Боталова (Вилесова) Изольда Яковлевна, 1939 г.р., Казанцева Нина Александровна, 1929 г.р., Чечулина Екатерина Меркурьевна, 1925 г.р., Чичулина Ольга Николаевна, 1918 г.р., Ярусова Татьяна Ивановна, 1936 г.р.

д. Якшево

Мальцев Николай Сергеевич.

**Таб, иглы, пластины, катушки —
инструменты для плетения
рыболовецкой сети.
д. Рудаково**

**Фрагмент лечебной магии.
Камень Ильи Пророка,
Ен камень, Ен из.
с. Архангельское**

**Роза Антоновна Баяндина, 1937 г.р.
д. Дмитриево**

Бабука, курица-наседка с цыплятами на крыльях, изготавливали на день Сорока Мучеников, Сороки (22 апреля). Для каждого ребенка выпекали своего цыпленка. Лошадок с ножками из лучины стряпали на Рождество (7 января).

**Геннадий Германович Механошин,
1937 г.р.
д. Мочга**

Пыляны, тургун, изготавливали и дудели холостые парни
в Ильин день (2 августа).

**Елизавета Семеновна Селина.
с. Архангельское**

Сосны, обозначающие центральный вход
в с. Архангельское, образованное из двух деревень
Карпово и Власово.

Антонида Александровна Боталова.
с. Юсьва

Бранное ткачество и вышивка крестом на полотнце.

**Александра Егоровна Швецова,
1924 г.р.
с. Купрос**

Народный барометр. д. Дмитриево.

**Николаевская церковь.
с. Купрос**

**Клавдия Ивановна Неволина,
1923 г.р.
п. Майкор**
Завесь от мух. д. Мочга.

Елена Ивановна Кривошекова,
1964 г.р.
с. Архангельское
Круги, кругляши — домотканые коврики.
д. Новоселово

Мария Андреевна Мальцева,
1926 г.р.
д. Малые Они
Прялка.

**Дудин Алексей
Федорович, 1931 г.р.
д. Капилино**

Клетка для транспортировки
пчелиных маток по почте.
п. Майкор.

**Кистевая роспись по фасаду избы.
д. Пиканово**

**Мария Степановна
Баталова,
1934 г.р.
с. Купрос**

Мизгирь, коть веджан,
паникадило из соломы,
разноцветных ленточек
и фольги, изготавливаемый
на Пасху.

д. Пиканово.

**Похоронные лапти
без второго слоя
лыка и опушной.
д. Мочга**

Дорожка, лесенка из льна или овчинной шерсти. Изготавливали в день похорон и вязали одним концом к углу гроба, другим — к перекладине могильного креста, «в помощь душе».

д. Дмитриево.

**Ушакова Антонина Егоровна.
с. Архангельское**

ЮСЬВА — лебединая река

*Сборник трудов и материалов
по традиционной обрядности
Юсьвинского района*

Научный редактор

И.А. Подюков

Корректор

Н.Н. Хоробрых

ISBN 978-5-905653-09-4

Подписано в печать 10.10.2015 г. Гарнитура MinionPro.
Бумага офсетная. Формат 60х90/16.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 28.75. Тираж 500. Заказ.
Отпечатано ИП Сидоров В.В.
618540, г. Соликамск, ул. Молодежная, 15/8. Тел. 8 (90-247) 917-88.

